

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Ирина Дегтярева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Ирина Дегтярева

МОСКВА

ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА

УДК 355.1(470+571)
ББК 68.49(2Рос)
Д 26

Консультант
полковник С. С. КОЛЕСНИКОВ

*Автор выражает благодарность
за помощь в работе над книгой
В. Г. Чумакову, В. А. Фирсову, А. С. Перфильеву,
С. В. Бекетову, Э. Л. Филиппову, А. В. Кузьмину*

*В книге использованы фотографии
В. Николайчука, В. Титиевского,
Е. Герасимовича, И. Дегтяревой
из архива журнала «Братишка»*

*Некоторые имена и фамилии спецназовцев
в целях безопасности изменены.*

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

ISBN 5-235-02827-9

© Дегтярева И В , 2005
© Издательство АО«Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2005

*Посвящается светлой памяти
Героя России майора милиции
Виктора Матвеева
и всех спецназовцев, погибших
при исполнении служебного долга*

Спецназ... Сказать, что вот уже второе десятилетие это слово находится на слуху, — значит, ничего не сказать. Оно стало ассоциативным, поскольку сразу же всплывает в памяти, как только речь заходит о силовых структурах и ведомствах. Не берусь утверждать, что по количеству подразделений спецназа Россия «впереди планеты всей». Но они есть и в ФСБ, и в МВД, и в МЧС, и в ГРУ, и в ВДВ, и в Минюсте, и конечно же во внутренних войсках. Вместе они — огромная сила. И, к сожалению, работы хватает всем.

С незапамятных времен люди, воюя, использовали в бою тактические приемы, которые в настоящее время весьма эффективно применяет спецназ. Достаточно вспомнить, что в Ледовом побоище на Чудском озере победу Александру Невскому принес засадный полк. На Востоке создавались целые отряды профессиональных воинов-лазутчиков. Популярны ныне, благодаря кинематографу, ниндзя уже в далекой древности обладали уникальными методиками скрытного проникновения на объект, маскировки, физической и духовной концентрации и восстановления. Пешие казаки пластунских полков были в русской армии и разведчиками, и «стрелками на выбор» — по офицерам, орудийной прислуге, вестовым... По Войсковому Положению 1842 года, пластунов даже признали отдельным родом в Черноморском войске. Действовали они

обычно мелкими группами — от трех до десяти человек — воистину, не числом, а умением, искусно используя местность и делая ставку на точный ружейный огонь. С раннего детства приученные к трудной и опасной службе, казаки-пластуны считались в русской армии прекрасными разведчиками и снайперами, а в мирное время несли пограничную службу. Исследователь казачества Д. Кошкарев писал в начале XX века: «Еще запорожцы в днепровских камышах залегали пластом, высматривая подолгу то татарский чамбул, то неприятельский разъезд... Когда неприятель наступал слишком быстро и в больших силах, пластуны палили “на гасло”, на тревогу. В наблюдении за неприятелем они зорче и дальновиднее сторожевых вышек, хоть и не так высоко, как эти последние, поднимают голову... Во всех обстоятельствах боевой службы пластун верен своему назначению. На походе он освещает путь авангарду; или в цепи застрельщиков изловчается и примащивается, как бы вернее “присветить” в хвастливо гарцующего наездника; или, наконец, бодрствует в отводном секретном карауле за сон ротного ночлега. В закубанском полевом укреплении он вечно на поисках по окрестным лесам и ущельям».

Но это все — исторические параллели. Современный же спецназ, каким мы привыкли видеть его сегодня, появился в середине XX века. Подразделения командос, созданные на Западе, для наших разведчиков-диверсантов, сухопутных и подводных, были первыми «ласточками» на пути формирования сил специального назначения. В тот период появился и специальный транспорт для доставки групп в глубокий тыл противника с целью ведения разведки и диверсий, и средства связи, позволяющие штабам оперативно получать разведывательную информацию от них, а также руководить их деятельностью.

Если говорить точнее, то бурное развитие спецподразделений относится к началу пятидесятых годов. После Второй мировой войны важнейшим фактором, определившим боевое применение всех сил и средств, стало ядерное оружие вкуче со своими носителями. Своевременное обнаружение и выведение из строя подоб-

ных стратегических смертоносных объектов и стали одной из главных задач всех регулярных вооруженных сил. В 1950 году советское руководство приняло важнейшее политическое решение о создании регулярных специальных подразделений, предназначенных для действий в тылу противника. 24 октября того же года на основании директивы министра обороны началось формирование рот специального назначения. Именно этот день считается официальной датой рождения спецназа Вооруженных сил Российской Федерации. В 1951 году было сформировано 46 рот специального назначения. Позже, в 1957 году, появились отдельные отряды, а в 1962 году — и бригады специального назначения.

В течение последующих десятилетий происходит бурное совершенствование спецназа. К началу 60-х практически во всех армиях мира появляются подразделения, предназначенные для выполнения особых задач. В 1974 году в СССР по инициативе Ю. В. Андропова в КГБ СССР создается подразделение «А», а в 1981-м — еще один отряд спецназа — «Вымпел». Их цель — проведение специальных мероприятий в интересах внешней разведки.

К Московской Олимпиаде 1980 года во внутренних войсках была организована учебная рота, которая в последующем стала основой для формирования отряда специального назначения «Витязь». Лиха беда начало. Вскоре полку спецназа прибыло: появились отряды «Русь», «Росич», «Скиф», «Пересвет», а позднее — ОМОНЫ и СОБРы...

Практически во всех военных конфликтах последних десятилетий спецназ принимал самое непосредственное участие. Именно на эти элитные подразделения возлагались наиболее трудные и ответственные задачи. За плечами спецназовцев — война в Афганистане, мероприятия по установлению и поддержанию стабильности в Закавказье, Средней Азии, выполнение боевых задач на территории Северо-Кавказского региона, контртеррористические операции.

И сегодня, в мирное время, наши бойцы — сотрудники внутренних дел, органов государственной безопасности, словом, спецназовцы — сражаются за Роди-

ну. Это давно стало их повседневной работой. Более того — жизнью. Они защищают Отечество, защищают нас. Защищают и в родных городах и весях, и в горячих точках. Защищая свою страну, они помнят: ее нужно хранить и оберегать как зеницу ока. Независимо от того, куда забросил тебя приказ — в Москву ли, в Архангельск ли или в Чечню...

Помните, как у Михаила Шолохова: «Война — это вроде подъема на крутую гору: победа там, на вершине, вот и идут, не рассуждая по-пустому о неизбежных трудностях пути, не мудрствуя лукаво. Собственные переживания у них на заднем плане, главное — добраться до вершины, добраться во что бы то ни стало! Скользят, обрываются, падают, но снова поднимаются и идут. Какой дьявол сможет остановить их? Ногти оборвут, кровью будут истекать, а подъем все равно возьмут. Хоть на четвереньках, но долезут!»

Будто о нашем спецназе писано, точнее и не скажешь. Потому и «прописываются» в нескончаемых огненных командировках солдаты и офицеры, что без них — как без рук. Да и сам спецназ — как железо: без действия ржавеет...

Президента Ассоциации «Братство “краповых берегов” “Витязь”» Героя Российской Федерации Сергея Лысюка свои — братишки — нередко называют идеологом спецназа. Действительно, Сергей Иванович — один из тех, кто стоял у истоков спецназа внутренних войск почти полтора десятилетия тому назад. Да, за прошедшие годы многое изменилось, в том числе и задачи подразделений специального назначения. Единственное, что осталось и, несомненно, останется неизменным — это дух спецназа. Готовность к самопожертвованию во имя собственной чести, во имя близких, во имя друзей по оружию, во имя России.

Чувствуют это, потому и поддерживают спецназ его ветераны, те, кто когда-то создавал первые отряды, возглавлял их и вел за собой в огонь и воду. Медные трубы? Это не для бойцов спецназа. Главное — выполнить задачу и уцелеть. Сколько ушло на задание — столько и вернулось. Увы, жизнь порой вносит свои коррективы во многие заповеди...

Наша книга — рассказ о повседневной жизни спецназа, структурно входящего в Министерство внутренних дел. Не обидятся на нас братишки из других подразделений и ведомств — нам делить нечего. Издана эта книга — значит, появятся новые...

Главный символ подразделений специального назначения внутренних войск — краповый берет: его носят только те военнослужащие, которые удостоились этого почетного права в силу своих профессиональных, физических и моральных качеств. Во внутренних войсках это — не атрибут формы одежды, а признак высочайшей квалификации спецназовца.

Впрочем, таковым он стал не сразу. Вначале, в процессе формирования первой учебной роты специального назначения, береты шили всем. Уже позднее было решено — никакой уравниловки, только лучшим из лучших вручается краповый берет. Как следствие, родилась идея сдачи экзаменов на право его ношения. Такова, кстати, и международная практика, поэтому колесо не изобретали. Как пишет в своей книге «Команда «Альфа»» Миклош Саба, бывший командос США, в американском спецназе ничего и никогда не давалось просто так, все нужно было заслужить. В том числе и зеленый берет, пройдя через изнурительные испытания, через кровь и пот. Эта традиция прижилась и у нас, а в 1993 году условия сдачи квалификационного экзамена были официально закреплены приказом командующего внутренними войсками. И это, пожалуй, — самая известная и важная традиция в подразделениях специального назначения внутренних войск, существующая уже более полутора десятилетий.

Испытать себя на прочность — такое право предоставляется каждому спецназовцу, да не каждому удается с первой попытки. Каждые полгода «соискатели» проходят сначала предварительные, а затем и квалификационные испытания. Основной этап — изматывающий марш-бросок: 12-километровая трасса, которую надо максимально быстро преодолеть, имея при себе около двадцати килограммов полной боевой выкладки. Обычный бег с препятствиями — детская забава в сравнении с этим тестом, включающим в себя преодоление

и водных преград (гладь которых нередко только вчера избавилась от ледяной корки или, напротив, только начинает покрываться ею), и участков, зараженных отравляющими веществами, и конечно же отработка тактических задач. Впрочем, есть на этой дистанции и пункты для «отдыха» от бега — полоса препятствий, «скалодром» и стрельбище. Не удивительно, что до заветного берега добегают не все. После первых пяти километров цепочка сдающих экзамен значительно растягивается, не каждому по силам выдержать темп, заданный направляющим. Отставшие от инструктора больше чем на 50 метров безжалостно отстраняются от дальнейшей сдачи экзамена. Неправильно выполненная команда — минус бал, три минуса — и дисквалификация. «Выживших» ждет огненно-штурмовая полоса. После этого наступает ответственный момент: спецназовцы должны продемонстрировать боеспособность своего оружия — поочередно они стреляют вверх холостыми патронами. Если оружие отказало (не уберег!) — претендент, увы, выбывает из гонки. Оставшихся проверяют высотной подготовкой, включающей спуск с крыши пятиэтажки, в ходе которого следует поразить мишень и метко бросить гранату. И на все про все — несколько десятков секунд! Едва «приземлившись», спецназовцы демонстрируют свои навыки в акробатической и технической подготовке, как с оружием, так и без оногo. Что это значит? После огня и воды, грязи и копотн, изнурительного бега они выполняют прыжки с отталкиванием от стены и переворотами в воздухе. И наконец — финишная прямая: спарринг между тобой и инструктором-«краповиком». Да, это финал, но, пожалуй, самый жестокий, ведь бьют-то нешуточно и на протяжении столь долгих, бесконечных для кандидатов, двенадцати минут. Надо удержаться, иначе — что может быть обиднее?! — снимут с дистанции в одном шаге от заветного берега. Того самого, цвета запекшейся крови, который и становится желанной и честно заслуженной наградой прошедшего все испытания.

Опустившись на одно колено перед строем сослуживцев, парни припадают к берегу губами, а затем, ли-

хо сбив его набекрень, произносят: «Служу Отечеству! И спецназу!» В этой простой на первый взгляд фразе заключен смысл всей жизни людей, посвятивших себя защите Родины.

«Братишка» — так обращаются друг к другу бойцы подразделений специального назначения, повидавшие и в горячих точках, и в мирных буднях столько, что с лихвой хватило бы на несколько жизней. В этом теплом слове — пот и кровь, радость побед и горечь утрат, похвала мужеству и боевой клич. Оно — как крепкие объятия вернувшихся на базу из спецоперации. Как прочные узы товарищества, священнее которых нет.

Попробуй спецназ на вкус.

И тебе, возможно, понравится...

Полковник Сергей Колесников

БУДНИ СПЕЦНАЗА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

История спецназа внутренних войск

*Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар, горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор...*

В 1238 году, когда Русь находилась под татаро-монгольским игмом и орды хана Батыея подошли к Смоленску, воин городской дружины Меркурий увидел во сне образ Матери Божьей Одигитрии, которая повелела ему собрать войско и идти на татар, обещая в ратном деле покровительство. За короткий срок Меркурию удалось призвать под свои знамена около двух тысяч воинов. Но все равно численно враги превосходили русскую дружину в двести раз. Несмотря на это, Меркурий принял вызов татар и сумел разбить их полчища, отстояв Смоленск. Сам воин погиб в бою. За свой подвиг Меркурий был канонизирован и получил имя Святого мученика Меркурия Смоленского. Славное имя русского воина принял один из отрядов спецназа — «Меркурий», созданный в 2002 году. В этой традиции проявляется главный смысл, одухотворяющий ратный труд спецназовцев, — беззаветное служение своему Отечеству.

Первым отрядом специального назначения, созданным во внутренних войсках МВД в 1977 году, был отряд «Витязь». Используя опыт, наработанный этим подразде-

лением, появились новые отряды специального назначения. На сегодняшний день их уже семнадцать по всей России. Но пройденный «Витязем» долгий, многотрудный путь, с приобретениями и безвозвратными потерями, через горячие точки и войны олицетворяет историю всего спецназа внутренних войск.

О создании подразделений специального назначения, способных на высочайшем профессиональном уровне вести борьбу с терроризмом, впервые всерьез заговорили в период подготовки к Олимпиаде 1980 года в Москве. Мероприятие, что и говорить, намечалось серьезное и ответственное, надо было не ударить лицом в грязь перед мировой общественностью. Одних сил и навыков милиции для поддержания порядка явно не хватало, требовалось нечто большее для борьбы с возможными действиями террористов.

В системе МВД в то время не существовало структур, укомплектованных военнослужащими срочной службы и предназначенных для выполнения специальных боевых задач. Правда, в 1973 году в подобных целях формировался сводный оперативный войсковой отряд (СОВО). Этот отряд, в частности, принимал участие в специальной операции по освобождению заложников на борту самолета, захваченного террористами в аэропорту «Быково». Однако подобные формирования были разовыми и временными.

В соответствии с приказом министра внутренних дел СССР от 29 декабря 1977 года на базе 9-й роты 3-го батальона 2-го полка ОМСДОН (отдельной мотострелковой дивизии особого назначения) им. Ф. Дзержинского внутренних войск МВД СССР началось формирование подразделения специального назначения, которое впоследствии и получило название «Витязь».

Подразделение, в тот период носившее название УРСН (учебная рота специального назначения), как раз и предназначалось для обеспечения безопасности проведения Олимпиады-80. Но не только задачи, связанные с проведением Олимпийских игр, способствовали созданию УРСН. На базе учебной роты планировалось выработать и «обкатать» учебные программы для подготовки подразделений специального назначения в системе МВД СССР.

Конечно, с учетом значимости и сложности поставленных перед УРСН целей, обычное, штатное, вооружение и экипировка спецназовцев выглядели достаточно скудными даже по меркам того времени. Исключение составляли лишь несколько единиц стрелкового оружия и средств защиты, предназначенных для выполнения специальных задач. На занятиях, тренировках бойцы носили комбинезоны механиков-водителей. Только группа показательных занятий была одета в форму для жарких районов — обыкновенное хлопчатобумажное обмундирование с открытым воротом и брюками прямого покроя.

Однако все в роте, от рядового бойца до командира, понимали: главное для них — продемонстрировать возможности человека в экстремальных условиях, показать и доказать целесообразность и необходимость создания подобного подразделения. Экипировке не придавалось большого значения.

1 января 1978 года учебная рота приступила к усиленным тренировкам. При составлении программы обучения была использована методика подготовки западногерманской пограничной охраны ГСГ-9 и полицейской группы «Медведь» («Карга» — по-фински) из Финляндии. Группа ГСГ-9 была прекрасно оснащена техникой и специальными средствами, а «Медведь» славился отлично подготовленными снайперами. Начальник внутренних войск специально выезжал в Финляндию, чтобы ознакомиться с работой финского спецназа. Внутренние войска МВД СССР позаимствовали у немцев принципы их технического оснащения, некоторые приемы штурма здания и других объектов, а у финнов — методику огневой и снайперской подготовки.

Занятия и тренировки проводились ежедневно с утра и до вечера с небольшими перерывами на обед и отдых. Тренировками в спортзале руководил тренер по самбо дивизии им. Ф. Дзержинского Валерий Николаевич Хардинов. То, что демонстрировали бойцы УРСН на показательных занятиях, можно было сравнить с великолепной цирковой программой, все участники которой мастерски выполняли свои трюки. Только программа эта была военизированной — с максимальным риском, высокой динамикой, ог-

ромными физическими и психологическими нагрузками, с использованием боевого оружия.

Параллельно с тренировками в спортзале осуществлялась специальная огневая подготовка. Перед группой из двадцати бойцов стояла не менее важная и сложная задача — демонстрация показательного занятия по владению оружием.

Занятия проводились по десяти направлениям, на каждом из которых бойцы выполняли различные специальные упражнения. Включали они и психологическую подготовку, и показ возможностей вооружения, и стрельбу «по-македонски» (с двух рук одновременно), и метание боевых гранат... Не все упражнения выдержали проверку временем и практикой спецназа. Например, в дальнейшем в подразделении «Витязь» отказались от ведения снайперами стрельбы по иллюминаторам самолета, захваченного террористами, от десантирования с движущегося автомобиля. Но тогда, в конце семидесятых, эти упражнения требовали от бойцов огромной самоотдачи, ловкости, выносливости, да и выглядели в исполнении спецназовцев эффектно.

В таком напряженном режиме работы оба взвода УРСН проводили учебу и подготовку к показательным занятиям с января по июнь 1978 года, после чего состоялась премьера войскового спецназа перед министром внутренних дел СССР и руководством министерства. Министр дал очень высокую оценку увиденному. Все военнослужащие, принимавшие участие в показательных занятиях, были награждены знаком «За отличие в службе» 1-й степени, что явилось первым официальным признанием их мастерства. И самое важное: была выполнена главная задача, стоявшая перед личным составом роты, — показать необходимость существования подразделения специального назначения в системе МВД СССР.

После успешного проведения показательных занятий было принято решение о формировании в составе УРСН еще одного, первого взвода. Его задача — отработка действий в населенном пункте, подготовка к показательным занятиям по захвату здания и работа на огненно-штурмовой полосе (ОШП). 1-й взвод УРСН формировался на основе все того же 2-го полка им. 60-летия ВЛКСМ ОМСДОН, а также на базе 1-го взвода 8-й мотострелковой роты.

К лету 1978 года в учебном центре деревни Новая была создана огненно-штурмовая полоса. Предназначалась она для морально-психологической подготовки личного состава УРСН. На одном из участков ОШП в сорока сантиметрах от земли была натянута сетка, поверх которой вели автоматный огонь боевыми патронами и трассирующими пулями. Под реальным огнем бойцы проползали этот участок, после чего метали боевые гранаты и вели огонь холостыми патронами по мишеням, имитирующим противника. Кроме преодоления ОШП 1-й взвод отработывал также действия при штурме здания.

К тому времени рота уже насчитывала по штату сто тринадцать человек и имела в своем составе три взвода специального назначения. Каждый из них готовился к показательным занятиям, имея строго определенную задачу: 1-й взвод — штурм здания и преодоление огненно-штурмовой полосы, 2-й взвод — ведение рукопашного боя, 3-й взвод — огневую подготовку. Из оружия специального назначения в роте имелось несколько АКМ (автомат Калашникова модернизированный) с ПБС (прибор бесшумной стрельбы), пулеметы РПК (ручной пулемет Калашникова) и штатные АКМ. Для учебной практики использовались также девятимиллиметровые пистолеты Макарова (ПМ) и гранатометы РПГ-7 (ручной противотанковый гранатомет). Из бронетехники УРСН придавались три бронетранспортера БТР-60.

Вся учебная программа, вся жизнедеятельность роты были теперь нацелены на подготовку к обеспечению безопасности проведения Олимпиады-80. В конце 1978 года министр внутренних дел СССР издал приказ «О введении в действие инструкции по задержанию вооруженных преступников». Этот документ устанавливал, какими должны быть группы захвата, четко определял задачи каждого подразделения, участвовавшего в проведении той или иной операции. И если раньше подготовка каждого взвода УРСН строилась импровизированно, исходя лишь из практического опыта, то с изданием приказа министра все подразделения роты перешли к занятиям по единой методике. Это относилось и к огневой, и к физической, и к специальной подготовке.

Уровень подготовки к лету восьмидесятого у военнослужащих УРСН был очень высоким. Например, группа из

четырёх бойцов с помощью взаимостраховки и гибкого шеста проникала на второй этаж штурмуемого здания всего за двадцать секунд. Группа захвата, также состоявшая из четырёх бойцов и находившаяся в исходном положении в пяти метрах от объекта, используя две штурмовые лестницы, поднималась на третий этаж за двадцать две секунды! Военнослужащие роты неплохо владели приемами рукопашного боя. В его основе в то время было карате в сочетании с элементами акробатики, приемами защиты от холодного и огнестрельного оружия, различными бросками, подножками и подсечками.

Когда начались Олимпийские игры, УРСН постоянно находилась на боевом дежурстве, входя в боевой расчет сил, обеспечивающих безопасность проведения Олимпиады. Уже через десять минут после получения соответствующего сигнала рота должна была выехать к месту происшествия. До самого окончания Олимпийских игр, которые прошли без чрезвычайных происшествий, УРСН находилась в полной боевой готовности.

В начале 80-х годов, используя накопленный практический опыт, бойцы роты активно занимались боевой и специальной подготовкой, совершенствуя свое мастерство. Командир УРСН капитан В. Булатов, его заместитель по специальной подготовке капитан С. Лысюк, другие офицеры подразделения творчески подходили к организации процесса обучения подчиненных, всячески стремились улучшить методику занятий.

Все чаще приходилось выполнять боевые задачи, связанные с пресечением особо опасных преступлений. Летом 1981 года двое военнослужащих срочной службы совершили дерзкий захват заложников в одной из школ под Ижевском. Забаррикадившись в классе и держа под прицелом детей, преступники пытались таким образом заставить местные органы власти выполнить выдвинутые ими требования. На место происшествия были срочно направлены группа спецназначения КГБ СССР по борьбе с терроризмом и группа военнослужащих УРСН. В результате их умелых и слаженных совместных действий преступники были обезврежены и никто из школьников не пострадал.

21 октября 1981 года в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) произошли массовые столкновения осетин

с ингушами на межнациональной почве. Кровавая трагедия, повлекшая гибель людей, способствовавшая всплеску преступности и национального терроризма, требовала принятия неотложных мер. Для решения этой сложной проблемы в Северную Осетию в числе подразделений специального назначения КГБ и МВД СССР была направлена и группа военнослужащих УРСН. Задача — выявление зачинщиков массовых беспорядков и их нейтрализация, поиск и изъятие оружия. Командировка в Северную Осетию стала для бойцов УРСН первым опытом выполнения боевых задач в условиях резкого обострения межнациональных противоречий.

В 1985 году в Москве проводился XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В обеспечении общественной безопасности принимала участие и учебная рота спецназа, которая в составе дежурного подразделения находилась в десятиминутной готовности к выезду по любому тревожному сигналу. Однако применять спецподразделение, к счастью, не пришлось.

Это случилось чуть позже, когда в городе Уфе трое военнослужащих срочной службы совершили дерзкую попытку вооруженного захвата самолета, расстреляв при этом нескольких сотрудников милиции. К месту трагедии были срочно направлены группа «А» КГБ СССР и УРСН. Обстановка оказалась настолько сложной, что спецназу для обезвреживания террористов пришлось использовать все имевшиеся в его арсенале средства.

В этот период начали осуществляться практические мероприятия по обмену опытом и организации взаимодействия между различными подразделениями специального назначения КГБ и МВД СССР. Особенно тесные контакты установились у роты спецназа дивизии им. Ф. Дзержинского с группой «А» КГБ СССР, а также группой «Вымпел». Их взаимодействие сыграло свою положительную роль в становлении спецназа внутренних войск.

В феврале 1988 года разыгрались драматические события в азербайджанском городе Сумгаите. Произошли чудовищная резня, погромы и разбои, которые преступники совершали под националистическими лозунгами — все это стало трагедией не только азербайджанского и армянского народов, но и всей страны. В самое пекло

междоусобицы были брошены внутренние войска. Задачи, выполняемые УРСН при несении службы в Сумгаите, были самыми разнообразными. Если на первом этапе это было предотвращение массовых беспорядков, погромов, грабежей, то впоследствии бойцы спецназа занимались поиском оружия в местах незаконного его хранения, ликвидацией бандформирований, изъятием ценностей у преступников, охраной руководства МВД СССР и особо важных объектов в местах со сложной оперативной обстановкой. Сумгаит еще раз убедительно продемонстрировал способность спецназа успешно справляться с проблемами подобного рода, что, несомненно, сыграло свою роль в дальнейшем привлечении УРСН к разрешению межнациональных конфликтов.

4 июля 1988 года в столице Армении Ереване преступники спровоцировали проведение крупномасштабного террористического акта по захвату и блокированию аэропорта Звартноц. Под угрозой оказалась жизнь людей, создавалась реальная опасность разрушения и выхода из строя важных объектов, обеспечивающих жизнедеятельность аэропорта. Одной из первых в Ереван прибыла УРСН. Применение роты в качестве сдерживающего фактора сыграло большую роль в нормализации обстановки в городе.

Аналогичные задачи УРСН выполняла во время волнений в Баку: бойцы роты осуществляли розыск террористов, поиск и задержание преступников, особенно в период комендантского часа, введенного местными властями. Кроме того, УРСН были поручены охрана и сопровождение следственных групп Прокуратуры СССР. 5 декабря была осуществлена операция по очистке центральной площади столицы Азербайджана от митингующих. Бойцы УРСН сделали все возможное, чтобы не допустить кровопролития, изъяли холодное и огнестрельное оружие у преступников, задержали подстрекателей и провокаторов. Действия спецназа были тогда высоко оценены руководством МВД.

Вторая половина восьмидесятых годов ознаменовалась усилением террористической деятельности. УРСН сосредоточила свои силы на борьбе с этим злом конца XX — начала XXI века, которое стало все больше приобретать

националистический характер. В июне 1989 года вспыхнул конфликт между узбекскими экстремистами и турками-месхетинцами, проживавшими в Фергане, Коканде и других городах Узбекской ССР. Кровавые разборки, заживо сожженные люди, грабежи, убийства, издевательства, изнасилования — череду этих преступлений против невинных людей предстояло остановить спецназу правопорядка. Они спасли сотни людей разных национальностей, предотвратили многие преступления, изъяли большое количество холодного и огнестрельного оружия, арестовали немало зачинщиков беспорядков, ликвидировали бандформирования, готовившие теракты в отношении мирных граждан.

В конце восьмидесятых годов остро встал вопрос об увеличении организационно-штатной численности подразделения специального назначения из-за возросших нагрузок, количества и сложности боевых задач. Было принято решение о создании в составе одной из частей дивизии им. Ф. Дзержинского батальона специального назначения на базе УРСН. В декабре 1989 года командование соединения приступило к формированию УБСН и организации учебного процесса. Командиром батальона был назначен майор С. Лысюк, заместителем по работе с личным составом — майор О. Кублин, заместителем по специальной подготовке — старший лейтенант В. Путилов, начальником штаба — майор С. Житихин.

К январю 1990 года УБСН был полностью сформирован и приступил к занятиям. Однако вскоре батальон был направлен в Баку, где после трагических январских событий спецназовцы выполняли ряд задач, с которыми им пришлось столкнуться впервые. Одна из групп, возглавляемая майором С. Лысюком, осуществляла в Нахичеванской автономной области охрану Государственной границы СССР. Спецназовцы участвовали в операциях по пресечению незаконного провоза оружия и наркотиков, а также ликвидации незаконных вооруженных формирований на территории Азербайджана.

В марте 1990 года поступило сообщение из Еревана о том, что боевики в качестве заложников захватили несколько бойцов милицейского полка — военнослужащих одной из частей внутренних войск, выполнявших служеб-

ные задачи в столице Армении. Перед бойцами УБСН была поставлена задача — найти и освободить заложников, обезвредить террористов. При этом каждое неосторожное действие «краповых беретов» могло заставить боевиков расправиться со своими жертвами. Были и другие трудности — определить местонахождение банды, ее численность и вооружение. Рассчитывать на помощь местных жителей не приходилось. Люди были запуганы террористами и рисковать собственной жизнью и жизнями своих близких не собирались. Спецназовцам оставалось самим найти месторасположение базы боевиков, где, по оперативным данным, и удерживались заложники. После многих дней упорных поисков наконец-то улыбнулась удача — база боевиков была обнаружена в районе города Иждевана. Тщательно спланированная и успешно проведенная спецназом операция позволила ликвидировать террористов и освободить заложников.

26 июня 1990 года УБСН вновь поднят по тревоге и направлен в Нагорный Карабах для выполнения боевых задач по сопровождению колонн беженцев, патрулированию на вертолетах границы между Арменией и Азербайджаном.

Командировка в Нагорный Карабах закончилась 9 августа. Прошло чуть больше недели, и спецназ совместно с группой «А» принимает участие в беспрецедентной по своему масштабу операции по обезвреживанию преступников в сухумском изоляторе временного содержания. Указом Президента СССР за успешное проведение операции по освобождению заложников в изоляторе временного содержания города Сухуми и проявленные при этом мужество и героизм двадцать семь военнослужащих УБСН были награждены государственными наградами. Это была одна из самых ярких страниц в истории спецназа.

В начале 1991 года весьма непростая обстановка сложилась в Юго-Осетинской автономной республике. Областной центр был окружен и блокирован грузинскими боевиками. В Цхинвали перестали поступать товары первой необходимости, продукты питания, свет, газ, вода. В городе начался голод. Неоднократные попытки доставить в блокированный город продовольствие и медикаменты успеха не имели. Автомшины с грузом либо возвращались

обратно грузинскими боевиками, либо ими же подвергались разграблению. На помощь пришли воины-спецназовцы УБСН. Именно «краповые береты» сопровождали тогда первую колонну с продовольствием. Совершив 120-километровый марш из Владикавказа в Цхинвали через высокогорный Рокский перевал, преодолев завалы и заминированные участки дороги, контролируемые грузинскими боевиками, спецназ прорвал экономическую блокаду города.

Буквально на следующий день после прибытия в Цхинвали батальон спецназа приступил к проведению операции по разоружению боевиков. Десять дней находились в Южной Осетии бойцы УБСН. Едва закончилась командировка в Цхинвали, как поступила новая боевая задача — убить в город Грозный для проведения операции по разоружению бандформирований. Спецназу поручили также охрану руководства местного МВД.

После выполнения этих задач УБСН был передислоцирован во Владикавказ. Нерешенный территориальный спор между осетинами и ингушами породил теракты, грабежи, насилие. Целью спецназа в этой командировке стали защита граждан, ликвидация незаконных вооруженных формирований.

Конец 1991 года ознаменовался еще одним важным для УБСН событием. На базе батальона был образован отряд специального назначения (ОСН) в составе дивизии им. Ф. Дзержинского. Командиром отряда был назначен подполковник С. Лысюк. Кроме своего официального наименования отряд получил еще одно, ставшее широко известным. «Парни в краповых беретах из отряда “Витязь”» — так стали повсюду называть бойцов ОСН.

Летом 1992 года отряд был привлечен к проведению операции в Южной Осетии по задержанию вооруженной группировки во главе с О. Тезиевым, которая готовила теракты против представителей законной власти. В результате умелых действий спецназа операция прошла успешно.

В том же 1992 году в городе Назрани было создано российское представительство, которое занималось поиском путей разрешения конфликта между Северной Осетией и Ингушетией. Для охраны представительства

была выделена группа военнослужащих ОЧН во главе с майором О. Кублиным. В этой командировке отряд впервые понес потери. При выполнении служебного долга погиб старший сержант Анатолий Волченков. Посмертно он удостоен ордена «За личное мужество».

В октябре 1992 года конфликт между осетинами и ингушами перерос в настоящую резню. Спецназ внутренних войск стал стеной между враждующими сторонами. Бойцы «Витязя» выполняли в те дни сложные и ответственные задачи, связанные с ликвидацией бандформирований, отражали нападения экстремистов на мирные поселки. Немало сил и времени было потрачено на поиск и изъятие у боевиков оружия.

Настоящей проверкой для отряда стали события октября 1993 года, когда в Москве произошли беспрецедентные кровавые столкновения. Вечером 3 октября эпицентр событий переместился к телецентру «Останкино». Сюда вовремя подоспели бронетранспортеры с эмблемой отряда «Витязь». Через некоторое время спецназовцы со своим командиром заняли здание телецентра, а затем аппаратно-студийный комплекс. Быстро осуществили мероприятия по организации обороны главного корпуса «Останкино», начали переговоры. За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, Указом Президента Российской Федерации подполковнику Сергею Лысюку и рядовому Николаю Ситникову (посмертно) было присвоено звание Героя Российской Федерации. Орденами и медалями были награждены также и другие военнослужащие отряда «Витязь».

17 сентября 1994 года сто двадцать «витязей» во главе с новым командиром отряда подполковником Александром Никишиным вылетели в город Моздок. В течение трех месяцев бойцы отряда проводили интенсивные занятия и тренировки в горах, на горных реках, изучали местность. За это время они успели акклиматизироваться, обжились в полевых условиях, организовали быт.

Разгул преступности и бандитизма в Чечне начался еще в 1991 году. Преступников отпустили из тюрем. Лично Дудаев распускал российские военные части, дислоцировавшиеся в Чечне. У многих в военных билетах остались отметка об увольнении и личная печать Дудаева. По

ночам, предвидя грядущие события, военнослужащие топили в Сунже затворы от автоматов, боеприпасы — чтобы боевикам поменьше досталось. В одной из воинских частей чеченцы в течение трех суток держали российских солдат и офицеров в запертых машинных боксах, кормили только лепешками. На четвертые сутки палками, как скот, военных выгнали на улицу, построили. Чеченец в мегафон прокричал: «Наш президент Дудаев вас всех уволил! Пошли вон с нашей земли!» Затем их запихнули в КамАЗы и автобусы, довезли до Хасавюрта и без денег и провизии бросили, мол, добирайтесь дальше сами, как хотите. Русские — коренные жители Грозного и других чеченских городов — остались беззащитными перед бесчинствами боевиков. Эту ситуацию, конечно, необходимо было менять. Предстояла работа и для спецназа.

В декабре 1994 года начался ввод в Чеченскую Республику войск Министерства обороны и внутренних войск МВД России. Командование войск поставило перед отрядом задачу разблокировать дороги, ведущие в глубь Чечни.

17 декабря в Моздок для плановой замены «витязей», находящихся в командировке, прибыла группа офицеров отряда во главе с подполковником Олегом Кублиным. А уже 20 декабря «витязям» была поставлена задача: сбить блокпост боевиков на трассе Моздок — Грозный в районе станицы Ищерская. В результате короткого, но интенсивного боя блокпост боевиков был уничтожен. Этот эпизод стал боевым крещением «витязей» в Чечне.

Отряд под командованием подполковника Александра Никишина до середины января 1995 года двигался вдоль железнодорожной ветки Моздок — Червленая — Грозный, сопровождая бронепоезд. За время спецоперации у боевиков было изъято двести автоматов, пятьдесят пистолетов, большое количество боеприпасов. Задачу разблокирования важной в стратегическом отношении железнодорожной магистрали отряд выполнил успешно.

15—17 марта 1995 года отрядом была проведена специальная операция по освобождению от незаконных вооруженных формирований населенного пункта Аргун. А 28—30 марта «витязи» участвовали в специальной операции в Гудермесе. В ходе операции были подавлены две огневые точки противника, уничтожено десять боевиков,

найден склад медикаментов. 3—7 апреля во время проведения разведывательно-поисковых мероприятий в населенном пункте Самашки было уничтожено три опорных пункта боевиков, восемь дудаевцев были взяты в плен.

14 апреля отряд привлекался к проведению специальной операции по уничтожению незаконных вооруженных формирований в лесном массиве западнее населенного пункта Бамут. При попытке прорыва отряда боевиков через боевой порядок 2-й ГСН (группы специального назначения) было уничтожено семнадцать дудаевцев. В ходе боя получил смертельное ранение боец отряда «Витязь» сержант Александр Кисиленко. Тяжелые ранения получили рядовые Кибардин и Рассказов. 18 апреля во время ожесточенного боя под Бамутом погиб заместитель командира 4-й ГСН по работе с личным составом старший лейтенант Олег Расстегаев, тяжело ранен заместитель командира взвода 4-й ГСН прапорщик Гнусов.

Горячим для отряда «Витязь» выдалось начало лета 1995 года. Во время штурма высоты 541,9 пали на поле боя четверо спецназовцев: Константин Смирнов, Дмитрий Расщупкин, Валентин Лелека и рядовой Андрей Арефкин. 2 июня во время боя на высоте Безымянная погиб рядовой Сергей Съедин. Сергей прикрывал огнем действия штурмовой группы, и его самоотверженность помогла «витязям» выполнить боевую задачу.

В 1996 году отряд участвовал в проведении специальных операций в поселках Первомайский и Новогрозненский. Во время штурма Первомайского погиб рядовой Дмитрий Евдокимов, ставший восьмым бойцом отряда, не вернувшимся с войны. Он родился в Первомайском в Курганской области. И погиб в Первомайском — только далеко-далеко от дома...

Во время боевых действий в Чечне более двухсот бойцов отряда за проявленное мужество, стойкость и высокий профессионализм были награждены орденами и медалями. А подполковники Александр Никишин и Олег Кублин удостоены звания Героя Российской Федерации.

Боевые действия в Чечне нарушили годами складывавшуюся в отряде четкую систему профессиональной подготовки солдат и офицеров. Раньше каждый боец шесть месяцев планомерно готовился в учебном взводе и

зачастую приходил в боевую группу, уже сдав нелегкий экзамен на право ношения крапового берета. Во время же чеченской кампании вся программа обучения была сведена практически к двум предметам — общевоинской тактической и огневой подготовке.

И все же дух спецназа, традиции «Витязя» в отряде живы и будут жить. Каждый боец гордится своей службой в спецназе. Не забывают в отряде и старую добрую традицию шефства над молодыми солдатами. «Витязь», как и другие отряды спецназа, славится своей сплоченностью, взаимовыручкой, хорошо развитым институтом наставничества.

Гарантом того, что славным традициям «Витязя» жить, является совет «краповых беретов» отряда. Спектр деятельности совета огромный. Это вопросы боевой и специальной подготовки, воспитательной работы, воинской дисциплины, быта и досуга. В «Витязе» постепенно возвращаются к своей до мелочей отработанной за многолетнюю историю методике, которая включает высотную подготовку, занятия на огненно-штурмовой полосе, рукопашный бой. Будут новые успехи и победы, которые со временем тоже станут страницами доблестной истории первого отряда специального назначения внутренних войск под гордым названием «Витязь».

Напряженная обстановка в стране, возросшая опасность терактов, боевые действия в Чечне — все это стало стимулом формирования новых отрядов специального назначения, подобных «Витязю». В 1992 году был создан отряд специального назначения «Росич». В его составе за годы участия в двух чеченских кампаниях появилось несколько Героев России, кавалеров различных государственных наград. К сожалению, отряд понес большие потери в боевых действиях на Северном Кавказе.

1 августа 1994 года появился третий ОСН — «Русь», основанный на базе ОМСБОНа (отдельного мотострелкового батальона особого назначения), до 1991 года, в течение почти тридцати лет, выполнявшего совместно с 9-м Главным управлением КГБ СССР задачи по охране и обороне ЦК, МГК и МК КПСС, располагавшихся в комплексе зданий на Старой площади столицы.

В сентябре 1995 года был создан отряд «Рысь». Название вполне соответствует назначению. Стремительность,

точность, жесткость, выносливость — все это присуще этому подразделению.

7 июля 1997 года был основан ОСН «Скиф». Название отряд получил по названию воинственных древних племен, которые жили в районах Северного Причерноморья. Скифы были прекрасно обучены, упорно сражались и действовали сообща. Ни в походе, ни в бою они не бросали товарищей, а тех, кто погибал, обязательно выносили с поля боя, хоронили и сохраняли о них память.

Следующий, 1998 год ознаменовался появлением еще одного отряда специального назначения под названием «Вятич». Название тоже имеет исторические корни. В начале XI века на Таманском полуострове обитали представители одной из мощных ветвей восточных славян — воинственные вятичи, названные так местными племенами за свое умение отлично сражаться («ватыс» в переводе с тюркского означало «бой», «схватка», «удар»). Среди соседних народов не было лучших наездников, равных им в умении владеть мечом или луком. Поэтому бойцы нового отряда спецназа нарекли себя «вятичами».

В 2002 году возникло сразу два отряда — «Мечел» и «Меркурий», о котором уже говорилось в начале нашего исторического очерка. Существует еще несколько отрядов специального назначения, дислоцированных в самых разных точках нашей необъятной России.

Первая

Эта группа специального назначения отряда «Русь» была и остается первой не только по порядковому номеру.

Это не удивительно, ведь по традиции ее курирует сам командир.

В разное время группу возглавляли такие опытные и авторитетные офицеры, как Федор Крючков и Владимир Зубов, прошедший путь от заместителя командира группы по боевой и специальной подготовке, командира группы до начальника разведки отряда.

В состав группы навечно зачислен красноармеец Артемий Трифонов — боец 1-го полка дивизии имени Дзержинского. Он погиб в 1941 году во время немецкого авианалета, когда нес службу на посту в здании ЦК КПСС. На базе 4-го батальона 1-го полка сначала был сформирован отдельный мотострелковый батальон особого назначения, а затем отряд специального назначения. Память о погибшем бойце как бы перешла по наследству к 1-й группе спецназа.

Бойцы ГСН принимали участие практически во всех крупных спецоперациях, в том числе в Буденновске и Кизляре. В первую чеченскую, в горячие дни августа 1996-го, бойцы эвакуировали раненых с блокпостов, доставляли боеприпасы, продукты, воду. Каждый подобный рейд был связан с огромным риском для жизни. А рейдов таких, как и спецопераций, не сосчитать.

После окончания первой чеченской группа занималась разведкой и поиском боевиков в приграничных районах Чечни и Дагестана. В 1999-м выручали братишек из разведроты 22-й бригады, попавших в окружение на горе Чабан.

Во вторую чеченскую кампанию, 12 июня 2000 года, группа понесла первую потерю. Бойцы «Руси» следовали на место проведения спецоперации. Рядом с БТР, в котором находился рядовой Павел Степанов, взорвался радиоуправляемый фугас. Осколок, ударив о крышку люка, срикошетил в десантное отделение. Павел получил ранение, несовместимое с жизнью...

Случайности на войне происходят, как и в обычной жизни. И счастливые, и трагические. В такие моменты проявляются темные и светлые стороны человека, выходят на первый план герои и те, кто не может совладать со своим страхом.

Страх — это не порок. Но в спецназе должны служить и служат только те, кто в любой ситуации, при любых обстоятельствах сумеет собраться. Задавит в себе все страхи и будет действовать так, чтобы сберечь и свою жизнь, и жизни своих братишек, друзей, подчиненных.

В Кизляре к 1-й группе был прикомандирован водитель БТР. Боец молодой, неопытный, необстрелянный. Во время разведывательно-поисковой работы по городу он ошибся, сбился с маршрута и вывез группу прямо на площадь перед больницей, в которой засели боевики. Из каждого окна больницы стреляли, а БТР оказался перед ними, как на ладони.

Окна — сплошные огненные вспышки. Пули свистели, взрывалось и грохотало все вокруг. Несколько молодых ребят против этой свинцовой горячей лавины.

Забиться куда-нибудь, спрятаться — единственное, казалось, желание, которое может возникнуть в такой ситуации. И водитель БТР, получивший легкое ранение, забрался в десантный отсек к раненым, откуда носа не высовывал.

Зато спецназовцы не растерялись. Укрывшись за БТР, они полчаса вели бой. Когда закончились боеприпасы, замкомвзвода старший сержант Александр Рассадкин сел за руль боевой машины. Под прикрытием брони, посеченной пулями и осколками, спецназовцы выбрались с площади.

Многие из бойцов после боя были в шоке, многие ранены. Но уже тогда они осознавали, что справились со своими эмоциями, со страхом и потому выжили...

Старший лейтенант Дмитрий Катков после окончания Новосибирского института внутренних войск получил распределение в отряд «Русь». Он прибыл в отряд, прошел сборы. Дмитрия назначили заместителем командира 1-й группы. А группа в это время находилась в Чечне. Туда, к своим первым подчиненным, и поспешил Дмитрий.

На базе бойцов он не застал. Спецназовцы уже несколько дней были под Бамутом, где шла широкомасштабная спецоперация. До глубокой осени, пока не опали листья с деревьев, спецназовцы практически не бывали на базе. Проводили поиск боевиков в горно-лесистой местности.

С опытными проводниками, на лошадях, «духи» передвигались по горам, останавливаясь на кратковре-

менный отдых. Преследовавшие их спецназовцы находили еще теплый пепел костров на местах ночевок. Разведка обнаружила банду боевиков в лесу, недалеко от Бамута. 1-я и 4-я группы выдвинулись в указанный квадрат. 1-я группа спешила и, оставив технику на опушке, вошла в лес.

Конечно, морально Дмитрий готовил себя к первому бою, к первым выстрелам и взрывам. Дмитрий учился в спецвзводе, школу прошел отличную. И вот оно — первое испытание.

Головной дозор спецназовцев вовремя заметил впереди «духов» и открыл по ним огонь. Спецназовцев было четырнадцать человек, боевиков — семнадцать.

Страха Дмитрий в горячке боя не испытывал. Осознание реальной опасности пришло, когда пули в стремительном полете, со свистом, расчертили дорожки в воздухе и на землю к ногам Дмитрия полетели ветки деревьев.

Рядом, укрывшись за деревьями, стреляли по боевикам новые товарищи и подчиненные Дмитрия — старшие сержанты Сергей Долотов и Евгений Конов, сержант Максим Берг и другие ребята. Для них командировки уже были не в новинку.

Дмитрий не растерялся, уверенно руководил подчиненными. Спецназовцы уничтожили двенадцать боевиков. Даже не потребовалась помощь 4-й группы, которая находилась неподалеку в лесу. Только когда бой закончился, командир вызвал бронетехнику.

«Духи», их осталось человек пять, раненые, уходили вверх по склону, и преследовать их было рискованно. Спецназовцы обследовали местность и нашли брошенные вещмешки и окровавленные бинты. Большинство уничтоженных боевиков оказались арабами.

На следующий день 1-я группа восстанавливала боеприпасы. А 4-я группа переместилась в Шалажи, продолжая поиск остатков банды, и наткнулась на «духов». Завязался бой. 1-я группа выдвинулась на помощь. Еще несколько боевиков-арабов было уничтожено. Спецназовцы потерь не понесли.

Бойцы вернулись на базу — помыться, постирать, отдохнуть. Но снова спокойного отдыха не получилось.

Опять горы, тропы со следами натовских ботинок и лошадиных копыт, пепел костров. И как ни странно, горы запомнились большинству спецназовцев не зловещими таинственными тропами, а своей красотой, белыми шапками снега на вершинах, чистым воздухом, яркими красками осенних деревьев.

Бойцы похудели, загорели, устали от длительных переходов. Но никто не роптал и уж тем более не выказывал страха или тревоги. Они выполняли свою работу честно и ответственно. После боя под Бамутом и Шалажами они еще больше уверовали в свои силы, убедились в надежности своих товарищей.

Дмитрий приглядывался к бойцам. Такие же ребята, как и он, не намного младше его. Балагуры, шутники — обычные парни. Но он видел их лица во время того боя под Бамутом — сосредоточенные, спокойные, взрослые...

В Автурах, досматривая дом, нашли очередной схрон. В самом доме ничего не обнаружили. Зато когда старший сержант Евгений Конов спустился за огородом в овраг, он заметил, что в одном месте трава пожухла. Вокруг трава зеленая, а тут вялая.

Евгений отогнул дерн в сторону, и там оказался схрон. Под пленкой лежали: пулемет, АКС-74 с подствольным гранатометом, патроны, пустая кобура, гранаты, спальные мешки, разгрузники. Полностью экипировка на троих.

Чуть дальше нашли еще один схрон, пустую бочку, зарытую в землю. Видно, «духи» уходили второпях, но содержимое бочки успели забрать. А накануне, вероятно из этого же оружия, обстреляли мотострелков.

От оврага тропинка уходила в лес и была истоптана лошадиными копытами.

С ноября, когда оголилась «зеленка» и грязь на дорогах присыпал первый робкий снежок, спецназовцы начали работать по адресам.

При проверке домов в одном из населенных пунктов спецназовцы обнаружили в подвале пятиэтажки автомат. Он уже начал ржаветь, хотя и был завернут в

пакет. Возможно, автомат принадлежал кому-то из жильцов дома, но доказать это было невозможно.

На адресную работу выезжали по ночам. Стремительно мчались мимо домов на БТР. Казалось, что многотонная машина летит над дорогой и темные фигуры на его теле срослись с броней.

В очередную такую ночь им предстояло отработать три адреса. Два адреса — 1-й группе и один — 4-й.

Спецназовцы ворвались в первый дом. Осматривали одну за другой комнаты. В летней кухне боец обнаружил подвал и выдернул оттуда боевика. По данным оперативников, этот человек снимал на видео пытки пленных. Задержанный сам попал в кадр случайно, но именно эта кассета, с его физиономией, оказалась в руках оперативников. Его разыскивали. Несколько кассет нашли и в его доме.

На видео пытал, издевался над пленными один и тот же боевик. Он был следующим, кого поехали задерживать спецназовцы.

С ходу снесли БТР ворота частного дома. Ни секунды не медля, ворвались в дом и застали бандита спящим. Скинули с кровати, скрутили и передали оперативникам.

Когда вернулись на базу, хоть и устали, сразу спать не легли. Курили, разговаривали, пили чай. Сержант Максим Берг вдруг вспомнил, как в командировке 2001 года, во второй половине августа, искали Масхадова.

— Помню, операция уже длилась неделю, — рассказывал Максим. — Жарища, пылища. Утром была пересменка офицеров прямо на выезде. А после обеда продолжили осмотр домов. Вдруг слышим взрывы на окраине села, пальба. У нас БТР всего один был. Через дом от нас выскочили «духи» — молодые парни в спортивных костюмах — и начали лупить из автоматов. По БТР из РПГ засветили. Слава богу, промахнулись, весь мой экипаж перекрестился. Ощущение, будто заново родились. Наводчик из КПВТ всадил по ним очередь прямо через кабину ЗИЛа, который оказался на линии огня. Хорошо поработал, надо сказать, — усмехнулся Макс.

Восемь месяцев отряд провел в командировке. Восемь долгих и стремительно-скоротечных месяцев. Обещанная прогнозом слякоть на новогодний декабрь обернулась снегом и морозом.

Повезло и в том, что Новый год встречали на базе, а не на выезде. Дмитрий пробыл в командировке четыре месяца. Вместе со своими бойцами в новом качестве отмечал Новый год и вместе с ними вернулся домой.

На поверке в отряде он вновь слушал, как назывались фамилии бойцов, а среди них та, которая звучит каждый вечер. Фамилия красноармейца Артемия Трифонова.

Бойцы помнят и чтят память своих погибших товарищей.

Никто не будет забыт, пока существует спецназовская преданность долгу и спецназовское братство.

На каждого волка — свой волкодав

2-я группа отряда специального назначения участвовала и в первой, и во второй чеченских кампаниях. Боец 2-й группы рядовой Пантелеев погиб в 1995 году — это была первая потеря отряда в Чечне. В списки группы навечно зачислены два Героя России, получившие высокое звание посмертно. Олег Долгов под Первомайским, вытаскивая раненого товарища из-под огня, был убит снайпером. Евгений Золотухин погиб при задержании известного полевого командира Бараева. Он закрыл грудью своего командира и нескольких бойцов от автоматной очереди бандита.

Гудермес, Кизляр, Первомайское, гора Чабан, штурм дома Бараева — это неполный перечень спецопераций, в которых принимала участие 2-я группа специального назначения.

Горные склоны, обрывы, котлованы, переплетения троп и деревьев...

Соскальзывая со склонов, карабкаясь в гору, продви-

гались по лесной чащобе спецназовцы, преследуя банду боевиков, прорвавшихся из Грузии в Чечню.

2-я группа вместе с другими подразделениями отряда специального назначения в поисковых рейдах прочесывала предгорные районы. Зигзагами, то углубляясь в лес, то выходя на опушки, они выдавливали банду на открытую местность, не давая боевикам уйти обратно через границу.

По пять суток бойцы находились в лесу. Поднимались ранним утром, завтракали прессованной кашей (с собой брали небольшой сухпай — и без того на каждом бойце по пятьдесят-шестьдесят килограммов — бронезилет, «маска», оружие, БК) и шли снова по узкой тропе, проложенной в самом сердце горной Чечни. Примечали в растоптанной грязи отпечатки копыт лошадей и ослов, маленькие следы то ли женщин, то ли детей. Находили окровавленные бинты, теплый пепел костра, рассыпанную по земле муку, еще не развеванную ветром.

По радиоперехватам было ясно: боятся «духи» своих преследователей. Поэтому выставляют метров за двести от своего лагеря часового. По рации он предупреждает о приближении спецназовцев, и боевики срываются из временного лагеря, чтобы избежать столкновения. «Духи» гордо называют себя «лесными волками». Но на каждого волка найдется свой волкодав...

Только спецназ способен преследовать бандитов по несколько суток в горном лесу, без опаски, с охотничьим азартом перемещаясь на расстояния «два локтя по карте», как шутили офицеры. С уверенностью в себе и постоянной готовностью вступить в бой с «духами».

Часто пятьдесят метров на карте на местности превращались в двести пятьдесят метров вниз по склону и столько же вверх, по отвесной скале.

Когда передавали свои координаты руководителю спецоперацией, то в его голосе слышали недоверие. Мол, не может быть, что так далеко углубились в лес. Но

у спецназовцев были видеозаписи переходов. Любое задание они выполняют до конца.

Часть конца сентября и весь октябрь — непрерывные сорок суток спецоперации. Во время лесных привалов, ночевок, они проглатывали свой паек и валились спать. Но, несмотря на усталость, еще травили в темноте байки, смеялись.

Командир взвода лейтенант Александр Бушков слушал, как капитан Андрей Потоцкий, заместитель командира группы, вспоминал 1999 год. Тогда после освобождения разведроты 22-й бригады отряд спустился с горы Чабан, устроился в палатке на короткий отдых. Но палатку снесло ветром от вертолета, низко пролетевшего над землей. Оглушило всех, кто был в палатке. Этим же вихрем от лопастей снесло деревянный душ, в котором мылся Андрей. В мгновение его, мокрого, облепило пылью. Александр смеялся со всеми, а сам думал, как хорошо держится Андрей. Сам не раскисает и другим не дает. У него ответственность за бойцов.

— В отряд, в нашу группу, мы пришли в 1999 году. Молодые лейтенанты, из ленинградского училища. Разместились в бытовке, — вспоминал Андрей. — И почти сразу к нам заглянул командир взвода группы, спросил, как мы устроились. Чаю с нами выпил. Душевно нас приняли. А мы на ус мотали. Следующих новых лейтенантов, новое пополнение, гостеприимно встречали уже мы. Недели через две после прихода в отряд улетели в Дагестан. Там был наш первый бой на горе Чабан. Там же узнали, что самое неприятное, когда артиллерийский наводчик надевает каску.

— А что это значит? — спросил кто-то из бойцов.

— Наводчик вызывает огонь на себя. Он видит противника и по рации наводит огонь своих батарей. Снаряды летят через его голову. Мы как раз были на горе, когда слышим по рации: «У нас тут что-то намечается, наводчик каску надел». Но так ничего и не случилось. Мы вернулись на базу и только потом узнали, что наводчик спустился со своего поста веселый. Его спраши-

вают: зачем он каску «вхолостую» надевал? Оказалось, что на горе просто дождик пошел.

Посмеялись, и все разговоры наконец стихли. Завтра чуть свет подъем...

«Духи» периодически заходили в населенные пункты пополнить запасы продовольствия. Там их встречали огнем на блокпостах или догоняли спецназовцы. Они вынуждали боевиков высовываться из леса — несколько раз опустошали их схроны, заполненные амуницией, оружием и сухими пайками.

В один из дней этой спецоперации, с утра 2-я группа проводила 1-ю к месту работы, а сама отошла назад по горному хребту. Только вошли в лес, как услышали непрерывную ожесточенную стрельбу. По радио узнали, что 1-я группа нарвалась на «духов». 2-й группе был отдан приказ зайти глубже в лес, занять круговую оборону и ждать дальнейших указаний. Все это время тревожная стрельба продолжалась, хотелось ринуться на помощь своим, но приказ есть приказ. В случае выхода «духов» было приказано уничтожать их. К месту, где расположилась 2-я группа, долетали пули и гранаты.

Тревожное ожидание напомнило 2000 год, когда точно так же проводили в свободный поиск 4-ю группу, а утром вышли их встречать. Бушков запомнил голос прапорщика Каразанфира, который первым обнаружил противника и сообщил по рации: «Духи...»

Третья группа во главе с командиром отряда бросилась тогда на помощь. Они продвигались по склону, их рация не ловила сообщения 4-й группы. Эти сообщения слышала 2-я группа и передавала командиру. Как же было тяжело сидеть и ждать, слышать бой по рации, а потом узнать, что в том бою погибли прапорщик Каразанфир и капитан Грушев.

...Теперь в 2002 году под Шалажами 2-я группа до сумерек ждала команды отойти. Вскоре спецназовцы вышли из леса и соединились с 1-й группой. Потерь не было.

Зато трупы уничтоженных «духов» — наемников из турок и греков — спецназовцы вытащили из леса. Остальных боевиков пытались преследовать, но те сбросили с себя тяжелую амуницию и стремительно ретировались.

Но что-то снова и снова гнало «духов» в Шалажи.

Утром следующего дня в этом населенном пункте с боевиками схлестнулась 4-я группа. Через десять минут после отъезда с базы командир группы запросил по радиации помощь. 2-я группа ринулась к ним, благо расстояние было всего около километра.

Примчались. Бой в разгаре. Оказалось, еще две группы боевиков одновременно ворвались в Мужичи и в Галашки. В Шалажах сосредоточилась банда человек в пятьдесят.

Дорога, речка, мост, разделяющий населенный пункт, и горы — вот они, сразу за селением тянутся к небу. Жарко, солнце палит, пыльно. Неподалеку лес. Нужно помочь своим и не дать боевикам ускользнуть. БТР 4-й группы стоит на дороге, бойцы залегли около него, отстреливаются. 2-я группа за двести метров спешила, двинулась к своим, простреливая возможные позиции «духов». Дошли. Заняли круговую оборону рядом с 4-й группой.

Сначала давили огневые точки «духов» из подствольников, потом долбанули из РПГ. Бушков сделал несколько выстрелов из «Шмеля».

Все стихло. Боевики прекратили стрельбу. Спецназовцам удалось пройти вперед. Собрали трупы уничтоженных боевиков. Среди них оказались арабы, каждый с пачкой разных паспортов на любой вкус. На боевиках хорошая обувь, камуфляжи, радиостанции маленькие, удобные. Нашли у «духов» и наркотики. Одурманенные, даже раненые, истекающие кровью «духи» не чувствуют боли и могут сражаться. Только ни отличное обмундирование, ни новая техника, ни наркотики их не спасли. А у спецназовцев и на этот раз обошлось без потерь.

Часть боевиков все же ушла, как и вчера, сбросив с себя все тяжелое. Раненых, судя по кровавым дорожкам, было много. Преследовать их в темноте по лесу —

неосмотрительный риск, можно напороться на засаду или на растяжки. Незачем испытывать судьбу.

Лесной поиск продолжался. Особенно плотно работали по этому району. «Духи» были где-то поблизости. Они выходили в населенные пункты то тут, то там. Ставили на преследователей фугасы. Один из них благополучно сняли саперы отряда.

Фугас оказался очень мощный. Воронка образовалась на полтора метра в глубину и на три — в ширину. Фугас взорвали накладным зарядом в трехстах метрах от колонны, но осколки долетели до тропы. Падали дождем к ногам бойцов горячие куски железа. Вот она — смерть — на ладони, обжигающая, искривленная в причудливом завитке железа...

. . .

Обложенные со всех сторон, загнанные «лесные волки», лишённые возможности беспрепятственно пополнять запасы в населенных пунктах, израненные в стычках, забыли про свой первоначальный план добраться до Ханкалы. Шкуру бы спасти... Они, по-видимому, ночью скользнули обратно через границу, чтобы затаиться до поры до времени, набраться сил...

Спецназовцы плотнее занялись адресной работой. Брали именитых полевых командиров. Задержали в один из выездов связистку Масхадова — скандальную женщину, внешне очень похожую на русскую. Нашли переполненные бандитские схроны. Больше десятка ПТУР за полгода командировки. Один схрон помогла отыскать собака, унюхавшая закопанный глубоко под землей ящик. В ящике размером два на полтора метра чего только не было! И «Шмели», и ПТУР, пачка секретных карт, антиснайперская винтовка, пулемет, глушители к автомату, радиостанции, палатки, спальники, обмундирование...

До самого крайнего дня командировки спецназовцы интенсивно работали. За неделю до отъезда домой отряд подняли в час ночи. Выехали в населенный пункт на адресную работу. На 2-ю группу пришлось девять адресов, а на весь отряд — девяносто восемь.

В БТР 2-й группы были сержанты Максим Жуков, Александр Курочкин, Денис Басков, ефрейтор — сапер по прозвищу Сэп.

Отработав три адреса, подъехали к двухэтажке, спешили. Ворвались в квартиру на первом этаже. Сэп вбежал первым. По информации, в квартире должен был быть «духовский» эмир. Но оказался в комнате какой-то растерявшийся мужчина, по-видимому, не тот матерый эмир, за которым пришли бойцы. Мужчину сбили с ног, скрутили. Начался беглый осмотр комнаты.

Стол, стул, кресло, шкаф. Сэп отыскал под кроватью брошенный пояс с рацией, двумя гранатами и пустой кобурой. Вместе с Басковым подошел к окну. Оно было открыто, а под ним валялись тапочки...

Но стрельба за окном разъяснила ситуацию. Эмир удрал через окно и, петляя между гаражами на заднем дворе, отстреливался. В темноте виднелись только вспышки выстрелов из пистолета, который он захватил перед побегом.

Бойцы бросились из комнаты. Заняли круговую оборону. Прислушались. Темнота — хоть глаз выколи. Метрах в трехстах от них работала 4-я группа. Но эмир мог оказаться не один в дебрях гаражных построек. Четвертая группа со своей стороны подключилась к поискам.

Несмотря на темноту, Жуков отыскал в снегу след и брошенную шапку. Изнутри, на ощупь, подкладка шапки была еще теплая. Спецназовцы несколько раз простреливали пространство, где мог затаиться эмир.

Один из бойцов обнаружил темные пятна на снегу. Подсветил фонариком, а это лужа крови. Ею обильно полит снег. Значит, попали. Двинулись по кровавому следу. Командир шел по одной стороне дороги, штурмовая группа — по другой. Тут еще из радиоперехвата узнали, что «духи» просят помощи своих.

Преследуя боевика, в пылу азарта, бойцы могли потерять осторожность. Легко одетые для ночного мороза, они, как и убежавший эмир, почти ничего не чувствовали.

След привел в один из дворов. За калиткой он пропал. Кровь затерли, присыпали снегом. Сколько человек в доме? Может, на чердаке пулемет установлен.

На чердак вела лестница. Спецназовцы подумали, что эмир вскарабкался наверх. Но тут заметили, что из окна дома узкой полосой пробивается свет. Слышались голоса. Значит, о присутствии во дворе гостей-спецназовцев хозяева не догадывались.

Пнули дверь ногой, Сэп ворвался в дом первым. Спиной к нему, на полу, сидел человек, перевязывал лежащего эмира. У раненого боевика правая рука подозрительно была подсунута под туловище. Пистолет?

Но эмиру уже было не до него. Он потерял много крови. Три выстрела буквально разворотили ему руку. А хозяин дома — врач. Знал эмир, куда бежать. На хозяйина и на боевика надели наручники. Пистолета при эмире не оказалось, он бросил его по дороге.

Спецназовцы вернулись в квартиру и продолжили осмотр. У первого задержанного нашли разнообразные документы. Он якобы являлся и ветераном афганской войны, и сотрудником ФСБ. В комнате за дверцей шкафа оказался замаскированный ход в еще недостроенный бункер, рассчитанный человек на пять. Теплый, с проведенным внутрь электричеством. Там можно прятать раненых и пленных.

. . .

В актовом зале замполит отряда собрал бойцов. И тех, кто вернулся из командировки, и тех срочников, кто еще не был в Чечне.

— Кто из вас видел фильм «Офицеры»?

Робко поднялись только две руки.

И во время просмотра фильма, и после в зале стояла тишина. Замполит помолчал и сказал:

— Фильм немного пафосный, но и профессия у нас такая. Воин не может не быть патриотом. В те годы, о которых снят фильм, страна переживала тяжелые времена. Сейчас, наверное, еще труднее. Только тогда были солдаты и офицеры, которые поднимали за собой полки в бой. И теперь они есть — настоящие воины. Надо нам держаться и служить по совести.

Внимательно слушали и те, кто уже знал, что значит — служить, и те, кто только стоял в начале трудного и долгого пути к званию настоящего спецназовца и

воина. Молодые, упрямые, умеющие ценить хорошую шутку. Бритые макушки, серьезные глаза, набитые на тренировках шишки на костяшках пальцев. Пока есть такие парни, которые рвутся в спецназ и выдерживают тяжелейший физический и психологический отбор, — пусть боятся «лесные волки».

Второе дыхание

Три войны в тяжелом рюкзаке памяти. Три военные дороги в тылу, в грязи по колено, впроголодь, с бессонными ночами. А по обочинам кресты — это навсегда оставленные на войне друзья, памятки, зарубки...

Для старшего прапорщика по прозвищу Тихий война началась еще в 1987 году в Афганистане и продолжается до сих пор. И не только с противником, но и с самим собой. Неизвестно, какая из этих войн труднее.

Он награжден двумя орденами Мужества, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями «За отвагу», «От благодарного афганского народа», «За воинскую доблесть», «За боевые заслуги». В военном багаже не только боевой опыт, ордена и медали, но и тяжелое ранение. Сейчас Тихий служит в отряде специального назначения «Русь».

Ночь с 15 на 16 июля 2002 года. Свет уличного фонаря едва пробивался через приоткрытую дверь сеновала. Разговаривать было нельзя. Рядом с Тихим в темноте затаились офицеры из разведроты 46-й бригады — Николай Крылов, Денис Шеин и Андрей — офицер из алтайского СОБРа.

В засаде ждали чеченского полевого командира, эмира. Дом и сеновал во дворе, где сидели разведчики, принадлежали его другу, который служил в чеченской таможне и занимался похищением и продажей в рабство солдат из Дагестана. Отец таможенника уверял, что не видел сына два с лишним года, про эмира ничего не слышал и слышать не хочет. Но то, что эмир в селе, разведчики знали и без его показаний.

Эмир нигде долго не задерживался больше, чем на два часа. Он все время перемещался из одного дома в другой, где местные его прятали в подвалах и на сеновалах. За ним бесшумно и незаметно следовала охрана — около двадцати боевиков, вооруженных до зубов. Получение информации в этом селе эмир поставил хорошо. Его боялись, ему доносили о передвижениях войск, и незаметно подобраться к нему было практически невозможно, во всяком случае большой группой.

Разведчики решили использовать единственный шанс, уговорили отца таможенника привести эмира к себе домой и вчетвером сели в засаду на сеновале во дворе его дома. Основные силы — два БТР и две группы быстрого реагирования — ждали на окраине села, готовые по первому сигналу примчаться на помощь.

Оставалось ждать. Ждать — это привычная работа для разведчика. Тихий боролся с острым желанием закурить и не задремать в темноте. Мысли перескакивали с одного на другое. Только недавно разведбат перебросили под Чечен-Аул, а до этого разведчики вместе с отрядом «Русь» три недели работали по Мескер-Юрту. Ночные и дневные засады, адресная работа. Боевиков брали тепленькими, в постелях. Село очень грамотно блокировали, никого не упустили, вытаскивая бандитов из всех щелей, а оружие из схронов.

Тихий с удовлетворением вспомнил об этой операции. Вот это нормальная, настоящая работа для спецназа и разведки, не так, как было в первую войну, когда в Грозный по делу и без дела кого только не направляли — и морпехов с Дальнего Востока, и десантников, среди которых тогда был Тихий, и Софринскую бригаду, и дивизию Дзержинского, и федеральные войска. Да еще пустили в город танки, которые железными неповоротливыми пробками перекрывали улицы, мешали продвижению войск, становились отличной мишенью и огненной ловушкой для танкистов. Чеченцы же действовали малыми группами, человек по пятнадцать. Выскакивали из подвалов, обстреливали войска и исчезали в другом районе...

А когда штурмовали Черноречье, десантники и морпехи лежали под шквальным огнем, который боевики вели из укрепленных, скорее напоминавших крепости, домов. Впереди был полуразрушенный мост, переходивший в дорогу. Под прикрытием техники войска пытались прорваться на окраину Черноречья, но «духи» подожгли две БМП и БТР. Кое-как удалось спихнуть с дороги неповоротливый БТР. Бээмпэшки развернулись и отошли назад сами. А боевики огонь не прекращали ни на минуту.

Тихий лежал около трамвайных путей. Рельсы приподнимались на несколько сантиметров над разбитым, осевшим асфальтом. Рядом лежали солдаты, совсем мальчишки. Они смотрели на него, бывшего афганца, и все делали, как он.

А как заставить себя встать под пулями, когда было только одно желание — враски в землю, стать незаметным? И казалось, что уже сровнялся с трамвайными рельсами, с январской землей, неровной, жирной, присыпанной тающим снегом.

Наконец поступил приказ отходить. Потери понесли колоссальные, особенно морпехи. И только когда удалось убедить руководство, что надо действовать малыми группами, выдвинуться в заданный район, закрепиться и прикрывать огнем атаку и перегруппировку своих, войска смогли прорваться на окраину Черноречья. Только на окраину, а предстояли еще более ожесточенные бои...

— Что там? — шепнул Тихий, насторожившись.

— Ничего, — отозвался из темноты Николай. — Пока все тихо. Он его вот-вот должен привести.

— Что-то не торопится, — из своего угла шепнул Денис. — Как бы он нас не подставил.

— Цыц, вы! — прекратил разговоры Тихий. Он был самый старший и опытный в группе.

«Вот так же мы сидели в засаде у Джалкинского леса под Гудермесом, — вспомнил Тихий. — Только тогда была зима, ждать пришлось, прижавшись к промерзшей земле. Часа в два ночи нас присыпало хлопьями снега...»

Но снег пришелся кстати. Замаскировал, скрыл следы ночного продвижения разведчиков к перекрестью дорог. По информации, из ближайшего села должна

была выйти группа боевиков. Бандиты все время минировали трассу Гудермес — Аргун.

В семь часов, еще в сумерках, из села на лошадях выехали мальчишки. Проскакали по полю, вдоль леса, осматриваясь и оглядываясь. Когда они вернулись в село, оттуда выехал автобус, но почти сразу остановился. Еще раз мальчишки пробежали по дороге. Две женщины с сумками прошли мимо замаскировавшихся разведчиков. Не заметили. К автобусу тем временем подъехал «уазик», и они вместе двинулись вперед. Когда поравнялись с разведчиками, Тихий отдал приказ гранатометчику стрелять по автобусу. Другая группа разведчиков взяла на прицел «уазик». В автобусе ехали боевики, среди них были и арабы...

— Идут, — прошелестел чей-то шепот на сеновале.

Это, скорее всего, сказал Андрей. Собровец стоял за дверью и первым должен был кинуться на эмира. Он первый и услышал шаги, тихие голоса эмира и хозяина дома. Духота на сеновале, настоящая на запахе высохших трав, как будто стала плотнее от напряжения. Вот сейчас, вот-вот они зайдут...

Но эмир был настороже. Когда хозяин его пихнул в спину, боевик наткнулся в темноте на собровца и среагировал мгновенно. Оттолкнув Андрея, эмир ринулся к выходу, где его встретил Тихий. Не мешкая ни секунды, эмир мертвой хваткой вцепился ему в горло. Тихий подсек его под ноги, повалил на пол и со всей силы ударил прикладом автомата по голове. Любой другой бы уже не встал, а эмир перевернулся на спину и начал подниматься. Тогда Тихий, не выпуская из правой руки автомат, левой стал заводить руку эмира за спину.

«Вот сейчас, еще чуть-чуть... руку заведу и ты мой», — думал Тихий.

И вдруг эмир хрипло и коротко крикнул: «Аллах акбар!» Тут же раздался щелчок, который ни с чем не спутаешь. Щелчок — и сразу взрыв! Замедлитель с гранаты спилили, и не было спасительных трех-четырёх секунд. В тот момент Тихий еще не знал, что на эмире был пояс шахида, начиненный пластиком, тротилowymi шашками, на лямках вдоль груди висели ВОГи. Но

Тихий, дернув эмира за руку, отвел «эфку» от смертельного пояса, и тот не сдетонировал.

Тихого откинуло к стене, ослепило яркой вспышкой. Он ничего не видел, только радужные пятна перед глазами. Левую руку не чувствовал. Услышал, что со стороны двора началась стрельба. Это охрана эмира кинулась выручать командира.

— К бою! — закричал Тихий.

Андрея контузило взрывом, он никак не мог подняться на ноги. Дениса ранило осколками в ноги. Только на Николая оставалась надежда. Тихий, преодолевая боль, отполз к другой стене и начал стрелять поверх забора, держа автомат в одной правой руке. Из-под забора во двор вкатилась граната. В свете уличного фонаря Тихий ее увидел и лишь успел отвернуть голову от очередного взрыва. Его приподняло взрывной волной и снова ударило о стену. Боль и сумятица в голове... Он перевернулся на спину, когда к нему подполз Денис.

— Стреляйте, только не останавливайтесь, стреляйте, — с трудом произнес Тихий.

Николай перебежал на правую сторону двора, откуда он видел улицу и мог ее простреливать.

— Двое есть! — крикнул он.

— Коля, стреляй! — снова повторил Тихий.

Тут и Андрей наконец смог встать. Тоже взял в руки автомат.

— Я тебя буду вытаскивать, — Денис подступился к Анатолию.

— Оставьте меня... Уходите...

— Ты что, спятил?! — разозлился Денис.

— Уходите сейчас... Иначе зажмут... Все погибнем.

Николай пытался связаться со своими по радиации. Но связи не было. Он пустил сигнальные ракеты. Через несколько минут связь все-таки появилась. БТР мчались на подмогу. Но боевики, а их было человек двадцать, наседали на осажденных разведчиков.

— Денис, держи кромку забора, не давай им сунуться, я его вытащу в огород, — теперь Николай подступился к Анатолию. Стал его переворачивать.

— Ты что делаешь?! — закричал от боли Тихий. — Где автомат? Дай мне автомат!

— Тихо! Какой тебе автомат? — но автомат протянул.

Тихий так и не смог его взять. Рука не слушалась. Николай все-таки перевернул его.

— Коля, что с ногой? — от боли в ноге у Тихого потемнело в глазах.

Николай оттянул другу голову назад, чтобы тот ничего не видел. Достал из ИПП жгут, перетянул развороченную взрывом ногу. Стал бинтовать. Тихий чувствовал, что бинт проваливается куда-то в пустоту. А Николай все не давал ему посмотреть. Вколол промедол.

— Коля, что с ногой? — волновался Тихий.

— Да на месте твоя нога! Только кусок мяса оторвало.

Николай подхватил друга под мышки и потянул к выходу. Тихий охнул и начал задыхаться.

— Подожди, — зашептал он. — Оставь, я сейчас, наверное, отойду.

— Ты же со мной разговариваешь. Успокойся!

— Режь разгрузник, там что-то не то...

Лямки разгрузника с треском разлетелись под лезвием ножа. Николай отогнул разгрузник, а под ним на груди разодранная в клочья коричневая футболка уже пропиталась кровью. Сразу не разберешь, где кожа, где ткань — все смешалось. Тихий откинулся назад.

— Коля, забирай ребят и уходи.

— Тихо ты, дурак! Бэтээры идут, слышишь?

Стрельба сначала усилилась, а потом почти стихла. Тихого уложили на плащ-палатку и потащили к БТР. Николай крикнул:

— Только не в бэтээр! На броню его! Только не в бэтээр!

Тихий понял, что с ногой совсем плохо, раз Коля не хочет, чтобы его протискивали сквозь узкий люк БТР. Руки товарищей подняли его на броню. Тихий был еще в сознании.

— Ребята, пить дайте.

— Пить нельзя! — опять вмешался Николай.

— Тогда хоть сигарету...

Рядом с Тихим сидел боец и заворуженно смотрел на раненого прапорщика.

— Пузаков, чего ты смотришь?! Сигарету дай! — из последних сил рявкнул Тихий.

— У вас все лицо в крови, — пробормотал Пузаков.

— Сигарету дай!

Но от первой же затяжки он закашлялся и потерял сознание. Очнулся уже, когда с БТР его сгружали в палатку на базе. Там ждал свой хирург из бригады. Он начал обрабатывать руку. Было так больно, что Тихий закричал:

— Ты чего, гад, делаешь?!

И снова провалился в черноту. Прежде чем очнуться, он услышал, что рядом работают винты «вертушки». Открыл глаза. Перебинтованного, укрытого одеялом, в теплом спальнике, его несли на носилках к вертолету. Рядом шли товарищи, подбадривали: «Все нормально будет, все хорошо. Не волнуйся».

В Северном встретил Тихого друг Сергей Чепалов, тоже афганец, командир разведроты. Его ранило несколько дней назад. Вместе с Сергеем был заместитель командира батальона подполковник Кобяков.

— Что случилось? — спросил Сергей.

— На ловушку нарвался. «Дух» замедлитель спилил. Серега, жене ничего не говори.

А жена Ирина в этот момент шла следом за носилками и все слышала. Она служила вместе с Тихим в 46-й бригаде и была в эти дни в Грозном.

Из Северного Тихого привезли в хирургическое отделение ОМСН, и почти десять часов шла операция. Хирурги, измученные, сменялись, выходили перекурить. Ирина бросалась к ним с одним вопросом:

— Как он?

— Пока жив.

Без сознания Тихого перевезли в Москву. В реанимации ему сообщили, что правую ногу сохранить не удастся. После ампутации была бесконечная череда болезненных перевязок. Минно-взрывные ранения заживают долго.

И вот когда борьба за жизнь увенчалась успехом, Тихий вдруг понял, что теперь жить-то вовсе и не хочется. Был здоров... и в мгновение оказался укороченным на одну ногу. Кому такой нужен?

Это были самые трудные дни в его жизни. После очередной невыносимой перевязки лежать в палате,

смотреть на осень за окном, как листья падают, будто жизнь вместе с ними уходит.

Тихий забыл, как сам, еще в Афгане, когда служил срочную в отдельной разведроте ВДВ, решил для себя, что если человек морально сломался, значит, и физически сломить его ничего не стоит. И на трудных горных боевых выходах он, изнемогая от непривычной для уральского парня жары, облизывая потрескавшиеся от жажды губы, все ждал, когда же наконец откроется второе дыхание. И оно всегда приходило — полный глоток воздуха, и появлялась сила в негнущихся ногах. А те, кому не удавалось дождаться, вытянуть из себя последние жилы и все-таки ощутить прилив новых сил, те оставались за бортом. В боевые выезды таких, сломленных морально, уже не брали.

В Афгане таскали на себе немыслимое количество груза. Боекомплект, бронезилет, сухпай и воду, кто сколько мог. А водой обязательно делились с товарищами.

На одну из разведывательных операций, целью которой был караван с оружием, вышли километров за шестьдесят от базы в Баграме. Сухпай и воду брали из расчета на пять суток автономной работы. Вместо каши старались взять побольше тушенки, что-нибудь сладкое — сгущенку и сухофрукты из горно-летнего сухпая, шоколадку. Именно сладкого в Афганистане не хватало, особенно в первое время. На марше, когда некогда остановиться, а голод уже начинает донимать, лучше всего перебить аппетит чем-нибудь сладким.

Разведчики все как один были сухощавые, жилистые, но по-настоящему сильные и выносливые. Ротный больше всего уделял внимания стрелковой подготовке, а не физическим упражнениям. Этих упражнений им хватало на операциях. Ротный шутил: «Мышечная масса тела не влияет на траекторию пули». Какой бы ты ни был качок, если не умеешь стрелять, то грош тебе цена. Тем более среди «духов» практически все были отличные стрелки.

...Сначала разведку местности продлили на сутки, потом еще на сутки. Вода на исходе. И хотя «духи» не минировали и не травили места, где можно набрать во-

ды, до этих источников еще надо было долго идти. А из заданного квадрата разведчики выйти не могли.

Когда пошли третьи сутки сверх запланированных пяти, вода и сухпай кончились. У радиостанции садились батарейки. Связист сэкономил их одному ему известными способами в ожидании приказа и успел-таки получить этот приказ, услышал сквозь помехи координаты места, где их будет ждать «вертушка».

Караван так и не прошел. Как будто за миражом гонялись они эти восемь суток. Пока шли последним маршем до «вертушки», многие разведчики теряли сознание. У всех растрескались губы, распухли языки. Без еды еще как-то можно было обходиться, но без воды...

Из приземлившейся «вертушки» сразу выволокли пластмассовую флягу. Спустя пятнадцать лет Тихий помнил даже ее цвет — темно-зеленая с белой крышкой, обтянутая солдатской шинелью, чтобы вода оставалась прохладной. Обезумевшие от жажды разведчики кинулись к воде. Ротный подскочил к фляге и стал стрелять в воздух из автомата. «Стоять!» — закричал он отчаянно. И стал выдавать в кружке по три-четыре глотка. Обезвоженным бойцам нельзя было сразу много пить. А в тот момент так хотелось присосаться к этой полупустой кружке и пить, пить...

После срочной службы Тихий пошел на завод, в мартеновский цех. Но долго там не проработал, потому что из-за развала Союза вдруг и металл России почему-то стал не нужен. Зарплату не платили, сокращение кадров, карточная система... Тихий снова пошел служить в ВДВ, в выведенный из Ферганы десантно-штурмовой полк, в разведроту. Не пришлось долго ждать, чтобы применить свои боевые навыки. Началась война в Чечне. А следом за ней вторая чеченская кампания.

«Что же это? Все зря? Жизнь зря? — думал Тихий, глядя на желтые стены палаты, на осень за окном. — Афган, Чечня. В 96-м в первую войну Женька Полюнов погиб. Только в 1999 году мать его в Ростове нашла, опознала, похоронить смогла... И он, выходит, зря, если я жив остался, а сдаюсь, не хочу жить. Должен! А тот боец, Лешка. Ему было восемнадцать. Док говорил, чтобы я себя не винил, а все равно...»

На окраине Аргуна проводили зачистку. И Тихий с разведдозором заходил со стороны реки, поднимался на пригорок. Зима, слякоть, грязь. Только поднялись, из ближайших домов выскочили восемь боевиков против трех разведчиков. Открыли огонь. Лешка сразу упал, и под ним снег залило кровью. «Духов» забили плотным огнем, оттеснили в дом, но бой не прекращался. Тихий велел оттащить Лешку под берег и оставил с ним бойца. Пока бой не закончился, эвакуировать раненого не могли. Зато потом по пояс в воде, через реку, на носилках тащили его к площади, где должна была сесть «вертушка». Тихий держал его холодеющую руку в своей. Шесть пуль попали бойцу в грудь.

— Леш, все будет хорошо, нормально, — утешал Тихий, хотя видел, что ничего уже хорошо не будет.

— Мужики, а у меня ведь даже женщины до армии не было, — вдруг сказал Лешка.

В вертолете он умер.

«И это, выходит, зря? А я нюни распустил! Иру обидел. Сказал, разводиться давай. Зачем тебе такой? Да что я, самый хреновый мужик на планете? Отцы и деды после Великой Отечественной без ног, без рук детей рожали, воспитывали, колхозы и заводы из руин поднимали. К черту! Пойду обратно в армию, если возьмут!»

Посетители к нему в госпиталь ходили вереницей. Вот уж кто поддерживал морально! Приходили ребята и из бригады, и из отряда «Русь», и из главка приходил полковник, бывший афганец, Павел Борисович Жданов. Начальник разведотдела лично приехал вручать орден Мужества и именной кинжал с надписью: «От разведки и спецназа внутренних войск». Приходили вообще незнакомые люди, называли общих друзей, передавали приветы.

Чаще других навещал Алексей Найнодин — старый сослуживец еще по первой войне и лучший друг. Когда он приближался, Тихий уже в палате слышал его бас. Алексей привозил цветы, фрукты, соки. Похудевшего, измученного товарища он с легкостью брал на руки и выносил гулять в госпитальный парк.

Главком разрешил служить Тихому дальше. Национальный военный фонд и боевое братство, разведчики и спецназовцы помогли получить хороший немецкий протез. Но и к нему было тяжело привыкнуть. Сколько раз отбрасывал его и сгоряча кричал жене:

— Я ходить не буду никогда! Не хочу на протезе. Купи мне инвалидную коляску и в метро отвези.

— Ты же кавалер трех орденов, — терпеливо увещевала жена. — Какое тебе метро?

— Тем лучше. Надену ордена. Больше дадут, — сам себя зло добивал Тихий.

Но, придя в себя через полчаса, снова тянулся к ненавистному протезу, который потом, когда Тихий вернулся в Чечню в той же должности старшины разведроты, сослужил ему хорошую службу.

Два года Тихий продолжал ездить в боевые командировки и выполнять свой долг. Конечно, по горам и лесам не бегал, но находился в подразделении, учил солдат, обеспечивал работу тыла — когда в тылу все хорошо, в атаку ходить легче. Выезжал в разведдозоры, провожал и встречал группы со спецзаданий, обеспечивая коридор выхода и прикрытие.

В 2004 году Тихий перевелся служить в отряд «Русь». Встретили его там как старого друга, с теплотой и уважением. Командир отряда очень много сделал для Тихого, заместитель командира по тылу майор Николай Николаевич Черкасов помог с общежитием. Бойцы, молодые ребята, зная, какой опыт у Тихого, подходят, задают вопросы и по стрелковому делу, и по топографии. Тихий всем отвечает и помогает. Его новая должность — начальник вещевого склада. Это дело не менее ответственное, чем любое другое. Ведь без ботинок, тельняшек и другого снаряжения солдат в бой не пойдет.

И в жизни, как в боевом походе, бывают моменты, когда должно открыться второе дыхание. Главное, не сдаться и не потерять прямую дорогу, по которой шел. «Предложат мне прожить другую жизнь, — думает Тихий, — я соглашусь прожить только точно такую же, как моя, и ни от чего, и ни от кого не отрекусь».

Как стать спецназовцем

«Спецназ — это не фанатизм, а состояние души» — так высказался о своей службе заместитель командира отряда специального назначения «Витязь». И все-таки настоящий спецназовец — это человек одержимый, страстно преданный своему делу.

Получая награды, спецназовцы произносят: «Служу Отечеству! И спецназу!» — подчеркивая этим свою верность идеалам, законам спецназа, жестким и непререкаемым. В этих законах вы не найдете лазейки для малодушия, слабоволия и нечистоплотности. Здесь патриотизм приравнен к профессии спецназовца. Одно не существует без другого, а значит, присяга Родине — это присяга спецназу и спецназовскому братству.

О спецназовском братстве, взаимовыручке, дружбе ходят легенды, и в большей степени именно это привлекает молодых ребят в отряды специального назначения. Но не всем, кто призывается на срочную службу, открыта дорога в спецназ внутренних войск.

Недостаточно одного желания стать спецназовцем. Конечно, необходимы хорошее здоровье, отличная физическая подготовка, выносливость, коммуникабельность, психологическая и душевная устойчивость, неприхотливость в еде и быте, да и много еще чего.

Получается портрет не только идеального спецназовца, но и идеального человека. А, как известно, идеальных людей не существует. Тогда откуда же берутся эти «сверхчеловеки» — спецназовцы?

Все-таки именно *желание* стать спецназовцем играет решающую роль. Однако это должно быть такой силы желание, которое преобразит человека, сокрушит все запреты, все слабости здоровья и характера. Это желание можно еще назвать силой воли. Вот, пожалуй, основа для настоящего мужчины и спецназовца — сила воли.

Попасть в спецназ на срочную службу — это один путь. Другой — после окончания военного училища прийти в отряд по распределению. Но при этом также необходимы стремление и желание служить в отряде. Можно перевестись из других подразделений. Возможностей много, а конкурс в спецназ всегда большой.

Но бывает и так — наступил счастливый день, и парень наконец зачислен в отряд, сбылись мечты, а служить вроде уже и не хочется. Все силы потрачены на прохождение медицинской комиссии, психологических тестов (морально-психологическая устойчивость проверяется не только методом тестирования, но и наблюдением за поведением призывника в поединке). А ведь самое сложное только начинается.

Тяжкий труд, каждодневные занятия, тренировки, испытания на совместимость с новыми товарищами, вживание в незнакомый коллектив, жесткий и непримиримый к твоим слабостям. Новоиспеченный «спецназовец», который лишь номинально так называется, в этой ситуации может быть сломлен морально. А, как известно, сломленного морально человека легко сломать физически. В чем же проблема? Как предусмотреть разочарование в выборе профессии, как узнать, на что ты действительно способен, до того, как попадешь в отряд?

В этом смысле легче бойцам, которые пришли в отряд по совету старшего брата или отца, уже служивших в спецназе. Такие ребята в какой-то мере застрахованы от разочарования. Они подготовлены к тому, что спецназ — это не романтическая прогулка в краповом берете и в красивой форме, а труд, с потом и кровью, с болью от тяжелых тренировок, это боевые выезды в горячие точки с риском для жизни, с риском стать инвалидом на всю жизнь.

Молодым людям, ничего не знавшим о спецназе, а только видевшим красивые фильмы о мужественных парнях, которым не составляет труда разнести кулаком гору кирпичей, играючи разбить бутылку о крепкую бритую голову, прыгнуть в огонь и стрелять из пулемета, держа его одной рукой наперевес, — надо в первую очередь забыть о романтическом настрое и посмотреть на все с другой стороны.

Если ты наденешь форму спецназовца, разве станет твой кулак крепче, голова непробиваемой, кожа огнеупорной? Разве существует на свете волшебство, способное в мгновение превратить человека в супергероя? Если человек уже вышел из того возраста, когда еще верят в чудеса, стоит прикинуть, сколько физических затрат

надо сделать, чтобы накачать хоть небольшие мышцы, чтобы бегать быстрее других, прыгать выше, научиться терпеть боль, забыть о своей боли, чтобы вытащить раненого товарища из-под обстрела. Чтобы стать спецназовцем, человеком столь романтической профессии, надо перестать быть романтиком, превратиться в сурового реалиста и строго подходить к оценке своих потенциальных возможностей.

В боевой командировке в Чеченской Республике либо в другой горячей точке, участвуя в спецоперациях, спецназовцы зимой и летом встают в четыре часа утра. Зимой — пронизывающий холод, слякоть, грязь под колесами, на ботинках, на камуфляже, на лице. Летом — жара за сорок, раскаленная броня БТР, пот градом, пыль. Полчаса на завтрак и снаряжение. С пяти утра и до девяти вечера на выезде, в горах, на тропах в лесу, в населенных пунктах, со снаряжением под двадцать килограммов — бронезилет, «маска», боекомплект (БК), оружие. Вернувшись на базу, спецназовцы первым делом приводят в порядок оружие, чистят, протирают. Если был бой, доукомплектовывают БК, сушат одежду, ужинают. Только успевают заснуть, а уже подъем. Только четыре-пять часов на сон. С дровами зачастую нехватка, палатки холодные, сухой паек (сухпай) — пшенная и перловая каша, тушенка. И в таких условиях месяц, а то и два, и три. И так, на износ, работают все без исключения спецподразделения. Романтика?!

Преодолевая физические нагрузки, психологическое давление, стрессовые ситуации, спецназовец не становится сверхчеловеком. Он также устает, изматывается до предела, ему хочется вкусно поесть, выпить, расслабиться, погулять по нормальным светлым и мирным улицам, где не стреляют и не подрывают, сходить в кино и в театр. И все же при всей своей обычности, человечности, это уже не просто обычные люди.

В чем-то они жестче, в чем-то наоборот сентиментальнее, им гораздо понятнее и ближе такие же, как они, прошедшие те же испытания в жизни, видевшие смерть в лицо. Отсюда такое доверительное отношение между бойцами в отрядах специального назначения, отсюда теплое обращение друг к другу: «Братишка».

Можно создать любой коллектив, назвать его братством, но искренне называть друг друга братьями будут только те, кто, рискуя жизнью, бок о бок, прикрывает друг друга и поддерживает не только на словах, но и в бою под пулями. Отдать жизнь за товарища — на это способен не каждый, и потому настоящих спецназовцев не так много.

Отряды спецназа действительно можно считать элитой войск именно из-за того, что эти люди готовы на полное самоотречение во имя Родины, во имя друга, во имя идеи и своего отряда. Они заслужили это особое положение не словами, не красивой формой, а годами труда, подвигов и отваги. Среди нынешних спецназовцев и среди ветеранов спецназа много Героев России, кавалеров ордена Мужества, других государственных наград.

Из писем солдат и допризывников в отряд специального назначения:

«...Служу я в пехотной роте. Прошу перевести в спецназ, так как очень хочется проверить себя в горячем деле на острие удара».

«Волею случая попал в строительные войска. Или вы мне поможете оказаться в спецназе законно, или я сбегу и сам к вам приеду».

«Могу водить автомашину, немного работаю на радиостанции, прыгал с парашютом, плавал с аквалангом, не новичок в спортивном ориентировании. Через полгода — в армию, но я хочу стать не просто хорошим солдатом, а и настоящим мужчиной. Мое место — в спецназе. Поверьте и помогите!»

«Окончил службу в ВДВ старшиной. Вернулся из армии — кругом столько грязи и подлости. И никому нет до нее дела: прячутся за спины друг друга. А вы лезете на рожон, и я хочу драться за правду, за Россию вместе с вами — только позовите, ребята!»

Эти парни уже все решили для себя и, наверное, станут спецназовцами, но для этого им надо при поступлении в любой из отрядов спецназа показать свою физическую подготовленность: двадцать раз подтянуться на перекладине, шестьдесят раз отжаться в упоре, в течение минуты удерживать «уголок», за двенадцать минут пробе-

жать три тысячи метров и продемонстрировать удовлетворительную гибкость. И это не результаты тренировок в отряде, а всего лишь стартовые возможности, визитная карточка кандидата!

Боец-призывник прибывает в отряд спецназа на учебный сбор. Здесь он проходит курс молодого бойца (КМБ), изучает основные положения уставов, Присяги, Положение о знамени воинской части, выполняет первые в его жизни стрельбы из автомата Калашникова, учится элементарным приемам строевой подготовки, выполнению обязанностей в суточном наряде, дневального по группе, самым элементарным навыкам солдата. КМБ занимает обычно полтора месяца до Присяги. Еще перед Присягой призывник сдает тесты по физической подготовке. В тесты входят: бег, упражнения на силу и гибкость. По существующей шкале оценок определяется количество баллов, которые солдат набрал. После этого он принимает Присягу и проходит первую в отряде мандатную комиссию.

На мандатной комиссии учитывается многое. В первую очередь желание кандидата служить в спецназе. Если нет такого желания, насильно никто удерживать не станет и солдат или переводится в другую воинскую часть, или остается в отряде в подразделении обеспечения, где он никогда не будет привлекаться к выполнению специальных задач. Также учитываются состояние здоровья и физические качества кандидата по набранным баллам после сдачи тестов, характеристика командира и морально-психологические качества кандидата (заключение психолога — особо рекомендован, рекомендован, может быть рекомендован, не рекомендован). Те, кто не рекомендован вообще, как правило, подлежат откомандированию. Комиссия оценивает все показатели в комплексе и по итогам принимает решение — либо оставить в отряде в учебной группе специального назначения проходить службу в течение полугода в солдатском взводе, либо направить для прохождения службы и обучения в сержантский взвод, где готовят командиров отделения, либо перевести внутри отряда в одно из подразделений обеспечения — эта служба для добросовестных ребят, спортивных, но которые немного не дотягивают до военнотру-

жащего подразделения специального назначения. Не исключена возможность, что через какое-то время из подразделения обеспечения солдат сможет попасть в группу специального назначения. Был случай, когда солдат-повар добился, чтобы его перевели в группу разведки, получил краповый берет и даже стал старшиной группы.

Из ста пятидесяти призывников, пришедших в отряд спецназа, после мандатной комиссии может быть откомандирована из отряда половина. На самом деле очень мало призывников, которые удовлетворяли бы всем требованиям спецназа — и физическим, и морально-психологическим, и при этом имели бы желание служить. Военкоматы направляют в отряды спецназа не всегда тех, кто хочет стать спецназовцем, а тех, кто более-менее подходит по физическим и психологическим данным, а основной отбор проводится уже в самих отрядах. Из-за отсутствия начальной военной подготовки в школах, которую, правда, в последние годы пытаются снова ввести, призывники далеки от понимания военной службы и надлежащего физического уровня. Отряды спецназа охотно берут ребят из военно-патриотических клубов, потому что они наиболее подготовлены для военной службы и, как правило, после мандатной комиссии не отсеиваются. Реже желающих служить в спецназе переводят из других воинских частей, где они уже прослужили какой-то срок. Перевод зависит в первую очередь от целеустремленности и упорства солдата. Но ведь хорошего, спортивного бойца никакой командир не захочет отдавать. Такого рода вопросы приходится решать на уровне командования внутренних войск.

Поступившему в отряд парню предстоит сражение с самим собой. Он еще не спецназовец. Надо пройти вводный курс в учебном подразделении, который предусматривает ликвидацию высотобоязни, огнебоязни, водобоязни, взрывобоязни и других страхов, свойственных обычному среднестатистическому человеку.

Как можно отучить человека бояться того, чего приучают его бояться с детства? «Не трогай, обожжешься!», «Не лезь на крышу, упадешь, высоко!», «Не заплывай далеко, утонешь!» Все эти истины сидят в подкорке головного мозга и выбить их оттуда не так-то просто.

В данном случае клин клином вышибают. Раз за разом надо преодолевать огненно-штурмовую полосу, залезать на крышу здания и спускаться с нее с помощью альпинистского снаряжения, ползти по рву, наполненному водой, когда над головой свистят пули и справа и слева грохочут взрывы. А ведь еще надо приучить бойца, будущего спецназовца к виду трупов — на войне спецназовец, как и любой солдат, не имеет права бояться и этого.

Однако бесстрашного бойца в природе быть не может. Страх — естественный инстинкт самосохранения всего живого. Как любят повторять спецназовцы: «В бою не боятся только дураки и пьяные».

«Страх испытывают все без исключения. И страх должен присутствовать. Не должно быть трусости и бездействия. А страх заставляет выживать и принимать хоть какое-нибудь решение», — говорит заместитель командира отряда специального назначения.

Не страх должен руководить действиями спецназовца, а спецназовец должен использовать чувство страха как индикатор опасности. Ведь когда надо залечь, вжаться в землю, переждать, страх может заставить побежать. Тогда лучшей мишени для врага не придумаешь. Так погибают трусы и паникеры. Страх подсказывает, что опасность близка, но надо собрать волю в кулак, спокойно осмотреться, подумать и решить, как найти выход из опасной ситуации.

Через полгода обучения в учебной группе солдаты снова предстают перед мандатной комиссией. Солдата распределяют в ту или иную группу специального назначения для дальнейшего прохождения службы, либо переводят в подразделения обеспечения, либо вовсе откомандировывают из отряда. Последнее решение может быть обусловлено тем, что в процессе обучения у кого-то могли проявиться отрицательные качества, возникнуть проблемы со здоровьем или нежелание служить дальше именно в отряде спецназа. Тогда снова вступает в силу принцип добровольности — никого насильно в спецназе не держат.

Вспомогательные службы — подразделения боевого, технического, тылового обеспечения, находящиеся в составе отряда специального назначения. Несомненно, служба в них очень важна. Спецназовцы не могут, напри-

мер, обойтись без специалиста по холодильным установкам, без слесаря-сантехника, без повара, без механика по ремонту автомобилей.

Всем сдавшим выпускные экзамены в сержантском взводе присваивают звание сержанта, не сдавшим — ефрейтора. Выпускник солдатского взвода проходит контрольно-проверочные занятия. И сержанты, и солдаты наконец попадают в группу специального назначения. В группе их представляют коллективу, вручают оружие.

Почти во всех группах отряда «Русь» долгие годы существовала традиция (она сохранилась до сих пор в некоторых подразделениях) — посвящение в спецназовцы. Когда солдату перед строем вручают оружие, он произносит клятву воина-спецназовца. Несколько лет назад ее составили два спецназовца, один из которых, капитан Михаил Грушев, погиб 16 августа 2000 года. Звучит она приблизительно так: «Я... вступаю в ряды спецназовского братства. Торжественно клянусь защищать свой народ от бандитов и террористов, не щадя крови и своей жизни...» Клятва не предусмотрена ни одним документом и просто является хорошей традицией.

Ко времени прихода солдата в группу он уже имеет определенный багаж — прошел обучение в учебном подразделении, сдал контрольно-проверочные занятия или выпускной экзамен, обладает определенными физическими данными, большой выносливостью, навыками рукопашного боя, высотной подготовки, посещал криминальный морг, где наблюдал вскрытие трупов...

А в общем, нет универсального ответа на вопрос, как становятся спецназовцами. Большинство спецназовцев считают, что спецназ — это даже не профессия, а образ жизни, жесткий, суровый, единственно верный.

Многие гражданские, далекие от спецназа люди считают иначе: *«В спецназе калечат молодых парней, превращают их в не знающих жалости костоломов, способных работать только руками и ногами».*

Спецназ — дело сугубо добровольное, силком туда никто никого не тащит. Только убежденность кандидата в том, что без него, единственного и неповторимого, «красные береты» не обойдутся, может заставить человека прийти в отряд специального назначения.

Не фанатизм, а состояние души

Заместителя командира отряда «Витязь» дома встречает младший сын, Сашка. Нацепив отцовский разгрузник и косынку на голову, он делает заманчивое предложение:

— Пап, я — спецназовец, ты — террорист! Играем?!

Начинается возня: перебежки по комнатам, засады и перевернутые вверх тормашками стулья. Жена только головой качает.

— Что, у вас других игр нет? Саш, ты бы лучше порисовал.

Но и рисует сын спецназовцев и террористов. Отец — подполковник, у него краповый берет, награды. Медаль «За отвагу» и орден Мужества. Не знает только Сашка, что он ровесник отцовскому ордену. Не знает, через что нужно пройти, чтобы заслуженно носить этот орден на кителе.

Крест Мужества и шрамы на ноге, как зарубки на память о той весне 1996 года в Самашках...

В «Росиче», куда перевелся служить старший лейтенант из Узбекистана, ему, как и другим спецназовцам, скоро придумали позывной — Кац. Красивые позывные, которые присваивали себе ребята вначале — «Орел», «Беркут», «Ястреб» — не прижились. Но стоило старлею посмотреть фильм «На Дерибасовской хорошая погода...» и высказаться в шутку на совещании словами персонажа фильма: «А Кац предлагает сдаться», — так и остался он Кацем. Сообразительным, смекалистым с хитринкой в черных глубоких глазах командиром 4-й группы специального назначения.

Под Самашками весна. Март 1996 года...

Кац на тот момент стал капитаном и получил медаль «За отвагу».

В первую войну награды приходили быстро. 16 января 1995 года штурмовали ракетную базу под Бамутом. Она осталась там еще с советских времен, опустевшая, полуразрушенная — десять-двенадцать домов и казармы. В них обосновались боевики. «Духов» сначала накрыли артиллерией, а затем выкурили из построек.

Потерь в отряде не было. А 23 февраля Кацу уже вручили медаль за эту операцию.

Под Самашки он мог не ехать. Прибыл его сменщик, молодой лейтенант. Кроме того, все знали, что у Каца 9 марта родился сын.

— У тебя сын родился, отправляйся домой, — сказал командир.

— Нет, командир. Сейчас кишлак берем, и тогда поеду, — после службы в Средней Азии все населенные пункты в Чечне он по привычке называл «кишлаками».

В Самашках до семисот боевиков. Самашкинский лес под боком и через него множество дорог. Есть где укрыться «духам».

Через Самашки несколько дорог — две на Грозный и две через Сунженский хребет. Дома укреплены, а под улицами прорыты подземные переходы из дома в дом.

Несколько дней без дождя. Пыль и изумрудные заплатки молодой травы на земле, изъезженной тяжелой техникой. На рассвете подъехали на БТР к месту. Расположились на сопке Сунженского хребта. Отряд был в резерве руководителя спецоперации.

В Самашках шли тяжелые бои. Каждый дом и улицу брали по несколько часов. Оперативные части продвигались крайне медленно. «Духи» ждали наступления и успели подготовиться к встрече. До вечера войска заняли только половину населенного пункта.

Отряд в этот день не привлекали. Но лагерь спецназовцы не разбивали, готовые в любую минуту к наступлению. Спали в БТР и на земле под бронетранспортерами, благо было не слишком холодно.

Голодными спецназовцы не сидели. Всегда в БТР находился сухпай, припасы, сковородка, кастрюля. Автономно они могли существовать целую неделю. Ждали на сопке команды руководителя операции, слушали эфир, радиопереговоры наступавших.

Кац посматривал на своих бойцов. Многие еще не обстреляны. Но на тех, с кем уже приходилось идти в бой, можно положиться. Связист Эскандеров, невысокий, шустрый. Он, как тень, ходит за Кацем. Прапорщик Олег Глуценко, огромный, веселый. Из всех видов оружия признает только пулемет и бесшумную винтов-

ку. Позывной «130». Автомат у него в руках как игрушечный, поэтому он попросил: «Командир, дай мне ПК, я хоть буду чувствовать, что у меня оружие в руках». «130» был за старшину в группе и с бесшумной винтовкой потихоньку охотился на бесхозный скот. То одинокую курицу подстрелит, то кого покрупнее. Во время артобстрела в Серноводске артиллерия по ошибке стала бить по отряду. Спецназовцы успели затаиться в подвале. Кац оглядывается, а прапорщика нет. Испарился. После обстрела «130» возвращается и тащит двух баранов. Кац на него напустился: «Ты чего мародерничаешь?» — «Командир, осколками посекло, — и улыбается виновато. — Бойцам хоть поесть вечером». Баранов осколками, конечно, посекло, но и бесшумная винтовка сработала по-снайперски...

К вечеру отряд перебросили на южную окраину Самашек, в засаду на пути вероятного отхода «духов». Только выдвинулись на позицию, как наблюдатель крикнул: «Командир, “духи”!» Шестеро боевиков двигались прямо на засаду. Спецназовцы открыли огонь. Несколько боевиков уничтожили, остальные успели скрыться.

Почти сразу после перестрелки по спецназовцам начал работать снайпер. И больше никто на их засаду не вышел. Группа закрепилась на этой позиции.

До утра долго. Время растягивается, будто в каждой минуте украдкой затаился целый час. Звезды, холодные, просочились сквозь черное небо и будто смотрят, как там, внизу. От их пристального зябкого света хочется теплее укрыться бушлатом. Утром хоть что-то произойдет. Либо в бой, либо подальше от этих Самашек.

К двенадцати часам 4-ю группу Каца и группу разведки вызвали на командный пункт. Оперативный батальон попал в окружение. Надо вытаскивать людей.

А к командному пункту свозили убитых солдат. Много. Очень много трупов. Даже у Каца, который успел в своей жизни насмотреться всякого, повоевать в Таджикистане, участвовать в событиях в Киргизии и Фергане, даже у него перехватило дыхание, сжалось что-то внутри то ли от жалости к этим убитым мальчишкам, то ли

к тем, кого он собирался сейчас вести в бой. Ему самому только исполнилось двадцать семь.

Кац опасался, что после всего увиденного бойцы не пойдут в Самашки. Но спецназовцев готовили, как могли, к войне. Показывали трофейные видеопленки, на которых «духи» мучают и убивают пленных и проводят публичные казни. Водили бойцов в морг. Но одно дело видеопленка, а другое... Однако никто не спасовал.

Две группы «Росича» сопровождал проводник, парень из батальона — он вырвался из окружения. Вначале спецназовцам придали танк, но почти сразу его перепробросили в другое место, где было еще тяжелее.

Метров пятьсот удалось проехать на БТР. Но пули так ожесточенно чиркали по броне, что всем пришлось спешиться. Когда огонь обвалился на головы спецназовцев шквальной свинцовой волной, они укрылись в арыке, неподалеку от дороги. Сидели в воде. Пулеметный лай не умолкал.

Командир разведгруппы, капитан, откинулся на земляную стену арыка, прислушиваясь к стрельбе.

— Я на Лысой был. Там нас долбали. Думал, так больше не будет. Но здесь такая же ерунда.

— Дальше поперем? — обернулся Кац.

— Подождем.

На улице, куда им идти, — затишье, а везде вокруг бой кипит. Выстрелы, взрывы, дым.

— Давай я вперед пройду. Погляжу, что там и как, — поднялся командир разведгруппы.

На БТР он прорвался в глубь улицы. Остановился. Его обстреляли, но капитан успел скрыться за домами. После этого мимолетного обстрела все стихло. Замерло.

Следом за разведкой двинулась 4-я группа. Улица безмолвная, пыльная. Чуть в стороне овраг, речка и лес. Связист вдруг заметил:

— Командир, гляди, «духи»! По оврагу уходят!

Группа боевиков шла в лес. Тащили своих раненых. Кац сообщил руководителю операции. Вызвали минометы и накрыли бандитов.

Через огороды идет бой, пули рикошетят. А на их улице все так же тихо.

— Командир, — не выдержал «130», — что-то тут не так. Давай постреляем. Тишина эта...

Он дал очередь из пулемета. Прошил голубятню во дворе одного из домов.

— Опа! Вот это да! — опешил прапорщик.

Из голубятни вывалился убитый «дух» с пулеметом. Секундная заминка, и начался такой обстрел! Со всех сторон, из окон, из щелей, из каждой постройки, кажется, даже из-под земли. Гранаты сыпались с разных сторон, целя в БТР. КПВТ бэтээра тарахтел непрерывно. Через связиста Кац отдавал водителю БТР сержанту Силаеву приказы. Двигаться назад или вперед, давал целеуказания.

Спецназовцы рассредоточились. Кто-то забежал в ближайšie дома.

Основной огонь «духи» вели из двухэтажек, стоящих выше по улице. Бандиты ждали, когда спецназ втянется глубже по улице, чтобы захлопнуть ловушку. Так, наверное, они окружили батальон, на выручку которому ехали группы «Росича».

Во всеобщей суматохе и шуме палил снайпер. Его первым засек связист Эскандеров. Закричал громко:

— Командир, снайпер! — подскочил к Кацу и закрыл его грудью.

В направлении снайпера заработал КПВТ, а Эскандеров упал рядом с командиром. Руку он держал на сердце, а в руке сжимал гарнитуру радиостанции. Пуля снайпера пробила руку и гарнитуру, но до сердца не добралась.

Раненого связиста оттащили в сторону. Командир остался без связи. Он увидел, что в какой-то момент БТР оказался на совершенно открытом месте. «Духи» тоже это засекли и стали пристреливаться из гранатомета. Клади гранаты рядом с бэтээром, вот-вот попадут.

Кац сам подбежал к БТР, хотел распорядиться, чтобы Силаев отвел машину назад, но одна из гранат разорвалась рядом с ним. Ранило осколками, а взрывной волной бросило на землю. Кац был без сознания. Тринадцатитонный БТР задними колесами наехал на него. Но тут же бойцы заметили, вытащили командира.

Очнулся Кац, когда его несли сержант Кабанкин и рядовой Наскин. Сквозь адскую боль, сквозь выстрелы прорывался голос одного из них:

— Командир, ты только на ногу не смотри!

Вокруг бойцов, тащивших командира, земля разлетелась на пыльные клочки. Пулемет стрелял прямо по ним. Один из бойцов лег на командира, закрыл своим телом, пока КПВТ не разобрался с пулеметчиком. Кац приподнял голову, глянул на ногу. Колено и ступня были перевернуты в другую сторону. Нога держалась только на мышцах. Он снова отключился. Кричал он или стонал, не слышал ничего. Нечеловеческая боль заполнила его всего.

Очнулся он на мгновение в подвале, куда его затащили бойцы. Прапорщик Глущенко, он когда-то окончил медицинское училище, оказывал первую помощь, спрашивал:

— У тебя сердце как? Ты четыре промедола выдержишь? После трех у некоторых сердце не выдерживает.

Командир знал только одно: еще немного, и сердце не выдержит боли. Прапорщик вколол ему обезболивающее, и от этой дозы Кац уплыл в бессознательную темноту. А прапорщик поставил его колено на место, быстро наложил шину из подручных материалов.

Вынырнул из темноты командир только в БТР. Бой продолжался. Пули скреблись по броне. На улице уже стемнело. Рядом в отсеке лежал погибший Серега — боец из группы Каца. Силаев вел БТР и ревел в полный голос. Закопченное лицо поблескивало дорожками слез, когда он оборачивался к командиру.

— Ты чего реवेशь? — непослушным языком и пересохшими губами прошептал Кац.

— Командир, как так?! Серегу убили. Первого из нашей группы.

Вдруг Силаев напрягся, перестал всхлипывать, крикнул:

— Командир, держись. Выстрел!

Он ударил по тормозам. Две гранаты взорвались перед БТР, Силаев тут же нажал газ, сзади БТР легло еще две. С каким-то звериным чутьем Силаев маневрировал между взрывами.

А некоторое время назад, когда командир не был ранен, Силаеву пришлось работать и за водилу, и за пулеметчика. Пулеметчик — молодой боец, только после учебки, первый раз попал в бой и растерялся, когда пули стали лупить по броне. Он бросил пулемет и метался по отсеку. Тогда Силаев продвигал чуть-чуть БТР, прыгал за пулемет, стрелял, снова кидался на место водителя, продвигал БТР и снова стрелял. Командир командовал БТР, но не подозревал, что там орудует всего один боец. Огонь ни на минуту не ослаб. Позже выяснилось, что было «утыкание» КПВТ — заклинило патрон. И Силаев успел все исправить, вести БТР и стрелять так, что командир даже не заметил, чтобы пулемет захлебывался...

Пока спецназовцы дрались на окраине Самашек, они оттянули на себя «духов». Батальон смог прорвать кольцо окружения. И вышли они вместе, выносили раненых и убитых. «Духи» порубили их крепко.

В полузабытьи от боли и потери крови Каца забросили во Владикавказский госпиталь на «вертушке». Копошавшийся перевалочный пункт для огромного количества раненых. Как в адскую топку, их забрасывали в операционные к хирургам, у которых опухли ноги и почернели от усталости и боли лица.

Сделали операцию. Неудачно. Видно, уже в бою была занесена инфекция. Начиналась гангрена. Свободных коек не было. Сначала положили на пол, потом освободилась одна кровать. Отовсюду стоны, крики. От боли не было сил открыть глаза. Он только крепче сжимал краповый берет, с которым ни за что не хотел расставаться. В бою обычно держал его за пазухой у сердца и, когда привезли в госпиталь, первым делом хватился: «Где берет?» Ему отдали, и он спрятал его под простыню.

То, что ногу не ампутируют, надежды не было. Через бред и мутное сознание пробивалась только эта мысль: «Кому нужен калека?» Тем более прапорщик сказал так неоднозначно: «Командир, терпи. Все нормально. Ногу постараются оставить».

Обрывками полусна в стонущей, орущей палате всплывала зимняя улица. Прохладой на разгорячен-

ный лоб словно падал тот снег. Последний год училища, последние зимние каникулы перед выпуском. Он приехал домой. И после вечеринки у друга, Сереги, пошел провожать ее, Лену. Познакомились за столом. Поселок в три улицы, но она жила далеко. Три километра они брели по снежной тропинке вдвоем. Оказалось, что их отцы оба работают на одном участке в шахте, матери — врачи. И Лена такая... снежинки на ресницах и на волосах. «Она!» — не было никаких сомнений. Одна-единственная. «Она!» И через семь дней, перед отъездом, его торопливое предложение Лене выйти за него замуж. Томительный день ожидания ответа. Наконец «да» в аэропорту, где она его провожала. Письма. Каждый день от него к ней, от нее к нему. Пачка писем за полгода...

И бред. И страшная боль. Кроме боли, ничего не осталось. Все заполонило, каждую клеточку. И никакие обезболивающие не помогали. Как он терпел эту боль?

Утром, перед отправкой в Саратовский военный госпиталь, к нему в палату завезли на каталке бойца из разведки. Разведчика переводили в Ростовский госпиталь, он просил привезти его к командиру, попрощаться.

— Командир, а я в рубашке родился, — приподнявшись на локте, начал рассказывать он. — Осколками ноги посекло. Погрузили меня в армейский бэтээр, чтобы эвакуировать. Не успели отъехать от места боя, ра-аз! — БТР подрывается... Все погибли. Все. Один я выжил. Только выполз из горящего бэтэера, начал взрываться боекомплект. Обгорел я. Скатился в ров. А тут уже ночь. «Духи» шастают. Стонать нельзя. Я зубы стиснул, раны каким-то тряпьем перетянул, которое в канаве валялось. Так до утра. Потом выполз на дорогу, и меня танкисты подобрала. — Он помолчал. — Я сам не знаю, как выжил...

Триста восемьдесят раненых в самолете уложили в три яруса. Из саратовского аэропорта их долго везли в автобусах. Через какие-то рельсы, то трамвайные, то железнодорожные. В автобусе, в котором оказался Кац, все орали от боли.

В госпитале, чуть прояснившись от беспамьятства, он услышал, как кто-то склонился над ним и говорит:

— Молись, капитан, ты попал к мужику, который и в Афгане, и в Африке оперировал. Хирург от бога. Он уже пенсионер, но работает. А сегодня дежурит. Александр... — отчество Кац не расслышал. Начала действовать анестезия.

Только краповый берет он так и не дал отобрать.

— Что хотите, только не это.

Шесть часов длилась операция. Очнулся только утром и первым делом глянул на ногу. Увидел, пальцы из-под простыни торчат. Нянечка-бабулька подошла:

— Радуйся, солдатик. Хотели тебе ногу пилить, а доктор наш отстоял. «Молодой, — говорит, — попробую ногу сохранить». Даже протез какой-то вместо кости поставил, по новой методике.

— Нянечка, позови какого-нибудь солдата-подсобника. Пусть гвоздь в стену вобьет, — попросил он.

На этот гвоздь повесил свой краповый берет. Соседи по палате заинтересовались.

— Это войска такие?

— Это спецназ, — ответил с достоинством.

— Фанатики?

— Это не фанатизм, а состояние души.

— Разве так можно? — не отставали соседи.

— Так нужно.

Кац думал теперь только, как побыстрее выписаться. Главное, ногу сохранили. А боль и то, что не сгибается она, — это все перебороть можно. Себя ломая, сжимая кулаки, скрипя зубами. На силе воли. И берет на гвозде висел в подтверждение, что у мужества не может быть границ.

Связиста, сержанта Эскандерова, представляли к званию Героя России, но наградили орденом Мужества. Эскандеров не рассчитывал на награду, когда закрывал командира грудью, он даже не рассчитывал выжить. Но Всевышний выписал в своей небесной канцелярии самую ценную награду для героя — сохранил ему жизнь. Такие люди должны жить долго.

Водитель-механик сержант Силаев получил медаль «За отвагу».

Через несколько дней в саратовский госпиталь к Кацу приехала Лена со старшим сыном Ваней. Младшего оставила на попечение бабушек.

Лена не причитала и не плакала. Была спокойна и сдержанна. Жаль, что для многих жен офицеров не придумали еще награду или краповый берет за мужество, за поддержку и понимание.

Для командира ее спокойствие и уверенность в выздоровлении были лучше всяких лекарств и обезболивающих. Она присела рядом, гладила по голове.

— Я все понимаю. Ты, главное, не переживай, детей на ноги поставлю, пока тебя нет. А потом сам будешь их до ума доводить. Помни, что у тебя второй сын, тебе его поднимать. Мы тебя очень ждем. Очень. Поправляйся.

Лена не рассказывала ему, как, гуляя в военном городке около остановки, куда приезжали машины в часть, она боялась смотреть в лица вернувшихся из Чечни. Если хмурые, значит, потери... Не рассказывала, как обомлела, когда в сторону ее дома направилась группа офицеров. Как упала в обморок, узнав, что муж ранен. Ему нужна была поддержка, а не ее переживания. Она знала...

Когда он окончил Пермское высшее военное училище, они с Леной поженились и вместе уехали по распределению в Фергану. Два чемодана и маленький телевизор «Юность» — весь их нехитрый скарб. Лена сразу отмела мысль, что он поедет один устраиваться, а потом вызовет ее. «Я еду с тобой..Насовсем».

В Фергане комбриг, полковник Исамбаев, наметанным взглядом приметил обручальное кольцо на пальце лейтенанта. Вызвал заместителя:

— Где у нас нормально с квартирами?

— В Намангане.

— Значит, туда и поедешь, — обратился он к лейтенанту. — Это километров сто пятьдесят от Ферганы.

На автобусах, по пыльным дорогам, по сорокаградусной жаре добрались до части. Жену, как водится, оставил на КПП, а сам в парадном мундире, сапогах, обливаясь потом, пошел представляться комбату. Направили к командиру 3-й мотострелковой роты капитану Степанову.

- А, прибыл. Вот твой взвод. Вперед, заниматься.
- Как, сразу?
- А ты для чего приехал?
- Только через три часа Степанов сообразил:
- Ты один прибыл?
- Нет. С женой. Она на КПП.
- Ах, ты...

Через час Лена обживалась в их новой комнате в общежитии. Месяц не прошел, и Кац улетел в Киргизию — узгенские события. Оставил жену одну на три месяца, в чужом городе, без родителей. Но она вынесла одиночество. Ждала. И времени не теряла. Выучила узбекский язык и пошла работать в детский сад. После командировки Кац получил однокомнатную квартиру.

1992 год. Разделение. Независимость. Рассыпалась страна... Бойцы вернулись из командировки в Киргизию и пошли в увольнение. Хулиганы забили нескольких солдат до смерти, а троих заживо сожгли. Батальон подняли по тревоге, толпу разогнали. А в центральной прессе прошла статья об этом «Черные яблоки Намангана». Всем семьям военнослужащих пришлось жить в казарме и усилить охрану. Лена была беременна. Две недели прожила с другими женами офицеров в узле связи. 31 декабря родился Ваня.

Кац ездил в командировки командиром отдельного взвода спецназа. Таджикистан. Захват Душанбе, когда в городе шли бои. Шесть месяцев военные восстанавливали законную власть. В Наманган вернулись, а там ничего хорошего. Приказы стали выходить на узбекском языке, от военных требовали принять присягу.

— Присягу принимают один раз, — твердо сказал Кац.

В отпуске, дома в Ростовской области, ему предложили перевестись в отряд специального назначения «Росич».

И вот 1996 год. Ранение. Госпиталь. О том, что служба закончена, Кац и думать не хотел.

Четыре дня он только учился стоять, испытывая сильную боль. Но мысль о семье и службе придавала ему сил. Врачи пытались оформить ему вторую группу инвалидности.

— Не собираюсь подписывать! — возмутился он. — Я еще бегать буду!

— Я тебя выпишу, когда нога сгибаться будет, не раньше, — сказал доктор.

В палате, кроме Каца и Сереги, начальника клуба Воронежского полка, у которого было огнестрельное ранение в голову, в основном лежали саратовские, местные.

— Начклуба, как тебя ранили? — улыбался Кац. — Ты, наверное, в войсках первый раненый в такой должности. Вы же обычно в тылу сидите.

— «Гуманитарку» вез. Под Новогрозненской нас обстреляли, — посмеивался Серега.

Соседей по палате приходили навещать родственники и не забывали про Каца и Серегу. Им обязательно что-нибудь приносили. А Каца, ко всему прочему, закармливали яичной скорлупой для восстановления костей. Он после этого на яйца без содрогания смотреть не может.

Нога в колене никак не сгибалась. Надо было разрабатывать через силу. Тогда Кац просил одного больного сесть ему на грудь. Двое других держали за руки, а четвертый с силой сгибал его ногу. Какую боль Кац испытывал, можно было догадаться, наверное, только по белому лицу и закушенным губам.

Через полмесяца он мог сидеть с согнутой ногой и радовался:

— Смотри, доктор, нога сгибается.

— Вы там в спецназе все такие? — удивлялся хирург.

— Я намерен служить. И весь сказ.

Когда вернулся в отряд, командир временно перевел его на штабную работу. Пока Кац как следует не разрабатает ногу. Ведь помимо командования, осуществления руководства, у командира группы большие физические нагрузки.

Дома Лена постоянно заставляла его заниматься.

— Сажай Сашку на ногу и поднимай. Разрабатывай. Захочешь — и сможешь.

Кац поступил в общевойсковую академию, после которой его распределили в «Витязь». В отряде его хорошо знали по «Росичу», и стажировку Кац проходил в разведотделе дивизии.

Сначала он был командиром офицерской роты, пока ее не расформировали, затем заместителем командира. В отряде Кац отвечал за боевую подготовку личного состава отряда.

Дважды он выезжал в командировки в Чечню. С ноября 2001-го по январь 2002-го и с февраля по апрель 2002 года. Это в основном адресная работа. И почти всегда результативная, без лишнего шума и стрельбы.

До Нового, 2002 года взяли близкого к Хаттабу человека — Абу-Саяфа. Он занимался финансированием бандитов. Первый раз за ним выехали ночью — 1-я группа. Но произошла утечка информации — бандит в последний момент ускользнул. В доме Абу-Саяфа задержали его пособников, связных. Они признались, что Абу-Саяф был предупрежден.

На следующий день утром снова выехали в район, где предположительно мог скрываться бандит. Оцепили и начали методично прочесывать дома, дворы, сараи. Нервы у Абу-Саяфа сдали, он выбежал на улицу. И один из офицеров 1-й группы столкнулся с Абу-Саяфом лицом к лицу (у спецназовцев была ориентировка, во что преступник может быть одет). Офицер его узнал и в рукопашной схватке скрутил бандита.

В день случилось по несколько подобных выездов.

А в Москве спецназовцам пришлось вместе с «Альфой» и «Вымпелом» освобождать заложников, захваченных террористами в Театральном центре на Дубровке.

Когда Кац вернулся домой после штурма, Лена сказала:

— Если бы я знала, что так будет, я бы тебя десятой дорогой обошла!

Старший сын, одиннадцатилетний Иван, долгое время не хотел быть военным, как отец, но когда год назад подполковник взял его с собой на полевой выход и несколько дней они жили в лесу, Ваня заразился спецназовским азартом. Поступил в кадетский корпус. Целую неделю живет самостоятельно с другими ребятами, в кубрике по восемь человек. Учится как следует, старается. На выходные домой приезжает важный, со-

бранный, задумчивый. Сам, без напоминаний, садится за уроки.

А у младшего еще легкий ветерок гуляет в голове, но Саша тоже спецназовец до мозга костей. Ровесник отцовскому ордену Мужества. Как может быть иначе?

Место назначения — спецназ

Подполковник внутренних войск, заместитель командира отряда специального назначения, участник обеих чеченских кампаний, кавалер двух орденов Мужества. Прежде чем оказаться в отряде спецназа, он восемь лет прослужил в группе спецназа 22-й отдельной Калачевской бригады внутренних войск, окончил Академию МВД. Его позывной Гном.

5 сентября 1995 года.

— Вот этот изгиб, — Гном указал водителю на крутой поворот дороги у подножия горного хребта. — Сбавь скорость. Три дня назад здесь БТР подорвался. К счастью, обошлось без потерь, только контузиями ребята отделались.

Гном, командир взвода спецназа 22-й бригады, направлялся со своими бойцами в Белоречье встречать колонну.

Когда на опасном изгибе дороги БТР миновал воронку, оставшуюся от недавнего взрыва, Гном попытался связаться с базой. Но связь боевики глушили. Все три вида станций спецназовцев работали только на прием.

«К нам движутся гости, необходима ваша помощь» — этот радиоперехват подтвердил догадку Гнома о том, что за ними следят. Он принял решение доехать до Белоречья и, не дожидаясь колонны, вернуться назад.

На обратном пути снова впереди показался знакомый изгиб дороги. Гном тронул водителя за плечо...

Колесо БТР уже зависло над воронкой, когда Гном увидел в воронке черные провода. Он только успел подумать: «Когда рванет? Сейчас или когда я их вырву?» Гном знал, что провода, ведущие к электродето-

натору, надо оборвать во что бы то ни стало. Он спрыгнул с БТР, зажал провода в кулак, рванул их со всей силы и побежал по хребту туда, откуда тянулся провод. Водителю он крикнул: «Жми во всю железку!» Хоть Гном и постригся перед командировкой под ноль, ощущение у него было, что волосы на голове шевелятся от ужаса.

Водитель выжал из БТР все, что можно. Транспортёр перелетел воронку как на крыльях. А Гном добежал с проводами до арыка, выскочил на плато, где мальчишка-пастушок пас коров, и увидел концы проводов, привязанные к кусту. Их оставалось лишь свести вместе, чтобы БТР вспорол взрывом...

Как потом посчитали, Гном намотал двести двадцать метров провода. Приехавшие на место саперы и разведчики отрыли в старой воронке минометную мину и два удлиненных кумулятивных заряда по двадцать пять килограммов тротила каждый. Один из зарядов так и не удалось извлечь, пришлось взрывать его на месте. Гном видел воронку, оставшуюся от этого взрыва. Если бы боевики выполнили задуманное, вряд ли кто-то в БТР остался бы в живых. А ведь следом шла колонна с боеприпасами...

«Страх — это мерзостное чувство, — думал Гном, возвращаясь со своими бойцами на базу в Бачи-Юрт. — Страх испытывают все без исключения. И страх должен присутствовать, не должно быть трусости и бездействия. А страх заставляет выживать и принимать хоть какое-нибудь решение».

Гном вывел для себя эту простую истину. Простую на словах, но не для всех приемлемую на деле, а тем более на войне.

Он смотрел на горы, на изрытую взрывами землю. Только две недели назад было распределение в училище, и вот уже командировка в Чечню.

Со своими друзьями-однокурсниками Гном давно готовился к войне. Еще с тех пор, как на втором курсе решил, что единственный верный путь для него — это спецназ. В начале девяностых попасть в отряд «Витязь» значило попасть в Эльдorado. Настолько же прекрасно, насколько и недостижимо.

В Персияновке, в учебной части, Гнома и Игоря Володина, его друга, мало занимали теоретические и общеобразовательные предметы, их интересовали огневая подготовка, вождение и спорт. Они жили мечтами о спецназе и готовились к войне, не жалея сил, чтобы потом спасти и людей, и себя, и выполнить поставленную задачу.

Из-за своих тренировок в спортивном городке Гном с Игорем опоздали на распределение, и в 7-й отряд, куда Гном стремился, он не попал. Игоря Володина направили в Краснодар. А начальник отдела кадров, подполковник, предложил Гному идти служить в 22-ю бригаду.

— Если у вас там нет спецназа, убегу еще по дороге, — честно предупредил Гном.

Но его никто не обманул. И через несколько дней Гном был назначен командиром взвода спецназа и уехал в первую свою горячую командировку.

Август 1996 года.

22-я Калачевская бригада перемещалась по Чечне в качестве мобильной группы. Практически все подразделения, вместе с гаубичным дивизионом — этакая машина. Они своевременно реагировали на ситуацию в республике и участвовали в спецоперациях. Потом бригаду отвели под Ассиновскую. В Бамуте была напряженная ситуация. Но 6 августа получили приказ двигаться на Грозный. И 8-го уже были на окраинах Грозного в месте предполагаемого прорыва боевиков в сторону Алхан-Калы, к Терскому хребту.

С Черноречья боевиков оттеснили, и лучшим местом для их прорыва был Заводской район, промышленная зона, где удобно прятаться и удобно вести скрытый огонь. Еще с первого штурма Грозного улицы потеряли прежние очертания, посреди них могли расти камыши, вместо заводских построек остались руины и груды камней. Никаких ориентиров, каменная ловушка для тяжелой техники.

Задача перед спецназовцами бригады стояла предельно ясная, но трудновыполнимая — расположившись вдоль Индустриального шоссе, не просто сдер-

живать остервенело рвущихся на прорыв боевиков, но и самим идти в глубь района. Действовать поэтапно — сначала прорваться к комендатуре Заводского района, где в окружении были наши, забросить им боеприпасы, воду, обеспечить эвакуацию раненых и доставить туда подразделение бригады. Затем достичь 13-го КПП и добраться до железнодорожного вокзала.

Словно две встречные волны, боевики и наши бойцы накатывались друг на друга и, теряя людей, отступали на прежние позиции. Разведчики, отправившиеся в глубь района, дошли до нефтяного отстойника и попали в засаду. Гном услышал их просьбу о помощи по рации.

Спецназовцы сквозь перекрестную стрельбу, взрывы гранат и мин бросились выручать братишек. Среди разведчиков были раненые и контуженные. Группа спецназа обеспечила им отход и вытаскала из окружения. В горячке боя показалось, что спасли всех, а когда вернулись на базу, хватились сержанта Гридина.

Позже Гном узнал, что в Гридина выстрелили из гранатомета и он остался лежать там, на месте боя, без сознания. Очнулся, когда свои уже ушли. Он увидел костер, приблизился. Вокруг костра сидели боевики. Гридин не побежал, не спрятался, он подошел к ним, разметал ногами костер и крикнул:

— Все! Вам всем здесь хана!

Его схватили, жестоко пытали и убили. Через несколько дней его тело передали в обмен на боевиков, взятых в плен.

Три дня Гном со своим взводом безуспешно пытался прорваться к комендатуре, используя приданные им два БТР и БМП. Но боевики давили в ответ все сильнее, пытались отсечь прорывавшуюся группу. Это им не удавалось. Тогда они пробили емкость с нефтью, и перед спецназовцами серьезной преградой встал столб черного густого дыма. Выскочить из-за дыма в неизвестность — значит рисковать людьми и малочисленной техникой. На скорости и в кювет захватить недолго.

Обнаглевшие боевики садились верхом на забор, возвышавшийся метрах в тридцати от наших позиций,

и стреляли из гранатометов. Осколки засыпали бойцов. Раненых и убитых не успевали эвакуировать.

Стоять так и дальше, практически в бездействии, не имело смысла и вело только к потерям. Решения рождались спонтанно, в ответ на ежесекундно меняющуюся ситуацию. Чтобы избавиться от гранатометчиков, оседлавших забор, ствол БМП опустили и бронебойно-трассирующими начали стрелять по железнодорожной насыпи. Забор усыпал град из осколков вперемежку со щебенкой, что увеличивало зону поражения. К БТР привязывали поваленные деревья, чтобы была хоть какая-то противоккумулятивная защита. Другое дерево на тросе тащилось за БТР, и бойцы под прикрытием веток могли передвигаться.

Комендатура просила о помощи. Спецназовцы предложили командиру, чтобы наши минометы создали для их группы коридор, по которому они бы броском достигли комендатуры, оказали бы помощь и вытащили раненых.

Бойцы в нетерпении выдвинулись на исходную позицию в ожидании, когда командир даст добро на воплощение этого плана. Но командир долго принимал решение, а пока он пребывал в нерешительности, боевики сориентировались по спецназовцам и обрушили на них шквал огня.

Алексей Шакуров и Артур Авдолян, бойцы из взвода Гнома, закрыли собой других бойцов. Алексею ВОГ прямым попаданием разметал в клочки бронезилет, три осколка вонзились в голову, парня контузило, но он выжил. Артур тоже был ранен и контужен.

Рядом с Гномом взорвалась мина. Его крепко контузило. Кружилась голова. Когда они выбрались из-под обстрела, он попытался закурить и только втянул в себя сигаретный дым, как потерял сознание.

Их было шестеро более-менее легкораненых — они хотя бы могли передвигаться на своих двоих. Аркадий Скиндер — начальник группы, бойцы — Артур Авдолян, Алексей Шакуров, разведчик Артем Уймин и еще один разведчик, откуда-то с Севера. Гном не запомнил его фамилию.

Во Владикавказе, куда их эвакуировали, они пробыли сутки, а потом отправились в Моздок, где раненых ждал Ил-76.

Тряслись в автобусе. Тяжелораненые, с переломанными костями от осколочных ранений. Каждый второй был на аппарате Елизарова. Прямо перед Гномом сидел офицер, у него все плечи были нашпигованы железными спицами, он даже шинель не мог надеть. А погода уже стояла прохладная. Пошли дожди...

В аэропорту в Моздоке скопилось около двухсот лежачих раненых. Их грузили и грузили в самолет, и казалось, эта мрачная очередь никогда не закончится. Спецназовцы помогли загрузить своих тридцать раненых, которых они сопровождали. Там были и армейцы, и ребята из внутренних войск.

Посмотрел Гном на все это и сказал:

— Чего-то стыдно мне с такими тяжелыми лететь. Только место занимать. Мы-то, братишки, еще ничего? А?

Аркадий кивнул, и другие согласились. Развернулись и поехали в одну из войсковых частей, дислоцированных в «прифронтовой» полосе. Там их гостеприимно накормили, напоили, собрали денег на дорогу. На эти деньги удалось купить один билет на шестерых, благо уже отпускной сезон закончился и поезда уезжали с юга полупустые. Поезд Кисловодск — Новокузнецк довез их до Волгограда. Там они собирались лечь в госпиталь.

Гном смутно запомнил дорогу. Было ощущение, что его избили, ничего не хотелось, перед глазами все еще мельтешили пули, выпущенные из пулемета их БМП, а в ушах стояли звуки непрерывной стрельбы. Они сливались с перестуком колес поезда и с дождем, барабанившим по оконным стеклам вагона.

Лето 1999 года.

Солнце, река, горячий песочек — отдыхай не хочу. Да вот что-то не отдыхалось Гному. Было не слишком приятное ощущение неприкаянности и ненужности. Все вместе свалилось — группу спецназа в бригаде расформировали. В конце 1998 года перестали существовать все группы специального назначения в полках и бригадах. А в Чечне грядет очередная война...

Функции штурмовых подразделений возложили на плечи разведчиков. Разведчики всегда впереди, и погибают они, чтобы спасти тысячи людей, так их и беречь по мере сил надо, а не бросать на штурм.

«Хорошо хоть на краповый берет в 1997 году удалось сдать вместе с моими ребятами, — вспомнил Гном (когда группу расформировывали, он был «зам. по спец.» группы). — Новый командир пришел и прикрыл квалификационные сдачи. А ведь они не для того, чтобы берет получить. Испытание — это проверка бойцов, пробный камень для любого будущего спецназовца. Сможет ли он почти за гранью физических возможностей преодолеть свои слабости и проявить себя достойным образом?»

В бригаде был введен такой порядок — в испытаниях участвовали все, от рядового до командира. Вместе бежали, стреляли — все вместе сдавали нормативы, а когда дело доходило до этапа рукопашного боя, испытание продолжали те, кто подавал рапорт и желал получить краповый берет.

«И вот теперь, когда боевики напали на Дагестан, когда начинаются события и в Чечне, — сердился Гном, — командир сначала направляет меня туда в составе рекогносцировочной группы, а потом, когда бригада тоже прибыла на место, отсылает меня домой, купаться и отдыхать. “Ты, дескать, мне не нужен”. А я же просил меня оставить! Ведь у меня какой-никакой опыт. Он и слушать не стал. Велел отдыхать».

Гном снимал частный домик у Лидии Кузьминичны. Он называл ее попросту Кузьминична, и в этот вынужденный отпуск общался с ней подолгу. Кузьминична — настоящая казачка и по внешнему виду, и по своим убеждениям, и по воспитанию. Она пережила Великую Отечественную, схоронила двоих сыновей в войну, хорошо помнила Сталинградскую битву. Она знала, что Гном воевал, что снова собирается в командировку, и часто с тоской посматривала на своего беспокойного жильца.

Не прошла и неделя вынужденного отпуска, как пришел приказ усилить бригаду на двести человек и пять БМП. Гном на этот момент был заместителем на-

чальника штаба оперативного батальона. Вместе со старшим помощником начальника штаба по разведке Сергеем Анатольевичем Басурмановым они отправились в Кизляр.

Уже там, в Кизляре, начались потери. Рядом с местом расположения бригады тянулась запутанная система каналов, замаскированных самой природой густыми камышами. Считалось, что эта зона контролируется местной милицией. Но переодетые в милицейскую форму боевики приезжали туда маленькими группами, прятались в каналы и стреляли по нашим бойцам. Так убили гранатометчика Лукьянова, пуля попала под бронезилет. Разведчики преследовали боевиков и несколько раз ставили засады. Двоих взяли в плен.

Их 22-ю бригаду сменила 34-я. А 22-я пошла на Буйнакск. Гном знал, что планировалась какая-то крупномасштабная операция. Бойцов усиленно тренировали в горных условиях.

4-й батальон бригады находился в Новолакском. Там у них творилось что-то страшное. Боевики схватили замполита роты Василия Ташкина и публично казнили...

Басурманов со своими бойцами вернулся из разведки, и прогнозы у него были мрачные.

— Ребята, мы даже не представляем, куда лезем и что там произойдет, — сказал он, имея в виду Кадарскую зону. — Все входы в ущелье под охраной боевиков. Серьезной охраной. Еще бы, они отсюда вещают свои ваххабитские идеи на Чечню, Дагестан и на часть Азербайджана. Они эту свою точку так просто не сдадут.

Басурманов еще не знал, какими пророческими окажутся его слова.

29 августа 1999 года.

Всю ночь накануне бойцы 22-й бригады пробирались по ущелью к селу Карамахи, чтобы блокировать его с западного направления. Лил проливной дождь, почва уплывала из-под ног липкой жижей. Танк съехал в пропасть, к счастью, никто не пострадал и танк вытащили. Тучи «барражировали» по ущелью.

Гном только успевал отирать дождевые капли с лица. Одежда промокла до нитки. И мысли в голове бродили невеселые. Разведчики 22-й бригады уничтожили на горе Чабан ретранслятор, но боевики их блокировали. Там был учитель Гнома в боевом деле, начальник разведки бригады полковник Александр Стержантов и друг — Михаил Илларионов, командир разведгруппы. 29 августа разведчики 8-го отряда вытаскивали братишек. Но погиб Басурманов, был смертельно ранен старший лейтенант Михаил Солодовников — командир взвода разведроты, бывший подчиненный Гнома по группе спецназа. Много раненых...

«Что-то нас ждет в этих Карамахах? — думал Гном. — Судя по недавним прогнозам Сергея, царствие ему небесное, ничего хорошего нас не ожидает».

Гном огляделся. Вот командир Виталий Александрович Неевин, комбат Юрий Афанасьевич Лазарев, начальник штаба Олег Иванович Панин. «Может, кого и не досчитаемся в этом бою?» — невольно подумалось.

Из-за дождя и плохой видимости бойцы вышли слишком близко к западной окраине села, и уже в семь утра начался бой. Дома в селе построены надежно, да еще укреплений и укрытий боевики понастроили из бревен бука в три наката. А бойцы бригады лишь окопы успели за ночь отрыть под проливным дождем, тем и довольствовались.

Бой завязался, и почти сразу в БМП Гнома погиб наводчик Рыбьяков. Из ПТУР попали в прицел БМП. Взрыв был такой силы, что башня бронемшины лопнула пополам. Погиб подчиненный Гнома из бывшей группы спецназа Рыжков. Потери пошли одна за другой. Раненых было очень много. Снайперы боевиков донимали стрельбой.

Стали отходить. Закрепиться было негде — фундамент новостроек не укрывал от шквального огня со стороны села. Если бы знать, что со стороны перевала Волчьих ворота продвигается еще группа наших... Но связи с ними не было.

Задумывалось ведь сначала высадить бригаду в трех точках, блокировать село и дать СОБРАм и ОМОНам возможность зайти и проводить свои мероприятия. Но

только не учли, что силами трех батальонов в горной местности делать нечего. Территория Кадарской зоны — это огромная каменная чаша. Чтобы как следует ее заблокировать, требовалось как минимум три бригады.

Батальон Гнома отвели на доукомплектование. 8 сентября на вертолетах их закинули на высоты, и бойцы пошли на штурм. На помощь подошли десантники и отряды спецназа. 13 сентября село Карамахи было взято, следом взяли и Чабанмахи.

25 сентября бригаду вывели в Дагестан, но, вместо того чтобы отправить в санаторий, к морю, чтобы бойцы хоть немного пришли в себя после боев, расположили их на две недели отдыха рядом с заброшенными канализационными отстойниками какого-то предприятия.

В Кизляре, после двух недель такого «отдыха», они сменили 34-ю бригаду, которая ушла в Чечню. Скоро и 22-й бригаде предстоял путь по местам былой славы — Аллерой, Центорой, Бачи-Юрт. До боли знакомые названия.

И страх, и радость, что придется заниматься своим привычным делом, и опасения, и решимость, и злость, и ненависть, и печаль от уже случившихся невосполнимых потерь, и предчувствие новых, неизбежных... Все чувства сплелись в клубок, всем ощущениям нашлось место. Они приводили в смятение Гнома и одновременно делали предельно собранным и настроенным решительно.

А тут еще последовало, уже во второй раз, предложение перевестись в отряд специального назначения. Но в это же время Гному в бригаде предложили занять должность погибшего Бусурманова — стать старшим помощником начальника штаба по разведке. Гном остался со своими до конца. Надо было рассчитаться за ребят.

31 декабря 1999 года.

Подарок на Новый год — передислокация в Грозный на смену штурмовавшему город 17-му отряду. Во взаимодействии с 255-м полком 20-й Волгоградской дивизии приступили к штурму. В Грозном погиб Панин Олег Иванович — начальник штаба бригады...

14 января прошел сигнал, что на молочном заводе боевики применяют газ. Белый газ стелется над землей, и надо срочно доставить к заводу химиков. Гному командир приказал вместе с ними выяснить ситуацию.

Ночь. Петропавловское шоссе. Линия соприкосновения с боевиками проходила по Сунже, частично по шоссе, по частному сектору и вдоль кладбища — в Ленинском районе.

БТР Гнома обстреливали слева из-за Сунжи. Темнота кромешная. Только трассеры видно да ракета иногда осветит дорогу. Гном сидел на спинке командирского кресла и пытался навести своего наводчика на стрелков за Сунжей.

Но вдруг сильнейший удар, скрежет железа. В темноте в БТР влетела армейская БМП. Острым носом, как консервным ножом, вспорола бок БТР. Водителю Василию Плахотнику выбило передние зубы, Гному распорол лицо. Станция влетела в командирское сиденье и разбилась. К счастью, Гном сидел на спинке. Химики в десанте не пострадали. БТР развернуло, и нос БМП распорол еще и заднюю часть. Обматерили друг друга, посетовали на темноту и непрерывные обстрелы и разъехались.

Гному надо было во что бы то ни стало доставить химиков на завод, а уж потом лечить разбитое лицо. Задание выполнили. Правда, оказалось, что белый газ не химия, а маскировка боевиков. Дымы из-за влажной погоды прижимало к земле, и оттого они выглядели так зловеще.

Когда Гном вернулся на базу, его ожидала смена. Он получил командировочные, заехал по дороге домой в Червленную, где стоял медицинский отряд. Гному предложили госпитализацию, но он отказался и стал добираться до Волгограда, чтобы лечь там в уже знакомый ему госпиталь.

Весна-лето 2000 года.

Это надо было, не видеться с братом много лет, а встретиться в Чечне. Из-за непрерывных командировок Гном давно не ездил в Миргород к родителям. А старшего брата Виталия встретил в Грозном. Виталий

служил в 7-м отряде, а в Грозном был в разведотделе Северо-Кавказского округа и курировал 19-й отряд, который взаимодействовал с 22-й бригадой. Так и встретились. Да поговорить-то толком не удалось...

Гном в тот момент занимал завод «Красный молот». Там случались частые подрывы нашей техники. Засады и ночные операции не приносили ощутимого результата.

В ночь на 1 мая в засаде взяли водителя прокурора Ленинского района. Он после десяти вечера (а был комендантский час) выискивал в руинах какие-то железки. Документы у него были выписаны непрофессионально, от руки. Надо было доставить его в комендатуру. Утром повезли. Уже издалека услышали стрельбу. По радиации узнали, что в скверике около завода из гранатомета обстреляли инженерную разведку. Бойцов и служебных собак обожгло, но никто серьезно не пострадал. Подбитый БТР дошел до Северного и там встал. А боевики получили по полной от разведчиков, которые осуществляли прикрытие саперов.

Гном приказал водителю остановиться. В ближайшем дворе толклись какие-то подозрительные мужчины. Они могли быть связаны с обстрелом инженерной разведки. Тем более они вдруг ни с того ни с сего начали кричать и ругаться на разведчиков. Гном приказал проверить у них документы, а когда эти люди попытались оказать сопротивление, их задержали.

В комендатуре водителя прокурора отпустили, а среди задержанных трое, по сведениям оперативников, оказались активно действующими боевиками. А еще в результате этой проверки выяснилось, что начальник охраны завода «Красный молот» занимается легализацией боевиков. Успех был налицо.

Но Гном уже предчувствовал, что все произойдет по известному закону Мэрфи: «Если ты думаешь, что ты все продумал, что-то обязательно будет не так».

И уже вечером в бригаду прибыл прокурор Ленинского района с острым желанием арестовать начальника разведки, а обязанности начальника тогда выполнял Гном.

Но командир бригады Игорь Олегович Морозов жестко сказал: «Вы никого не получите! Те из задержанных, кто не виноват, будут отпущены, а с теми, кто виноват, будем разбираться».

После этого случая боевики заметно поутихли в районе завода «Красный молот».

Зато на консервном заводе в Грозном по ночам повадились работать снайперы боевиков. Обстреливали блокпосты, а рядом с заводом было несколько блоков. И подкрасться к заводу незаметно никак нельзя, и днем засаду не высадишь — у боевиков везде глаза и уши, и ночи летние, светлые — издалека все видно.

Гном помозговал со своими разведчиками, и родился план незаметной высадки бойцов в засаду. Как сильно мешала войскам чеченская грязь, в которую превращались дороги после дождей, так же сильно помогла чеченская пыль на летних дорогах.

Разведчики сыграли в радиоигру. Боевики прослушивали переговоры и слышали, что произошло нападение на блокпост и там срочно требуется подмога. Колонна из десяти БТР на скорости понеслась по дороге, вздымая клубы пыли. По три бронетранспортера в разных направлениях, а с десятого БТР спрыгнули и растаяли в пыли две группы разведчиков.

После ночной засады они привели двух боевиков. Их задержали, когда они уже изготовились к стрельбе по блокпосту.

В таких операциях разведчикам очень помогали Череповецкий и Волгоградский СОБРы. Ребята там служили не робкого десятка и, если брались за совместную операцию, свою работу выполняли по полной.

Осень 2004 года.

Правильно в народе говорится: «По третьему разу огня высечешь». Так вышло и у Гнома с переводом в отряд специального назначения. Третье предложение от руководства отряда он принял и после окончания Академии МВД стал заместителем командира. Теперь он служит вместе с другом Игорем Володиным, с которым

они вместе мечтали о спецназе еще с училища. Вот такими разными, но неизбежными путями судьба и привела их в один отряд специального назначения.

Спецназовский экстрим

Рассказывает офицер отряда специального назначения «Витязь» майор внутренних войск Фидель.

В гнезде «кукушки»

Две недели пробыло офицерское подразделение в командировке, и первая спецоперация.

Сообщается, что снайпер терроризирует воинскую часть, находящуюся на окраине Мескер-Юрта. Двое тяжело ранены. Один в живот, другой в ногу.

Я исполнял обязанности командира офицерской роты, руководство поставило задачу — снайпера ликвидировать. Час на сборы группы.

Летели в неизвестность. Кроме того, что работает снайпер, никакой информации. Я набрал двенадцать человек, чтобы серьезно поработать. Автоматчиков, пулеметчиков, двоих снайперов, которые взяли с собой набор «скрипок».

Паша — снайпер. У него столько прозвищ, что они забываются. Фанатик оружия. Позже стал заместителем командира роты по вооружению, а потом начальником боевой подготовки отряда.

Еще мне придали двоих разведчиков со спецтехникой. Один с тепловизором, другой с «фарой» — этот прибор реагирует на движение. Был с нами офицер из главка для связи с Ханкалой. Его позывной Слон.

У меня, конечно, и без него была прямая связь с Ханкалой. Но могла возникнуть необходимость связаться с командованием бригады. Штаб бригады находился в этом же полку. Одно дело я — майор, командир офицерской роты, а другое дело — подполковник из вышестоящего штаба. Он может поставить на место офицера бригады в случае необходимости.

Загрузились в вертолет и в семнадцать часов прибы-

ли на место. Разместились в самой бригаде, в ангаре, внутри которого установили палатку.

В одиннадцать часов вечера к нам в палатку вваливается пьяный в дребадан контрактник и начинает задавать глупые вопросы. Говорит, что он тоже снайпер. Я его быстренько поставил на место и прощупал в разговоре — кто такой? что знает? что умеет? И выгнал.

Утром встречаю его снова. Посмотрел на него внимательно, и он вдруг испугался. С чего бы это? Я инстинктивно насторожился. Подозвал его, завел в палатку, достаю бесшумный пистолет ПСС и говорю:

— Брат, если ты мне сейчас все не расскажешь, аккуратная дырка калибра 7,62 будет у тебя прямо между глаз, и я списываю тебя на снайпера. 7,62 — калибр снайперской винтовки. Пуля навывлет и гильзы не будет. Бесшумно прилетела пуля. Тебя убила. Тебя нет. Мы тебя спишем. Вечером посидим, пострадаем.

Пацан испугался не на шутку. Понял, что с ним не шутят, и дрожащим голосом сообщает:

— Информацию о вас сегодня ночью продали «чехам».

— Кто?

— Наши контрактники. Ходили за водкой и продали информацию за два ящика водки.

Кто мы такие, никто не знал. Мы представились сводной группой ОМОНов и СОБРов. Но наше количество, наше вооружение он вчера срисовал. Задачу — бороться со снайперами — они тоже выдали «чехам».

Я выяснил у него, где этот дом, в котором они покупали водку (какие туда люди приходят, с каким вооружением). Узнал, что за водку продавали не только информацию, но и боеприпасы. Он назвал, кто конкретно из контрактников ходил, кто в курсе из начальства — командир роты, капитан. Капитан в тот день как раз менялся и улетал домой в Сибирь.

Короче, все эти сведения я из него выкачал.

— Пока живи, — разрешил. — Пока дышишь, надейся. Только молчи!

И тут же информацию по секретному каналу сунули в Ханкалу через Слона.

Одну из задач, которая и не ставилась, мы выполнили, рикошетом зацепили.

Пошли искать снайперов. Что делать, раненые-то есть. Факт налицо.

Два моих снайпера ходят вокруг тех мест, где были ранены солдаты, и затылки чешут в задумчивости.

— Не может быть, — говорят, — чтобы этих ребят ранил снайпер. В ногу пуля могла попасть только рикошетом и то, если стрелять вот с этого крыльца. Второй ранен из мелкашки в живот. Ранен так, что пуле и прилететь неоткуда было. Единственный вариант — рядом забор, в нем щель узенькая. В нее можно ствол просунуть и в упор стрельнуть.

Из всего этого я сделал вывод: из мелкашки стреляли «чехи», наверняка за недавний артобстрел мстили, а второй выстрел — свой. Доложил о таком заключении в Ханкалу.

После чего беру командира взвода, прапорщика, вывожу его за ворота, и мы с ним идем на заброшенный завод поблизости. Я ему:

— Ну, что, прапор, если веришь, помолись. Но отсюда либо я один уйду, либо уйду, отягощенный грузом знаний, и тогда ты будешь идти рядом.

Он стал рассказывать, что контрактники баловались в карауле с оружием. Боец-срочник стоял на посту...

Подробности того, как все произошло, я и уточнять не стал. Лишние знания иногда перегружают совесть. Отпустил прапора с миром, а сам пошел докладываться к Слону.

— Нам тут, в принципе, делать нечего, хотя, с другой стороны, интересно посмотреть на жизнь этого сводного бардачного полка. Может, сможем еще что-нибудь сделать. Тем более мне людей обкатать нужно. А в Ханкале нас всенепременно загрузят на очередную задачу.

Мы остались. Местный начальник разведки оказался дельным мужиком. У него только разведывательного подразделения своего не было. Он с нами по окрестностям походил, все облазили вокруг. Нашли две лежки боевиков-наблюдателей. Одну из них, которая находилась метрах в четырехстах от полка, мы заминировали.

Устроился боевик там хорошо — на плоской крыше одного из заводских зданий оборудовал шикарное убежище. Подстелил пенопласт для удобства, сверху железом прикрыл на случай внезапного обстрела. На крышу

вдоль стены ведет металлическая лестница, под ней мы и разместили выпрыгивающую мину — ОЗМ. Местный сапер из полка установил и говорит:

— Утром долбанет.

— Дня через три, — уточнил я. — Они же видят, что мы здесь ходим. Выждут денька два-три и придут.

Через трое суток утром долбануло. Дорожка отхода в крови. Подошли к нам местные милиционеры. Судя по их реакции, кто-то из их людей подорвался. Они, конечно, тут же объявили, что на «проклятой мине подорвался мирный житель». Труп, а по следам, расстоянию боевика до мины было ясно, что он убит, они успели утащить.

Мы еще дня три-четыре ходили по окрестностям. По ночам. А потом в бригаду назначили нового командира. Он тут же издал такие дикие приказы, что мы решили: нам здесь больше делать нечего, пора смываться.

Он запланировал весь полк, в ста метрах, окопать рвом и возвести вал, чтобы обстреливать не могли. До него никак не доходило, что с вала стрелять гораздо удобнее. Он все опасался, что подъедет машина со взрывчаткой, и был уверен, что вал ее задержит. А кроме того, запретил своим часовым стрелять ночью по вооруженным чеченцам. Только если те подойдут ближе чем на двадцать метров. И то сначала надо кричать: «Стой! Стрелять буду!»

В ту же ночь чеченцы подошли. Я выставлял своих людей по ночам на посты со спецприборами.

И ночью мне офицер докладывает по радиации (она была у нас с маскиратором, для посторонних ушей там только бурчание слышно):

— Вооруженные «чехи» идут.

— Не стрелять, — приказываю я. — Есть приказ «не стрелять». Мы сейчас стрельнем, убьют какого-нибудь чудака, который вылезет из окна, нас обвинят в том, что мы спровоцировали. Не стрелять! Мы гости. Тут есть хозяева.

Офицеры полка слышали мои пламенные слова. В панике связываются со штабом. Кричат:

— Что вы творите?! Они с оружием на нас идут!

Из штаба их резонно спрашивают:

— Откуда вы знаете, что они с оружием?

Тогда эти дураки в эфир по открытым каналам начинают объяснять:

— Да вот же спецназовцы в тепловизор все видят.

Слон сразу в разговор вклинивается:

— Заканчивайте называть в открытом эфире спец-аппаратуру! Что вы несете?!

Как только «чехи» услышали про тепловизор, они тут же начали обстрел и отход. У них хорошие радиостанции.

Мы и стрелять не стали. Зачем, если наверняка мимо. А это дурачье палило долго и с большим «энтузиазизмом». На следующий день я потребовал от штаба Ханкалы, чтобы нас убрали. Попутно доложил, что вводятся такие новшества по охране объектов в полку.

Комбриг кричал:

— Я вас не отпущу! Вы мне тут нужнее!

Он, кажется, хотел сделать нас своим подразделением охраны.

Результатом нашей первой спецоперации стал подрыв на mine боевика. Выявление группы предателей, которых арестовали и осудили. За продажу боеприпасов некоторых арестовывали уже в Сибири, дома. И третье, немаловажное: благодаря нашим усилиям ров не выкопали и вал не насыпали.

Первый раз я оказался в Чечне после первой войны. Увидел, что реально может наше офицерское подразделение, и убедился, что нынешняя война мало чем отличается от прошлой.

Со снабжением в первую командировку было очень плохо. Сидели на сухпае и каше. Если бытовая неустроенность, тут не до войны.

Да и бойцы все необстрелянные. Много молодой крови, и считанные единицы ветеранов с прошлой Чечни.

Награды за ту командировку до сих пор идут. Некоторые еще не получили. Всё медали — медаль Суворова, в основном несколько медалей «За отвагу». Один только орден. Кстати, этот офицер, которого наградили орденом, сделал на нашей базе еще одну неоценимую вещь. Баню нам построил.

Самых крутых рейнджеров можно довести до такого состояния, когда они будут плакать и проситься домой. Если не создать нормальные бытовые условия.

Мы прибыли в Чечню — грязь, слякоть. На бэтээре проедешь — на лице слой грязи в полсантиметра. Ни помыться, ни постираться.

У парня — руки золотые. А он:

— Вот, все будут воевать. Я буду сидеть. Медали, орден — мимо.

Кое-как, где лаской, где таской уломал его. Баню под землей сделали, потому что сруб нечем было как следует законопатить. Сверху домик — предбанник построили.

С операции едем, грязные как черти. По рации просим: «Готовьте баню».

Паримся, моемся. Завозим еще машину воды — стираемся.

У нас в роте «сухой» закон. Это многих шокирует. Но в Чечне так часто выпивка до беды доводит, что мы не рискуем. Если только пива немного во время отдыха себе позволяем.

В предбаннике посидишь, в простыню завернешься — и пиво с рыбой. А потом снова в парную. Жить веселее — факт.

Игра в снежки

Когда мне говорят: «Чеченский синдром», — я либо матерюсь, либо смеюсь, в зависимости от того, кто мне это сказал и в какой ситуации. Нет никакого «чеченского синдрома»! Это все выдумано больным американским обществом после вьетнамской войны.

Почему я должен сходить с ума, если где-то повоевал? У настоящего солдата, офицера, кто реально воевал, таких синдромов не бывает. Отчего синдромиться? Отчего? Отчего?!

По большому счету солдату на войне гораздо легче, чем здесь. Проще! Почему бойцы рвутся на войну? Матери все никак не могут понять...

Там не такая жесткая муштра, как здесь. Там время идет быстрее. Если там быть не в группе обеспечения, а участвовать в боевых действиях, тогда все упрощается

до пределов войны. Время летит, как на самолете. Ну и азарт, конечно, адреналин.

Что такое бой для меня? Игра в снежки. Ты попадешь или в тебя попадут. Азарт. Не более того.

Конечно, бывает и так — когда последний раз увидел много раненых, три дня «маску» не снимал. Не бронжилет, а именно «маску». Башку стремился прикрыть. Засело в подсознании, никак не мог себя убедить, что шлем не спасет от пуль, а не пробьет голову, так позвоночник сломает вместе с ним — он же тяжеленный, два кило весит. Но психологически мне хотелось его носить. Дня три... Потом снял и не надевал.

Адреналин... Штука сильная. Помню, году в 1989-м я был на границе Армении и Азербайджана.

Короче, стою я на окопной насыпи, смотрю — армянские боевики разворачиваются в цепочку и идут на нас. У меня в подчинении человек десять всего и патронов ограниченное количество. Я командую: «В окопы!» Сержант стоит над окопом и не лезет. Я ему: «Ты чего?» Он опасливо: «А вы гляньте, что в окопе!»

Смотрю, елки-палки, там гюрза лежит. Делать нечего — мои бойцы врассыпную, пришлось самому. Камнем ее зашиб, вытащил наверх. А она живая еще. Сама маленькая, где-то с полметра, а пасть огромная и клыки. Я нож в ее пасть засунул, она лезвие кусает жестоко, и костяной стук раздается от ее зубов, и масляные капли стекают — яд. Никогда я так не боялся, как в тот момент. Я вообще змей боюсь, не передать словами. У меня аж ком к горлу подступил. Но надо. И с другой стороны, интересно, непередаваемо. Адреналин в кровь ударил. Наверное, с тех пор он во мне и живет. Может, поэтому до сих пор и служу.

И тем не менее не верю я в этот «чеченский синдром». Ни у одного нормального офицера его не заметил.

Система охоты

В феврале или марте 2001 года сотрудник ГУБОПа вызывает нашего начальника разведки. Его в тот момент не оказалось на месте, и командир направил меня.

Поставлена задача — в Шалажах взять командующего чеченским юго-западным фронтом. Красиво звучит? На самом деле, обычный мужик. Как все опереточные генералы, боевики любят высокие звания!

Закавыка в том, что Шалажи расположены неудобно. Далеко. Южная Чечня. Предгорье. Ехать, становиться лагерем где-нибудь поблизости — гиблое дело. Он узнает и уйдет в Ингушетию. Оттуда его не выковырнуть. Надо рваться напрямую, брать его и убираться. Все это ночью.

Посидели, покумекали с губоповцем, что к чему. Прихожу к нашему командиру, Палычу, с картой, докладываю, что надумали. Палыч пару замечаний внес, отшлифовал все до конца. Говорит:

— Давай к полковнику. Он командует операцией. Его позывной — Двадцатый.

Я его и раньше знал. Он всю первую войну был Двадцатым. Внешне чуток смахивал на гнома. Невысокий, черная вязаная шапочка торчит, как колпачок. Издалека — гном гномом.

Об операции ни одна лишняя душа не знает. Двадцатый, Палыч, опер из ГУБОПа и я...

Понеслись мы через Грозный. Тут главная опасность от блокпостов, чтобы свои ненароком не обстреляли. Хоть и понимают, что вряд ли «чехи» на бэтэрах по Грозному разъезжают, все равно докладывают о нашем передвижении командующему. Двадцатый ответил командующему: «Витязь пошел на задачу».

Вышли из Грозного, вот тут мы и притопили акселераторы на полную. Долетели до Шалажей мухой. Так хорошо шли. Разведка нас замечательно провела.

В Шалажах разошлись по адресам. Генерал попался мне на зубок. Я сначала даже не думал, что это он. Взяли всех мужиков, что были в доме. А генерал этот кричит:

— Их берите, они чужие! Я хозяин, я не при делах!

Потом выяснилось, что они его охранники.

У меня был один лейтенант с Кавказа. Чеченцев ненавидит искренне и глубоко. Ка-ак дал генералу ботинком по заднице. Тот рыбкой влетел в нижний люк бэтэра — «вжик!».

Вышли мы из села. Губоповцы с нами были. Доложили, что взяли мы до хрена народа и все толковые люди.

В Гехах нас остановили и стали перегружать задержанных. При всех, открыто, прямо на площади. Все видят. Народ набежал. Я к губоповцу:

— Что вы творите?

— Я, что ли, творю?! Это сверху...

И через две недели всех задержанных выпустили. Якобы ничего на них не нашли.

Хотя польза от операции, конечно, была. На две недели исключили чеченское бандитское руководство из игры. Они проверяли людей, искали, где утечка информации. Через неделю мы съездили в горы, где у задержанных были тайные блиндажи. Там хранилось обмундирование.

Хотели сразу блиндажи осмотреть, но Палыч велел повременить, посоветоваться со старшими братьями — армейцами.

И правильно сделали. Подходы к предгорьям оказались заминированы. Стояла «система охоты». Там был зарыт компьютер с акустической системой, которая улавливает только человеческие шаги, даже на зверя не реагирует.

Зашел в зону мин, озээмка — ба-ах! — раненые лежат. Подходят санитары, вторая мина — ба-ах! И так до пяти раз. На шестой раз взрывается сама система.

Мы проехали на технике. Вышли с линии охоты и пошли пешком.

Про блиндажи нам тот же агент сказал, что и про генерала. Я старался не запомнить его лицо. Меньше знаешь, лучше спишь. Агент сам активный боевик. Все продается и все покупается.

Мы как-то смеялись с оперативниками: «Если агенту всех ведомств перестрелять, война закончится за неимением неприятеля».

Работают за «бабки». Поставил фугас — деньги заплатили, сдал информацию о том, что фугас стоит, еще раз заплатили. При разминировании сапер подорвался, еще раз заплатили за то, что фугас все-таки сработал.

«На золотом крыльце сидели...»

Наша командировка 2001—2002 годов — это осенне-зимняя слякоть и грязь. Бесконечная морось с неба.

Произносят магическое слово «зеленка» — мол, летом тяжелее, опаснее.

На самом деле, между летом и зимой особой разницы по боевой обстановке нет. Активных боевых действий в Чечне не ведется. Никто не позволит «чехам» бродить толпами по лесам. Есть технические средства, например, тепловизоры, которые расположены на самолетах и вертолетах. Самолет с тепловизором постоянно висит над территорией Чечни. Он позволяет увидеть даже печку в землянке... Поэтому, как только где-то появляется в лесу группа людей, не наших, открывается артиллерийский огонь или вылетает бомбардировщик и сыплет в этот район все, что подвешено.

В лесах реально ни зимой, ни летом никого нет.

Боевики, как добропорядочные граждане, живут дома. Они очень любят комфорт.

В общем, зимой активность не меньше, чем летом. Только бытовых сложностей у нас прибавляется. Нужны дрова, теплые палатки, одежда, резиновая обувь. Без нее никуда. Грязи по колено, особенно там, где стоят войска и ездит техника.

Активность боевиков зависит не от времени года, скорее — от денежных потоков. Идет проплата — начинаются подрывы, нет денег — нет взрывов. Война с их стороны носит только коммерческий характер.

Я разговаривал со многими чеченцами, в том числе и пленными боевиками, они становятся очень разговорчивыми, когда их обезоруживают. Героев среди них я не встречал. Пока у тебя оружие, тут любой герой. Будешь стрелять, чтобы выжить, и пока стреляешь, ты живешь. Но если попадаешь в плен, где с тобой могут сделать все, что угодно, героизм у всех исчезает. Говорят откровенно.

— Какие могут быть идеи? Что мы, ради идеи воюем? Платят деньги и все...

Мы с чеченцами слишком разные люди. И дело не в том, что кто-то хуже или лучше. У них общество муж-

ское. Женщины ни на что не влияют. А мужское общество — это что? Друг перед другом повыпендриваться, кто круче. Поэтому заискиванием их не проймешь. В силу того, что общество мужское, ребята там очень жестокие и понимают только силу во всех вопросах — житейских, личных, социальных. Они уважают силу. Европейская логика не работает на Востоке...

Весь декабрь 2001 года мы провели, работая по Старым Атагам и Чечен-Аулу.

Чечен-Аул, Новые Атаги, Старые Атаги — змеиное гнездо. В первую войну там были сосредоточены большие чеченские отряды, в том числе и знаменитый отряд «Борз». Он был укомплектован за счет Старых Атагов.

Предновогодняя подготовка началась с того, что мы нашли тайник убитого в прошлом году, при задержании, полевого командира Якуба. Тогда тайник искали, но не нашли.

Меня не было в момент обнаружения тайника. Я появился чуть позже. Мы с другой группой отрабатывали еще один адрес. Домик, в который я сам вряд ли зашел бы, — старенький, бедный, нежилой. Но нас вывели на него. Мало ли — раз нежилой, могут приходиться боевики, ночевать.

Стали осматривать дровяной сарай во дворе, откинули четыре полена сверху и обнаружили в углублении сумку с девятимиллиметровыми патронами к парабеллуму. Позже ребята из ФСБ нам сказали, что этими стволами вооружены четыре человека — арабы. Была версия, что они уже ушли из Старых Атагов, но наша находка перечеркнула эти предположения. Патроны лежали так, чтобы их легко и быстро можно было взять. Значит, арабы где-то поблизости. И патрончики все разрывные — повышенного останавливающего действия. От такой пули дырку разворачивает с тарелку.

Потом мы приехали к дому Якуба. Я показываю руководителю спецоперации патроны:

- Посмотри, что мы нашли.
- Это ты посмотри, что мы нашли.

Как наткнулись на тайник? Работали по адресам и ничего нигде. Вдруг вспомнили, что есть пустой адрес, старый, никаких данных по нему нет.

- Давайте его проверим на всякий случай.

То ли интуиция, то ли случайность... Крыльцо огромное, красивое. Сделано капитально, обложено плиткой, идти в обуви по нему жалко. Я бы сам никогда не решился его разломать, жаль людского труда. Забыл только, что дело мы имеем с нелюдьми.

Один боец из четвертой группы решил проверить это крылечко. Оно почти в рост человека, а внутри — оштукатуренная камера. В ней оружия!

Десять ПК, две снайперские винтовки, тридцать автоматов, РПГ-7, несколько одноразовых гранатометов, ручные гранаты, выстрелы к РПГ-7 двойного кумулятивного действия, тандемные, страшные выстрелы, они пробивают практически все — 1,5 куба железобетона свободно, насквозь, любой танк, защиты против него нет. Еще термобарические выстрелы объемного взрыва, к этому же гранатомету (у нас таких не хватает). Осколочные гранаты. Тысяч восемьдесят патронов, взрывчатки килограммов шестьдесят, самой разнообразной, начиная с тротиловых шашек, кончая пластиком, извлеченным из различных зарядов. Этим всем можно было вооружить хорошее подразделение для диверсий или даже боевых действий обычного линейного порядка, уличных боев. Тайник замуровали на длительную консервацию.

Кроме оружия, там хранился любопытный и ценный архив за 1995—1996 годы отряда «Борз». Один из документов, например, такой. Мулла Старых Атагов пишет докладную записку Масхадову и рекомендует назначить на должность главы администрации одного из населенных пунктов Чечни своего человека. Описывает его доблести во время первой войны, перечисляет заслуги перед исламом. Стоит виза Масхадова, чтобы назначить. И этот человек действительно был главой администрации уже в наше время. И такого рода документов — масса.

Край вечной охоты

После находки в крыльце у нас пошли боестолкновения одно за другим. В эти же дни ребята привезли нам «гуманитарку». С ними приехал гражданский, из

организации, которая поставила нам гуманитарную помощь. Он с видеокамерой носился с выпученными глазами, напросился с нами на выезд. Ехали из Ханкалы в Старые Атаги. Я его предупредил:

— Садись с этой стороны и прикройся бронещитком. Будем проезжать заводскую зону и кладбище возле Аргуна, там, как правило, с правой стороны за кладбищем подрывы, а слева обстрелы. От пуль щиток, конечно, не защитит, а осколок, может, и отведет.

И только мы проскакиваем кладбище, взрыв и обстрел. Гражданский:

— Ого! — и глаза еще шире.

Снимает и снимает на камеру.

Ночью поехали в Чечен-Аул брать эмира, главного бандита этого населенного пункта. Эмир — нечто среднее между воинским званием и должностью, а скорее, и то и другое в одном лице. Командир среднего звена.

Съездили в Чечен-Аул сперва днем. Не застали его. Не поленились и приехали еще раз ночью. Он, по идее, должен был появиться там, решив, что зачистки закончены. Мы не ошиблись.

Часа в три ночи блокировали целый район и его дом. Разведгруппа пошла внутрь.

Лейтенант Жека ворвался первым. А эмир в него из АКСУ в упор три пули в грудь всадил. АКСУ — укороченный автомат, его еще на жаргоне называют «ублюдок». Для уличного боя не слишком удобный, а для ближнего, в комнате, в самый раз. Жека испытал это на своей шкуре. Его аж вынесло из комнаты от трех пуль. Бронешитет спас. Автоматные магазины в разгрузнике разворотило.

Тогда мы стали забрасывать комнату гранатами. Дом, естественно, загорелся. Из горящей комнаты эмир отстреливался. Всё молитвы кричал, подбадривал себя. С ним в доме находился еще один боевик, он с Басаевым в Буденновске был. Внешне такая чмошная фигура, никогда не подумаешь, что реальный бандит.

В конце концов эмир вышиб окно. Возник в оконном проеме, босиком. На нем уже полопалась кожа от жара, хорошо его припекло. Кабан здоровый. Бывший мастер спорта...

Он вылетел как раз на группу блокирования, и его уничтожили. Как и второго боевика. Оба ушли в край вечной охоты.

Охрана бросила своего эмира, когда запахло жареным в прямом и переносном смысле. Пытались обстреливать нас издалека, но мы им ответили! Они ушли.

В ту же ночь в Старые Атаги из Чечен-Аула в больницу пришел раненый бандит. Пуля попала в живот. Его там прооперировали и через два часа после операции забрали их люди. На «Жигули» погрузили и увезли куда-то на долечивание. Мы уже после эту информацию получили.

А наш гражданский все бегаёт с камерой. Едем в Старые Атаги на следующий день и нарываемся еще на двух бандитов. Случайно, не на тот адрес пошли. Через три дома от нас выскакивают два черта с автоматами, и начинается погоня с перестрелкой.

Гражданский, переполненный впечатлениями, кричит:

— Вы чего тут?! Отдыхать у вас времени нет?! Целыми днями как на охоте.

Но после этого случая мы решили, что пора его отправлять. Он уже никакой от событий. За полутора суток — три перестрелки.

Спецназовский экстрим

Конец декабря 2001 года. Грязь и водяные брызги с серого неба. Временами легкий морозец и снег. Мороз лучше, не так скользко и не так мокро. Обувь промокает, ее сушить негде. Все время мы в разъездах.

Родилась идея. Работаем, работаем в одном районе — бандиты из него уже ушли, а надо взять и мотнуться куда-нибудь накоротке. Выскочить, отработать и обратно. Начнем работать, бандюки обратно в Старые Атаги поползут.

Эту идею командование рассмотрело, очень тихо, аккуратно, чтобы информация не утекла.

Взяли информацию по Цоцин-Юрту и с минимальным количеством людей со всех служб, которые долж-

ны отработать, мотнулись ночью. Примчались и под утро начали шерстить.

Наши поисковые группы на двух или на одном бэтэ-эре «барражировали» по Цоцин-Юрту. Параллельно с нами колесили на легковых машинах боевики. Обстреливали нас. Но больше перепало 352-му разведбату 46-й бригады, который работал с нами. Именно их поисковые группы чаще всего нарывались на «чехов».

Цоцин-Юрт большой, адресов много. От нас поехало семь групп и от разведбата — пять. Остальные наши остались под Старыми Атагами изображать бурную деятельность.

И вот бандиты обстреляли разведбат раз, два, три, на четвертый слышим, такая пальба полыхнула!

По связи спрашиваем: «Что там?»

«Разведчики влетели на адресе».

Отрабатывая свои адреса, мы потихоньку вышли на стрельбу. Разведгруппу долбят. Два офицера — командир взвода и командир роты — убиты в первые секунды боя. Мы вытащили из-под огня пятнадцать раненых бойцов. Из них двое потом умерли в госпитале. Наш док сразу сказал: «Не жильцы».

Грохнули на этом адресе несколько «чехов» и ушли оттуда.

Часа три мы там колупались, подустали немножко. Выбрались из населенного пункта, сели обедать. В это время приехали корреспонденты, телевидение, заместитель командующего группировкой или даже сам командующий. Не помню. Снимали на камеру трупы боевиков, выложенные в ряд...

Мы еще обедали, когда нас резко подняли. Сперва подумали, что это для съемок. Отреагировали по-своему:

— Твою через твою, через кочергу...

Уже нашли бойцов, кого можно поднять для красивых поз перед камерой, а нам вдруг сообщают, что подъем боевой. Выезд в город. Тут опять свои заморочки. Бойцы возмущаются:

— А-а! Нас снимают перед тем как ехать. Такие-сякие. Примета плохая!

С вертолета заметили, в каком дворе стоит машина, с которой нас обстреливали. Мы на адрес. Хоп! Блоки-

ровали. Посмотрели — никого. Через несколько домов от нас, как совсем недавно, выскакивают два черта в синей форме, смахивающей на милицейскую, омовскую.

У нас охотничий азарт. Летим за ними. Им-то хорошо, они налегке, без бронежилетов, без снаряжения. Автомат и пять-шесть магазинов. А мы все грузные ребята. И грязь жуткая под ногами. Бежим по огороду, а на каждом ботинке килограмма по три грязи, не меньше.

Я думал, у меня сердце выскочит. Выбегаем через огороды на другую улицу, а там — засада! Ка-ак нам дали прикурить! Мы врассыпную. И вот тут я только помню четко, кинематографически. Я забираю влево, куда уже убежали трое наших. Они проскочили под выстрелами. Мне один из них орет:

— Фидель, не беги сюда, здесь стреляют!

И я понимаю, что остановиться не могу. Меня сразу заколбасят. Лечь невозможно. Лежачего не сразу, но тоже пристрелят. Поворачивать? Но там узкая тропа между заборами — ни вправо, ни влево и сзади на меня бегут еще человек пятнадцать наших: я закупору — будет групповая цель, вообще, бей не хочу. Надо бежать. И я бегу туда, к ним. Справа сетка-рабица, и она как под током искрит от пуль. Я скосил глаза и вижу: из-за этой сетки, метров с тридцати, два дурака поливают по мне из автоматов, как из шлангов.

Деваться некуда, и я ломлюсь из всех своих силенок. В конце концов мне что-то по ноге — стук! Как будто палкой по икре шарахнули. Меня аж подразвернуло. В горячке чуть не упал. Кричу: «Блин, достали!» Ковыляю дальше. Мысль только об одном: «Как, интересно, попали?» Но боли не чувствую. Забегаю за угол. За ногу схватился. Вроде контузило, рикошетом. Дырки на штанине нет. Рукой желвак нащупал, вспухло, крови вроде нет.

Паша, майор, стоит, за голову держится.

— У меня, по-моему, пуля в голове, — сообщает.

— Да хватит тебе выдумывать, — отмахнулся я. — Если бы у тебя была пуля в голове, ты бы лежал сейчас и не болтал лишнего.

Мы с офицером ФСБ и нашим лейтенантом пошли влево. Я рассудил, что боевики, которые на нас напали, будут уходить влево, потому что справа наши рассыпались и охватили их полукругом.

Отскочили мы влево через два дома. Там металлический забор примерно в рост человека. С трудом голову высунуть можно, привстав на цыпочки. Мы втроем высовываемся над забором и рядом ствол автомата на кромку забора кладем. Смотрим, а за оградой, метрах в тридцати, шесть «чехов» стоят. По жестикуляции видно, обсуждают, идти вправо к своим на вырчку или не ходить.

Мы высунулись с автоматами. «Чехи» нас мгновенно увидели и растерялись. Я сразу стрелять начал и своим кричу: «Стреляйте!» «Чехи» в разные стороны. Прицелиться как следует не удавалось — автомат выше уровня глаз. Но одного мы ранили. Он хрюкнул и присел, чувствуется, неприятно ему. Остальные рассыпались и залегли.

Я понимаю, мы в них не попадем, а они сейчас лягут и прицелятся... Кричу: «Ложись!» Что там металлический забор два миллиметра толщиной! Ка-ак над нами засвистело! Решето из забора. Секунд десять прошло, я говорю:

— Все. Они отстрелялись. Пора линять.

Мы с офицером ФСБ рванули влево, забежали за угол забора. Лейтенант остался лежать, всунул ствол автомата в щель бетонного основания забора и вслепую по огороду полоскает, чтобы «чехи» ничего не приняли.

За углом два пролома в заборе, забранные сеткой-рабицей. Ни укрытия, ничего. Думаю: «Ладно, лягу, они меня лежащего не заметят». Изготовился к стрельбе, нацелившись на сетку, где она слегка провисала. И думаю: «Ну, идите, ребята!»

Ребята как по заказу выскакивают. Опускают сетку. Начинают перелезать. Как только кучка образовалась, человека четыре, я в нее одиночными выстрелами начал магазин выпускать. Будто червей разворошил. Они обратно — им не до стрельбы — сами под огнем. Особо не выделяется никто. Пули рикошетят по рабице.

Убрались они, а у меня патроны на исходе. Оглядываюсь, а парень из ФСБ стоит за углом в полный рост. У него позывной Геолог, потому что он информацию нарывает... Я ему кричу:

— Ложись!

Листы хоть и железные, но тонкие. Геолог мне в ответ брезгливо:

— Грязно!

— Ложись, дурак! Прикрой меня!

Он плюхнулся. Я откатился назад перезарядиться. Геолог высунулся и начал вдоль забора из автомата стегать. По нему дали ответную очередь, и он вдруг застонал:

— Ай! Фидель, я ранен!

У меня внутри аж заглодело. Он-то по пояс высунулся. Скорее всего, в грудь влетело. Ну, все, кранты.

— Куда?!

— В руку.

— В какую?

— В левую.

— Сильно?

— Работать не могу.

— Отползай! Кинь магазинчик, у меня всего полтора осталось.

Геолог два магазина бросил. Тут я успокоился. Два магазина — можно долго сидеть. Я одиночными всегда стреляю. Жду. Им деваться некуда. Справа «чехов» давят изо всех сил. Чувствую, и раненые у них есть. Жду. Чего мне высовываться, рисковать? Они все равно пойдут по улице, из-за угла я ее всю просматриваю. Как в тире могу работать. Единственное, что меня немного тревожило — автомат не мой. На тот момент я еще не успел получить оружие на полевом складе. Поехал на войну вообще без ствола, только с пистолетом. Позаимствовал перед операцией автомат наводчика пулемета БТР, ему он в бэтээре не нужен. Вроде автомат пристрелянный...

Вот «чехи» поперли. Перебежками, по одному. Я выцеливаю, стреляю и никак попасть не могу. Я вне себя. То ли стрелять разучился, то ли автомат все-таки не пристрелян. Между мной и боевиками три слоя раби-

цы, но встать нельзя, чтобы сверху стрелять. Справа ведь идет капитальный бой. В отличие от нас, там большие силы схватились. Наших человек двадцать и столько же боевиков. Оттуда рикошеты идут со страшной силой. Слепые пули летят. Встанешь, может и грохнуть. Думаю: «Не, моя жизнь дороже этих дураков, я лежа постреляю».

Первые двое перебежками, перебежками, почти ушли. Вторые двое пошли. Решил, сделаю несколько выстрелов, но точных. Полежал секунд десять, успокоился, тщательно выцеливаю. Стреляю! Мимо. Стреляю. Никак не попадаю.

Они уже пешком идут от меня, даже не перебежками, пешком уходят! Меня вообще завело!

— Гады! Презирают! Показывают презрение!

Аж взбесился. Напоследок два таких выстрела сделал, что один из боевиков даже спотыкнулся, явно попал. Но спокойно так идет. «Надо же, какие ребята отчаянные». Четверо ушли. Двоих я отсек. Не смогли прорваться.

Мы остались лежать. Прикрывали этот участок часов до десяти вечера. Я чувствовал, что по ноге начала стекать кровь, а боли не было. Опасался только, что от потери крови меня поведет. Не отключиться бы.

Закончились зачистки домов. Никого не нашли, лишь потеки крови повсюду. Ночь. Особо не подергаешься. Они по дорожке отхода мины поставят, не обрадуешься.

И мы выбрались. Единственное, что интересно, в одном из домов нашли видеокассету и записку: «Посмотри Мидео и спрячь». На кассете надпись «Мидео».

Нас сразу к врачу. Геологу руку перевязали, мне — ногу. Все-таки пуля внутрь зашла. Слепое ранение. А у Паши и в самом деле пуля оказалась в голове, вернее, рубашка от пули под кожей над ухом. Немного глубже она вошла бы — все. Кроме того, у него оказалось пять сквозных ранений осколками пуль. В бок, руку и ногу. Пули бились в кирпичную кладку, кололись вдрызг и отлетали в Пашу.

Когда в госпиталь прилетели, Паша снял свитер, и на пол посыпались осколки пуль. Свитер весь посечен.

Старлей осколком пули был ранен. И рядовому еще в начале боя пуля разворотила лицо. Рядового сразу эвакуировали, а мы до конца оставались. Я, Паша, Геолог и старлей.

Надо отметить, что медицинская служба хорошо работает. Конвейер у них налажен от и до. В Северном вертолет только сел, а нас уже машина ждет. И в приемный покой. Тут же на столы, рентген, перевязки.

Пулю извлекать не стали. Дырочка от нее аккуратная, уже затянулась. Пластырем заклеили и все.

Вышли мы из перевязочной. Адреналина в крови столько! Можно стометровку запросто пробежать. В назначенной нам палате мы скинули грязные камуфляжи, отдали постирать. Девчонок, сестер, попросили что-нибудь приготовить. Есть очень хотелось. И выпили чуток, чтобы адреналинчик снять. Сестрички нам и видак достали, кассету просмотреть. Геолог ее все это время прижимал к себе, как любимую девушку.

На кассете записана жизнь чеченской семьи в Казахстане. Мне б так жить! Машины, квартиры — шикарно. А потом показано, как в Курчалое нашим бойцам головы режут. Кассета — отчет о проделанной работе...

Мы в госпитале переночевали. Утром встали, что делать? 31 декабря. Вот он, Новый год! Стоп винты, стоп колеса, стоп моторы. Ничего не летает и не ездит. К своим уже не поехать, на базу тоже.

— Будем встречать здесь, — решил я.

Паша с Геологом завелись.

— Блин, надо ехать на базу, в Ханкалу.

— Как? Чего выдумываете? На чем?

— На такси, — не смутились они.

— Где ваше оружие? — возмущился я. — Только я пистолет прихватил. Вы же все подавали, гады.

— Ничего, как-нибудь доедем.

— Я дорогу знаю, — горячился Геолог. — От блокпоста к блокпосту. Что тут ехать? Доедем!

— Ладно, уговорили. Поехали.

Написали отказ от госпитализации. Геолог поймал такси. Я на переднее сиденье. Демонстративно перезаряжаю «Стечкин». Таксисту говорю:

— Все, брат, если что, не обижайся, первая пуля твоя.

— Командир, чего там, — понял водила.

Я никогда так не психовал, как при этой глупости, но мы моментом долетели до Ханкалы. Отпустили таксиста, в его машину тут же загрузились такие же остолопы, как мы. Тоже куда-то ехать Новый год встречать.

Мы потопали к себе. Тут вдали: «Бэмс!» — выстрел. Первое желание у всех лечь. Грязь вокруг непролазная. Все присели. Ух ты! Сознание еще от недавнего боя не отошло.

Отмечать праздник нас зазвали к себе фээсбэшники. От них мы узнали продолжение истории с Цоцин-Юртом, когда я стал сетовать, переживая недавний бой.

— Стрелял, стрелял. А они пешком ушли. Вот такой я стрелок!

Фээсбэшники смеются и переглядываются.

— Слышь, сегодня стали осматривать место, где ты стрелял — там два трупа нашли. Те, что пешком шли. Все в дырках. Потому они и шли — бежать уже не могли. Ты их полоскаешь: дырка за дыркой, они тоже на адреналине были, зашли за угол, упали в канаву и умерли.

Один из них, как потом выяснилось, был снят на видеокассете «Мидео», здоровый бык.

— Мы утром обыскали все вокруг, — продолжал рассказывать фээсбэшник. — Шесть лежек нашли, замаскированных копами кукурузы. Откинули копы, а там все в крови. Тяжелораненые в этих лежках были. Короче, вчера вы восьмерых уничтожили и нескольких ранили. Они все известные боевики.

«Чехи» напугались, что какое-то подразделение, то есть мы, может так биться ночью. А мы чувствуем друг друга — как бы ситуация ни менялась, я всегда знаю, что в следующую секунду будет делать тот или другой боец. Это взаимопонимание достигалось тяжелым трудом в течение трех лет.

Начало «Новой жизни»

31 декабря новогодняя жизнь началась для нас с выезда в село Новая жизнь. Вот такой каламбур.

Был радиоперехват накануне, из которого узнали,

что в Цоцин-Юрт пытались прорваться боевики из Новой жизни. В Новую жизнь и нагрянули.

Мы с офицером ФСБ и Пашей оставались на базе. Пользовались своими ранениями. О том, что происходило в селе, узнали от ребят.

В группе блокирования дома стоял наш снайпер. Его позывной Капрал. Стоял, смотрел по сторонам как положено.

Одна молодайка посылает ребенка куда-то. Капрал ему:

— Стой! Обратно, — загнал мальчика в дом.

Дети постоянно «летают» как связные боевиков. Женщины мечутся по дому. Что-то их гложет. Одна выскакивает с мокрой тряпкой, вроде постирала. Развешивает эту белую тряпку на заборе. Калитку во двор оставляет открытой. Идет дождь, а она белье сушит.

Капрал калитку закрыл. Через несколько минут женщина выходит снова. Будто по делам, и якобы ненароком оставляет калитку открытой.

У чеченцев обычай, если в доме мертвый, похороны, вывешивается белое полотенце и открываются двери — «В доме смерть». Они это переиначили и превратили в условный сигнал: «В доме противник, не ходите сюда».

Капрал закрыл дверь и выглянул на огороды. В глубине белела небольшая мазанка. Снайпер смотрит, а к этой мазаночке из другого дома посылают пацаненка. Он ему: «Стоять! Обрато иди!»

Через время от третьего дома старик идет.

— Ко мне, старый, — скомандовал Капрал.

— Я заслуженный учитель Чеченской Республики. Я просто иду.

— Постой, потом вместе сходим. Походим, погуляем.

Из дома выходит старлей, командир группы. Его позывной Бам, потому как если ударит, то всё!

Капрал докладывает командиру ситуацию.

— В мазанке кто-то есть.

— Кто в мазанке? — обратился к старику Бам.

— Там дети.

Капрал глянул в прицел снайперской винтовки и видит, как к окошку мазанки изнутри такая харя приблизилась!

— Там явно не дети. Там кто-то есть.

Подошел Джафар. Он не чеченец. Это у него позывной такой из-за черной густой бороды. Без нее у Джафара обычное русское лицо, а с бородой — кавказский разбойник, да и только.

Джафар направил автомат на старика.

— Пошли. Ты — первый, я — второй.

Остальные рассыпались по двору, блокируют. Старикан подошел к дверям, открыл, сказал что-то внутрь и закрыл:

— Они боятся выходить. Отойдите, дети выйдут.

— Если не выйдут, гранату брошу, — пообещал Джафар.

Старик снова дверь открыл, а оттуда две «эфки» вылетают. Джафар оттолкнул деда, отпрыгнул в сторону, упал и закрыл уши ладонями.

Еще один боец, лейтенант, стоял напротив мазанки, около дерева. За это дерево он и повалился. Оно толщиной сантиметров десять — не закроет, конечно. Прозвучало два взрыва. С дерева осколками содрало всю кору — оно белое стояло, а в лейтенанта ни один осколок не попал, хотя метра полтора до взорвавшихся гранат было. Контузило его и оглушило сильно. Он даже отключился...

Джафару ничего, он вскакивает, обегает мазанку и сталкивается с двумя дураками. Они под шумок за взрывами выскочили из мазанки. Между Джафаром и ними два с половиной метра, и они дружно начинают садить друг в друга из автоматов. Джафар по ним магазин — тридцать патронов — высадил. «Чехи» в него два таких же магазина. Джафар не шевелился, двинешься — убьет. Свист с обеих сторон. Он только автоматом водит и кричит: «А-а-а!» «Чехи» тоже орут и стреляют. Страшно, конечно. В упор. Смерть — вот она летит. Шестьдесят пуль — в Джафара не попала ни одна. Он ранил обоих. Они стали убегать. Джафар тоже, перерядиться же надо. Раненые быстро не бегают. Группа блокирования их заколбасила.

Еще двое боевиков из мазанки выскочили. Гранатами отбрасывались. Одного из них Капрал снял. А второй в канаву заскочил, начал отстреливаться, но, когда в очередной раз высунулся, его другой наш снайпер снял.

Стали выяснять, кто эти четверо уничтоженных боевиков. Оказалось, что все четверо полевые командиры. Пришли на совещание. Один из них учился в Пакистане и планировал многие крупные операции.

Отдолбили их и Новый год поехали встречать. «Чехам» Новый год серьезно подпортили.

Таких боестолкновений была масса. Но с этого момента противник стал все больше нас бояться, а мы действовали все активнее и активнее.

Тут очень важно психологическое состояние. Мы были охотниками, а «чехи» только и думали, как запрятаться подальше. Если человек изначально рассчитывает, как убежать, он нормально воевать не сможет. Не важна численность и не столько важно оружие — важен настрой на битву. Для «чехов» началась тяжелая жизнь. Они психологически ломались только при одном известии, что на задачу вышел «Витязь».

Спецназовцами не рождаются

«Спецназовцами не рождаются, ими становятся» — бойцы спецподразделений любят повторять эту истину, подчеркивая, что им ничего даром не дается. Ко всему следует приложить умение и труд. Любой профессии, в том числе и спецназовской, надо учиться. Но отдельной школы или училища для спецназа до сих пор нет.

В отрядах специального назначения проводится обучение солдат и офицеров. Тут всегда можно получить специальность, а при желании и не одну — гранатометчик, снайпер, сапер, высотник, пулеметчик, минометчик.

Стрелок штурмового отделения — это специальность, которую получают все спецназовцы во время занятий в учебной группе. Обучение специальностям — пулеметчика, снайпера, наводчика БТР и ряду других — осуществляется индивидуально, после того как военнослужащий

окончил учебную группу и пришел в боевое подразделение. Обучение проводится под руководством командира группы и заместителя командира группы по специальной подготовке.

Военнослужащие по призыву увольняются в запас, и должность того или иного специалиста становится вакантной. Думающий командир за несколько месяцев до увольнения начинает присматривать кандидата на эту должность из числа новых бойцов, окончивших учебную группу. Если у военнослужащего есть желание приобрести ту или иную специальность, ему предлагается пройти стажировку. Чтобы стать снайпером, особенно важно личное желание бойца, ведь эта специальность специфическая. Сборы проходят в масштабе отряда, после чего стажировавшийся боец занимает штатную должность.

Есть специальности, которым обучают за пределами части — сапер-подрывник, водитель бронированной и обычной техники. Желательно, чтобы водитель обладал категориями В, С и мог выполнять работу водителя БТР, бронированного «Урала» и других транспортных средств. Связистов — специалистов по средствам радиосвязи и санинструкторов также готовят вне отряда, если нет бойца, уже имеющего начальное медицинское образование, диплом фельдшера.

Некоторых военнослужащих направляют в учебную часть по подготовке прапорщиков на несколько месяцев, и ряд воинских должностей укомплектовывается прапорщиками.

Срочники могут иметь несколько специальностей — это зависит от настойчивости командира группы. Опытный командир старается, чтобы его бойцы владели двумя специальностями, ведь военнослужащий в бою может быть ранен и его придется заменить. Хорошо, если боец имеет специальность стрелка штурмового отделения, при этом может стрелять из пулемета и в то же время готов подменить выбывшего из строя снайпера. Все упражнения и занятия в спецназе основаны на взаимозаменяемости.

Группа разведки является одним из подразделений боевого обеспечения и играет очень большую роль в жизнедеятельности отряда. Это — его глаза и уши. Как наиболее подготовленное подразделение, разведгруппа за-

частую привлекается для выполнения наиболее сложных задач, которые возложены на группы специального назначения в целом. Но тем не менее между ними существует четкое разделение — спецназ и разведка идут рядом, помогают друг другу, но задачи их носят разный характер. У спецназа в основном штурмовая работа — захватить, обезвредить, освободить, уничтожить. Разведчики обязаны изучить обстановку, получить информацию, создать условия для выполнения поставленных перед группой специального назначения задач. В группе разведки много бойцов, служащих по контракту. Вообще же разведчики — универсалы. В разведгруппе есть снайперы, пулеметчики, наводчики БТР, есть представители специальностей, характерных только для разведчиков.

В отрядах спецназа развита ступенчатая система служебного роста. Боец, отслужив срочную службу, овладев минимум двумя воинскими специальностями, сдав на краповый берет, пройдя боевую командировку, решил продолжить службу по контракту — это первые ступеньки. После заключения контракта, через некоторое время он покоряет следующую ступень — командира отделения, затем назначается на должность заместителя командира взвода, старшины группы. Направляется на учебу, чтобы получить воинское звание прапорщика. Прослужив в звании прапорщика года три-четыре, он может за усердную службу, которую должен отметить командир группы, получить направление на курсы младших лейтенантов. Через полгода возвращается в часть уже офицером, командиром взвода. Еще через некоторое время его могут направить на заочное обучение в юридический институт МВД, где он получает высшее образование и может в отряде занять достаточно высокую должность — заместителя командира или командира группы. Он имеет возможность и дальнейшего роста, если продолжит учебу в военной академии. Но прохождение этих ступенек идет медленно, для этого необходимо набраться терпения.

По закону посылать военнослужащего на курсы младших лейтенантов руководство имеет право через год службы. Вот и приходят на эти курсы из обычных воинских частей девятнадцатилетние парни, еще не состоявшиеся ни как военные, ни как мужчины, ни как личности. Через

полгода возвращаются в часть, где еще продолжают служить солдаты, одновременно с ними призвавшиеся, и те, кто был призван на полгода раньше. А они должны ими руководить. Станут ли они им подчиняться? Бывают, конечно, исключения, но они лишь подтверждают правила.

В отрядах спецназа таких вещей не происходит. Девятнадцатилетнего парня только на основании его желания стать командиром не пошлют учиться на лейтенанта, если он не прошел те ступени, о которых говорилось выше, даже в случае особых заслуг кандидата. На курсы младших лейтенантов приходят из отряда прапорщики, послужившие, имеющие государственные награды и несколько боевых командировок на своем счету.

В зависимости от усердия и старания прохождение служебных ступеней может длиться от нескольких месяцев до нескольких лет.

Командир одной из групп отряда «Русь», капитан, начинал службу в отряде солдатом девять лет назад. Получил специальности пулеметчика, снайпера. Был снайпером по контракту около года, стал командиром отделения, полгода прослужил, получил методическую практику, когда в составе группы военнослужащих он направлялся по указанию министра внутренних дел для обучения ингушского ОМОНа в 1999 году. По возвращении его назначили заместителем командира взвода и ему было присвоено звание прапорщика. Пройдя ступень заместителя командира группы, побывав в боевых командировках, он стал старшиной группы. Позднее он был направлен на курсы младших лейтенантов, назначен командиром группы. Таких примеров хватает. Этот человек — профессионал. Может, ему отчасти не хватает теоретических знаний, но он имеет все возможности их пополнить.

Тесные отношения отряд «Русь» поддерживает с другими отрядами специального назначения, с ОМОНами, с СОБРами, с теми, с кем вместе выполняют специальные задачи. Среди них взвод специального назначения одной из частей по охране важных государственных объектов, бойцы которого регулярно приезжают в гости для обмена опытом.

Спецназовец всегда гостеприимно примет другого спецназовца, даже совсем незнакомого, приехавшего из другого города, накормит, напоит и на ночлег устроит.

Отряд дружит с бригадой специального назначения внутренних войск МВД Республики Беларусь, поддерживает контакты с молдавскими карабинерами, со спецназом внутренних войск МВД Украины и со спецназовцами Казахстана. Всех объединяет общая борьба с терроризмом и с организованной преступностью.

У отряда «Русь» сложились тесные отношения с детским объединением «ЭОС», где проводятся индивидуальные занятия с детьми с детского садика до четвертого класса начальной школы. Для детей спецназовцев объединение делает большую скидку в оплате. Дети, воспитанники объединения, приезжают в отряд с концертами. В свою очередь бойцы отряда помогают этому объединению в решении различных бытовых вопросов, поскольку работают в «ЭОС» в основном женщины.

Старшеклассники нескольких московских школ проходят в отряде «Русь» военные сборы. Спецназовцы всегда идут навстречу, стараются дать призывникам необходимый минимум знаний. Они поддерживают отношения с различными военно-патриотическими клубами Москвы, Подмосковья и некоторых городов других регионов. В Белгороде бывшие спецназовцы отряда организовали военно-спортивный клуб «Русь». Они занимаются допризывной подготовкой, рассказывают ребятам об истории спецназа, своего отряда. Рекомендуют своих воспитанников для службы. И командование отряда решает вопросы с военкоматом, чтобы этих ребят призвали именно к ним.

Ребята из военно-патриотических клубов заранее знают, на что идут, что спецназ — это трудно, тяжело, пот, синяки, сбитые в кровь мозоли. И при этом в отрядах спецназа минимальные потери. Жесткая подготовка, как это ни парадоксально, очень гуманна, поскольку целиком направлена на то, чтобы сохранить жизни бойцам.

Вопросы поддержания на должном уровне морального и физического здоровья являются одной из основных забот руководства отряда. Оно старается сделать эффективной реабилитацию бойцов, хотя осуществить это не

всегда позволяют финансовые возможности. Например, у спецназовцев отряда «Русь» самой яркой и запоминающейся была реабилитация в 1996 году. Прибывших из чеченской командировки бойцов взял тогда на полное обеспечение колхоз «Борец». Десять суток спецназовцы жили в этом колхозе, вернее в пионерском лагере, располагавшемся на территории колхоза, в коттеджах на пять-шесть человек. В колхозной столовой бойцов три раза обильно и вкусно кормили добротной крестьянской пищей. Каждый день спецназовцев возили на экскурсии, через день — на дискотеку в местный клуб. Провели футбольный матч со сборной колхоза. Тогдашний руководитель хозяйства был страстным любителем футбола, и в его команде играло много мастеров спорта. Спецназовцы в честной игре проиграли им. Впоследствии руководство колхоза сменилось и возможности такого отдыха после командировки у бойцов больше не стало.

Все последние годы непрерывных командировок, не слишком рассчитывая на чью-то помощь в вопросах реабилитации, руководство отряда планирует экскурсии и выходы в город, в театры, кино. Есть театр «Сопричастность», где спецназовцев ждут в любой день на любой спектакль, православный театр «Глас». Актеры из театра приезжали к бойцам и на полевой выход, выступали там перед ними.

Хорошие отношения сложились у спецназовцев с заведующим сектором взаимодействия Московской патриархии с внутренними войсками Алексеем Заварновым. Он много времени проводит в части, беседует с бойцами. Есть планы создать в части домовый храм Александра Невского.

Вообще командиры внушают своим бойцам такую истину, что на время службы у спецназовцев одна национальность — воин русского спецназа.

Тайные тропы (эпизоды из жизни разведгруппы спецназа)

Лето 2000 года.

Густые сады слева от дороги. Старые, с темно-зеленой листвой. Справа — горы. Тихо. В солнечном свете над дорогой застыла пыль от проходившей колонны.

Один за другим восемь тяжелых БТР и два уазика отряда спецназа выдвигались в пункт назначения отрабатывать адреса, где под видом мирных жителей находились боевики. В первом бронетранспортере во главе колонны ехали разведгруппа и начальник разведки майор Зубов.

Разведчики всегда идут первыми. Среди них молодой боец-срочник. После полугода специальной подготовки он прибыл в Чечню. Для него все особо и значимо. И то, что они идут первыми, и волнение от предстоящей операции.

Недалеко уже до ближайшего села. Там боевики нападать не станут. Этот населенный пункт вне войны.

Боец видел, что Зубовастораживают сады. Место для засады удобное. А трасса одна. Быстрее бы проскочить...

Но вдруг пыль и осколки взметнулись над дорогой — рванул радиоуправляемый фугас рядом со вторым БТР. И сразу по броне застучали пули.

Разведчики сориентировались быстрее других. Развернули башню БТР, и пулемет заработал по саду. Зеленым фонтаном брызнули листья с деревьев. А снайпер группы тем временем осматривался. По вспышкам он обнаружил боевиков на холме, а не в саду.

— Цель на холме! — крикнул командир разведчиков.

К перестрелке подключились и другие группы отряда. Но сквозь пыль и всполохи огня им мало что удавалось разглядеть.

Под прикрытием брони разведчики перетащили раненых в свой БТР. По приказу командира отряда бойцы спешили и медленно продвигались к селу.

Доктор от конца колонны, где он находился, промчался по обочине на «уазике». Только немного пригнулся, когда пули царапали машину. Подкатил к БТР разведгруппы, забрал раненых и вернулся обратно.

Огонь боевиков удалось подавить. Колонна ползла к селу. Стрелять с холма стали меньше. Но пули все еще выстукивали азбуку Морзе по броне и печатали смертельные послания.

Вот оно, село, рукой подать... Зубов заметил впереди за холмами фигуры боевиков, которые прятались в ов-

раге. Пули опять ожесточенно забарабанили по бронетранспортерам. Укрываясь в складках местности, боевики обстреливали голову колонны, а по БТР, оказавшимся в центре, продолжалась стрельба с холма.

Наконец первые сельские дома показались справа и слева. Улица пустая. Местные спрятались, но и стрельба уже прекратилась.

Раненых эвакуировали и продолжили движение к месту назначения. Нужно было успокоиться, собраться.

Зубов ехал на броне, стряхивая ладонью пыль с камуфляжа. После перестрелки и взрывов всех спецназовцев припудрило пылью. Майора не оставляло ощущение Дежа Вю.

Выезды каждый день. Длительные марши, и пешком, и на БТР. Дороги, дороги. Адреса. Доразведка на гражданских машинах с затемненными стеклами. Планы штурма. Дома. Схроны. Оружие. Преступники.

...Точно такой же подрыв колонны произошел за семнадцать дней до этого. Отряд выезжал на крупную общевойсковую операцию на юг Чечни. Проезжали Аргун, и уже на выезде разорвался фугас рядом со вторым БТР. За несколько секунд до подрыва командир разведгруппы краем глаза заметил, что справа от дороги в пятиэтажке вылетело стекло.

Сразу после взрыва командир приказал наводчику:
— Ствол — на девять, пятый этаж!

Башня БТР развернулась, и заработал крупнокалиберный пулемет.

Контрактники из разведгруппы спрыгнули на землю, заняли позиции, чтобы прикрыть тыл. Почти тотчас они увидели вспышки выстрелов между деревьями, метров за двести от дороги. Из лесополосы боевики одновременно ударили и по колонне, и по вертолету, который сопровождал БТР. Но тут же получили сдачи.

Раненых вытащили из БТР. У одного из бойцов взрывом оторвало ногу. Наложили жгут и вкололи промедол. Раненых необходимо было срочно эвакуировать.

Заместитель командира разведгруппы остановил первую проезжавшую по дороге «газель» и сам сел за руль. Водитель убежал. Машина не заводилась. Тогда БТР разведгруппы слегка ее подтолкнул.

В «газель» уложили всех раненых и погибшего. Доехали до первой удобной площадки, где мог приземлиться вертолет и забрать раненых.

Погиб рядовой Степанов из 1-й ГСН. Он был наблюдателем по правому борту БТР и получил смертельное ранение от взрыва...

От этих воспоминаний Зубов нахмурился и стал еще внимательнее смотреть по сторонам.

Наконец колонна прибыла к месту назначения. Забазировались неподалеку от села, намеченного для проверки. С вечера произвели доразведку на легковых гражданских машинах. И рано утром выдвинулись на «уазиках» и бронированных «Уралах». Тяжелая техника осталась на окраине. Слишком она громоздкая для маленьких улиц.

Три адреса сразу. Обычно брали только один. Не хватало людей, чтобы параллельно отрабатывать несколько адресов. Но в этот раз разведчики так спланировали, что сначала ехали к одному дому, стремительно задерживали первого фигуранта и тут же самым коротким путем подъезжали к другим домам, находившимся рядом.

Местные вставали чуть свет. Выгоняли скот. И, чтобы избежать лишних столкновений с населением, разведчикам и группе спецназа нужно было спешить.

По информации, второй фигурант жил в огромном каменном доме. Во время доразведки бойцам ничего не удалось разглядеть за трехметровым забором из сплошного кирпича. Поэтому шли в неизвестность. Знали только, что понадобятся две штурмовые лестницы, чтобы преодолеть забор.

Но был и второй дом — рядом. Победней и поменьше. В нем, по оперативным данным, этот боевик часто ночевал для отвода глаз.

Зубов разделил людей на две группы. Начался штурм.

Бедный дом осмотрели быстро, вывели из него боевика. Поставили на колени, чтобы не убежал. На руки надели наручники.

С богатым домом пришлось повозиться. Там тоже задержали боевика. Дом оказался таким огромным вну-

три, с массой тайников, что обыскивать его можно было дня два.

А местные уже набежали со всех улиц. Человек двадцать столпились на перекрестке. Женщины кричали, кидали камнями в разведчиков. Пришлось торопливо сворачивать работу. Двоих задержанных погрузили в машину. Но толпа вплотную подступила к «уазику». Тогда прапорщик Каразанфир из 4-й группы отряда решительно выбежал на дорогу, расставил руки и оттеснил людей от бампера машины. Водитель резко вывернул руль и объехал толпу по обочине.

. . .

В разведгруппе отряда спецназа — самый высокий процент психологической совместимости и боевой слаженности. Из срочников отбирают в разведку самых лучших и обучают их по отдельной программе. Бойцы понимают друг друга с полуслова, по незаметному жесту и примечают то, чего не видят другие. Они знают, что им всегда быть первыми — и при получении наград, и при получении порции свинца в бою. «Под раздачу» разведка попадает первой.

Из пяти военнослужащих отряда, которым присвоено звание Героя России, трое — разведчики. Один из них — старший сержант Сергей Шрайнер.

...Тем же летом 2000-го, когда боевики устраивали бесконечные засады на дорогах, когда разведка работала по адресам днем и ночью, ранним утром 14 июля разведгруппа проводила поисковые мероприятия в Аргунском районе.

Рассвет только начал высветлять небо, и из тени возникли развалины здания. Отсюда было метров четыреста до трассы Аргун — Гудермес.

5.35 на часах. Зябко и серо вокруг. В развалинах какого-то строения — машина «Нива». Стекла тонированные. Никого не видно. Может, внутри пусто, а может, там боевики и взрывчатка.

Командир группы, старший лейтенант Завьялов, определил боевой порядок. Лейтенант Иванов и ефрейтор Мелихов — в группе захвата, старший сержант

Шрайнер, рядовой Максаков и сам Завьялов — в группе прикрытия.

Выдвигались скрытно, бесшумно, вглядываясь в темные стекла машины. Что там за ними? Что ждет разведчиков? Прятались за бугорками, залегали в ямы, ползли. До развалин оставалось около сорока метров, когда «Нива» начала движение. Командир группы закричал:

— Стоять! Выйти из машины!

Но, перекрывая его приказ, взревел двигатель, камни веером брызнули из-под задних колес. Ударила автоматная очередь. Шрайнер, прикрывая командира, открыл огонь по машине. «Нива» устремилась прямо к разведчикам, чтобы прорваться сквозь окружение. На ходу из окон бандиты стреляли. Рядовой Максаков вскрикнул, схватился за раненую ногу.

Как в замедленной съемке, машина надвигалась на залегших разведчиков. Приближаясь, росла на фоне светлеющего неба. Открытые окна вспыхивали автоматными выстрелами. Вдруг из окна вылетела граната и упала прямо перед Завьяловым и раненым Максаковым.

Время для Шрайнера сжалось и вдруг выпрямилось пружиной, ускорило и понеслось вместе с его мыслями. В доли секунды он решил что-то для себя и бросился на гранату, обнял землю, прижал смерть к груди и отвел ее от своих товарищей.

И боль, и ненависть, и отчаяние, и шквал огня вылились на бандитов. Их машина взорвалась. Потом, когда огонь погас, нашли четыре тела боевиков и обгоревшее оружие. Что готовили эти четверо? Засаду? Нападение на блокпост?

Сергею Шрайнеру был двадцать один год. Звание Героя России он получил посмертно.

• • •

В 2001 году масштабных боев уже не было. Разведка работала адресно.

...Дом брали штурмом. По сведениям ФСБ, в нем прятались около сорока вооруженных боевиков. В этой операции отряд действовал совместно с одним из СОБРов.

Две группы спецназа блокировали дом. БТР выбили ворота, и разведчики вместе с собровцами ворвались во двор.

Рассыпались по территории. Искали бункер, который, по полученной информации, здесь имелся.

Во многих дворах при тщательном досмотре спецназовцы находят схроны. Обустроены они основательно, с инженерными расчетами. Не зря боевики часто похищали строителей — бесплатная и квалифицированная рабочая сила. Местные объясняли такое строительство тем, что спрячутся в этих укрытиях от бомбежек. Но, как правило, именно там спецназ находит оружие и следы пребывания бандитов.

Капитан Мерцалов прошел по двору один раз, другой. Что-то его настораживало. Он никак не мог понять, что именно. И вдруг сообразил, что умывальник расположен в таком месте, что им невозможно пользоваться. Явно декорация! С какой целью?

Умывальник перевернули, а под ним — черное отверстие вытяжки. Кинули в него дымовую шашку, и дым потянуло наружу. Значит, где-то поблизости бункер, вентилируемое помещение.

Стали искать еще активнее. По дому и двору ходили с металлоискателями и щупами. Со спецназом приехал инженер с бомбоискателем «Крот». Этот прибор смотрел вглубь на пять метров.

В комнате под линолеумом выстучали пустоту, и запищал металлоискатель. Отодрали линолеум. Под ним доски, песок и целлофан. Деревянный склеп три на три метра. В этом склепе нашли радиостанции и готовые к использованию спутниковые телефоны с проплаченными картами.

Во дворе старший лейтенант Приходов, ефрейторы Кучеренко и Петров, рядовые Петраков и Залежнев из разведгруппы искали бункер. Прощупывали каждый сантиметр. Ходили по вымощенному плиткой двору, пока майор Зубов не вспомнил намеки информатора об этой самой плитке, которую они сейчас топтали пыльными берцами. Именно под плиткой прибор обнаружил пустоту.

Стали копать. Наткнулись на бетонную вертикальную стену. Ясно, что это не фундамент. Никаких строений поблизости нет. А стена все шла и шла вглубь.

Параллельно обыскивающие дом бойцы на чердаке обнаружили военную форму. И в одной из комнат, в диване — очередной тайник с радиостанцией...

Наконец во дворе откопали достаточно большой участок бетонной стены и заложили заряд. После взрыва, когда осела пыль, кинули в образовавшееся отверстие три гранаты Ф-1. В момент взрыва спецназовцы, находившиеся в пристройке — летней кухне, заметили, как вздулся на полу линолеум. Под ним тут же обнаружили люк, который вел в бункер. Из люка шел дым от взрывов гранат.

Один из разведчиков заглянул в проем в бетонной стене. Включил фонарик. Сквозь еще не рассеявшийся дым проступили контуры дивана и телевизора.

Вдруг из пролома высунулся человек с поднятыми вверх руками. Резкой командой его уложили наземь. Но следом за ним из бункера вылетела самодельная граната. Крутанулась на земле и взорвалась. Боевик под шумок успел забежать за угол дома, но покатился обратно кубарем. Его там жестко встретили спецназовцы.

Осколками ранило одного из офицеров. Посекло ноги.

Выбежавший первым боевик оказался командиром группы Гелаева — Мацаевым, по кличке Белан. За ним, собственно, разведчики и приезжали. Следом из бункера выскочил Муса, командир группы боевиков «Джамаат», с автоматом в руках. Его сразу уничтожили.

Разведчики ожидали, что в бункере, как прошло в информации, окажется человек сорок вооруженных преступников. Но Мацаев сказал, что там еще только двое.

Заместитель Мусы выбежать не рискнул, вылез в раскопанную яму, поднял над ней руку и с криками «Аллах акбар» стрелял наугад из пистолета. Разведчики сняли его выстрелом в голову. По словам Мацаева, в бункере оставался Абу Якуб, начальник разведки Хаттаба, в прошлом — офицер спецназа Саудовской Аравии.

К пролому по-пластунски подполз рядовой Деграков и забросал его гранатами. Старший лейтенант Конкин прикрывал бойца. В это же время в люк, что нашли в летней кухне, тоже швырнули несколько лимонок.

Так выкуривают лис — устраивают пожар, дым несет по узким прорытым ходам, и лиса выскакивает из другого, запасного хода. Но этот «лис» — Абу Якуб уже не выбежал.

Через некоторое время спецназовцы заставили Мацаева лезть в пролом. К бандиту привязали трос, чтобы не удрал. Он с трудом оттащил заместителя Мусы, который перегородил своим телом пролом.

— Все! — крикнул он изнутри. — Якуб убит.

Мацаев подтянул его к пролому и уже вместе с бойцами вытащил Якуба на поверхность. Потом в бункер спустились сами разведчики. И набрали там две большие сумки новейших спутниковых телефонов и радиостанций.

— Нашим бы такую технику, — заметил Зубов.

• • •

Короткий ночной отдых на временной базе.

Черное небо как будто спускается на землю. Все сливается вокруг. Воздух уже с привкусом осени. И трава, и земля пахнут по-особому.

Молодой боец глядит на звездное, словно расстрелянное небо. В черноте звезды похожи на круглые дырочки от пуль, а за ними свет. Может, там другая жизнь? Без маршей, стрельбы, без могил, на надгробьях которых высечены даты со страшно маленькой разницей между ними. Разведчик взглянется в темноту, посмотрит на товарищей. Спят...

А рано утром в смуглой южной дымке рассвета колонной снова в путь. По бесконечным дорогам и тропам воюющей Чечни...

На следующий день во время зачистки отряд и группа разведки повторно зашли в населенный пункт, в тот дом, где остался развороченный взрывами бункер во дворе. Еще раз для верности, уже в спокойной обстановке, хотели осмотреть участок и дом.

Один из бойцов первой группы отряда наткнулся на странный провод, торчавший из поленицы. Осторожно стали откидывать дрова в сторону и увидели кирпичную стену. А в стене маленький вход с дверцей.

— Как будто клад ищем, — пошутил кто-то из разведчиков. — Только пиратской карты не хватает.

— Ты бы «чехов» попросил одолжить.

За дверью обнаружился узкий проход, а за ним два вагончика, две комнаты. В одной — комната отдыха, спортивные снаряды, диванчики, в другой — сауна. Да еще в маленьком дворике бассейн — два на три метра. Все удобства для группы боевиков человек на пятнадцать.

Привезли Мацаева. Раз такие находки, может, еще что упустили?

Увидев, что замаскированные под дровяник вагончики разоблачили, Мацаев усмехнулся и показал еще один схрон. Такой же деревянный склеп, какой обнаружили в доме. Он доверху был наполнен оружием, разгрузниками, формой. Все новое, импортное.

• • •

Разведка передвигалась по Чечне одной ей известными дорогами и тропами.

Они сражались с опасным, хитрым и опытным противником. Опережение, внезапность, скрытность движения — козыри разведчиков.

Сколько раз они брали преступников врасплох, часто спящими.

Спецназовцев по возвращении из командировок проверяют психологи. Есть такой психологический тест, когда испытуемому предлагают нарисовать фантастическое существо. Разведчики рисуют существа самые страшные, клыкастые, с когтями и звериным оскалом. Это говорит о том, что и моральная, и физическая нагрузка у них больше, чем у других. Высокая степень риска.

Именно разведка считается элитой в спецназе внутренних войск. При том, что сами подразделения спецназа — это элита среди других войсковых частей.

И рвутся сюда ребята, и завораживает их та таинственность, которой окутана работа разведчика.

Радиоперехваты, рейды в тыл врага, засады, захваты особо опасных преступников, выявление боевиков и их пособников по оперативной информации. Обостренная интуиция, которая часто спасает жизни бойцов.

Когда замполиту отряда приходилось ездить с разведчиками, он видел эту интуицию в действии.

...Работали по адресам в Аргуне. Вечерело. Один, второй, третий адрес проверили. Замполит приметил на одном из домов уцелевший номер и указал на него командиру разведгруппы, чтобы тот сориентировался.

Когда началась адресная работа в Чечне, местные по указке боевиков снимали со своих домов номера и таблички с названиями улиц, чтобы затруднить поиск.

Поехали до конца улицы.

— Стоп, — вдруг скомандовал разведчик у одного из домов. — Работаем.

Через несколько минут на крыльцо вышел прапорщик со спортивной сумкой, которая заметно оттягивала руку.

— Что там? — прыгнул с брони замполит.

— Боеприпасы. — В сумке оказалось восемь выстрелов к РПГ-7.

В доме под прицелом автоматов двое мужчин стояли лицом к стене. В быстром темпе происходил обыск. Из-под крыльца разведчики вытащили два полностью укомплектованных разгрузочных жилета, портативную радиостанцию.

— Я только продавец оружия. Я не боевик, — залопотал один из мужчин.

Эту отговорку разведчики слышали не раз.

— Продолжайте осмотр, — распорядился командир разведгруппы.

Он уже понял, что это боевая двойка — гранатометчик и помощник. Не было самого главного — оружия.

Разведчики переместились во двор и в стогу отыскали РПГ-7 и два АК-74.

— Почему же ты остановился именно у этого дома? — допытывался потом замполит у офицера-разведчика.

Тот пожал плечами:

— Сам не знаю...

. . .

В конце лета — начале осени 2001 года интенсивность выездов и зачисток не уменьшалась. Очень редко выдавались более-менее свободные дни, в которые разведчики оказывались на базе отряда.

Большие палатки, столовая, площадки для волейбола и футбола — база казалась особенно удобной по сравнению с временными лагерями, где чаще всего приходилось спать под открытым небом.

После выездов и длительных маршей чистили оружие, форму, мылись, приводили себя в порядок. Отсыпались, занимались спортом, играли в шахматы и нарды, бренчали на гитаре. Никогда не забывали про дни рождения.

Дни рождения и на войне — дело святое. Отмечали, даже если именинник был на выезде. Волнительно для новорожденного и весело для всех остальных. Перед строем товарищей командир поздравлял виновника торжества. Ошарашенный всеобщим весельем и пожеланиями, смущенный именинник летел к небу, подбрасываемый сильными и верными руками друзей. Подбрасывали в воздух столько раз, сколько исполнилось лет.

Без подарков тоже не праздник. Дарили разное — от часов до торга, который в Чечне почти на вес золота. И съедался он за милую душу. Разведчики — ребята молодые, и многие из них сластены.

. . .

В голове еще кружились улыбки и лица друзей, которые поздравляли. Во рту будто ощущался вкус того торга. Но неровная дорога возвращала к действительности. На колдобинах вылетали приятные воспоминания, только успевай держаться. Горькая пыль сушила губы. Надо было срочно проверить важную агентурную ин-

формацию. Предполагалось, что в селе находятся главари боевиков.

Три осмотренных дома уже позади. Впереди еще два. Спешились. Старший лейтенант Александр Приходов разделил группу на две и заблокировал два дома, стоящие рядом. Десять человек и сам старлей зашли в правый, а другие десять нагрянули в левый. Едва ступив на порог, Приходов услышал выстрелы во дворе соседнего дома.

Рядовой Залезнев стоял у калитки. Выстрелы раздались за его спиной. Он побежал за дом. Там у ефрейтора Долотова была дуэль с тремя бандитами.

Боевики, зажатые в тиски военными, пытались уйти огородами. А ефрейтор, выбежав на задний двор, чтобы заблокировать огороды, на бандитов и наткнулся.

Ефрейтор был в расстегнутом шлеме. Одна из пуль попала в его застёжку, болтавшуюся в нескольких миллиметрах от шеи. Долотов ударил из пулемета по боевикам и сразу уничтожил одного бандита.

Второй упал в стог от выстрелов прапорщика Зыкова. Трассирующие пули подожгли стог, пламя рванулось жарким столбом в небо. Третий боевик побежал к блиндажу, находившемуся во дворе. Он стрелял на бегу, но так и не достиг укрытия. Его снял ефрейтор Петров. Четвертый все это время лежал, прижавшись к земле, расставив руки в стороны. Он сдался.

Личности убитых быстро установили. Все не один год находились в федеральном розыске.

• • •

Тот самый боец, мечтательный и вдумчивый, что размышлял о планете без войн, смотрел на брезентовую крышу палатки, подсвеченную яркой луной. Смотрел, думал и вспоминал. Ему теперь было что вспомнить. Месяц за месяцем накручивались события войны.

При друзьях он и виду не подавал, что мечтатель и философ. Подсмеиваться станут. Языки у всех острые. Друг перед другом все ходят петухами. Только боец замечал, что и друзья его, боевые товарищи тоже много думают о своей военной жизни. И все не так просто.

Вспоминают погибших. Видят их улыбающимися, спящими, жесткими, сильными, стреляющими, видят их — живыми.

И не спит боец, садится на койке, натягивает колючее солдатское одеяло на плечи.

Могила Сергея Шрайнера уже успела зарости цветами, которые посадили его родные, уже потемнела фотография красивого молодого парня на памятнике, а так и стоит он перед глазами с тем взглядом, с которым бросился на гранату...

Завтра день рождения у одного из бойцов. И будут они веселиться, пировать за небогатым столом, и в этот же день, наверное, опять пойдут на задание.

Глядя на друзей, боец улыбнулся: «Лишь бы на дне рождения подбрасывали нас как можно дальше. Не оборвался бы наш полет слишком рано. На полшуги».

Просто ты умела ждать...

Герой России Олег Васильевич Кублин всегда был спокоен за свой тыл. Вместе с женой Элеonorой они прожили немало счастливых лет. Всегда были рядом: и в радости, и в беде, когда заместитель командира отряда «Витязь» подполковник Кублин во время штурма Первомайского получил тяжелое ранение.

Олег: Способствовала нашему знакомству моя мама. Она мне долго намекала, мол, к нам на фабрику пришла работать симпатичная девушка. Приехала из Краснодарского края поступать в институт, не набрала нужное количество баллов. Зовут Эля. Мне имя ее понравилось. Говорю матери: «Звони своей Эле...»

Эля: В воскресенье — звонок в нашем общежитии. Меня позвали к телефону, сказали, что Валентина Ивановна Кублина меня спрашивает. А потом ее сын трубку взял. «Здравствуйте, я Олег Кублин, давайте встретимся, погуляем...» Вечером мы встретились и поехали гулять на Тверскую, зашли в кафе «Московское».

Вперед!

Герой России
Олег Кубит.

Медаль спецназа.

Герой России
Сергей Лысюк

Знаки мужества.

В бою не легче!

На отневом рубеже.

Вертикаль.

На штурм!

На пределе сил.

На огненно-штурмовой полосе.

Лица спецназа.

Собровцы.

Братники.

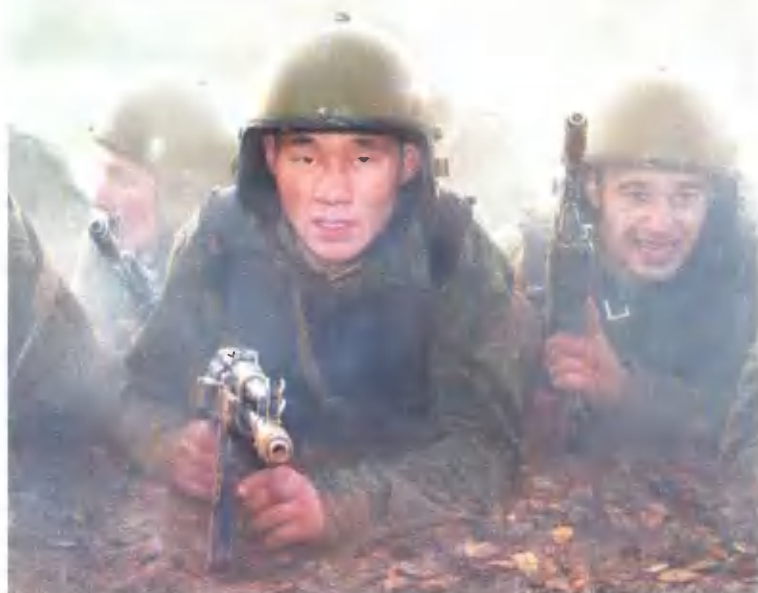

Держать удар!

Берет дается непросто.

Вперед, по-пластунски.

Служу Отечеству и спецназу!

На полевом выходе.

А кто говорил, что легко?

Герой России Виктор Матвеев (в центре) с друзьями.

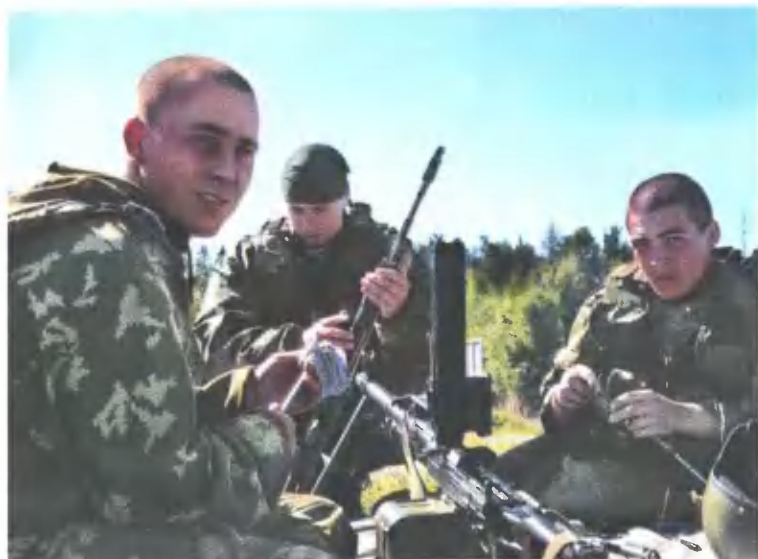

На базе СОбРа.

Оружие «на привале».

За оружием — как за любимой девушкой.

Зарубка на память.

В командировке.

Олег на момент нашей встречи уже год служил в дивизии после окончания Ленинградского высшего политического училища МВД. Почти москвич (из подмосковного Калининграда), с высшим образованием, в Питере столько времени прожил. На мой взгляд, он был такой светский товарищ. А я была более замкнутая, провинциальная девочка.

Олег: Тридцать суббот встречались и свадьбу сыграли.

Эля: У нас одни субботы и были свободными. Все остальные дни Олег пронадал на службе.

Олег: Когда я в отряд пришел, первое, что сказал командир Сергей Иванович Лысюк: «Здесь нам временщиков, которые за званиями гонятся, не надо. Если правится в отряде — служите. Давайте общее дело делать». И я прослужил в отряде с 1989 по 1997 год.

Эля: С его командировками я никогда не могла смириться. Некоторые привыкают. Только не я.

Олег: Один раз прилетала ко мне, когда я в командировке был. Проверяла...

Эля: Да потому что тебя полгода не видела. Скажешь тоже: «Проверяла». Сам же эту встречу и организовал. В Ингушетии.

Олег: Это в 1992 году было. Мы находились в Назрани в распоряжении полномочного представителя Верховного Совета России в Республике Ингушетия. Войны тогда еще не было.

Эля: Война... Олег отправился в Первомайское очень срочно и неожиданно. Туда должен был лететь другой человек, но он отказался. А Олег никогда не отказывался от командировок, он всегда такой, везде впереди. Позвонил мне на работу, я ведь тоже находилась в дивизии, служила прапорщиком. «Эль, я срочно улетаю». Я сорвалась, добежала до его части. Смотрю, все собрались, экипированы. Бронжилеты, каски, машины. Я расстроилась, провожая мужа. Это ведь не просто командировка, а конкретное боевое задание. «Давай прощаться, — говорит. — Будет возможность, позвоню».

Олег: Девятого января уехали, а шестнадцатого...

Эля: Я привыкла жить в состоянии ожидания. Смотришь новости, ждешь и всегда веришь в лучшее. У меня не было ощущения, что с ним что-то случится...

На работу я принесла маленький телевизор, почти не выключала его. 16 января у нас в финотделе было много работы, как раз выдали зарплату. Даже на совещание, проходившее в части, нас не привлекли, мы занимались составлением отчета. И вдруг открывается дверь, входят несколько офицеров: Ковалев Игорь, Горохов Сережа — друзья Олега, командир нашей части появился, врач замелькал. Человек шесть-семь в кабинет зашли. «Телевизор смотрите... Тепло у вас. Эля, как дела? Как самочувствие, как сын?» Все о чем-то отвлекающем говорят. И тут подошел Сережа: «Эль, ты только не волнуйся... Олег ранен».

До меня сначала не дошло, говорю: «Не может быть, это неправда!» А потом... Руки затряслись, слезы рекой. Мне капли какие-то дали. Немного в себя пришла и первый вопрос: «Куда ранен?» — «Не знаем пока ничего. Ты не переживай, мы будем тебя информировать подробно». Что-то еще говорили, успокаивали, но я ничего не слышала. Позвонила матери Олега. Ее состояние представить нетрудно. Кто-то моего брата вызвал, он меня домой отвел.

Началось время ожидания новостей. В тот момент все люди сплотились, никто не оставлял меня ни на час, ни на минуту без какой-нибудь информации. Но информация, как я потом узнала, была, мягко говоря, щадящей. Адамчук, сослуживец Олега, два раза в день приходил, смотрел, в каком я состоянии. А я на успокаивающих таблетках жила. Голова как в тумане. Спрашивала у Адамчука: «Как он, хоть что-нибудь скажи». Сообщали только одно — состояние средней тяжести. Значит, руки, ноги, голова на месте. Я так понимала, что если «средней тяжести», то человека можно вылечить. Но оказалось, что Олег был даже нетранспортабельный.

Олег: Врачи сказали, что жить мне осталось недолго. Операцию плохо сделали в полевом госпитале. Перитонит начинался.

Эля: Из Грозного его перевезли в Ростов. Там он три дня лежал весь в трубках... Наконец мне сообщают, что его привезут в Москву. Состояние Олега было крайне тяжелое. Но меня, мать и отца Олега, который только

недавно перенес инфаркт, дезинформировали. Думали, что так гуманнее.

А увидела я Олега первый раз по телевизору. Стояла на кухне, гладила сыну Алеше рубашку в школу... Вдруг в новостях Олега показывают. Он в реанимации, весь в трубках. Я как закричу. Мама Олега была в комнате с Алешей. Прибегает на мой крик. «Олега показывали, — говорю. — Я видела, что он жив». Через два дня его привезли на военном самолете. Носилки на полу стояли. Это в его-то состоянии!

Олег: Самолет ранеными был забит...

Эля: Ко мне приехал Арцибашев, сослуживец Олега: «Эля, я встретил в аэропорту твоего мужа». — «Как он?» — «Да ничего, нормально». — «Когда к нему можно?» — «Завтра нет, наверное. Врачи говорят, что перелет положил свой отпечаток. Ему отдохнуть надо».

Олег: А встреча была «теплая». Самолет приземлился, открывается рампа, всех начинают вытаскивать. Я лежу весь в трубках. Кто-то в темноте случайно зацепил меня, и все дренажи вылетели. Занесли меня в санитарную машину. Там молодая девчонка, медсестра. А из меня желчь и кровь льется на пол...

Эля: В воскресенье нам разрешили его навестить в реанимации. Врачи предполагали, что эта наша встреча может оказаться последней. У Олега начинался перитонит, интоксикация. Первое впечатление у врачей в нашем реутовском госпитале было: «Не жилец». Но об этом я позже узнала.

Идем мы по коридору: я, мой брат, мама и отец Олега. Алешу мы с собой не брали. Вообще, Алеша держался молодцом. Я думала, это несчастье скажется на успеваемости сына. Но учился он по-прежнему на «отлично». И в школе о том, что отец ранен, так никому и не сказал...

Так вот, в коридоре больницы брат встречает своего знакомого врача. Врач спрашивает: «Куда вы?» — «К Олегу Кублину». — «К Олегу? Ой, тяжелый Олежка, тяжелый. Трудно сказать, что будет». Для меня это был удар. Мне ведь все время твердили, что он в состоянии средней тяжести... Руки и ноги у меня сделались ватными, и в таком состоянии я должна была заходить к Оле-

гу. Нетрудно сказать, что испытывали мать и отец Олега, которые тоже все слышали.

Нам навстречу выбежал врач. «Значит так, — говорит, — заходим по одному. И не дай бог слезы, истерика. Ни в коем случае! Если будете показывать свою слабость, лучше не входите, не впусчу».

Первой пошла мама, сразу заплакала, и ее попросили выйти. Я мобилизовалась — слово военное, но оно как нельзя лучше подходит для той ситуации. Сказала себе: «Я все выдержу». Зашла, кажется, даже с улыбкой. На мой взгляд, держалась хорошо. Может, голос изменился, стал чужой от нервного перенапряжения. Олег весь в трубках — в носу, во рту, в животе. Совершенно беспомощный...

Я его за руку подержала. Он пытался оправдываться. Шептал что-то, трубки мешали, но я его поняла. Успокаивала: все будет нормально.

Вышла и... не помню. Очнулась на каталке, куда меня уложили. И огромный тампон с напатырем под нос сунули. Подошла ко мне врач, она потом с Олегом лечебной физкультурой занималась. Узнала, что я жена Олега, и говорит: «Так, красавица моя, ну-ка прекратить здесь обмороки устраивать. Все будет нормально. Ты посмотри, какой он красавец. У него и цвет лица хороший. Все у него будет хорошо. Его вылечат».

От напатыря и от ее слов мозги у меня прочистились. Я пришла в себя.

С этого момента мы стали жить надеждой, хотя лечащий врач Олега сказал так: «Врачи не оптимисты. Вы особо не настраивайтесь. Поживем, увидим. Трудно дать какой-то оптимистический прогноз». Это были страшные слова.

Но доктор этот, ведущий хирург госпиталя полковник Владимир Николаевич Гайдуков, — и специалист, каких поискать, и человек замечательный. Он принимал Олега и вел его все время.

На работу я все эти дни ходила, мне сказали, что в таком состоянии нельзя сидеть дома. Телефоны и на работе, и дома не умолкали. Все друзья, знакомые, сослуживцы звонили, предлагали помощь — и моральную, и материальную.

Олег: «Витязь» всегда отличался сплоченностью.

Эля: Они друг за друга горой. Понадобился дорогостоящий антибиотик — нашли и привезли. В эти дни Олегу сделали еще одну операцию, исправляли то, что в спешке недоделали в Грозном и Ростове. Я об этом не знала. Спустя несколько дней после операции позвонил Сережа: «Эля, я разговаривал с врачом. Сегодня к четырем часам Олегу надо привезти поест».

Это было такое счастье! Маме Олега позвонила, она сварила двойной бульон и сделала белые сухарики, и в четыре ровно я с термосом стояла у реанимации.

Началась жизнь в реанимации. Я вошла в эту роль. Как младенца, Олега кормила. Термосы, беготня по рынкам... Силы появились, надежда... Счастье...

Три недели Олег провел в реанимации. За это время на соседней койке несколько больных успело помянеться. Наконец и Олега перевели в общую палату.

Три месяца он пролежал в больнице. Летом мы съездили в Испанию. Эту поездку организовали для раненых. Программа реабилитации. Перед выборами президента.

Олег (смеется): Голосуй, а то не поедешь.

Эля: Осенью Олег опять лег в больницу, на операцию. Конечно, оперироваться не хотелось, тем более что летом он даже выходил на службу. Но деваться некуда. Операция прошла успешно. Врачи сказали: «Хорошо, что во время ранения Олег был голодный». Они же несколько дней одни сухари ели...

Олег: Когда меня ранило, я на некоторое время отключился. Пуля рядом с сердцем вошла. Минут через сорок ко мне смогли ребята подползти, обезболивающее вкололи. Первое, что пришло в голову: «Умирать легко, если сразу». А когда в сознание начал приходить, всю семью вспомнил, пока там лежал. «Как они без меня останутся?» Нет, думаю, нельзя мне умирать...

Теперь вот поднимать ничего тяжелого нельзя. Пресс качать нельзя, ничего нельзя...

Эля: Но он поднимает. Сумки таскает.

Олег: В больницу не ходим...

Эля (поправляет с улыбкой): Не хотим... Олег уволился в запас. Стал заядлым фермером, даже страусов в

своим хозяйстве разводит, целыми сутками дома не бывает. А я места себе не нахожу, даже когда он на несколько дней в Брянскую область по делам уезжает. Привычка волноваться и ждать Олега, как прежде из военных командировок, с годами не прошла.

Не спешите нас хоронить...

6 часов 10 минут 16 августа 2000 года.

Стало светло, но солнце еще не взошло. Внезапно на группу спецназа отряда «Русь» обрушился шквал огня...

Стрелки часов дотянулись только до пяти утра 15 августа, когда группа специального назначения выдвинулась в сторону леса — северо-восточнее населенного пункта Аллерой.

Позади остались расположение отряда и ровные макушки палаток.

Командир группы — капитан Михаил Грушев. Вчера звуками гитары он растревожил своих бойцов. Пел песни своей любимой группы «Чайф». А сегодня шел на задание сосредоточенный, собранный, словно и не рвал душу себе и другим словами вчерашней песни:

*Не спешите нас хоронить,
У нас здесь еще есть дела,
У нас дома детей мал-мала,
Да и просто хотелось пожить.*

Он давно воевал, капитан Грушев. В отряд специального назначения «Русь» пришел в 1993 году после окончания Пермского высшего военного училища ВВ МВД. В двадцать один год. С тех пор на его счету больше десяти командировок в горячие точки...

По лесу его группа продвигалась почти до темноты, пока перед ними не показалась небольшая возвышенность. Грушев осмотрелся и принял решение остановиться на ночлег здесь. Рядом с тропой. Выставил тройки охранения.

Один из сторожевых постов возглавлял прапорщик Александр Каразанфир. Старший инструктор (заместитель командира взвода), он был в командировке старшиной группы.

Зефир — так звали его друзья, сократив сложную фамилию. Зефир — не сладость, а легкий ветерок. Саша был невысокий, светловолосый, подвижный. Когда в ноябре 1996 года пришел в отряд «Русь» служить срочную, стал завоевывать первые места на соревнованиях по бегу и легкой атлетике. Чем не ветерок? Задиристый, улыбчивый, отчаянный.

Отслужив срочную, Александр подписал контракт и остался в отряде. В «Руси» принято, чтобы боец прошел все ступени службы. Его не повышают сразу в должности, дают возможность получить несколько специальностей. Саша полгода был пулеметчиком, полгода снайпером, потом командиром экипажа БТР и командиром отделения.

В тройке прапорщика Каразанфира, в охране, были пулеметчик контрактник Довгаренко и снайпер рядовой Кукарцев. Срочнику Кукарцеву еще и девятнадцать не исполнилось, а выглядел он лет на шестнадцать.

Втроем они замаскировались в кустах, метрах в двадцати от группы, где находился командир.

День заканчивался, утекал розовым светом сквозь ветки деревьев. Семнадцать бойцов. Каждый прислушивался к шорохам леса, каждый думал о чем-то и спокойно уснуть никто не мог. Устроились на ковриках, поближе притянув к себе оружие.

Александр лежал на спине, вглядывался в черное небо, смазанное дрожащей листвой деревьев. От земли пахло слабой росой и сеном. Так же, как дома, в совхозе Новоусманского района Воронежской области. Там Саша окончил школу и ПТУ. Стал бы трактористом, если бы не узнал, что такое военная служба, что такое отряд специального назначения «Русь».

Он хорошо помнил свой первый день в отряде. Первую ночь. Тишину и чужие запахи казармы. Еще незнакомые бритые пацаны на соседних койках. Хоть и рвался Саша в спецназ, в тот первый день очень хотелось домой.

Романтика службы для Александра почти за четыре года не улетучилась. За это время он успел понять, что совсем недостаточно отлично стрелять, быть сильным и выносливым. Нужно нечто большее. Бóльшее в отношениях с сослуживцами и подчиненными.

Своими шутками и остроумным веселым рассказом он в несколько минут мог собрать вокруг себя большую компанию.

А подчиненным приходилось с ним сложно. Старшина вышел из Александра строгий. Никаких поблажек. Если принял решение, то не изменит его. Приходилось быть жестким, чтобы руководить ровесниками и контрактниками, поддерживать дисциплину.

Александр имел право на такую строгость не только по своей должности. Он добился уважения. Кровью и болью завоевал право носить краповый берет. Заслужил знаки «За отличие в службе» I и II степени. Выигрывал призовые места в различных соревнованиях снайперов.

Опыт на войне приобретался тяжкими боями, долгими дорогами и потерями друзей.

Они сдружились с Виктором Петровым в дагестанской командировке. Оба сидели в охране на выносном посту. Спина к спине. Почти всю ночь простреливали темноту. Огненные вспышки. Неизвестность. А рядом свой. По-особенному родной.

И с каждой минутой той ночи росла уверенность в человеке, который рядом, который прикрывал со спины. Ради него хотелось сделать все возможное и невозможное.

По возвращении из командировки они получили одинаковые должности. Стали старшинами групп. Советовались. Они звали друг друга — «брат».

• • •

Капитан Грушев воевал профессионально и хладнокровно. Стрелок великолепный. Он тоже занимал призовые места и в отряде, и на соревнованиях между стрелками силовых структур. Был судьей международной категории по борьбе. Судил соревнования на приз

генерала Анатолия Романова и журналиста Анатолия Ягодина.

Михаил родился в Алапаевском районе Свердловской области. Южный Урал.

Пропадать на охоте в лесу с ружьем капитан мог бесконечно, так же как бесконечно мог разговаривать с земляком. Пусть земляк рядовой. Забыв о званиях и должностях, они начинали вспоминать знакомые места, как будто туда мысленно переносились — собирали кедровые шишки, купались в прохладной быстрой реке, ловили рыбу и охотились.

Метров за сто пятьдесят Грушев из мелкашки подстреливал белку. Чучело орла, привезенного с очередной охоты, он повесил в одном из помещений отряда.

Охотником Михаил был и по натуре. Во время учений его всегда ставили на роль противника. Грушев перевоплощался. У капитана и походка менялась, ходить он начинал мягко, почти бесшумно, ни одна ветка под ногой не хрустнет. Набирал к себе в команду самых подготовленных спецназовцев.

Ощущение засады в ночном лесу капитан воссоздавал точно. Ночь, тишина и вдруг — море огня, грохот, всполохи...

В августе 1995 года во время боя в районе моста, в Грозном, ранило многих бойцов капитана, а сам он получил контузию. Очень гордился своей единственной наградой за первую чеченскую кампанию — медалью «За отвагу».

Он жил легко и получал удовольствие от жизни, службы, общения, от любимых песен.

Но иногда Михаил становился задумчивым. Тогда видно было, как нелегко дается капитану война. Как волнуется он за вверенных ему людей, молодых ребят. В его двадцать семь срочники и даже контрактники казались ему мальчишками.

...Недавно Грушев женился. Привлекательный, он всегда имел успех у женщин и наконец нашел ту, которую ждал и искал. Теперь она ждала его. От этой мысли командировки для Грушева приобретали другой смысл. Становилось и теплее на душе, и тревожнее.

В песнях под гитару это чувствовалось. Голос Михаила звучал особенно проникновенно...

В ночь на шестнадцатое августа под открытым небом Грушев почти не спал. Шорохи леса его не пугали. Он лесной человек, и каждый шелест и хруст ветки прочитывал сразу.

В эту ночь он думал о близком завершении командировки, думал о доме и о жене.

• • •

У Александра Каразанфира была девушка. Ему очень хотелось, чтобы она ждала его.

В эту командировку ему разрешили на неделю отлучиться в Москву. Двоюродная сестра выходила замуж за его товарища, офицера отряда «Русь».

Сидеть в светлом праздничном зале, где много нарядных людей, много музыки и вкусной еды, казалось Александру странным. После того как несколько дней назад, пыльный, обвешенный оружием, он выдвигался с группой в лес на очередное разведывательно-поисковое мероприятие.

И как-то тоскливо становилось от мысли, что ребята, его подчиненные, сейчас там, а он веселится и празднует.

Александр потянулся за гитарой. С первых аккордов гости невольно притихли.

Не спешите нас хоронить.

Он спел куплет и сам себя оборвал, смущенно улыбнулся.

— На свадьбе такое не в тему. Наш капитан эту песню любит. Грушев — мировой мужик, — обращался Александр к соседу по застолью.

Гуляли до утра. Перед уходом Александр подошел еще раз поздравить сестру. С тоской глянул на ее белое платье. Жениться бы и ему, увидеть свою девушку в таком же наряде...

Наступал новый день. У Александра от долгого лежания на земле затекло тело.

Он вспомнил, что также ночью, год назад, в августе,

был страшный бой в районе горы Чабан. Пресс-служба ВВ МВД сообщала:

«Подразделениями внутренних войск и республиканскими органами внутренних дел начата специальная операция по очищению от экстремистов населенных пунктов Карамахи и Чабанмахи, изъятию незаконно хранящегося оружия, выявлению лиц, принимавших участие в событиях в Цумадинском и Ботлихском районах на стороне бандформирований».

Но мало кто знал, что 29 августа 1999 года просила помощи окруженная бандитами рота разведки 22-й бригады внутренних войск. Она отбивалась из последних сил.

Прапорщик Каразанфир руководил тогда одной из групп огневой поддержки отряда. Продвигались в крошечной темноте. Только наверху на фоне неба трассы пуль и огненные вспышки.

Пост боевого охранения боевиков Александр лично обнаружил и бесшумно уничтожил так, что подразделение отряда могло скрытно продвигаться в заданный район.

И было волнение, и была эйфория от неожиданного нападения на противника, и радость, что удастся выручить своих, что вот он, спецназ, в действии.

С таким же ощущением эмоционального подъема Александр тащил на себе раненого разведчика. Спас его, дотащил, хотя разведчик оказался чуть не вдвое крупнее Александра, который был невысокого, среднего роста.

На задание Александр мог взять с собой недавно появившийся на вооружении тяжелый гранатомет, к нему боекомплект в тридцать гранат. Еще на плечи повесить снайперскую винтовку и автомат. Только иногда он позволял перевесить на кого-нибудь боекомплект.

— Тащите, пацаны, — и улыбнется.

Однажды в Грозном боевики подорвали колонну, которую сопровождали спецназовцы. Каразанфир был в расчете группы захвата и вооружен бесшумной винтовкой ВСК-94. Несколько раз выстрелил из нее, а потом взял у солдата пулемет и стал лихо поливать из него боевиков.

На дорогу выскочила армейская бээмпэшка, резко затормозила. Солдат свалился с нее, его едва не задавило.

Александр усмехнулся, подбежал к машине:

— Повернитесь-ка и поработайте пушкой. А то рас-селись, как бароны, с брони сыплетесь.

С пулеметом в руках Зефир выглядел внушительно, и его послушались. По боевикам заработала пушка БМП.

. . .

6 часов 10 минут 16 августа 2000 года.

Стало светло, но солнце еще не взошло. Внезапно на группу обрушился шквал огня.

Анатолий Юрьев, который находился на западной стороне группы со своей тройкой, не видел бандитов.

Стрельба началась сзади. Анатолий слышал только, что отстреливалась тройка Каразанфира и еще тройка с северной стороны. Шум оглушающий. На землю с деревьев летели срезанные осколками и пулями ветки и листья.

Алексей Алексеев был в северном охранении. Он приготовился стрелять из РПГ-26. Тройку прапорщика Каразанфира от него скрывало несколько кустов. Стволы деревьев могли отправить осколки в своих. Алексею так и не удалось выстрелить...

В 6.10 Александр увидел, что на тропу вынырнули бандиты. От троих замаскированных «русичей» их отделяло метров десять-пятнадцать.

Банда шла, готовая к бою. Впереди них проводник. Охранение они не заметили. А Каразанфир рассмотрел их хорошо. Это были наемники, отлично экипированные, с заряженными РПГ. Человек тридцать.

Они, наверное, прошли бы мимо, и можно было бы ударить тогда по боевикам с тыла. Но раздался какой-то шорох со стороны ядра группы «русичей».

На звук бандиты развернулись и ударили в сторону поляны из всех стволов. Гранаты понеслись над головами трех бойцов. Боевики так и не увидели охранение.

В первые же секунды боя капитан Грушев успел отдать команду. Он принял бой и погиб сразу же.

Каразанфир стрелял из автомата, Довгаренко несколькими пулеметными очередями ударил по бандитам. Однако практически сразу от прямого попадания заклинило пулемет. Снайперка Кукарцева на таком близком расстоянии не имела своей силы. И все-таки шестерых бандитов они уничтожили в самом начале боя.

Осколками Каразанфира ранило в живот и грудь.

Александр понимал, что, принимая бой, он обрекает себя и двух своих подчиненных на верную смерть. Но еще так же отчетливо с первыми вспышками взрывов он осознал, что, если они не встанут на пути бандитов, погибнут все.

Когда, истекая кровью, Александр откинулся на спину, когда Довгаренко безуспешно пытался воскресить пулемет, незаметный Павел Кукарцев взял оборонительную гранату. Радиус действия у нее двести метров. Бойцы находились на земле, не в окопе, а боевики метрах в десяти. Павел знал все это и бросил гранату. С надеждой, что «свой» осколок своих не зацепит...

После оглушающего взрыва раздались крики только со стороны бандитов. Ни один осколок не зацепил тройку Каразанфира.

Оглушенный Кукарцев, уже распрощавшись с жизнью, никак не мог понять, что он все-таки жив и что ошарашенные таким отпором боевики уходят, забрав своих убитых и раненых.

Связист после начала боя тут же запросил помощь с базы.

...В отряде еще спали, когда прозвучала команда: «В ружье!» За две минуты собрались. Шесть БТР на большой скорости, по бездорожью, рванули в сторону населенного пункта Аллерой.

Максим Викторов — водитель одного из БТР. Он вел «коробочку», объезжая накаты, ямы, деревья. Только одна мысль: «Успеть помочь ребятам». Два БТР оставили в тылу, остальные двинулись дальше.

Когда продвигаться вперед стало практически невозможно, «русичи» спешили и в боевом порядке углубились в лес, сориентировавшись на сигнальную ракету. И все же две «коробочки» пробились к группе.

Через двадцать минут подмога была на месте.

Максим один из тех, кто подъехал к обстрелянной группе. Он увидел скошенную траву, ветки, листья. Листья и сейчас продолжали соскальзывать с деревьев. Железные кружки и фляги пробито осколками. Через дырки можно было увидеть солнце.

А солнце всходило. Его край показался из-за деревьев там, куда ушли потрепанные бандиты. Когда «русичи» спустились по склону им вслед, они находили следы крови, обрывки одежды, ботинки. Крепко банде досталось от спецназовцев.

Раненого Александра несли к БТР. Он шутил и покрикивал на бойцов:

— Несите аккуратнее, черти!

Никто не думал, что Александр умрет.

Его довели до медицинского батальона. И спецназовцы, и собровцы готовы были сдать для Александра кровь.

Тяжелой, долгой операции и наркоза не выдержало сердце.

Веселый, жизнерадостный Зефир так и остался в памяти друзей в том дне — 16 августа 2000 года. Он умер в 23 часа 30 минут.

Грушев и Каразанфир погибли. Два сержанта и рядовой были ранены.

Сколько длился бой, никто из участников не мог сказать. Казалось, что очень долго. Но потом установили и записали во всех документах, что бой длился пять минут... Всего пять минут...

За пять минут можно успеть многое. Можно испугаться. Можно убежать. А можно принять решение, от которого будет зависеть жизнь твоя и твоих товарищей.

За короткое время можно отречься от любимшего тебя человека, как сделала девушка Александра.

Его друзья все-таки решились позвонить ей. Никому не хотелось сообщать страшную новость.

— Тебе привет от Сашки, — начали они издалека, чтобы как-то подготовить.

— Не знаю я никакого Сашки, — равнодушно бросила девушка.

Ребята даже не стали говорить, что Саши уже нет...

За пять минут можно стать героем, можно ценой своей жизни спасти товарищей и получить орден Мужества. Посмертно.

За пять минут расстроенная, безутешная мать Саши Надежда Ивановна, прождав полдня главу администрации района, получила награду сына. Выслушала торопливые обещания, которые потом никто не спешил выполнить.

Всего пять минут...

Надежду Ивановну уволили из хлебопекарни, где она долго работала, по сокращению штатов. Пенсия по возрасту ей еще не положена, и на другую работу устроиться она никак не может.

Ходит к Саше на могилу. Хочет установить там скульптурное изображение крапового берета, ведь сын так гордился правом носить его.

Командир отряда и его заместитель по личному составу написали письма и главе администрации Новоусманского района, и военному комиссару, чтобы матери героя оказали помощь.

А Надежда Ивановна подолгу сидит у могилы. Идет снег или дождь, опадают листья с деревьев, а мать рядом с сыном. Рядом с сыном и мать Грушева в далекой Свердловской области. Они говорят с сыновьями, рассказывают им домашние новости, поспешно оттирают горькие слезы. Сыновья не любят, когда мамы плачут...

Павел Кукарцев, уволившийся в запас ефрейтором, получил орден Мужества и вернулся к себе домой, в Нижегородскую область. Он не считает себя героем, только часто помимо воли вспоминает тот бой, веселого Зефира и невозмутимого капитана Грушева.

Но Павла считают героем все те, кто в то августовское утро успел попрощаться с жизнью и все-таки выжил. Выжил после отчаянного броска гранаты восемнадцатилетнего парнишки.

Очень не хватает «русичам» Александра и Михаила. Нет-нет да и заведет о них кто-нибудь разговор, сядут поминать. Включат магнитофонную запись группы «Чайф». И неизменно прозвучит:

Не спешите нас хоронить...

Святыня цвета крови

Каждый человек стремится к идеалу, хочет стать идеальным сыном, мужем, отцом — хорошим, отличным, лучшим. Человеческий прогресс невозможен без постоянного стремления к какой-либо труднодостижимой цели.

Если бы идеала не было, его стоило бы придумать, если бы он был достижим — жить стало бы неинтересно.

Спецназ кажется именно такой почти недостижимой целью для многих призывников, курсантов военных училищ. Но благодаря трудолюбию, настойчивости, способностям вершина бывает взята — и призывник или молодой офицер наконец в отряде. Что дальше? Пыл не иссяк, настрой на движение вперед остался. Куда девать эту энергию?

Спецназовцам необходимо поддерживать постоянный настрой на цель, ведь именно в этом заключается залог успеха всех спецопераций — в настрое, в сгустке энергии, в сжатой пружине, которая стремительно выстрелит в нужный момент. А как психологически поддерживать в человеке постоянное напряжение, делать так, чтобы пружина не ослабевала, когда нет войны, нет спецопераций, и, по счастью, не каждый день террористы берут мирных граждан в заложники?

Простых тренировок очевидно недостаточно, ведь будет поддерживаться только физическая форма. Но не менее важно психологическое состояние бойцов. Никакими лекциями, словесными установками молодых ребят восемнадцати-девятнадцатилетних не проймешь. Им нужен живой пример, живой идеал, а не слова, какими бы патристическими и умными они ни были.

Создать для спецназовцев идеал, цель, к которой надо постоянно стремиться, — в этом задача! Не внешний враг, да и не враг вовсе, а борьба с самим собой, самосовершенствование — вот что могло стать такой целью. Она заложена в природе человека и вполне органична. Каждый хочет видеть себя суперменом, самым-самым.

Многие ошибочно считают, что краповый берет — просто часть формы всех спецназовцев, как голубые береты у десантников, и выдают его всем вместе с формой.

Краповый берет для спецназовца — это как раз та самая труднодостижимая цель, не спортивный приз, а традиция спецназа, почетная награда за мужество и выносливость, святыня цвета крови.

Добиться права носить краповый берет непросто. Некоторые бойцы и офицеры не один год раз за разом безуспешно пытаются взять эту высокую планку.

Но прежде чем спецназовцы пройдут испытания на краповый берет, необходимо преодолеть еще одну проверку на прочность.

Существует неформальная традиция, характерная для отряда «Русь» и некоторых других отрядов. Официально она называется «Контрольно-проверочные занятия на право ношения специальной формы одежды подразделений спецназа».

После успешной сдачи военнослужащий получает либо черную, либо камуфлированную форму разнообразных оттенков коричневого, зеленого, в отличие от обычного трехцветного камуфляжа — коричнево-зелено-черного, которую выдают всем военнослужащим. Сдача на форму — это как бы промежуточный этап перед сдачей на краповый берет.

Через месяц службы в группе солдат получает право быть допущенным к «Контрольно-проверочным занятиям на право ношения специальной формы одежды». Чтобы участвовать в сдаче на спецформу, необходимо добровольное желание солдата, ведь сдача на форму — это не обязанность, а неформальная традиция. Материальных преимуществ солдату обладание спецформой не дает. Положение о сдаче на форму разработано и используется только внутри воинской части. В отряде «Витязь» существуют нормативы на получение жетона спецназовца, и их выполнение также считается промежуточным этапом перед сдачей на краповый берет.

Военнослужащий пишет рапорт о том, что принял решение добровольно и просит допустить его до «Контрольно-проверочных занятий на право ношения специальной формы одежды». Рапорт пишется на имя командира группы, поскольку эти занятия проводятся в рамках группы. После разрешения командира боец получает допуск врача и приступает к сдаче тестов. Необходимо не менее чем

на «хорошо» пробежать три километра, подтянуться не менее шестнадцати раз и выполнить тест на силовую выносливость, так называемый «7х4 по 10». Он включает десять отжиманий в упоре лежа; десять прыжков из положения упор лежа; после этого лежа на спине десять раз необходимо поднять ноги; затем, стоя на правом колене, руки за голову, надо прыгнуть вверх, приземлиться на левое колено, затем снова на правое и так сделать упражнение десять раз. И все эти четыре разных упражнения, выполняемые десять раз каждое, надо повторить не менее семи раз. Отдых между упражнениями минимальный. После этого бойца допускают непосредственно до «Контрольно-проверочных занятий».

Первый этап — марш-бросок на шесть—восемь километров по полной боевой, с отработкой вводных, примерно на той же местности, где проводится сдача на краповый берет, только при сдаче на форму — это половина от того марш-броска, который совершают бойцы во время сдачи на краповый берет. Однако половина наиболее тяжелая. В процессе бега военнослужащий подвергается всем возможным испытаниям — ходьба в присяге, автомат за спиной, бег в противогазе по зараженной местности, преодоление водной преграды, естественных препятствий и т. д. Это не монотонный бег. И те, кто готовится просто бегать, никогда не смогут сдать экзамен. Все вводные направлены на то, чтобы сбить у бойца дыхание и заставить его сойти с дистанции. За отставание на пятьдесят метров от группы бойца отстраняют от участия в сдаче на форму.

В отличие от сдачи на краповый берет, где за малейшее отступление от правил бойца снимают с дистанции, в сдаче на форму могут выставляться минусы. Три замечания инструктора — это один минус. За сдачу военнослужащий может набрать не более трех минусов, иначе его также отстраняют от дальнейшего участия в сдаче.

Второй этап — преодоление огненно-штурмовой полосы. Огонь, взрывы, пламя. Шумовое и световое воздействие на бойца. На этом этапе инструкторами оценивается взаимопомощь, практически все препятствия устроены таким образом, что преодолеть их в одиночку проблематично, тем более после тяжелейшего марш-

броска. Проверяется умение военнослужащего прийти на помощь товарищу, умение действовать в паре, тройке с взаимоприкрытием. В конце этапа нужно произвести выстрел из автомата так же, как при сдаче на краповый берет, чтобы продемонстрировать, что во время испытаний военнослужащему удалось сохранить оружие боеспособным. Ствол не должен быть забит землей или песком. Если выстрел не прозвучал, то, в отличие от сдачи на краповый берет, военнослужащему ставится минус, но его не снимают с испытания.

Третий этап — огневая подготовка. Тоже в более мягком варианте по сравнению со сдачей на краповый берет, где необходимо три раза попасть в мишень. При сдаче на форму допускается попадание в мишень два раза. Если попал один раз, ставится минус. Не попал вообще — военнослужащий отстраняется от сдачи.

На рубеже открытия огня на расстоянии пятидесяти метров от мишени военнослужащий по команде изготавливается, стреляет сначала стоя, потом, перебежав на следующую позицию, с колена, и затем из положения лежа. После третьего выстрела оружие ставится на предохранитель и военнослужащий докладывает о выполнении упражнения. На все дается тридцать секунд. Если в тридцать секунд не уложился и сделал два или три выстрела после окончания времени, то соответственно две или три пробоины в мишени не будут засчитаны, и неважно, были ли они сделаны в положенные тридцать секунд или после. Правила жесткие.

Без отдыха начинается четвертый этап — упражнения по десантной подготовке. При сдаче на краповый берет на это упражнение дается тридцать секунд, при сдаче на форму — сорок пять секунд. По команде «Вперед!» военнослужащий на пятом этаже дома вывешивается на альпинистском снаряжении, отталкиваясь от стены, спускается по фалу на четвертый этаж, там обстреливает очередь из холостых патронов окно, ставит автомат на предохранитель, отводит оружие за спину, достает гранату, на третьем этаже готовит гранату, выдергивает чеку, на втором этаже выбивает ногами макет окна и бросает гранату внутрь, происходит учебно-имитационный взрыв, на первом этаже боец отсоединяется от фала. Не уложился

во время — ставится минус. Но если допустил нарушение мер безопасности либо совершил утерю элементов экипировки, которая ведет к невозможности выполнения задачи, — уронил гранату, отсоединился и упал на землю магазин автомата, то с испытания снимают.

Инструктор строго проверяет крепления, он не выпустит бойца до тех пор, пока тот как следует не закрепит снаряжение. Боец готовится сам, инструктор наблюдает и проверяет — военнослужащий может нервничать, торопиться, инструктор его поправит и даже поможет ему присоединиться, и это не будет влиять на оценку.

Пятый этап включает выполнение элементов акробатики и самостраховки — при падении назад, вперед, влево, вправо, освобождение от захватов спереди, сзади — без рук и с помощью рук. Самостраховки нет в сдаче на краповый берет. Но военнослужащий, не прошедший эти испытания, впоследствии к сдаче на краповый берет не допускается. Также необходимо продемонстрировать приемы по самозащите от удара ножом, от угрозы пистолетом и автоматом. После этого военнослужащий выполняет гимнастические упражнения — фляк, колесо, прыжок от стены — «силуэт», подъем разгибом, полет-кувырок через препятствие. На каждое упражнение дается две попытки. За невыполненный элемент после двух попыток можно получить минус. На этом же пятом этапе осуществляется проверка вестибулярного аппарата. По команде проверяющего военнослужащий заводит автомат за спину и десять раз поворачивается вокруг своей оси, и после этого ему необходимо изготавиться к стрельбе стоя, затем с колена и лежа. При этом он не должен потерять равновесие и направление цели. Если его повело, он споткнулся или не смог выполнить упражнение — военнослужащему дают время отдохнуть и разрешают повторить упражнение. Если он снова не выполняет — ему выставляется минус. Затем следует выполнение двух комплексов рукопашного боя без оружия, потом с ножом и с автоматом.

После того как военнослужащий осилил все это, он снова выполняет комплекс упражнений «7x4 по 10».

И, наконец, начинается заключительная часть — спарринг. В отличие от спарринга, который проводится

при сдаче на краповый берет и протекает двенадцать минут, этот длится девять минут. Правила те же. Три непрерывных боя, по три минуты каждый, смена двух партнеров, среди которых один инструктор, имеющий право ношения специальной формы одежды, и два участника.

После успешной сдачи приказом по части военнослужащему разрешается носить специальную форму одежды. И он может быть допущен к сдаче на краповый берет, если не потеряет своей физической кондиции. Перед сдачей на краповый берет все равно проводятся физические тесты. Чтобы быть допущенным до сдачи на краповый берет, надо также написать рапорт на имя командира группы, пройти обследование врача. Командир группы может не допустить военнослужащего до сдачи, если тот обладает низкой дисциплиной, недостаточно высокими морально-психологическими качествами.

Порядка шестидесяти бойцов, как правило, участвуют в сдаче испытаний на право носить краповый берет, но заслуживают это право только пять—десять спецназовцев. Остальные белой завистью завидуют своим товарищам, уже получившим заветный берет, и снова пытаются пройти испытание, усиленно готовятся к экзамену.

Краповые береты появились в спецназе практически с самого основания спецназа внутренних войск. Весной 1978 года еще не было отряда «Витязь», была всего лишь учебная рота специального назначения в дивизии им. Дзержинского. Из города Горького привезли пятьдесят беретов: двадцать пять — крапового цвета и двадцать пять — зеленого. До 1988 года они надевались лишь во время парадов и показательных выступлений.

В 1988 году у командира первого отряда спецназа Сергея Лысюка родилась идея сдавать экзамен на право ношения крапового берета, следуя примеру американского спецназа, где ничего не дается бойцу просто так, где все необходимо заслужить.

Именно тогда была разработана экзаменационная программа по специальной физической и специальной тактической подготовке, которая с небольшими изменениями используется по сей день во всех подразделениях войскового спецназа.

Но только 31 мая 1993 года генералом Анатолием Сергеевичем Куликовым, тогдашним командующим внутренними войсками МВД России, было официально утверждено Положение «О квалификационных испытаниях военнослужащих на право ношения крапового берета». До этого экзамен сдавался неофициально, под видом комплексных и контрольно-проверочных занятий.

Испытания — это марш-бросок не менее десяти километров с последующим преодолением специальной полосы препятствий в экстремальных условиях, проверка подготовки по штурму высотных зданий, акробатика, выполнение четырех комплексов специальных упражнений и, в заключение, — рукопашный бой с военнослужащим, имеющим краповый берет. В последние годы в экзамен добавили специальную огневую подготовку, сократили в два раза временные показатели по высотной подготовке, поскольку и современное снаряжение стало более высокого уровня, и техника спуска — более совершенной.

Невероятные, на пределе возможностей, испытания в любых погодных условиях — в жару и в холод, в дождь и в грязь. Сдачи экзаменов на берет проводились даже в боевых командировках в Чечне, при сорокаградусной жаре. Бойцы теряли сознание, многие сходили с дистанции. При этом офицеры отряда, наблюдающие за соблюдением правил, за состоянием участников испытания, оказывают на бойцов еще и морально-психологическое давление. Уговаривают сойти с дистанции, соблазняют вкусным обедом, прохладным душем. Стоит только остановиться, и этот кошмар закончится — сорванное дыхание, ноющие мышцы, стертые в кровь ноги, полный рот пыли. Но гонят вперед упрямство, сила воли и еще гремучая смесь чувств, схожих с теми, которые возникают у человека в экстремальной ситуации. Не объяснить, почему боец бросается на гранату, спасая товарищей, не объяснить, почему другой боец закрывает грудью командира от снайперской пули. Никакими словами не объяснить.

И никто не знает, способен ли он в боевой ситуации на такие действия. А во время сдачи на краповый берет можно понять свои истинные возможности, не гипотетические, а реальные, на пределе сил, во время сильнейшего физического и морального стрессового напряжения.

Краповый берет вручается в торжественной обстановке при общем построении всех военнослужащих отряда. При развернутом Знамени отряда боец, сдавший экзамен, поворачивается лицом к строю, опускается на правое колено, целует берет и надевает его на голову. Приложив руку к головному убору, он громко произносит: «Служу Отечеству! И спецназу!»

Есть негласное правило, что к краповому берету никто не должен прикасаться, кроме заслужившего право ношения этой спецназовской святыни, даже родственники бойца.

Но во всех правилах есть исключения. Краповый берет можно получить, не проходя квалификационных испытаний, но путь этот не легче, путь этот боевой, через страдания и реальные жизненные испытания.

Положением предусмотрено, что краповый берет может быть вручен за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга; при получении во время проведения спецопераций или в ходе боевых действий тяжелых ранений, увечий или контузий, которые не позволяют военнослужащему сдавать экзамен.

Чтобы понять, насколько ценят спецназовцы краповый берет, надо привести хотя бы один из многочисленных примеров. Раненый офицер, с тяжелейшим осколочным ранением ноги, почти все время находясь без сознания, не выпускал из рук краповый берет, он и на хирургической операции не дал врачам его забрать, а как только пришел в себя, попросил солдата-подсобника в госпитальной палате вбить в стену гвоздь и повесить на него краповый берет так, чтобы все время видеть его...

Крапового берета могут лишить за дискредитацию звания военнослужащего подразделения специального назначения, за трусость, воровство, измену идеалам спецназа.

Существует специальный ритуал, позаимствованный у американских «зеленых беретов», так называемое «выколывание». Выстраивается личный состав подразделения в краповых беретах и при государственных наградах: нарушитель выводится на правый фланг. Под барабанную дробь объявляется приказ о лишении права на ношение крапового берета. Командир срывает с головы нарушите-

ля берет. Провинившийся уходит с личными вещами в пехотное подразделение, проходя мимо строя, и каждый военнослужащий поворачивается к нему спиной. После этого он не имеет права переступить порог подразделения спецназа.

В отряде «Русь» ритуал лишения крапового берета немного видоизменен. Там процедура лишения крапового берета выполняется так: не командир, а сам провинившийся снимает со своей головы берет. Если он сожалеет о своем поступке и краповый берет ему дорог, то он напоследок прикладывает губами к нему, после чего отдает его председателю совета «краповых беретов» и покидает комнату, где проходит совет. Если это контрактник, то его увольняют из части в течение суток. С военнослужащим по призыву дело обстоит сложнее — уволить его нельзя. Его могут наказать дисциплинарно, лишить крапового берета, но приходится оставлять его в отряде, как правило, уже не в боевой группе.

У командира подразделения есть единоличное право временно, на полгода, приостановить право ношения крапового берета военнослужащим в воспитательных целях, поставив об этом в известность совет «краповых беретов» и командира части. Если решение вопроса о том, достоин или нет военнослужащий носить краповый берет, выносится на обсуждение совета «краповых беретов», то, как правило, берет снимается с бойца, иногда с поправкой — без права дальнейших сдач. Такие вопросы решаются голосованием.

Такая намеренная жесткость служит тому, чтобы не допустить дискредитации идеи крапового берета. И без того хватает противников этой спецназовской традиции. Ведь были случаи, когда во время испытательных поединков гибли люди. Но в этом виновата не традиция, а недостаточное соблюдение мер безопасности.

И все равно, мнения по поводу испытания на право ношения крапового берета разнятся даже среди спецназовцев. Кто-то считает, что это излишние физические нагрузки, которые никому не нужны, другие считают, что спецназовец без крапового берета — это не спецназовец. Причем озвучивать первое мнение не принято, это равносильно признанию своей слабости и неполноценности.

Однако и те и другие одинаково уважительно относятся к тем, кто заслужил право носить краповый берет.

«В конце 1998 года группы спецназа в полках и бригадах расформировали, в том числе и в 22-й Калачевской бригаде, где я служил, — рассказывает заместитель командира отряда спецназа (свой краповый берет он получил в 1997 году). — Но до этого проводились квалификационные испытания на краповый берет, как заведено у всех спецназовцев.

Испытание — это проверка бойцов, пробный камень для любого будущего спецназовца. Сможет ли он почти за гранью физических возможностей преодолеть свои слабости и проявить себя достойным образом? И испытание должны проходить все — от рядового до командира.

В бригаде был введен такой порядок — в испытаниях участвовали все. Вместе бежали, стреляли — вместе сдавали нормативы, а когда дело доходило до этапа рукопашного боя, испытание продолжали те, кто подавал рапорт и желал получить краповый берет».

Считается, что сдача на краповый берет — это дело добровольное. Формально так оно и есть. Однако атмосфера в отрядах спецназа подразумевает, что все без исключения должны пройти экзамен.

«Краповики» (так называют военнослужащих, которые успешно прошли испытание на краповый берет) по праву признаются элитой спецназа. В элиту стремятся попасть все, и если у кого-то нет такого желания, на него смотрят с непониманием и недоумением.

Цель получить краповый берет — заоблачная, на первый взгляд невыполнимая, но все-таки реальная. Конечно, не всем это по силам. Но так ведь в спецназе и должны служить лучшие.

Из архивных документов:

«Берет как элемент формы одежды популярен во многих странах мира. В основном он является отличительным признаком военнослужащих спецназа и других элитных подразделений.

В нашей стране берет как военный головной убор был введен в 1936 году для кадровых военнослужащих-женщин, состоящих на штатных должностях командного со-

става, а также для слушательниц военных академий, школ и курсов тыла (Приказ НКО СССР № 229 от 17 декабря 1936 г.). Берет изготавливался из сукна темно-синего цвета и носился при летней форме одежды.

В годы «холодной войны» появилась необходимость поднять престиж элитных родов войск Советской Армии. В 1963 году для военнослужащих морской пехоты была установлена новая полевая форма (Приказ МО СССР № 248 от 5 ноября 1963 г.). При этой форме носился берет черного цвета: шерстяной — для офицеров и из хлопчатобумажной ткани — для солдат и сержантов срочной службы. На ноябрьском параде 1968 года морские пехотинцы в полевой форме прошли по Красной площади.

В 1967 году по распоряжению командующего ВДВ генерал-полковника В. Маргелова для десантников, участвующих в парадах на Красной площади, был введен берет малинового цвета как символ воздушно-десантных войск большинства армий мира. С правой стороны берета нашивался голубой флажок с эмблемой ВДВ. На военном параде 7 ноября 1967 года в первый и последний раз воздушно-десантные подразделения прошли в малиновых беретах.

Когда в августе 1968 года советские войска ввели в Чехословакию, десанникам выдали голубые береты, и, судя по рассказам очевидцев, местные жители поначалу принимали их за представителей войск ООН. В 1969 году в правила ношения военной формы одежды официально появился берет голубого цвета как головной убор летней повседневной формы военнослужащих ВДВ.

Попытка не отстать от десантников была предпринята пограничными войсками. В порядке эксперимента летом 1976 года курсанты Калининградского учебного отряда и Московского высшего военно-политического училища погранвойск в Голицыне носили обмундирование по образцу ВДВ: открытый китель, майку-тельняшку с белыми и зелеными полосками и зеленый берет. Дальше этих подразделений эксперимент не распространился и был прекращен, однако в 1991 году Витебскую воздушно-десантную дивизию ПВ КГБ СССР переодели в зеленые береты, с левой стороны которых находился голубой флажок с эмблемой ВДВ.

Однако береты носили не только элитные подразделения нашей армии. Учитывая его удобство, в 1972 году черные хлопчатобумажные береты введены в состав специального обмундирования танкистов (Приказ МО СССР № 92 от 27 апреля 1972 г.)».

Положение

о квалификационных испытаниях военнослужащих на право ношения крапового берета (в сокращении)

Краповый берет является символом подразделения специального назначения (далее — СН) и носится только теми военнослужащими, которые удостоены данного права по своим профессиональным, физическим и моральным качествам, а также военнослужащими подразделений и частей СН, принимавшими участие в боевых действиях и в специальных операциях и получившими тяжелые ранения и увечья, не позволяющие участвовать в испытаниях.

I. Цель испытаний.

1. Выявить военнослужащих с наиболее высокой индивидуальной подготовкой к действиям по обезвреживанию вооруженных преступников, освобождению заложников и выполнению других задач в критических ситуациях и при чрезвычайных обстоятельствах.

2. Создание стимула для воспитания высоких моральных качеств военнослужащих.

II. К испытаниям допускаются военнослужащие по контракту и по призыву, прослужившие не менее полугода в подразделениях СН и показавшие твердые знания и навыки по всем предметам боевой подготовки данного курса (с оценкой не ниже чем «хорошо»), положительно характеризующиеся по службе.

III. Содержание и порядок квалификационных испытаний.

Предварительным этапом испытаний является итоговая проверка за период обучения по программе подразделений СН. Общая оценка за проверку должна быть не ниже чем «хорошо», а за специальную огневую, специальную физическую и тактическую подготовку — «отлично».

1. Допуск к испытаниям осуществляет председатель совета «краповых беретов» на основании рапорта командира подразделения и успешной сдачи предварительных тестов испытуемым.

Тестирование:

- бег 3 000 метров;
- подтягивание (согласно НФП-87);
- тест 4x10 (отжимание от пола, упор присев — упор лежа, упражнение на брюшной пресс, выпрыгивание из положения присев), проводится в семикратном повторении.

Тестирование проводится за 2—3 дня до проведения квалификационных испытаний.

2. Основные испытания проводятся в один день и включают в себя марш-бросок не менее 10 километров, с последующим преодолением СПП (специальной полосы препятствий) в экстремальных условиях, проверку подготовки по штурму высотных зданий, акробатику и рукопашный бой.

А. При совершении марш-броска решаются вводные:

- внезапный обстрел противником;
- нападение с воздуха;
- преодоление водной преграды (обязательно);
- участок заражения ОВ (отравляющими веществами);
- преодоление завалов, участков болотистой местности и других естественных препятствий;
- эвакуация раненых с поля боя;
- выполнение физических упражнений, сгибание и разгибание рук в положении упор лежа.

Контрольное время для проведения марш-броска устанавливается командиром части в зависимости от времени года, погодных условий и местности.

Время на прохождение марш-броска не должно превышать двух часов.

На протяжении всего маршрута определяются 5—7 контрольных пунктов, на которых снимаются с марша испытуемые, отставшие от общей группы более чем на 50 метров.

Военнослужащие, не уложившиеся в данное время, к дальнейшим испытаниям не допускаются.

Б. Специальная полоса препятствий — преодолевается с ходу после совершения марша.

После прохождения СПП в целях проверки состояния оружия во время прохождения марш-броска и преодоления препятствий производится один холостой выстрел из табельного оружия. В случае отказа оружия испытуемый к дальнейшим испытаниям не допускается.

В. Проверка навыков скоростной стрельбы на фоне утомления.

Обучаемые сразу после проверки работоспособности оружия выдвигаются на огневой рубеж для выполнения стрельбы из автомата.

Г. Проверка навыков по штурму высотных зданий с использованием специальных спусковых устройств.

Исходное положение — в одном шаге от окна в помещении на 5-м этаже. По команде испытуемый присоединяет карабин ССУ к фалу и начинает спуск. В проеме окна на 4-м этаже производит очередь из автомата пятью холостыми патронами. В проеме окна на 3-м этаже готовит имитационную гранату, на 2-м этаже выбивает ногой макет оконной рамы и производит бросок гранаты. После этого спускается на землю. Время выполнения упражнения — 45 секунд.

Не уложившиеся в данное время к последующим испытаниям не допускаются.

Д. Выполнение акробатических упражнений:

- подъем разгибом из положения лежа на спине;
- удар ногами по вертикальному силуэту с последующим кувырком;
- сальто вперед с акробатического трамплина или подкидного мостика.

Упражнения должны выполняться одно за другим без остановки.

Е. Выполнение комплексов специальных упражнений.

Комплекс считается выполненным, если испытуемый четко, без сбоев, в строгой последовательности, с высоким качеством отдельных блоков и ударов выполнил весь комплекс.

Ж. Учебные поединки.

Поединок ведется в течение 12 минут без перерыва со сменой четырех партнеров, один из которых военнослужащий, уже имеющий краповый берет.

Выдержавшим испытание считается военнослужащий, продержавшийся без нокаута и сам действующий активно в течение 12 минут.

Испытуемому разрешается оказание медицинской помощи на площадке не более 1 минуты за время боя.

З. Порядок оценки действий испытуемых.

При проведении испытаний на право ношения крапового берета в части создается аттестационная комиссия. На каждом этапе члены комиссии оценивают испытуемого, занося в протокол результаты выполненных упражнений, все этапы оцениваются «зачет», «незачет». В случае «незачета» испытуемый к дальнейшей проверке не допускается. В ходе проверки испытуемому могут делаться замечания, которые заносятся в протокол. При наличии трех замечаний военнослужащий также снимается с дальнейших испытаний. Получившим право ношения крапового берета считается военнослужащий, прошедший все испытания с оценкой «зачет».

Вручение крапового берета производится в торжественной обстановке.

Военнослужащий, получивший право ношения крапового берета, поворачивается лицом к строю, опускается на правое колено, целует берет, надевает его на голову, встает, прикладывает руку к головному убору и громко произносит: «Служу Отечеству! И спецназу!»

Результаты испытаний оформляются актом и отдаются приказом по части. (...) В графе военного билета

«Особая отметка» делается соответствующая запись и скрепляется гербовой печатью части. (Примечание: в последние годы помимо этого выдается Удостоверение на право ношения крапового берета.)

IV. Испытания военнослужащих подразделения СН в возрасте от 35 лет и старше (сокращенная программа)...

V. Краповый берет может быть вручен советом «краповых беретов»:

А. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга в боевых действиях и специальных операциях.

Б. При получении тяжелых ранений, увечий или контузий во время проведения специальных операций или в ходе боевых действий, которые не позволяют по состоянию здоровья проходить испытания.

В. Военнослужащим соединений, округов, ГУКВВ (Главное управление командующего внутренними войсками) — за особые заслуги в деле развития подразделений СН.

VI. За поступки, дискредитирующие звание военнослужащего подразделения СН, военнослужащий может быть лишен права ношения крапового берета.

Дискредитацией является:

— проявление элементов трусости и малодушия в ходе боевых действий;

— просчеты и неразумные действия, повлекшие за собой гибель товарищей, срыв боевой задачи и другие тяжкие последствия;

— снижение уровня своей физической и специальной подготовки;

— применение специальных приемов рукопашного боя вне боевой обстановки и в корыстных целях;

— допущение неуставных взаимоотношений;

— грубые нарушения воинских уставов и уголовного законодательства;

— систематическое нарушение воинской дисциплины.

Решение о лишении права ношения крапового берета принимает совет «краповых беретов» по ходатайству командира подразделения СН.

Краповый берет может вручаться также и гражданским лицам (военнослужащим запаса). Например, на 25-летие отряда «Витязь» берет с правом ношения был вручен отцу Героя России Сергея Бурнаева (за то, что вырастил такого сына). Сам Сергей Бурнаев берет получить не успел...

Символика и награды

Еще в XV веке в России появились особые наградные знаки — так называемые «золотые», разные по весу и размерам, в зависимости от заслуг и положения награждаемого. Это было продолжением традиционных пожалований деньгами, правда, в достаточно завуалированной форме. Награждение «золотым» со временем стало символическим актом, когда материальное содержание предмета оказывалось значительно меньше морального значения его получения.

Известный историк Н. М. Карамзин писал о впечатлениях иностранцев о российском воинстве и наградах:

«Чего нельзя ожидать от войска бессмертного, которое, не боясь ни холода, ни голода и ничего, кроме гнева царского, с толокном и сухарями, без обоза и крова, с неодолимым терпением скитается в пустынях Севера, и в коем за славнейшее дело дается только маленькая золотая денга с изображением Св. Георгия, носимая счастливым витязем на рукаве или шапке?»

Спустя века наше воинство, наши «Витязи» не изменились. Получая минимум от государства, за которое сражаются, не жалея себя, они с таким же «неодолимым терпением скитаются» по тропам Кавказа. И так же за свои труды и «славнейшие дела» получают ордена и медали, да и то в недостаточном количестве.

Случается, что награды оказываются не у тех людей, которые их действительно заслужили. А настоящие герои незаметно и усердно тянут свою военную лямку и совершают героические поступки, о которых знают товарищи и на которые, бывает, закрывает глаза начальство, чтобы затереть, принизить подвиг. Как будто оттого, что медаль или орден не появится на груди героя, он перестанет быть истинным героем своего Отечества!

Символика: эмблемы, знаки, медали, название — это одна из главных составляющих образа отряда специального назначения. «Как корабль назовешь, так он и поплывет...»

На стороннего наблюдателя эмблема и название отряда должны производить сильное впечатление. Строгость, сила, уверенность, надежность.

Уже не говоря о воспитательной стороне символики. Спецназовец носит эмблему на рукаве формы — она обозначает его принадлежность к тому или иному отряду специального назначения, которым он гордится. И чем красивее и содержательнее эмблема, тем желаннее получить ее на свой камуфляж.

А за эмблемой стоят годы славной, боевой истории спецподразделения, отраженные в маленьком рисунке. У «Витязя» эмблема коротко и ясно демонстрирует силу и уверенность — это кулак, изображенный поверх автомата. Большинство отрядов спецназа позаимствовали эту эмблему, заменяя только название отряда на свое.

Название почти всех отрядов связано с российской историей. Стало традицией называть подразделения спецназа и разведки внутренних войск именами, имеющими исторические и героические корни. Зачинщиками этой традиции были первые отряды: «Витязь», «Росич», «Русь». Впоследствии были созданы отряды: «Скиф», «Вятич», «Пересвет», «Меркурий».

Кроме эмблемы, существуют специальные награды от спецназа и для спецназовцев. Ассоциация ветеранов подразделений специального назначения «Братство "краповых беретов" "Витязь"» в 90-х годах приняла решение о выпуске памятных наград для поощрения военнослужащих и гражданских лиц за участие в специальных операциях, боевых действиях, за содействие в развитии спецназа России. Автор наград — Герой России полковник Сергей Лысюк, бывший командир отряда «Витязь». Мастер-исполнитель — Сергей Бондаренко.

Медаль «Снайпер спецназа»

Девиз медали — «Точность. Выдержка. Профессионализм». Она создана для награждения военнослужащих — снайперов подразделений специального назначения. Медаль, изготовленную из томпака, вручают военнослужа-

щим за высокие результаты в состязаниях и за развитие снайперского дела. Из серебра — только за участие в специальных операциях. Черно-красная расцветка ленты, по замыслу автора, символизирует мишень для стрельбы.

Медаль «За совершение невозможного»

Медалью, девизом которой являются слова: «Слава спецназу! Смерть террористам!» — награждаются только участники освобождения заложников, захваченных террористами в Театральном центре на Дубровке в Москве 26 октября 2002 года. Всего в настоящее время награждены четыреста девяносто семь человек. Среди них — военнослужащие управления «А» и «В», сотрудники МВД, офицеры и солдаты отряда специального назначения «Витязь». Медаль «За совершение невозможного» вручена двум гражданам из числа заложников, которые оказывали помощь в освобождении людей. Цветовая гамма ленты символизирует: белый — заложники, черный — террористы, синий, серый, краповый — подразделения, освободившие заложников, — ФСБ, милиция и внутренние войска.

Медаль «Яков Бакланов»

Памятная медаль учреждена в 2003 году в честь легендарного казачьего генерала Якова Бакланова — героя первой кавказской войны в царской России. Она создана для награждения офицеров, в исключительных случаях — сержантов, проявивших отличные командирские навыки и инициативу в боевых условиях. Красный цвет на ленте символизирует Донское казачье войско. Зеленый — ислам. Георгиевский просвет — боевые действия. Награждено — девять человек.

Существуют и знаки, также учрежденные Ассоциацией ветеранов подразделений специального назначения «Братство “краповых беретов” “Витязь”». Автором наград также является Сергей Лысюк, мастером-исполнителем — Сергей Бондаренко.

Знак «За службу на Кавказе»

Учреждено два вида нагрудного знака «За службу на Кавказе». Памятный знак с надписью «Спецназовцу» вручают военнослужащим подразделений специального назначения — участникам боевых действий на Северном Кавказе.

Вторым видом награждаются военнослужащие оперативных частей внутренних войск МВД России. Знак внешне похож на награду царской России времен Кавказской войны второй половины XIX века. Нанесенная на нем цифра 1988 — означает дату событий в Сумгаите. Награда учреждена перед первой чеченской войной. По решению правления ассоциации двумя видами знака награждено пятьсот человек.

Знак «За борьбу с террористами»

Знак с Георгиевской лентой и словами «За борьбу с террористами» предназначен для награждения только солдат и офицеров подразделений специального назначения, принимавших непосредственное участие в проведении специальных операций. Змея, которую поражает стрела, символизирует терроризм. Награждено четырнадцать человек.

Награду с надписью «За борьбу с терроризмом» и с красной лентой на знаке вручают руководителям специальных операций, а также общественным и политическим деятелям. Награждено пять человек. В числе награжденных — глава пограничной службы ФСБ России Владимир Проничев, Герой Советского Союза генерал-майор Геннадий Зайцев.

Знак «За пользу спецназу»

Знак предназначен для награждения военнослужащих и гражданских лиц. Он вручается за вклад в укрепление спецназа России. Награждено десять человек.

Знак «Участник Сухумской СО»

Памятный знак учрежден в десятую годовщину совместной операции по освобождению заложников в Сухумском следственном изоляторе. Им награждаются только участники операции. Изготовлено сорок восемь знаков.

Знак «Решительность и профессионализм»

Знаком с одноименным девизом награждаются военнослужащие и сотрудники негосударственных подразделений за решительность при выполнении поставленных задач. Награждено четыре сотрудника негосударственной охраны за задержание преступника и профессиональные действия при исполнении своих обязанностей.

Еще в 1985 году был создан один из первых знаков для спецназовцев — «Отличник рукопашного боя». Были,

естественно, разработаны и требования к кандидату, претендующему на получение этого знака, создана методика, которая включала в себя подобие экзамена, принимаемого в кекушинкае (вид японского единоборства) на черный пояс. Там надо было в течение получаса вести бой с тридцатью сменявшимися друг друга каждую минуту бойцами.

Кандидату на звание «Отличник рукопашного боя» предстояло выстоять в восьми трехминутных поединках против инструкторов, для которых в рукопашной борьбе не осталось секретов. И не просто выстоять, но и активно провести бой, продемонстрировав свою технику блоков, ударов, захватов, бросков. Задача усложняется тем, что соперников для спарринга кандидату приглашают со стороны и их манеру ведения боя, сильные и слабые стороны кандидат знать не может.

Соревнование проводится на ринге, на руках у соперников — боксерские биточки с обрезанными пальцами, чтобы легче было проводить захваты и броски. Испытуемому полагается обычный мотоциклетный шлем. Защита не такая уж стопроцентная, учитывая, что некоторые из инструкторов ударом ноги могут расколоть этот шлем, как грецкий орех.

На оказание медицинской помощи и приведение в порядок защитной амуниции кандидат за весь поединок может использовать не более четырех минут. В зале могут присутствовать только офицеры и прапорщики, врач, а также те, кто уже удостоен знаков «Инструктор рукопашного боя» и «Отличник рукопашного боя».

Было разработано и утверждено Положение о проведении квалификационных соревнований на звание «Отличник рукопашного боя». В соответствии с этими правилами к состязаниям допускаются спецназовцы, прослужившие более одного года и имеющие отличные результаты по физической подготовке, являющиеся примером в соблюдении воинской дисциплины, уставов и требований командиров. Соревнования проводятся один раз в год, в обстановке, максимально приближенной к реальному поединку.

Так, во время схватки разрешается использовать все удары за исключением ударов по коленным суставам и в

пах, прямых ударов ногами в голову, ударов руками по шее; броски, болевые захваты до сдачи противника и удушающие захваты (не более пяти секунд). Испытуемый одевается в защитную одежду: шлем, бандаж, предохранительные щитки на ноги, боксерские перчатки, защитный жилет. Инструктор, проводящий квалификационную проверку, оснащен бандажом, щитками, боксерскими перчатками. Боец считается выдержавшим проверку в том случае, если он провел восемь поединков, атакуя и контратакуя в соотношении активности 1:1, 2:1, и находился на медконтроле не более трех минут (без учета тридцати секунд на контроль пульса после четвертого поединка). В случае пассивного ведения боя или нокаута, а также нахождения на медицинском контроле более трех минут испытуемый снимается с соревнований.

Это очень жесткое испытание и физических, и психологических возможностей кандидата, как и все испытания в спецназе. Не многие выдержали его. В числе удостоенных знака «Отличник рукопашного боя» — Геннадий Сычев, Андрей Богданов, Владимир Пчелин, Вадим Кухар, Вадим Шевцов, Андрей Мальгин, Олег Васильев, Сергей Глухов, Николай Стригунков, Олег Суханов, Виктор Шишко, Юрий Старцев, Александр Сергеев.

В последнее время возрождается традиция награждения особо отличившихся бойцов знаком **«Доблесть спецназа»**. В создании этого знака Сергею Лысюку помогли Сергей Егоров и Олег Кублин. В то время Егоров был начальником разведки, а Кублин — замполитом отряда «Витязь». Были разработаны эскиз и положение о знаке.

За прошедшее время «Доблестью спецназа» награждено около пятисот военнослужащих, отличившихся в проведении боевых операций. Среди «витязей» знак «Доблесть спецназа» ценится так же высоко, как и государственная награда.

Очень гордятся спецназовцы, получая **медаль «За отвагу»**. Они называют ее настоящей солдатской медалью. Ее хорошо знает поколение участников Великой Отечественной войны, наши ветераны, мнение которых очень ценят спецназовцы.

Может, кто-то и скажет: «Понапридумывали новых знаков и медалей!» Но исторические изменения в стране чет-

ко обусловили возникновение новой символики. И речь вовсе не идет о полной замене старых наград, а только о их дополнении и усовершенствовании.

Любому человеку почти в равной степени приятно заслуженное поощрение — как денежное, так и моральное. Государство, к сожалению, не всегда проявляет рвение в вопросах награждения военнослужащих. Поэтому награды, разработанные и созданные Ассоциацией социальной защиты военнослужащих подразделений специального назначения «Братство “краповых беретов” “Витязь”», восстанавливают справедливость в этом вопросе. Да и кто, как не ветераны-спецназовцы, может понять цену того или иного поступка и подвига своих младших товарищей — солдат и офицеров отрядов спецназа?

Мы непобедимы в своем единстве

«Здравствуй, братишка!

Долго не писал, не было свободного времени. Сейчас появилось. Через полмесяца уже домой. Отслужил.

Теперь тебе в армию. Робеешь, наверно? Я тоже сначала робел, но попал в спецназ, в отряд “Русь” и службой доволен.

Почти все наши ребята из 3-й группы спецназа хотят и дальше работать в силовых структурах. Кто контракт с отрядом подпишет, кто в своем городе будет в СОБР поступать, а кто во вневедомственную охрану устраиваться. Без дела и без настоящей мужской работы сидеть не станут, особенно после того, что нам пришлось испытать. Всем вместе.

Наша 3-я ГСН, как семья. Это, братишка, без преувеличений. В том, что у нас сложились такие отношения внутри группы, заслуга в основном офицеров. Ну, и парни, конечно, хорошие подобрались.

Из других групп ребята к нам на огонек тянутся. Как какие посиделки, песни, так обязательно в третьей группе.

Мы были в Чечне. Вернулись все! Это самая главная и счастливая новость для меня, для тебя и для родителей.

Думаешь, мы — спецназовцы, не боялись туда ехать? Виду не подавали. Офицеры говорили нам:

“Мы своих не бросаем! Ни живых, ни мертвых. Вернетесь в полном составе. За полгода подготовки мы научили вас всему, что позволит выполнить поставленные задачи и остаться целыми и невредимыми. Главное, не робеть. И все у вас получится”.

Мы не робели... А сейчас по возвращении из Чечни нас представили к государственным наградам. У некоторых есть краповые береты.

Многие не понимают, считают, что краповый берет — это за спортивные достижения. Пробежал несколько километров, преодолел полосу препятствий, подрался с несколькими противниками, и — получай берет. Нет, братишка! Через физические испытания проверяют, что ты за человек. Какая у тебя выдержка и сила воли.

Словно на срез смотрят, каков ты есть в деле. В жизни всякое случается. Сможешь ли ты достойно принять трудности, испытания и удары судьбы?

Мы в Чечне проходили это испытание. Бежали от Аргуна до Грозного. Четыре бэтээра прикрывали наш бег. Жара — градусов сорок. От пыли не продохнешь. Берцы в пыль зарываются. На ногах будто по гире, и с каждым шагом вес гирь все больше. Вот-вот свалишься на обочину без сил, без дыхания, без мыслей, опустошенный. Но делаешь еще шаг и еще. Небо, белесое и яркое от солнца, прыгает впереди на горизонте, до которого бежать и бежать, а оно все дальше и дальше. И ребята рядом бегут, не отстают. И ты знаешь, все думают о том же: когда это кончится и зачем это нужно? И все равно бегут! И сильнее окажется тот, кто от мыслей этих сможет избавиться. Сказать себе: «Надо!» И на одних нервах, скрежещущих зубах, на силе воле добежать, доползти.

Представь, с дистанции никто сам не сходил. Сознание ребята теряли, и лишь тогда их уносили с дистанции. Только так!

Гражданский человек здесь опять скажет:

“Зачем так себя истязать? Ради кого, ради чего? Что-бы берет получить?”

А то, что краповый берет — это воплощение смелости, выносливости, силы духа — это не всем понятно.

Не хватает сейчас людей, которые сломя голову бросятся спасать кого-нибудь, защищать слабых. Спросят: “Зачем?” — и отвернутся от плачущего ребенка или женщины, к которой пристают хулиганы. Наши ребята не отвернутся. Жизнь положат, но не отвернутся. Даже те, кто не получил краповый берет, кто просто решился однажды на это испытание.

Они обязательно на следующий год снова пройдут дистанцию заново.

В нашей группе все офицеры и прапорщики имеют краповый берет. Есть он у некоторых рядовых.

У нас в третьей группе есть свой флаг. С 99-го года. Этот флаг был с нашими офицерами в училище, и капитан Михаил Овчинников, заместитель командира по спецподготовке, привез его в отряд. Теперь флаг везде с группой. В командировках обязательно. На удачу. А у капитана, кстати, медали “За отвагу”, “За боевые заслуги”. Я же говорю: у нас офицеры заслуженные.

Командира группы, майора Владимира Бойцова, в 2000 году тяжело ранило и контузило. Ему предлагали уволиться по ранению, но он остался в отряде. У него орден Мужества, медаль ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени и медаль “За боевое содружество”. Капитан Михаил Шеин, заместитель командира группы по работе с личным составом, награжден медалью “За отвагу”, имеет краповый берет. Готовит снайперов, саперов. Настоящий спец! На его занятиях очень интересно. А старший лейтенант Игорь Синицын для нас как старший брат. Всегда поможет, поддержит.

Больше бы таких офицеров, поднялся бы авторитет армии, служить бы шли с охотой. Наши офицеры болеют за свое дело, за своих солдат. Если, организуя учения, они вкладывают все свое умение, желание, как можно ответить на это недостаточным старанием?

Мы заряжались их энтузиазмом.

И самое главное, когда приехали в Чечню, мы четко знали, что и как надо делать, чтобы не подставить товарища и не подставиться самому.

Полгода там — это срок! А есть офицеры и прапорщики, которые были в горячих точках не один раз. Прапорщику Виктору Колчанову двадцать два года, а у него уже восемь командировок. Срочную он отслужил в отдельной группе спецназа, а контракт подписал с “Русью”. Много слышал о 3-й группе и хотел попасть именно в нее. Так и вышло. Он у нас старшина группы. Награжден медалью “За отвагу”.

В середине мая 2001 года прибыли в Чечню. Три дня нам дали на оборудование и обустройство лагеря.

Начали работать. Выезжать по адресам на захват боевиков. Группе в эту командировку везло — ни раненых, ни потерь.

Одна из операций по розыску и захвату известного полевого командира проходила несколько дней. И в крайний день операции, в пять утра, мы с другими группами отряда прибыли на позиции. В населенном пункте боевиков не нашли. Стали внимательнее досматривать дома. В одном из дворов, в сарае, увидели сваленные в кучу автомобильные запчасти. Такие нагромождения всегда вызывают подозрения. Стали растаскивать железки. Расчистили место, подняли доски, а под ними — рыхлая земля. Раскопали яму, наткнулись на линолеум. Отогнули его — ящик. Два АК-47, патроны, магазины, ПМ с двумя боекомплектами, снаряд и черная маска. Похожие схроны мы находили и в другие выезды. Ящиками изымали оружие и боеприпасы.

Один случай у нас был с неожиданным продолжением. Мы нашли склад чеченских книг, которые назывались “Герои Чечни”, с фотографиями боевиков. Отпечатано все на хорошей бумаге. В этом же сарае, где лежали книги, были листовки и брошюры, тоже пропагандистского содержания.

В том населенном пункте нас обстреляли. Издалека, метров с пятисот. Леха присел у фундамента дома, и вдруг — “хлоп” его в спину! Он потом рассказывал, что первая мысль была: “Дети хулиганят. Камнем или кирпичом запустили”. Выстрела Леха не слышал. Только когда вторая пуля мимо уха просвистела, понял, что в него стреляют. Мы потом уже посмеялись, что он пулю

за детскую шалость принял. Пулю, сплюсненную, совсем безобидную на вид, выковыряли из бронежилета. Она между пластин застряла. Тут не до смеха. У Лехи, кстати, тоже краповый берет.

Знаешь, братишка, о чем я подумал тогда, когда пулю на ладони держал? Не запрограммирован человек на войну. Много веков все воюем и воюем, а ведь нельзя так, не надо.

Зато в глазах местных детей есть эта запрограммированность. Мне тяжело было смотреть им в глаза. Как они будут привыкать к тому, что убивать нельзя, что каждый человек — великая ценность. И когда же он придет сюда, мир?

Через месяц после этого случая нам пришлось проверять очередной адрес. Хозяйка — женщина лет тридцати. Она не ругалась, вела себя достаточно спокойно, но чувствовалось, что внутренне напряжена.

Кроме дома, мы всегда осматриваем двор и все постройки, которые там находятся. В сарае в полу отыскали тайник. А в нем ПТУР, гранаты, штык-нож, разгрузник и патроны для снайперской винтовки.

Тут кто-то из наших говорит:

“Мужики, да я хозяйкину фотографию в книге ‘Герои Чечни’ видел. Там две снайперши были, и она — одна из них”.

Сдали ее куда положено. Точно, женщина действительно оказалась снайпером. Пригодилась, получается, книга.

По другому адресу пошли. Головной дозор из нашей группы у фасада дома остался, прикрывал тех, кто досматривал дом. Дом на горе. Окрестности хорошо видны. Глядят ребята: трое мужиков, пригнувшись, через задний двор улепетывают. По команде командира помчались за ними. Одного догнали, скрутили. Двое других успели ускользнуть. У них ведь везде ходы, тайники. Забились, наверное, в какую-то щель и притихли. А задержанным оказался известный полевой командир Хасан, который еще в первую кампанию против нас воевал.

Знаешь, братишка, на войне все встает с ног на голову. Женщины начинают стрелять, дети лучше многих

взрослых разбираются в оружии и взрывчатке, здесь держат в рабстве людей. Нет твердой опоры ни в чем. Для нас опора в оружии, в товарищах. Пока мы вместе — мы сила.

Мы находили рабов. Однажды во время одной из операций прочесывали населенный пункт. Заглядывали в подвалы и на чердаки. На одном из чердаков, как и везде, пыль солнечными столбиками и навалено сено. Это вызвало у нас подозрение. Боевики часто прячут в сене оружие, да и сами иногда прячутся.

Вдруг слышим стоны и мычание. Чуть не открыли огонь. Осторожно откинули сено, а под ним — связанные по рукам и ногам наши пограничники. Срочники.

Ребята пробыли в плену одиннадцать месяцев. Делали за чеченцев всю работу по дому. Перед нашим приходом ребят связали, рты заклеили, чтобы не шумели.

Вот так и ездили мы по населенным пунктам. Впрочем, чаще летали на вертушках. Налет часов, наверное, у нас больше, чем у курсантов летных училищ. По нескольку дней проводили в горах.

Там успевали и спортом заниматься. Даже гири с собой брали. Спорт все стрессы снимает, да и свою физическую форму совершенствуешь. Отдых между операциями иногда получался двух- или трехчасовым. Приедем с тяжелого выезда часов в двенадцать ночи. Умоемся, почистимся, оружие в порядок приведем. Только голову на подушку, тело в горизонтальное положение (утром-то часа в четыре поднялись), а нас уже будят.

На часах — три. Рассвет еще не проявился на небе. А нам — час на сборы и ноги в руки. Нервы напряжены, и оттого усталость не чувствуется. Она наваливается потом, когда наконец действительно дают отдохнуть. Кажется, что тебе и недели не хватит выспаться.

Спорт и гитара — вот чем мы все увлекаемся во время отдыха. Устраивали даже соревнования между звонками группы. Кто лучше поет. Три часа пели, потом голосование проводили и победителю в качестве приза что-нибудь из съестных припасов вручали. В боевых условиях особо и подарить нечего, самое лучшее — коробка сухпая, сгущенка. Кассеты себе с песнями записывали, фотографировались.

Конкурс закончится, а расходиться никто не торопится. Сядем вокруг офицера, вся наша компания — помощник пулеметчика Дима, гранатометчик Алексей, старший пулеметчик Денис, стрелок Иван, старший пулеметчик Сергей, снайпер Александр, старший сержант Михаил и прапорщик Виктор Колчанов. Это я, конечно, только часть своих друзей перечислил, у меня их много. Каждому жизнь свою доверить можно. Запомни, братишка, должен быть хоть один человек, которому свою жизнь без оглядки, без сомнения доверишь. А если таких друзей несколько, считай, что состоялась твоя жизнь. Нельзя не испытать этого чувства — дружбы и доверия...

Вот у нас ребята служили, контрактники. Коля и Антон — друзья не разлей вода. В 1999 году разведчики нашего отряда и разведчики из 22-й бригады оказались в окружении на горе Чабан. Антона контузило, когда стали спускаться с горы. Но он, зная, что Николай все еще наверху, ждал его и прикрывал отход...

Я отвлекся. Так вот, садимся мы так в кружок. Офицер или прапорщик нам что-нибудь рассказывают. О себе, о группе. Нас спрашивают о наших близких, об увлечениях, планах на будущее. Многое услышал я во время таких бесед.

Рассказывали, как в 2000 году БМП с ребятами из нашей группы подорвалась на фугасе. Тогда и был ранен командир Владимир Бойцов. Пулеметчику оторвало ногу. Он свалился с БМП, ползал и все искал свой пулемет. Нам тоже внушали, что оружие должно быть с тобой, в каком бы состоянии ты ни был. Оно твое единственное спасение.

Бой продолжался около часа. Гранатометчик Максим под пулями перевязал всех раненых, обезболивающее вколол. Затем встал в полный рост (позиция была неудобная) и сделал несколько выстрелов из гранатомета...

А прапорщик, наш старшина, вспомнил, как в том же 2000 году в конце мая одну из трасс Чечни особенно часто минировали. Инженерная разведка рано утром обезвреживала мины и фугасы, а перед проходом колонны боевики успевали заминировать трассу вновь. Многие подрывались.

Ночью три группы нашего отряда — 3-я, 4-я и разведгруппа — устроили засаду. Разделились. Ядро было во главе с командиром и резервом. За несколько часов до нужного времени разведгруппу высадили в трех километрах, чтобы она могла выдвинуться на место скрытно. От быстрой ходьбы бойцы разгорячились и теперь ежились, остывая на ночном ветру. Трое, в том числе и Виктор Колчанов, находились в секрете метрах в ста от ядра, как и несколько других подгрупп. Замаскировались в кустарнике. Прислушивались.

Радиостанции не работали. Тихо и в эфире, и вокруг. Тишина усыпляла внимание. Но две темные фигуры саперов, появившихся на дороге, сомнений не вызвали — они минировали дорогу. Виктор принял решение ликвидировать боевиков из бесшумного оружия.

Тела саперов они убрали с дороги, уничтожили все следы и сменили позицию.

От места засады в двух километрах находилась комендатура, и через некоторое время оттуда послышались выстрелы. На комендатуру напали сообщники саперов, их группа отвлечения. Они еще не знали, что саперы уничтожены.

Утром инженерная разведка обнаружила метрах в ста пятидесяти от вчерашней засады фугас. Обезвредила. Долго потом бандиты не решались бродить по ночам по этой дороге.

Но, конечно, самым счастливым днем был день нашего возвращения.

И это странное слово — реабилитация. Нас развлекали, как могли. Приятно, когда с тобой столько возьмется. Хотят заменить тяжелые впечатления от командировки приятными. Притупить те чувства, что мы испытывали там. Конечно, у нас в отряде не держат бойцов со слишком ранимой психикой, но порой и самому крутому супермену нужна забота и разрядка.

А для многих из нас такое внимание и все эти культурные мероприятия, что для нас организовали, в новинку! Ведь пацаны в основном из поселков и деревень, и семьи небогатые. Особо по театрам и концертам не ходили. Родителям главное было нас накормить и одеть.

Мы все вместе ходили в театр, смотрели “Вишневый сад” Чехова. Честно говоря, я думал, будет скучно, но мне понравилось. Были в зоопарке, в кино, на концерте, на спортивных бальных танцах. По Арбату гуляли.

Грустное событие случилось в эти дни — погиб известный актер и режиссер Андрей Ростоцкий. Мы смотрели его фильмы. Нам, как самым лучшим бойцам отряда, выпала честь отдать ему последние почести. Мы были в почетном карауле.

Хочется домой, но и грустно расставаться с друзьями.

Ты узнаешь это чувство сам. Я надеюсь, что у тебя тоже за время службы появится много друзей. Знаю, братишка, мы с тобой разминемся. Я — домой, ты — в армию.

Служить — наш долг. Я его выполнил. Мы не из тех, кто будет отлынивать и прятаться за спины других. Как бы трудно нам ни было. Если есть силы и желание, то лучше служить с полной самоотдачей, в элитных частях, в спецназе. Там требуют с тебя много, но и дают многое. Там, может, больше, чем где-либо, ощущаешь, что все мы делаем общее и нужное дело. Как нигде чувствуется мужское единство и братство. Я верю в тебя. Не подкачай!

Запомни, мы непобедимы только в своем единстве. Твой брат».

Печальный груз памяти

— Отходите! — крикнул он из комнаты, и одновременно с его отчаянным криком раздались выстрелы и взрывы.

Они слились в поминальный салют. Старший лейтенант. Ваня...

Андрей — начальник инженерной службы отряда «Витязь», майор по прозвищу Крот. Борт летел домой. Андрей, застегнув куртку повыше, уперся затылком в прохладную обшивку самолетного нутра и прикрыл глаза.

Старший лейтенант Иван Шелохвостов погиб еще в самом начале командировки «витязей» — 4 февраля 2003 года.

..Лица бойцов, закопченные огнем пожара, будто не от дыма почернели:

— Он спас нас всех. Он не побежал.

Эти слова до сих пор тягостным эхом звучали в голове Андрея...

В доме, где засели чеченские эмиры, действительно полегла бы вся штурмующая группа, если бы не Ваня.

Андрей не поехал в тот раз на адресную работу. По его саперному делу работы не предвиделось. Он узнал о происшедшем со слов офицеров, которые там были. А видел это так детально, так ясно, словно сам шел по коридору.

После проверки трех адресов спецназовцы выдвинулись к четвертому и, как положено, вошли в него по-боевому, оставив во дворе и на дороге группу прикрытия.

По узкому коридору, от комнаты к комнате продвигались друг за другом. Никого. Иван шел впереди. Наконец осталась последняя комната в конце коридора. Там спецназовцев ждали.

Андрею казалось, что он видит лицо Ивана в ту секунду. Обычно улыбочивый, он, наверное, закаменел — лицо стало жестким и отчаянным. Старший лейтенант принял решение мгновенно, крикнул: «Отходите!» — и открыл огонь.

За взрывами гранат и стрельбой, наполнившей коридор, за спиной Ивана, который на некоторое мгновение закрыл собой дверной проем комнаты, штурмующая группа покинула дом.

Четверо боевиков расстреляли его, и осколками гранат Ваню посекло...

Спортсмен, боксер — хороший боец, невысокий, незаметный, он в любой экстремальной ситуации оказывался впереди всех, «на лихом коне» — всех победит! Вот и в этот раз он оказался впереди...

Три года отслужил Иван в спецназе после Новосибирского училища. Получил краповый берет. Через полмесяца ждал очередное звание. В марте собирался улететь из Чечни домой — жена должна была рожать. Иван поехал в командировку всего-то на полтора месяца.

«Вот такая арифметика», — под гул самолета думал Андрей. Он хмурился, над переносицей залегла морщинка.

Они с Ваней не были близкими друзьями. Но несколько раз Андрею приходилось ночевать в палатке 1-й группы. Именно в этой группе служил Иван. Откровенных разговоров не получалось. Все больше подкалывали друг друга, шутили. Но про Ивана Андрей одно знал точно — он настоящий спецназовец.

...А огонь по дому «витязи» сразу не открыли. Вдруг Иван жив? Но, когда забежали в дом, увидели, что из разгрузника Ивана «чехи» вытаскивают магазины. Иван погиб.

Дом окутало дымкой от полетевшей штукатурки, кирпичных и стеклянных осколков. Всю свою душевную боль и ненависть спецназовцы выплеснули, расстреливая бандитское гнездо. Внутрь полетели «эфки». Дом вспыхнул, осветил притихшую, настороженную улицу.

Ваню вынесли во двор. Аккуратно, бережно. Последние почести еще предстояли, но теперь Ивана несли друзья, братья. Так нежно поддерживали сильными руками, потемневшими от пороха, как не смог бы никто другой.

Андрей повидал за свои тридцать три года много. И смерть видел, и друзей терял. И этот двор, на котором его не было, он представлял очень хорошо. Огромный костер горевшего дома, неровно осветивший крепкие фигуры в камуфляже с погибшим товарищем на руках...

Тряхнув головой, Андрей пытался освободиться от этих мыслей. Ровный гул самолета усыплял. Домой, домой... Закончилась девятнадцатая командировка Крота.

Шесть лет прослужил Андрей в отряде «Витязь», а до этого служил в саперном батальоне в дивизии имени Дзержинского. Еще в батальоне он начал ездить в командировки — Северная Осетия, Ингушетия, Чечня...

Наши флаги над городом

Российский и Андреевский флаги над крышей разрушенного Президентского дворца. К концу штурма Грозного уже и сил чему-то радоваться не осталось. Конечно, армейцам досталось больше всего, но и внут-

ренные войска во время боев за город потрепало изрядно.

Флаги, как апогей происходившему, взметнулись над городом. Может, для кого флаг — это кусок ткани, а солдаты и офицеры за флагом видели своих товарищей, погибших и раненых, тех, кто не увидел, как флаги полощутся в дымном зареве над поверженным дворцом.

Андрею и его бойцам приказали заминировать подходы к знаменам, чтобы «духи» ночью их не сдернули. Слишком много дней, крови и пота понадобилось, чтобы их установить.

Крот с бойцами заминировал верхние этажи дворца Дудаева, а для пущей надежности взорвал лестничные марши. Флаги были в безопасности.

Была поставлена еще одна задача — взорвать все проходы и лазейки, которые вели в подвал. А подвал — это два или три этажа, уходящие под землю. Андрей было сунулся туда, но далеко не пошел и людьми решил не рисковать: темнота — хоть глаз выколи, и наверняка каждый клочок заминирован.

И в этой темноте вдруг мелькнул огонек свечи. Кто-то шел по подземному коридору навстречу саперам. Бойцы заняли оборону. Через несколько секунд подземный житель был схвачен.

Оказалось, что он почти целый месяц жил под дворцом, укрывался там от бомбежек. Этот чеченец предлагал провести саперов по безопасному пути в глубь подвала, обещал показать, где находятся боеприпасы, оружие и запасы еды.

Но Андрей осмотрительно отказался, а чумазого чеченца сдал милиционерам. Мало ли куда заведет этот Сусанин!

На месте электростанции дворца была воронка от авиабомбы. В осыпавшихся стенках виднелись ходы, ведущие в подвалы дворца.

— Надо бы завалить эту лазейку, — решил Андрей.

Взгляд его упал на огромный неразорвавшийся снаряд. По инструкции трогать его, конечно, было нельзя. Но... Правда, поднять его оказалось делом трудным. Вчетвером не осилили, позвали еще бойцов.

Андрей установил снаряд в воронке, поставил накладной заряд, но, видно, мало взрывчатки положил — снаряд не взорвался. Тогда увеличил заряд, а подчиненные Андрея собрали вокруг все невзорвавшиеся боеприпасы и обложили ими снаряд. Спрятались за стеной.

Взрыв получился такой силы, что с крыши дворца посыпались плиты и штукатурка.

— Ну, теперь порядок, — потер руки Андрей.

Но когда он, отряхиваясь, вышел из укрытия, то увидел, что вместо прежней воронки зияла другая, раза в два больше первой. И подземные ходы открылись еще капитальнее.

Пришлось еще попотеть, сплетая паутину из растяжек в образовавшейся огромной воронке, чтобы никто из подвалов дворца больше не вышел.

Палочка-выручалочка

Разрушенный город, казалось, целиком занят войсками. Блокпосты, армейские палатки, тяжелая техника. Днем город едва заметно пульсировал скрытой жизнью, а ночью начинал бешено колотиться беспорядочными автоматными очередями и вспухать взрывами. Город болел войной.

Саперный батальон базировался рядом с госпиталем в Старопромысловском районе. Ночью мимо блокпостов просачивались в город боевики и, забравшись в здание больницы, вели снайперский огонь по расположению саперов.

Андрею дали приказание заминировать верхние этажи больницы.

С саперной группой Крот провозился там целый день. Такую запутанную систему ловушек сделали, так устали, что к вечеру уже утратили и чувство реальности, и осторожность.

Андрей ставил на окно в конце коридора мину МОН-50. От двери, ведущей с лестницы, к мине зигзагом были протянуты растяжки. Откроет боевик дверь и получит весь заряд на себя. Увидеть ее, прежде чем откроешь дверь, никак нельзя, даже с улицы — шестой

этаж. Андрей установил простой взрыватель от сигнальной мины. Чтобы поставить мину в боевое положение, надо было вытащить чеку, вернее, небольшую палочку.

На всякий случай Андрей решил замаскировать мину, набросив поверх нее белый медицинский халат. За халатом он и отправил одного из бойцов — Глеба. Тот шел, переступая через растяжки. Андрей еще не вытащил палочку-чеку, хотя уже можно было. То ли замешкался, то ли решил сначала мину замаскировать.

— Глеб, осторожно! — крикнул ему вслед Андрей. — Растяжки.

— Вижу, вижу.

И тут же Глеб сорвал одну из растяжек. Чека вылетела, должен был произойти накол на запал и... Но мина не взорвалась — другая-то чека-палочка, предохранительная, оставалась в мине. Если бы не эта «палочка жизни», как прозвал ее Андрей, здесь, в больнице, полегла бы вся группа.

Всегда работа сапера сопряжена с трудностями, и при минировании, и при разминировании. Правда, и юмора она не лишена, хоть и «черного».

В больнице Андрей столом преградил проход по коридору. На стол положил деньги — мелочь и мелом написал: «Духи» — это вам на чай». Стол боевики отодвинули бы, а под ним ЗМ-72 — выпрыгивающая мина. Такие сюрпризы с едкими надписями мелом Андрей оставил повсюду в больнице. А на улице аккуратно воткнул в землю предупреждающие таблички с надписью: «Заминировано». Все по правилам, все по-честному.

Но, несмотря на таблички, два подрыва в больнице все-таки произошли. На месте подрыва, кроме следов крови, ничего и никого обнаружено не было. Чеченские снайперы поодиночке не ходили, только с группой прикрытия. Видимо, группа прикрытия и утащила того, кто взорвался.

После этих подрывов к командиру Андрея пришли представители Красного Креста с просьбой разминировать здание, чтобы можно было восстановить больницу.

Еще целый день Андрей с группой потратил на разминирование. Когда минировали, они оставили про-

ход, известный только им. По молодости да по глупости, чтобы не возиться с «кошкой» (именно ею надо было сдергивать мины, установленные на неизвлекаемость), саперы брали медицинские бутылки, которые нашли в больнице, и кидали их на мину. Сами прятались за стеной, в коридоре. Мины — ОЗМ и МОН-50 оглушительно взрывались. В закрытом помещении взрыв сильно «ударял» по ушам. Что-то повзрывали, что-то поснимали. Но таблички с предупреждением об установленных минах Андрей убирать не стал.

К счастью, через несколько дней они перебазиrowались на другое место. А больницу так и не восстановили. То ли испугались беспокойной обстановки в городе сотрудники Красного Креста, то ли просили разминировать здание больницы по указке боевиков. И такое случалось.

«Пикник» в горах

В 1997 году Андрей стал служить в «Витязе». Прошел переподготовку в Академии МВД и двухмесячные сборы. Почти сразу после этого он, один из отряда, полетел в командировку в Махачкалу. Пришел утром в отряд и через несколько часов уже летел в самолете вместе с Сергеем по прозвищу Царь — командиром группы и заместителем по специальной и боевой подготовке 8-го отряда.

В Махачкале встретились еще с двумя офицерами из московских спецструктур, с которыми предстояло разработать операцию по захвату бандита. Этот тип украл большую сумму из пенсионного фонда и спокойно жил в своем доме в горном селе. Кроме того, что село это было труднодоступным и его дом — неприступная крепость, в нескольких соседних домах жила его охрана, человек двадцать вооруженных боевиков.

Ни сдаваться, ни добровольно выдавать деньги этот мафиози не собирался. Местные власти своими силами справиться не могли — вот и вызвали из Москвы специалистов.

Спецназовцев и представителей спецслужб встречали на машине. Вывозили из аэропорта скрытно, и

все передвижения спецов были законспирированы, чтобы информация о их прибытии не дошла до мафиози.

С разработкой операции группу, прибывшую из Москвы, очень торопили. Сергея переодели в прокурорскую форму и отправили на разведку в горное село. Каждый дал Сергею задание, на что необходимо обратить внимание во дворе дома и в комнатах.

— Меня интересует приблизительная толщина забора, — перечислял Андрей, — чтобы определить количество взрывчатки для подрыва. Дверь в дом — железная или деревянная. Посмотреть по демаскирующим признакам по периметру забора, нет ли там инженерных заграждений. Не хватало, чтобы после всех наших расчетов штурмующая группа подорвалась на противопехотных минах. Какие стены, какие окна — может, пуленепробиваемые. По каким маршрутам ходят охранники, если по одним и тем же, то, вероятно, справа или слева от их нахоженной тропы установлены ловушки.

Сергей все внимательно слушал и запоминал. Потом запомнил ряд вопросов от сотрудников спецслужбы. И еще держал в голове то, что необходимо по своей специализации.

Вместе с милицией Сергей попал в дом мафиози под предлогом «просто поговорить». Может, деньги мирным путем вернут?

Сергей оказался в непривычной роли — разыгрывать из себя юриста, задавать вопросы хозяину, а самому ухитриться осмотреть как можно больше и запомнить, естественно, не записывая.

Когда вернулись из села, Сергей сам охарактеризовал свою вылазку:

— Приходилось мне из себя умника давить... Стены там, Андрюха, как в Кремле! Чтобы перелезть, нужны лестницы и куча снаряжения. Короче, самый быстрый способ — разрушение. Как раз по твоей части.

Несмотря на сжатые сроки, четверо спецов разработали операцию. На «вертушке» делали облет села, снимали на камеру, чтобы точно видеть, в какой части села находится нужный дом, где высадить десант. Необходи-

димо было добраться до села на вертолетах. Дорога сюда одна — если за мафиози направить колонну, то об этом узнает весь Дагестан, едва колонна выйдет из Махачкалы. Так и вышло.

Начальник, на стол которому положили план спецоперации, все перечеркнул. «Вертушки», по одной ему понятной причине, отверг напрочь. И едва колонна вышла из Махачкалы — мафиози в его горном селе уже след простыл. Он оставил разбираться с войсками двадцать боевиков.

Привлеченным к операции спецподразделениям даже не дали возможности потренироваться, не сделали макет здания, которое предстояло штурмовать.

Благо все обошлось без потерь. Здание взяли штурмом, боевики сдались.

А всех четверых москвичей пригласили в кафе и, прежде чем отправить обратно, в столицу, гостеприимно накормили разнообразными местными блюдами.

После недели командировки, любования величественными горными пейзажами Андрей понял, что даже если ты специалист экстракласса — это еще ничего не значит. Успех определяют специалисты по установке препон.

Две дороги через Аргун

В одной из командировок, после недельной работы без отдыха «витязи» возвращались на базу.

Андрей сидел на бэтээре, расслабленный, улыбающийся. Домой ведь едут. В баньке попарятся...

Впереди ехали десантники. Их предупредил местный дедок, что на въезде в Аргун у обочины копошились какие-то парни, подкатившие на легковушке. Десантники подъехали ближе к указанному дедом месту и тут же развернулись, чтобы проскочить другой дорогой. Предупредили спецназовцев о заложенном на обочине фугасе.

Две дороги ведут через Аргун. «Духи» прослушивали рацию «витязей» и знали, что те возвращаются с операции. Хотели угадать, по какой из двух дорог поедут спецназовцы. То ли взрывчатки у них было мало, то ли

времени, но радиоуправляемый фугас на неизвлекаемость установили только на одной дороге.

В общем, так же, как и десантники, спецназовцы могли развернуться и поехать объездной дорогой, вызвав саперов. Но «витязи» объездными путями не ездят.

Поэтому в радиии Андрея, торчащей из разгрузника, послышался голос командира части:

— Крот, иди сюда.

И когда Андрей подошел, он спросил:

— Разминировать сможешь?

— Колонна назад на пятьсот метров, — скомандовал Крот.

Машину с установленным на ней прибором, подавляющим радиосигналы в радиусе ста пятидесяти метров, попросил подъехать ближе. В этой «подавилке», как прозвали этот прибор, есть один недостаток. Машина с прибором на борту должна двигаться со скоростью не менее десяти километров в час, иначе аккумулятор садится.

Машина стояла на месте, поэтому времени на разминирование был самый минимум, пока не сел аккумулятор.

В бинокль Андрей провел предварительный осмотр. На обочине лежала крышка. В центре ее был установлен 122-миллиметровый снаряд.

Андрей настроился уже на дом, на баньку.

«Чего я буду ковыряться! — подумал он. — Расстреляю снаряд из пулемета БТР».

Вместе с командиром разведки отряда, наводчиком, механиком и своим помощником сапером Андрей приблизился к фугасу.

Со второго выстрела попали в снаряд. Прогремел взрыв.

Но когда Андрей подошел к воронке, то обнаружил, что от места взрыва тянутся провода к одинокому дереву, которое растет недалеко от дороги. До дерева около двух метров. А землю босвики, как правило, тоже минируют против саперов.

Времени на то, чтобы бегать за инструментами до машины и обратно, не оставалось. «Подавилка» работа-

ла уже на пределе. Мигала аварийная лампочка. Надо было спешить.

Андрей опустился на колени и так, просеивая землю руками, стал продвигаться к дереву. На усмешки, которые раздавались со стороны колонны, он не обращал внимания. Не до жиру... Руками так руками. Саперу надо все уметь. К тому же по демаскирующим признакам и так было видно, что мин нет — земля уж больно утрамбованная.

Он добрался до дерева. Увидел небольшой целлофановый кулек у корней. От него тянулись еще два провода. Тут уж Андрей попросил по рации своего помощника принести «кошку».

Андрей зацепил кулек «кошкой», отполз подальше и сдернул его с места. Это на случай, если в этом кульке установлен датчик наклона. Кулек перевернулся, но взрыва не последовало.

С осторожностью Андрей разрезал целлофан и скотч. Внутри оказалась бетонная болванка, к ней внутри прикреплен приборчик с такой же частотой, как во взорванном уже на обочине фугасе.

В колонне ехали и бойцы «Альфы». Андрея попросили обезвредить «сюрприз» так, чтобы потом можно было изучить образец, понять принцип его действия и найти противоядие.

Из-за этого пришлось повозиться и изрядно понервничать под пристальными взглядами бойцов со всей колонны.

Андрей рисковал. Вместо того чтобы рвануть болванку накладным зарядом, он решил обезвредить ее вручную. Положил болванку за дерево, сам прислонился спиной к стволу — маленькая, но защита. И начал откручивать провода, внутренне сжавшись в ожидании оглушающего взрыва...

Однако раздался только негромкий хлопок. Пластит внутри каким-то чудом не взорвался. Возможно, что это «чудо» подстроили фээсбэшники, которые продавали боевикам фальшивые партии пластита. «Духи» все равно будут покупать взрывчатку, но если к ним вместо хорошей будет попадать некая масса наподобие оконной замазки, абсолютно безвредная, то саперам это только на руку.

За эти несколько секунд возни с проводками Андрей побледнел. Даже с его опытом, каждый раз, как будто впервые.

Образец, снятый Андреем, забрали фээсбэшники. И позже выяснилось, что в одном из наших российских городков есть радиомеханик-любитель, который за деньги изготавливал разнообразные смертоносные механизмы. Он получал деньги, а в Чечне гибли российские военные, подрываясь на его изобретениях.

В командировке 2003 года, когда погиб Иван Шелухостов, бойцы снова сдавали на краповый берет, как бывает каждый год.

Как всегда, из нескольких десятков сдававших заветный краповый берет получили всего несколько человек. Прошли труднейшие испытания, в том числе сложную огненно-штурмовую полосу препятствий. Андрей со своими помощниками расстарался — подготовил имитационные заряды для ОШП.

И тогда, и потом, по дороге домой, в самолете, Андрей с горечью вспоминал о гибели Ивана. У всех бойцов в сердце болью отозвалась его гибель. Но сколько ребят вышло на огненно-штурмовую полосу, чтобы заслужить честь носить краповый берет — символ настоящего спецназовца.

Парни с честью переносят все тяготы службы и войн, которые выпадают на их долю. Теряют друзей, и кажется, что капельки крови каждого из погибших сливаются с цветом крапа, и оттого крепче прижимаются бойцы разбитыми в поединке губами к заветному берету — с горечью, болью и гордостью.

Р. С. Летом 2003 года старший лейтенант Иван Шелухостов получил звание Героя России (посмертно).

Неоконченный дневник

С севера на юг, с юга на север, по предгорьям и горам, через села и города Чечни. То жара, то грязь, то холод. От усталости некогда черкнуть пару слов в днев-

ник. Только теперь, когда отряд и наша 4-я группа специального назначения дома, можно попытаться усмирить чехарду мыслей и недавних событий, вспомнить и записать.

Шалажи, Мескер-Юрт, Чечен-Аул, Аргун, Ведено и Самашки... Дома, сараи, чердаки... Ночные операции — наш спецназовский конек. Они самые продуктивные и неожиданные для «духов».

Днем боевики особенно настороже. Работает их разведка — мальчишки, женщины, пожилые люди — они вовремя оповещают «духов» о нашем приближении. Чаще всего у боевиков нет при себе оружия, одежда гражданская и документы в полном порядке. Они еще смеются над нами.

Зато ночью... «Кто не спрятался, мы не виноваты». И тогда, задержав «духа» с оружием под подушкой, тепленького, сонного, посмеемся мы.

Сержант из нашей группы, Андрюха Авдеев, большой и добрый. Весит сто пять килограммов, чемпион России по вольной борьбе. Андрей идет первым во время штурма. Скорее по привычке он дергает за дверную ручку и, как правило, вырывает ее с корнем. Потом в ход идет кувалда. Но эффективнее всего получается, когда Андрей выносит дверь телом. Не ногой и без особого разбега, а так... Просто зашел человек в дом, посмотреть, кто там живет. Только негостеприимные «духи» не очень-то радуются большому и доброму Андрюхе.

• • •

За всю первую половину командировки мы практически не бывали на нашей базе. С мая по октябрь — минометный сон, горные и лесные вылазки. Бойцы чуть не падали в обморок от усталости.

Они не красные девицы. В спецназ слабых не берут. Просто нагрузки невероятные. Пулеметчик, боец по прозвищу Сэм, обвешанный боекомплектами к пулемету, в бронезилете, с пулеметом, в тридцатиградусную жару, после очередной бессонной ночи, вырубился. Пришел в себя, увидел над собой наши озабоченные

лица, смутился. Поднялся и — вперед. С той же ношей, под тем же нещадным солнцем...

Поступила информация, что в одном из населенных пунктов находятся шестеро боевиков. У одного из них пояс шахида.

В пять утра помчались. Работали вместе с собровцами.

Два дома, один напротив другого. По разведанным, в одном из них — отец с двумя сыновьями, в другом — три брата. Все родственники и, по-видимому, вооружены до зубов.

Штурмовать, конечно, надо одновременно и быстро. Посылать Андрюху под пули не стали, ворота вышибли бэтээром. Из домов «духи» открыли стрельбу. Мы — между двух огней. Старший сержант нашей группы Толмачев ранил двоих боевиков. В суматохе перестрелки, аккуратно, хладнокровно, в ноги.

Сэм сидел метрах в десяти от дома, в группе прикрытия. Он этих подранков и скрутил.

Услышал выстрелы со двора. Земля разлеталась во все стороны. Пули полетели в сторону Сэма. Вдруг два «духа» на него выскакивают. Он им: «Лежать!» Они прикинулись глухими. Тогда Сэм прочистил им уши старым солдатским методом. Пальнул в воздух. У нас, мол, не забалуешь. «Вдох глубокий, руки шире, не спешите — три-четыре...»

Шуточки. У нас без них не обходится. Каждый день и смех и грех. Но страшно, когда в тебя летят пули...

Мы прибыли в населенный пункт, когда он был уже оцеплен.

Местных с сомнительными документами собрали у мечети для более детальной проверки.

Площадь. Толпа. Белоснежные бороды старейшин. Мы, в выбеленных от пота и солнца камуфляжах, запыленные, усталые, напряженные.

Пятерых боевиков задержали. Продолжали обыскивать мужчин. Женщины тоже пришли к мечети. Они шумели, пытались отдать мужчинам свертки с едой.

Сержант Заря, чтобы разрядить ситуацию, решил подшутить. Несколько наиболее активных женщин надо было досмотреть. Но мы же не имеем права проводить их личный досмотр. Заря вооружился миноискателем и подступился с ним к одной.

— Если запищит, значит, мужу изменяла, — с серьезным видом пояснил Заря.

Вдруг миноискатель запищал. Женщины, поверившие шутке, покраснели, а мы переглянулись. В свертке, который Заря забрал у женщины, оказался пистолет.

Она долго не хотела признаваться, откуда у нее оружие. Выяснилось, что пистолет ей передал муж. Как это часто у боевиков бывает, чтобы спасти свою шкуру, они готовы подставить кого угодно, хоть родную жену.

В кустах у мечети бойцы нашли несколько брошенных второпях радиостанций. С разрешения старейшин мы осмотрели мечеть. «Духи» нередко прячут оружие в святом доме.

Еще в 2001 году, осенью, мы досматривали одну мечеть. Тогда, после длительного запрета, нам дали добро на осмотр мечети.

Стояла такая же жара, как в этом году. Так же толпился народ у мечети. Мы вошли внутрь — командир взвода младший лейтенант Сухов, кто-то из срочников и я. Часть бойцов осталась в группе прикрытия.

Начали простукивать пол. Удары гулкие почти по всей мечети. Отодрали доску. А там! В доме Аллаха, под полом, и ПТУР, и огнеметы, и гранатометы, и автоматы, и обмундирование, и боеприпасы. Патроны рассыпью. Радиостанции. Такое количество, что даже пересчитать за один день все это не представлялось возможным.

Разыскали муллу. Он, само собой, от всего отпирается. «Я, — говорит, — только до обеда в мечети нахожусь. Ничего не знаю. Я не при делах».

Прилетели генералы из Ханкалы и журналисты. Красиво разложили наши находки на земле для съемок. Потом все, кроме изъятого обмундирования, покидали в кучу и взорвали. И считать никто не стал.

Хотя потери, которые могли бы понести наши войска от этого оружия, не найди мы его вовремя, измерялись бы не единицами, а десятками и сотнями. Уж больно серьезный арсенал...

В этот раз в мечети, кроме радиостанций, мы ничего не нашли. Зато еще до осмотра населенного пункта мы прошли по берегу реки, где перед нами разведбат уничтожил двух «духов».

Раскаленные на солнце белые плиты на берегу, как распиленный сахар. И между этими глыбами масса мест, где могло лежать брошенное оружие.

Бойцы нашли несколько магазинов под патроны калибра 5,45 и приклад от АКМ. А из реки, неподалеку от берега, выудили автомат, завернутый в полиэтилен.

Высохшие русла рек, пустые трубы — излюбленные места для тайников «духов». Выбирают места приметные, чтобы самим легко найти. Только и мы с глазами. «Духовские» зарубки «на память» тоже замечаем. Младший лейтенант Сухов в высохшем русле недавно нашел пистолет и гранаты.

Один «дух» засунул эсвэдэшку в туалет. Правда, сам в этом и признался. Решил посодействовать. Оказалось, что упаковал ее в парниковую пленку, затем в автомобильную крышку, обмотал веревками, сверху еще раз завернул в пленку. Только вот, паразит, в спешке веревочку, за которую винтовку можно вытащить, он не привязал. Наши бойцы дружно вычерпывали «духовское» содержимое туалета. И смех и грех.

• • •

Здесь мы работали дней десять, потом снова навестили населенный пункт, где совсем недавно задержали шестерых «духов».

Шли по параллельным улицам, разделившись на две группы. Тучи вползали в село из-за нашей спины.

— Сейчас ливанет, — пророчески пообещал Заря.

По улице поднимался пар от намокающей пыли. Дождь упал на землю как на раскаленную сковороду.

Мы заглянули в дом. Нужно было отработать адрес, да и дождь переждать. Если намокнем и если дождь к

вечеру не перестанет, сушить камуфляжи придется теплом собственного тела.

В доме — мужчина и женщина. По нашей информации, их сын боевик. Кажется, отец выгнал его из дома.

Заря проворно взобрался на чердак. Я следом. Полутемно, пыльно, пустынно. Дождь шелестит, будто кто-то ходит вместе с нами по чердаку.

— Смотри-ка, — Заря показал на доски, прибитые к стене.

Из-под доски торчал край простыни с масляным пятном.

Мы отодрали доски. В тайнике был укутанный в простыню ПК, переделанный из ПКТ. Там же лежала коробка от ПК.

Позвали хозяйку. У нее лицо усталое, напуганное, озлобленное и против нас, и против сына, который оставил ей этот неприятный клад на чердаке. Она закричала:

— Это не мое! Не мое!

Поиски продолжали. И в гараже нашли еще две коробки от ПК.

Женщина присела на мокрые ступени крыльца. Махнула рукой.

— В сарае поищите. Сын там, кажется, прятал.

Отодвинули мы шкаф у дальней стенки сарая, а под ним — еще один тайник. В нем четыре АКС, ВОГи, АКСУ и самодельные гранаты.

Дождь помаленьку стих. Мы погрузили трофеи и двинули дальше.

К каждой операции готовишься, перед каждой волнуешься, каждая кажется неповторимой. Лишь бы только без потерь...

Мы уже дней десять работали в горно-лесистой местности. Ночи прохладные, дни все еще жаркие. Я простыл. Чихал и кашлял. Сигареты кончились. А курить охота, несмотря на кашель. И домой хочется.

Но здесь моя служба и мои друзья.

Не так давно появилась медаль «За боевое содружество». Название верное. Это боевое содружество, на-верное, и помогает нам тянуть свою военную лямку.

Нужно задерживать и уничтожать боевиков, если они сопротивляются. Нужно выживать и прикрывать своих.

Нас выдернули с гор приказом двинуться в Шалажи. Там прорвалась банда боевиков. Они атаковали заставу.

Мы доехали до Октябрьского. БТР 4-й группы замыкал колонну. На броне четверо. Над люком водителя сидел замкомандира группы капитан Владимир Волин. С этой же стороны, на корме — Сэм.

БТР стал прижиматься к левой обочине, чтобы блокировать дорогу и чтобы никто не обгонял колонну...

На выезде из села, слева от дороги — поле, справа — жилые дома. Взрыв поднял пыль, сорвал листья с дерева, на котором был подвешен фугас.

Зама засыпало осколками. Спасли защитный шлем-маска с опущенным пулестойким забралом и верный бронезилет. Фугас малой мощности, но «духи» наполнили его строительными дюбелями и гвоздями. Волину пробило ногу, а один дюбель вонзился в руку. Водитель у нас высокий парень, его голова видна над люком. Если бы не попало в ногу зама, то вся начинка фугаса пришлась бы в голову водителя.

Колонна развернулась в боевой порядок, мы прочесали близлежащую территорию. Ничего и никого не нашли. Сэма, по счастью, не задело, только контузило. «Дух», который взорвал фугас, сидел довольно далеко, не рассчитал. Взрыв пришелся на нос БТР. Если бы «дух» секунду выждал, пострадало бы гораздо больше бойцов.

Вызвали «вертушку». Раненого офицера эвакуировали в Северный.

Эти сволочи, «духи», где только не ставят свои треклятые фугасы, чем только их не начиняют.

. . .

Осенью 2000 года был такой случай. Мы обеспечивали прикрытие инженерной разведки по маршруту Ханкала — Мескер-Юрт.

Мимо полуразрушенного кафе мы проезжали много раз. Оно стояло на обочине дороги. Никогда это кафе мы не досматривали, поскольку в нем работали мест-

ные и отдыхали сами чеченцы. Вряд ли кто-то рискнет заложить там взрывчатку.

Мы уже проехали мимо, когда нас остановила чеченка. Говорит: «Мой сын видел, что на чердаке в кафе лежат снаряды».

К тому, что снаряды видел мальчишка, мы отнеслись с сомнением, однако интуиция заставила нас вернуться.

На чердаке, куда мы поднялись, нас дожидались два стотридцатипятимиллиметровых снаряда направленного действия. Если бы их запустили, они легли бы на дорогу, где мы проехали несколько минут назад. На наше счастье «духи» ждали, по-видимому, кого-то другого.

А старший инженер разведки решил вдруг проверить свой профессионализм. Не стал уничтожать снаряды накладным зарядом, а снял сам. Правда, до этого мы на всякий случай с ним попрощались. Как нас учили: «Не ты ставил, не тебе снимать...»

Но в результате два обезвреженных снаряда-трофея привезли в Ханкалу.

Утром двумя группами мы выдвинулись в Шалажи. Разведгруппа и наша, 4-я. На окраине у бывшего пионерского лагеря были зажаты несколько боевиков.

Бойцы заставы не давали боевикам уйти, но и подобраться к ним и уничтожить не решались. Ждали нас. В общем, правильно. Каждый должен заниматься своим делом.

Не зная истинного положения вещей и точного количества «духов», командир принял решение выдвигнуться на место в БТР, оцетинившись стволами.

Один боевик лежал у дороги. Он вроде не двигался. Но кто его знает, ранен или убит? Подойдешь к нему и пулю схватишь. На всякий случай сделали несколько выстрелов из РПГ. «Дух» оказался мертвым. Хотели было его вытащить, но с противоположной стороны дороги, из канавы, по нам начал палить второй «дух». Мы залегли. Подъехал бэтээр, мы укрылись за его броней. «Дух» без конца менял позиции и стрелял из АКС.

Подставляться под пули отморозка не имело никакого смысла. Когда выстрелы с его стороны стихли, мы

снова рассредоточились и стали приближаться. Тут «дух» высунулся. Я успел разглядеть его, ошалевшего и разъяренного. Он выстрелил, зацепил майора, командира местной заставы. Но и с нашей стороны раздались выстрелы. Боец Мицкевич снял «духа».

Один БТР стоял внизу улицы, три — вверху. Еще один «дух» налетел на наших бойцов внизу. Он выскочил как из-под земли и со всей дури стал стрелять по броне. Наш пулеметчик Коля Миронов выпрыгнул из-за колеса, оттолкнул с линии огня бойца за броню и с десяти метров уложил «духа».

Остальные боевики постреляли и ушли еще до нашего приезда.

Мы собрали свой лагерь и вернулись на базу.

После подрыва 26 сентября мы передвигались очень аккуратно. Разведчики и саперы, БТР которых всегда во главе колонны, несколько раз замечали установленные фугасы издали и предотвращали подрывы.

• • •

Новый, 2003 год мы встретили в Чечне. Конечно, праздник семейный, надо отмечать его дома. Да и чем ближе отъезд из Чечни, тем тревожнее и радостнее одновременно. И одна мысль гложет подспудно: «А вдруг вернемся не все?» Но эту мысль лучше гнать от себя по-дальше...

И семья у нас здесь своя, боевая, наша 4-я группа.

Деда Мороза «со стороны» брать не стали, вырастили в своем коллективе, из наводчика БТР срочника Ромы. Костюм соорудили из одеял и подручных материалов.

В полночь поздравили офицеров отряда, как положено, а потом праздновали у себя в группе. Разыграли сценки и шуточные номера. Желали друг другу вернуться домой.

И хотя пришел приказ: «Не стрелять трассерами, не пускать ракеты и петарды», в полночь небо вспыхнуло фейерверками, расцвело, замигало, переливалось, со всех сторон свистело и ухало. Люди есть люди, хоть они и в военной форме, а хочется красоты и праздника, даже в напряженной и невеселой обстановке.

...А домой вернулись без потерь. Кто-то на самолете, кто-то на эшелоне, сопровождая наши вещи.

В отряде нас встретил Волин. Володя уже выписался из госпиталя, но еще прихрамывает.

Я отложу сейчас дневник и спрячу его в ящик стола. Может, и не перечитаю никогда. Детали сотрутся из памяти, на их место придут эпизоды других командировок. Но останется наша крепкая дружба с ребятами, особое взаимопонимание, которое нарабатывается только в реальном бою и в экстремальных ситуациях.

Их дом и крепость

Нет на карте такого города — Ханкалёнок. Это и не пионерский лагерь. Спецназовцы шутливо назвали его «Военно-оздоровительный лагерь “Ханкалёнок”».

Но городок этот существует, и в него приезжают спецназовцы, живут там, спят, едят, парятся в бане, радуются и печалются, подшучивают друг над другом, играют на гитаре, чистят оружие, приводят в порядок амуницию — это их дом и крепость в Чечне, на войне. Родной, привычный и надоевший до чертиков. Он снится дома, а в нем снится дом.

Городок, огражденный от посторонних забором, с контрольно-пропускным пунктом на въезде. С занимательными и поучительными плакатиками, сочиненными замполитом отряда «Витязь» по прозвищу Фидель, развешанными по периметру городка и внутри. На одном из указателей написано: «Прямо пойдешь — время потеряешь, налево пойдешь — машину потеряешь, направо пойдешь — обратно не вернешься». Прямо находится штаб, слева — обрыв, а справа — собственно сам Ханкалёнок.

На следующем плакате нарисован череп с костями и сделана подпись: «Прежде чем ехать дальше, подумай, рады ли тебе здесь». На будке КПП прикреплен еще один плакат: «Кто не спрятался, я не виноват! А кто спрятался, я тем более не виноват».

У каждой группы отряда своя палатка в городке, свой уклад, который создавался не за один день. В обустрой-

стве этого командировочного жилища группы стараются каждая на свой лад. Только командир со своим заместителем живет в вагончике.

Кроме палаток каждая группа построила себе персональную баню. Это сердце и лицо группы — русская баня. Умельцы, деревенские парни-спецназовцы, из подручных материалов создавали баньки по всем правилам. Как и положено, сперва в бане предбанник, где можно переодеться, посидеть за столом, накрытым чистой клеенкой, попить чаю или квасу после парной. На стенах висят картинки, вырезанные из календарей — аппетитные овощи и фрукты, цветы. В парной на стене дисциплинированно, в ряд, развешаны красные пластмассовые коврики. Полка сколочена из темных грубоватых досок. Печка сложена как положено, все теми же ребятами-умельцами, мастерами на все руки.

Многие из этих мастеров уже отслужили срочную службу и парятся давным-давно дома, где-нибудь на Урале, а их до сих пор вспоминают добрым словом с благодарностью, когда после трудной, длительной операции, пыльные с ног до головы летом или промерзшие до костей зимой, спецназовцы отогреваются в раскаленной парной, а потом окунаются в холодную воду, налитую в бетонную чашу купели. Как хорошо банька снимает усталость и стресс, как необходима она бойцам!

Брезентовые палатки укреплены изнутри деревянными балками, о которые без надлежащей сноровки можно шархануться лбом. Палатки все, как правило, разделены на три части, не считая маленькую прихожую-предбанник. Все палатки отличаются идеальным порядком и чистотой. Пол сделан из досок, иногда застеленных линолеумом.

В предбаннике галошница — стоят кроссовки, ботинки, шлепанцы. Тут же вешалка с куртками и кресло. На стенах патриотические плакаты, стенгазеты, история группы и фотографии, демонстрирующие достижения группы.

В первом отсеке или комнате палатки — хозяйственная часть. Поленица дров у стены — подтапливать палатку приходится иногда и холодными летними ночами. В хозчасти вещи спецназовцев. Тут же оружейная комната. По центру — пирамида из автоматов, по стенам на полках другое оружие, боеприпасы.

Второй отсек — это спортзал. Снаряды, гантели, штанги. Мышцы накачивают почти все. Это своего рода увлечение и поддержание формы, хотя физических упражнений хватает и на выездах, где много приходится бегать, прыгать, ползать, таская на себе бронежилет, двухкилограммовую «маску», оружие и БК. Но, как известно, мышечная масса не влияет на траекторию пули. Как бы боец ни был накачан, главное не мышцы, а умение хорошо стрелять. Стрелковому делу спецназовцы стараются уделять как можно больше времени.

Одна из групп в своей палатке углубила второй отсек почти на метр в землю, и летом при тридцатиградусной жаре в таком помещении всегда прохладно. Спортзал совмещен с гостиной. Телевизор, магнитофон, кресла. Уютно и функционально.

И наконец, третий отсек — это спальня. У разных групп по-разному. В одних палатках — это нары справа и слева, аккуратно застеленные серо-синими одеялами, увенчанные белоснежными подушками, в других — железные койки, в третьих — двухэтажные нары. Для командира группы либо отгорожен закуток с отдельно стоящей койкой, либо он спит рядом со своими бойцами. В центре третьего отсека стоит буржуйка — спасительница холодной, сырой зимой.

В палатках, где есть погибшие, сделана специальная полочка из прозрачного пластика — на ней краповый берет и фотография с именем и фамилией погибшего бойца. Спецназовцы свято чтут память о своих товарищах.

Группы соревнуются друг с другом в обустройстве палаток и в поддержании порядка. У каждой группы рядом с палаткой построена беседка, чтобы на свежем воздухе можно было посидеть за столом, выпить чаю, сыграть в шахматы.

У разведгруппы в беседке на ватманском листе очередной плакат неизвестного автора: *«Лучший способ прекратить войну — это зарыть топор войны... вместе с врагом»*. У другой группы беседка украшена своим плакатом с нарисованным черепом и надписью: *«Офис военно-туристического агентства "Витязь". Организация сафари. Ичкерийский вариант»*.

Душевая кабина, два на два метра, стоит на улице около каждой палатки, задернутая в одном случае синей непрозрачной пленкой, в другом — брезентом.

Есть палатки для бойцов, обеспечивающих тыл, медицинская, штабная палатка и кухня. В кухне сумеречно и чадно. В медчасти койки обычные и двухъярусные. Тут чисто и прохладно. На столике разложены инструменты. Рядом стоят медицинские приборы, капельницы. На койке лежит какой-нибудь одинокий страдалец, двухметровый, крепкий спецназовец, страдающий ангиной. Пахнет йодом, спиртом — одним словом, больницей.

Штабная палатка тоже состоит из двух отсеков. Первый — прихожая, где офицерские куртки на вешалке сверкают звездочками. Второй — комната для совещаний, с длинным столом, покрытым клеенкой, на которой приклеены бумажки с именами и званиями офицеров — соблюдается строгая субординация, и новоприбывший безошибочно найдет свое место. Рядом с большим столом — столик поменьше с радиостанцией. Сюда приходят важные ШТ — шифротелеграммы с секретными приказами.

У выхода из штабной палатки сооружен памятник погибшим в Чечне спецназовцам. Перед ним садик с кустами роз. Они хорошо растут на благодатной земле, политой кровью наших бойцов... К кустикам роз приставлен ответственный — он пропалывает сорняки и поливает цветы.

Около палатки одной из групп разбит газончик с ярко-зеленой травой, с претензией на соблюдение английских традиций. В газончик воткнута табличка, обернутая целлофаном: «Ответственный прапорщик П.». Газончик тоже необходимо поливать засушливым летом.

В загородке на улице живут свиньи. Их привезли в Ханкалёнок маленькими поросятами.

В каждой группе есть кошки или собаки. У собак свое место, в будке, в специальной вольере. Это не служебные собаки, а лохматые, несуразные дворняги, заласканные, сытые, весьма довольные «службой». Такие вольеры прозвали «Зонами релаксации». Лучшую психологическую разгрузку сложно найти. А кошки гуляют сами по себе по палатке или поближе к кухне.

Есть «уголок живой природы» — старая эмалированная ванна, в которой плавают местные черепашки. Половина ванны засажена густой сочной травой.

На отгороженном участке городка в автопарке, чуть в стороне от палаток — БТР, БМП, машины — неутомимые

помощники спецназовцев на пыльных дорогах, в непроходимой грязи в любую погоду. Броня, которой прикрываются спецназовцы, которой выбивают ворота во дворах боевиков. БТР и БМП часто принимают на себя основной удар от взорвавшегося на дороге фугаса. Рабочие лошадки.

В Ханкалёнке есть своя маленькая кирпичная часовенка, освященная по всем церковным канонам. Верующие спецназовцы, а среди людей воюющих большинство верующих, с удовольствием ходят в свою домовую церковь. Иконы для нее привозил из Москвы заместитель командира по личному составу отряда «Витязь» — человек верующий, он молился в этой часовне каждый раз перед боевыми выездами и по своему желанию, и по просьбе спецназовцев. Иконы стали мироточить, наполняя маленькую часовенку чудесным ароматом.

В городке еще существует волейбольная площадка, чтобы в редкие минуты свободного времени, когда нет боевых выездов, бойцы могли заниматься спортом. Игруют обычно группа против группы. Это вечный спор и соревнование — чья группа лучше.

Между группами проводятся соревнования и по эстафетному многоборью, приближенному к бою, если можно так это назвать. Болельщики выстраиваются вдоль соревновательной полосы, кричат, улюлюкают, бьют по земле пустыми пластиковыми бутылками. Азарт невероятный, страсти накалены до предела. Участвуют все — от бойца до командира группы.

Первый боец проходит свой этап, присев на корточки, второй бежит, одетый «по тяжелому», в бронезилете, с автоматом и БК. На полпути он разбирает и собирает автомат и возвращается к старту, поглядывая на зазевавшегося противника. Пыль столбом от ботинок бегущих. Третий участник опять перемещается впрыскаду, четвертый тащит на себе условно раненого бойца, пятый ползет по земле и волочет за собой ящик из-под патронов, набитый песком, шестой мчится в противогазе — в бою под пулями очень даже пригодятся все эти навыки. Один за другим бойцы повторяют все эти маневры, командир проползает по пыли, напоминая в камуфляже проворного крокодила.

Победители ходят, задрав носы кверху, побежденные страдают и готовятся к следующим соревнованиям.

Конкурсы устраиваются не только спортивные, но и певческие. Гитара в командировке — вещь необходимая, она, как и в мирной жизни, в туристическом походе в лесу у костерка, сплачивает людей, даже самых разных по характеру.

Целых три часа может продолжаться конкурс. И все без устали поют, вспоминая все новые и новые песни. Бойцы-зрители записывают кассеты на память, фотографируют исполнителей. После голосования и объявления победителя ему вручают в качестве приза что-нибудь из съестных припасов, ведь в боевых условиях и подарить-то особо нечего. Самое лучшее — это коробка сухпая, банка сгущенки.

Набор подарков примерно такой же и на случай дней рождения, которые отмечают в обязательном порядке, даже если вся группа и именинник на спецоперации. Дни рождения — дело святое.

По Ханкалёнку летом все бойцы ходят полураздетые, подставив крепкие торсы южному солнцу. Это не из-за распушенности и не из-за отсутствия дисциплины, а из гигиенических соображений. Просто необходимы воздушные и солнечные ванны для кожи после постоянного хождения в душных камуфляжах, в тяжелом снаряжении, особенно в жаркие дни.

Ханкалёнок оборудован и обустроен так, чтобы бойцы могли действительно почувствовать себя дома. Но не слишком часто удается за полгода командировки побыть на базе, в Ханкалёнке.

Как правило, домом спецназовцев становятся палатка и спальный мешок, лежащий прямо на земле. В таких временных лагерях, приближенных к месту боевой операции, офицеры и бойцы тоже стараются по максимуму создать условия для нормальной жизни. Ставят на улице столы, где в короткие часы отдыха можно сразиться в нарды или в шахматы. Играют в волейбол. Ходят купаться, если поблизости река.

Вид идущих купаться спецназовцев со стороны выглядит забавно. Чтобы не переодеваться на берегу, они выходят из временного лагеря в плавках и шортах, кто с пистолетом в руке, кто с автоматом на шее, поигрывая

мышцами. Бойцы охранения надевают на голое тело разгрузник и вооружены автоматами. Командир с рацией в руке. Оружие оставляют на берегу с бойцом охранения. Пока его не сменяют, он смотрит по сторонам, как положено, и то и дело бросает завистливые взгляды на купающихся товарищей. Тут же у берега плещутся местные мальчишки, с интересом поглядывая на отдыхающих спецназовцев.

Как бы хорошо ни устроились спецназовцы во временном лагере, они с удовольствием возвращаются в Ханкалёнок. Там ждет банька, там относительный в воюющей республике покой, там — дом.

Из дневника спецназовца

17 августа 1996 года.

Н.п. Ханкала. Мы получили приказ любой ценой доставить боеприпасы на заблокированный КПП. Необходимо было двигаться по течению реки Сунжа примерно километров десять. Река Сунжа, по которой лежал наш маршрут, протекала через весь город Грозный. На нашем пути стояло три КПП противника и два наших КПП.

С самого начала эта затея показалась мне невыполнимой. На свой страх и риск я решил изменить маршрут, никому об этом не сообщая. По моим размышлениям, подходы к каждому КПП должны быть капитально заминированы. К тому же связь с КПП была неудовлетворительной, прослушивалась противником, что могло привести к неминуемой гибели группы.

Приехав на исходную точку нашего маршрута, я случайно встретился с майором ГРУ, который очень помог, дал мне полную раскладку по районам, возможным засадам, местам концентрации противника. Спецназовское братство — это то, что помогло нам выжить, выполнить приказ и уничтожить встретившегося противника.

Позже, вспоминая нашу с ним встречу, я понял: если бы не та информация, которую я получил от него, то вряд ли бы сейчас был жив.

Майор ГРУ знал это не хуже моего, поэтому перед нашим выходом дал свои позывные и частоты, заметив при этом: «Если спецы не помогут спецам, то кто же?»

Уже темнело. Мы выдвинулись короткими перебежками в сторону здания, стоявшего на проспекте Победы. По моему плану, мы должны были там дожидаться темноты и двинуться переулками к конечной точке. Вошли в здание, там были наши. Семь спецов из сорока, которые уцелели после боев. Встретили они нас как братья. Выставили на стол все, что у них было съестного. Поболтали о жизни нашей, вспомнили погибших спецов, среди которых оказались общие знакомые. Водку пить не стали.

В десять часов вечера стало совсем темно, и тогда мы выдвинулись. Я шел первым, шли мы перебежками от дерева к дереву, к сгоревшей бээмпэшке. Дорога была усеяна трупами наших бойцов, погибших в течение недели. Запах стоял жуткий. Шли тихо, добрались до перекрестка, где ожидалась встреча с противником.

Вдруг заработал пулемет, который начал простреливать проспект. Мы прижались к стенам. Судя по тому, что пули не попадали в эти стены, пулеметчик нас не видел. Пройдя еще метров сто, я засел за дерево, ждал подхода своего второго номера. В здании напротив раздалось два хлопка, два трассера ударили в стену в сорока сантиметрах от моего левого плеча.

Я понял, что снайпер бьет на шум. С того же здания вылетела ракета, я залег между трупами, ракета осветила и меня, и трупы. Между трупами хватило места только для меня одного, второй номер, пригнувшись, спрятался за дерево.

Эта картина, видимо, не вызвала интереса у снайпера. Дождавшись, когда ракета погаснет, я двинулся дальше. Прошел метров десять, и еще две пули того же снайпера ударили в стену за моей спиной. До поворота оставалось метров пять. Тут произошло то, чего я боялся больше всего. Из-за поворота «нохчи» начали долбить, не давая нам пройти вперед.

В свою очередь пулеметчик, работавший по проспекту, не давал нам перейти на другую сторону улицы, где бы нас не достал снайпер. Я принял решение отойти в разрушенное здание и занять оборону. Мы отошли под непрерывным огнем. При этом со снайпером свели счеты, ударили туда ВОГами, и он заглох, не знаю, надолго или навсегда. Отсидевшись в здании часа два, мы двинулись к спецам, это было утро 18 августа.

Встретились со спецями, которые великодушно дали нам два БТР. На них мы погнали во весь опор. «Нохчи» обалдели от нашей наглости и стреляли в основном уже вдогонку.

Прибыли на КПП. Поначалу было ощущение, что кроме призраков там уже никого нет. Я заорал, как только мог, вроде начали оживать.

Мы заняли круговую оборону вокруг БТР. Загнали БТР на блокпост, бойцы снова все забаррикадировали.

Сели, успокоились, поздоровались, познакомились. Выгрузили боеприпасы, узнали, что у них прикопанный труп, три раненых, один из которых «тяжелый».

Два хлопка, две пули над головой бойца ударились в стену, боец пригнулся, но если бы они попали ему в лоб, пригибаться было бы уже поздно. Снова заняли оборону, начался бой. Я дал команду стрелять одиночными и только по видимой цели. «Нохчи» тоже не дураки, поэтому стреляли, как правило, наугад. Их снайперы, конечно, исключение. В тот день пулеметчик наш положил их стрелка, когда тот перебежал к укрытию.

Тогда же с БМП долбанули по снайперу, которого наконец завалило обломками крыши. Еще один идиот-снайпер решил отличиться, залез под черепичную крышу, поднял одну черепицу, рассчитывая через нее долбить по нам, притом «осветил» свой лоб, как только можно было его «осветить». Расстояние до него было не больше пятнадцати метров, и в его тупую голову можно было попасть даже из рогатки. Он дождался своего звездного часа, получив между глаз то, что отправило его разговаривать с Аллахом. А я сделал еще одну зарубку на цевье своего автомата.

Еще около часа мы долбили друг друга. В моменты небольших передышек мирные жители пробегали через мост, иногда кидая в нашу сторону сигареты, пищу. Одна такая сердобольная старушка несла крупу, рассчитывая передать ее на пост. Снова хлопок, и бабулька рухнула, скатилась в канаву. Наудачу это место не простреливалось «нохчами». Ребята ее вытащили, перевязали, уложили на матрац. Пуля ей попала в коленный сустав, бабулька мужественно терпела боль. С мирными нам удалось передать записку в церковь, и за бабулькой пришли. Дай бог, она еще жива!

Часа через два «нохчи» выкинули белый флаг, принесли ультиматум, где предлагали нам сдаться. Мы ответили по-спецназовски. Через некоторое время по нам пустили неизвестный газ. Слезились глаза, были приступы кашля. Но, слава богу, сильный ветер погнал его дальше и выдул эту дрянь от нас. Потом была еще пара перестрелок, никого не убили, никого не ранили. Мы начали обсуждать, каким путем будем отходить.

Ночь прошла спокойно, где-то вдалеке веером расходились трассеры, наверняка какой-нибудь пьяный вояка поливал в разные стороны.

19 августа 1996 года.

Мы снова получаем задание. На этот раз мы должны доставить на один из КПП медикаменты и продукты питания. Парни на этой заставе могли вскоре концы отдать без еды.

Но что-то беспокоило нас. Что-то, что мелькает на задворках нашего сознания, чему нет названия. Но это что-то иногда подсказывает об опасности. И вот это ощущение нависшей над нами угрозы не проходило. Оно заставляло нас внимательно собираться и собирать снаряжение.

Задание было совместным. Мы с бойцами отряда, приданного нам, на двух БТР шли к городу Грозному. Населенный пункт Ханкала — начальная точка нашего маршрута, и пригород Грозного незаметно для нас перешел в улицы города.

Оба бронетранспортера двигались почти вплотную друг к другу, причем второй бронетранспортер почти все время шел скрытый облаком пыли, поднятой из-под колес первой машины. Вот проехали федералов. Теперь мы на чужой территории.

Наша маленькая колонна шла по одной из центральных улиц. Впереди перекресток. Сердце сжимается от предчувствия. Слишком уж спокойно и тихо. Решаем на перекрестке не останавливаться, а проскочить на скорости.

Но при повороте машины все же замедлили ход, и сразу же воздух разорвали выстрелы автоматов и снайперских винтовок. Выстрелом снайпера был ранен в обе ноги наш санинструктор ефрейтор Александр Сошелев. Бое-

вики вели огонь с верхних этажей девятиэтажного дома. Мы открыли сильный ответный огонь по окнам этого дома. Нас спасла только скорость.

При той скорости, на которой мы шли, головной бронетранспортер не вписался в поворот, что и спасло его от прямого попадания выстрела из гранатомета. Граната пролетела всего лишь в полуметре над броней БТР и взорвалась в двух метрах от него, контузив и ранив осколками в голову водителя первой машины. Неуправляемая машина на полном ходу врезалась в железный забор. От сильного удара десант, находившийся на броне, еле удержался на машине, а вот наш старшина Олег Ободчиков сильно повредил ногу, ударившись обо что-то. Вторая машина остановилась рядом с первой и, словно в отместку за повреждение первого бронетранспортера, открыла ураганный огонь по боевикам. Десант обеих машин по команде «К машине!» занял оборону за БТР и присоединил огонь своего оружия к огню бортового вооружения БТР. Санинструктору и водителю БТР оказали первую медицинскую помощь. Истекающего кровью санинструктора уложили на носилки и бегом, под прикрытием шквального огня, перенесли к ближайшему госпиталю.

После этого БТР решено было перегнать с открытого места в укрытие, на заставу, которая, на наше счастье, оказалась неподалеку. При перегоне выяснилось, что первый бронетранспортер при обстреле и от взорвавшейся неподалеку гранаты получил повреждения. Систему вращения башни начало часто заклинивать и, что еще хуже, у машины выбивало все передачи, кроме второй.

Застава, на которую мы попали, ужаснула нас. Буквально все бойцы и их командир тоже болели желтухой. Командир заставы предупредил нас о том, что к нему лучше не приближаться, так как у него последняя стадия болезни, за которой последует смерть. Кроме болезни их еще мучил голод. Бойцы ходили полуголодные, как тени.

Исходя из этого и из-за имеющих у нас раненых, после долгого спора решено было разгрузить продукты и медикаменты на этой заставе. После разгрузки мы стали готовиться к обратному прорыву на базу.

Мысли об обратном пути наполняли нас тревогой и неуверенностью. При той скорости, какую можно было ожи-

дать от поврежденной машины, мы становились отличной мишенью для боевиков.

При подъезде к перекрестку, на котором нас обстреляли, мы выпустили дымы, и под их прикрытием проскочили в «зеленку», окончательно скрывшую нас от наблюдения противника. По мере продвижения вперед с нас спадала противная дрожь напряжения. Мы несколько подрастеряли осторожность. На этом и подловили нас боевики. Уже видны были позиции федеральных войск, когда из-под забора, тянувшегося вдоль дороги, ударила автоматная очередь. Ею был сражен старшина — боец из 8-го отряда. Пуля попала ему под бронезилет и вышла из аорты, перебив ее. Смерть была мгновенной.

Мы тут же открыли огонь из автоматов и подствольников по забору. Через секунду нас обстреливали уже с нескольких сторон. И так же внезапно, как началась, перестрелка прекратилась.

Уже при подъезде к федералам на особенно большой кочке бронетранспортер взбрыкнул, словно необъезженная лошадь, и с его брони сорвало рядового Сергея Сенцова, нашего бойца. Мгновенно вскочив на ноги, он благополучно догнал машину.

Исход этой операции был таков: один убитый и двое раненых, но задачу свою мы выполнили.

22 августа 1996 года.

В 9 часов утра мы получили приказ выделить от нас гранатометчиков и их помощников. Сообщили также, что будут испытываться в боевых условиях новые выстрелы к ручным гранатометам.

Выезд снова был совместным. На бронетранспортерах мы выдвинулись в город Грозный, присоединившись по пути к приданной нам бригадной разведке и отрядовцам. По прибытии на место нас разделили. Нас оставили в резерве, а отрядовцев и разведку в составе штурмового отряда выдвинули в район площади Минутка. Долго нам в резерве прохлаждаться не пришлось.

При атаке на штурмовой отряд был обрушен настолько плотный огонь, что отряд был вынужден залечь. В основном боевики вели огонь из снайперских винтовок. Но изредка постреливали из подствольников и гранатометов, а

также и из автоматов. Штурмовой отряд залег у железнодорожного переезда и продвинуться вперед был не в силах. Нас сняли с резерва и дали приказ разнести два стоящих на площади гаража, из-за которых велся основной обстрел. После такого приказа нас обуяло сомнение. Штурмовой отряд был обстрелян и остановлен, что уж говорить о нас, но спецы приказы не обсуждают, а выполняют. Может, мы и станем той переломной силой, которая поможет штурмовому отряду в его продвижении вперед.

Выдвигались мы под прикрытием БТР. Но именно он-то и привлек к нам внимание боевиков. Было такое ощущение, будто «нохчи» стреляют из всего, что может стрелять. Мы поспешно отошли на исходный рубеж, откуда снова выдвинулись, уже по-пластунски, к железнодорожному полотну. Преодолев последний участок, мы достигли огневого рубежа и произвели три выстрела из гранатометов. Подорвали два указанных гаража, чем очень помогли продвижению штурмового отряда. Затем мы снова вернулись к своей группе. Думается, боевикам не очень понравилось столь быстрое восхождение своих соотечественников на небо.

На том месте, где мы стояли, опять же долго ждать не пришлось. По нашему зданию был открыт довольно сильный огонь из гранатометов и подствольников. Здание, казалось, застонало от множества попаданий гранат. Мы в срочном порядке смылись из этого дома, больше опасаясь погибнуть от обвала, чем от взрывов.

Заночевали мы в одной из бригад. Ночь проспали, как говорится, без задних ног. За день так набегались, и в нас столько раз стреляли, что нам было даже все равно, что может случиться с нами во сне.

На следующий день нас «подорвали» с утра пораньше. Был дан приказ нашей группе в составе пяти гранатометчиков выдвинуться на улицу Филатова и пятью выстрелами поразить огневые точки боевиков, дабы те почувствовали себя не очень уютно на своих позициях. Как мы поняли, это была чисто психологическая операция, нужная лишь для того, чтобы поиграть на нервах «нохчей».

Но приказ был отменен комбригом 101-й ОБРОН. Оказалось, что шли мирные переговоры о прекращении огня,

а наша акция была бы расценена «нохчами» как провокация, и переговоры были бы сорваны.

Начинало вечереть, когда мы подумали, что неплохо было бы позаботиться самим о своей безопасности. Решили выставить свой караул, а для верности еще и заминировать подходы к нам сигнальными минами.

Предосторожность не оказалась лишней. Около двенадцати часов ночи, когда мы еще не спали, метрах в пятнадцати сработала сигнальная мина. Нас словно ветром сдуло по укрытиям, откуда мы открыли беглый огонь в то место, где сработала мина. Так как ответный огонь боевики явно не торопились открывать, мы решили поберечь свои боеприпасы для более определенных целей и прекратили огонь.

Нервы у всех были напряжены, уж больно подозрительной была эта тишина. И неудивительно, что когда из темноты выскочила огромная собака, караульный не выдержал и открыл по ней огонь одиночными. В тот же миг со стороны «зеленки» по нам были произведены выстрелы. Плотный огонь и осветительные ракеты не давали нам поднять головы, но при каждом удобном случае мы вели ответный огонь. Снайперы били точно. У нас на глазах один из отрядовцев отстрелял магазин и когда сел, чтобы его заменить, в то место, где только что была его голова, впиалась пуля снайпера. Мы поздравили его с тем, что он родился под счастливой звездой.

Вскоре все поутихло. Погода ухудшалась и ухудшалась, и вскоре пошел дождь. Мы перебежали в ближайшее здание, но, к сожалению, забыли на прежней позиции сумку с гранатами. Когда наш боец, рядовой Алексей Каптев, побежал за ней, по нему был открыт автоматный огонь со стороны боевиков. Алексей еле успел нырнуть за нагромождение бетонных обломков. Выстрелы тут же прекратились, и он благополучно добежал вместе с гранатной сумкой.

Потом всю ночь мы слышали в двухстах-трехстах метрах от себя крики боевиков: «Аллах акбар». Сонные бойцы костерили матом «нохчей» и так и сяк, жаловались, что нет у них под рукой парочки «Шмелей», тогда уж успокоилась бы эта буйная компания быстро.

Под утро все же они успокоились. А в девять часов утра мы в составе колонны возвращались на базу. В душе у

нас потеплело от мыслей о спокойном завтраке и сне. И все это не под выстрелами, без тяжелой амуниции на плечах. Блаженство, да и только!

Это была наша последняя серьезная операция. Наступило перемирие. Но мы все же выезжали изредка в засады и ночные разведки. Что бы ни происходило, спецам всегда есть и будет работа. Спецназ незаменим.

Мед с привкусом войны

*Все, что меня не убьет,
сделает сильнее.*

Ницше

Зеленые крашенные стены госпитальной палаты — от них веяло тоской и безысходностью. За окном мельтешил белый снег. Сергею Орлову казалось, что свежесть невесомых снежинок никогда не проникнет в палату. Запахи спирта и больничной еды ничем не вытравившь. Они ассоциировались у Сергея с болью и отчаянием.

Ныли на лице раны, оставленные осколками. Из-за ранения Сергей ослеп на один глаз.

Мучила мысль: что дальше? Нужен он будет отряду спецназа такой, покалеченный? И как теперь жить?

Многие хотят испытать себя на прочность, на что они способны в экстремальных условиях. Но немногие действительно могут пройти испытание с честью, не спасовать и не отступить.

Сергей знал военных, которые увольнялись после первой же командировки в Чечню, после первой реальной опасности. Внешне крепкие, смелые, они ломались.

В отряде спецназа он служил срочную. Первая чеченская кампания к тому времени уже закончилась. Вторая только начиналась.

Из учебного подразделения в группу он пришел подготовленным. Крепкий, коренастый, Сергей отлич-

но бегал, отжимался, подтягивался. За полтора месяца по специальной подготовке нагнал бойцов в группе. Со второго раза сдал зачет на право ношения спецназовской формы и так же, со второго раза, прошел серьезное испытание на краповый берет. Паренек молодой, сообразительный, быстро и успешно освоил премудрости подрывного дела. Перед увольнением, в конце лета 1999 года, Орлов съездил в командировку в Северную Осетию.

Таковыми ребятами, как он, дорожили и предлагали остаться в отряде по контракту.

А Сергей отслужил и вернулся в свою деревню, в Кировскую область. Отдыхал — радовался гражданской жизни, отсыпался, гулял, но то и дело вспоминал о предложении замполита продолжать служить.

В деревне Сергей встретил своего школьного товарища — Антона Казакова. Их призывали вместе, и оба попали в спецназ, только Антон оказался в другом отряде — «Витязе». В Москве, в увольнительной, они час-тенько встречались. И почти одновременно вернулись домой.

— Ты куда думаешь? — спросил Сергей.

— Пока никуда. Ты же знаешь, у нас все на фабрике работают, — пожал плечами Антон.

— Да, но это как-то не по мне. Чувствую, намыкаемся мы с работой. Я слышал, спецназовцев с неохотой берут, — он улыбнулся. — Мы ребята самостоятельные, волевые. Наверное, такие работники не всем выгодны.

— Для родителей зато выгодные, — рассмеялся Антон. — Я и неделю не отдохнул, а уже с огородными делами припахали.

— Меня тоже. Это ничего, поможем. Главное, с работой что-то решить.

Вечером стал разбирать вещмешок, достал фотографии, сделанные в отряде. Смотрел, вспоминал.

Замполит на прощание сказал:

— Отдыхай, думай. Может, надумаешь по контракту служить? Захочешь, для начала на год заключим, а там поглядим. Учиться пойдешь. У нас были случаи, когда люди приходили в отряд на срочную, как ты, и потом постепенно вырастали в офицеров...

Из телевизионных новостей уже было ясно, что вторая чеченская кампания набирает обороты. И Сергей решил вернуться на службу в отряд. Почти сразу его направили в Чечню. У рядового состава командировка полгода. Это Орлова не остановило.

— Повезло ведь тебе — два года службы попали на время без войн, — говорили ему родители и многие знакомые. — Зачем судьбу испытывать?

Но Сергей испытывал — и судьбу, и свои силы, и новых друзей, появившихся в отряде.

Летом 2000 года он снова уехал на полгода.

Донимали жара и пыль. А снилась зима. Улицы деревни, заборы и крыши, округлившиеся от снега. Теплый свет окон в родном доме. Крыльцо школы.

Сергей с Антоном, случалось, подпирали дверь школы поленьями и заливали водой. Утром замерзшие поленья долго не могли отодрать, а мальчишки веселились. Прыгали, согреваясь на морозе, сыпали друг другу снег за шиворот.

Вместе с Антоном они занимались в спортивных секциях. Зимой — лыжи. Летом — бег и баскетбол.

«Как там Антон? Устроился работать? — спрашивал в письмах домой Сергей. — Может, ему к нам в отряд? По контракту. Он ведь спецназовец. Старший брат у него военный, младший тоже в военное училище собирался. Пусть продолжает семейные традиции...

Тут жарко. Ездим по селам, и странно смотреть, как местные живут. Попадаются села меньше нашей деревни, а люди во много раз богаче. Зарабатывают незаконным производством бензина.

Еще у них пасеки. Мед вкусный. Рамки с янтарными сотами, с них мед капает и на солнце светится. Ароматный. Некоторые местные угощают. А другие кричат, ругаются. Но есть все-таки хорошие люди. Хотя их никогда не угадаешь. В глаза говорят одно, а отвернешься — выстрелить могут.

Смотришь, идет женщина по улице. Изогнулась под тяжестью сумок. А следом муж ее идет с пустыми руками, да еще и понукает. Разве это мужчина?

Зато женщины за них горой встают, если мы их мужчин забираем. Кричат, камни кидают».

• • •

После очередной зачистки группа спецназа уже вышла из села с задержанными. Остановились в поле за несколько километров от населенного пункта на ночевку. К месту их расположения пришли местные — женщины и старики. Целый митинг устроили. Требовали вернуть задержанных. Покричали и разошлись ни с чем.

Долго после их ухода Сергей пытался уснуть. Под открытым небом, когда вокруг шорохи, хоть и знаешь, что выставлено охранение, сон тревожный.

Он вспомнил, как один из бойцов сегодня полез осматривать чердак в доме задержанного боевика. Оружие и взрывчатые вещества чаще всего прятали в сخронах под полом или на чердаке.

Под тяжестью солдата пол трещал. Над одной из комнат доски не выдержали, разломилась с резким, как выстрел, щелчком. Боец упал на спину с двухметровой высоты и замер без движения.

Все бросились к нему. Стали стаскивать с него разгрузку и бронезилет. Откатилась в сторону «маска». Изпод спины вытекала какая-то липкая густая светлая жидкость. Запахло медом.

Из заднего кармана разгрузочного жилета вытекал мед вперемешку с автоматными патронами. Боец с трудом поднялся, раздосадованный, что разбилась банка меда, которую он забыл вытащить перед выездом...

— Меда стало мало, и он уже не такой вкусный, — жаловались местные. — Это из-за нефти. Гонят ее, коптят небо. Экология портится. Скоро, наверное, меда совсем не станет.

• • •

В один из дней командировки спецназовцы выдвинулись колонной к населенному пункту, где собирались проводить адресную работу.

Орлов сидел на втором БТР. Иногда колонна останавливалась, и он с другими саперами осматривал наи-

более подозрительные участки дороги — там, где земля рыхлая, неровная, там, где мог скрываться фугас.

Взрыв прозвучал, когда колонна была в движении. Радиоуправляемый фугас. Под осколки от взрыва попал как раз экипаж второго бронетранспортера.

— Орлов — «двухсотый»! — прорвался через шум выстрелов чей-то крик.

Сергей, сброшенный с брони, посеченный осколками в ногу и руку, отполз к кустам. Оглушенный, через боль он услышал, что его приняли за погибшего. Зашевелился и пытался стрелять в заросли сада и выше, на склон холма, где вспыхивали огневые точки боевиков.

Заработал крупнокалиберный пулемет БТР. Колонна двинулась, чтобы дотянуть до ближайшего села. Четверых раненых втащили к себе в первый БТР разведчики. Потом на уазике, под прикрытием колонны, подъехал доктор и перевез их в третий бронетранспортер.

Сергея охватывали боль и злость на бандитов. И ни тогда, ни после, когда его с другими ранеными бойцами эвакуировали в моздокский госпиталь, не возникло желание сдать и оставить службу.

Полторы недели госпиталя. Душная палата, болезненные перевязки. Но мысль, что вернется в отряд, что его там ждут, поддерживала и не давала расслабляться. Он прибыл в расположение отряда в Чечне за неделю до замены.

. . .

Дома ждали родители. Взволнованные, напуганные известием о ранении Сергея. Так же, как в семье Антоны, у них было три сына. И только средний связал судьбу с такой рискованной профессией — сапер в спецназе. Да еще младшему скоро идти служить.

Сергей встретился с Антоном. Узнал, что тот до сих пор никуда не устроился.

— Я думал в «Витязь», — сказал Антон, — но там, после реорганизации, многое изменилось. Знакомых почти не осталось.

— Так давай к нам. Я порекомендую. Конечно, командировки... Как твои на это посмотрят, как ты сам?

Мои почти все время меня прорабатывают, особенно после ранения.

— Смирятся, куда денутся. Хочется испытать себя. На что я способен. На гражданке все что-то не то и не так.

• • •

Вечер. В палатке почти темно. На подушке лежит медаль Суворова.

Сергей в очередной командировке. Осень 2000 года. Получить награду здесь, на боевом выезде, особенно приятно и почетно.

Утром в Северном сам министр внутренних дел вручал награды. Ефрейтору Орлову — медаль Суворова. Солнечный октябрь. Парадное построение. И серебром поблескивает на груди медаль со строгим профилем полководца.

Через месяц после награждения — ноябрьский пасмурный и слякотный день.

Земляная насыпь — гора липкой грязи у одного из блокпостов. Не разберешь, рыхлая там земля или нет? Недавно копали или давно? Это место саперы проверяли всегда особенно тщательно.

Колонна проехала, саперы уже осмотрели насыпь. Но Сергей решил проверить еще раз. Он осторожно протыкал землю щупом, когда раздался взрыв. Фугас боевики поставили на замыкание, и щуп замкнул цепь. Повезло только, что фугас был по другую сторону насыпи.

Осколки ударили в лицо и по глазам. Ослепили...

И вот — госпиталь с раздражающе зелеными тоскливыми стенами. Самые тяжелые для Сергея дни — первые, наполненные неизвестностью. Здесь, на больничной койке, возвращение в отряд казалось совсем нереальным. И тем сильнее хотелось вернуться.

«Не ткнулся бы я в эту насыпь, ничего бы не было», — думал он. Но так же отчетливо Сергей понимал, что не проверить опасный участок он не мог. Не в его характере недобросовестность и малодушие.

«Пусть так. Зато я только один пострадал, — с горечью размышлял он. — А теперь, как нарочно, служить хочется еще сильнее. Все ведь только начиналось».

Его пришли навестить из отряда.

— За эту командировку тебя представили к ордену Мужества, — говорил замполит. — Оставаться в отряде или нет — решать тебе. Командир хочет оставить тебя. Такими специалистами мы разбрасываться не можем. На прапорщика выучишься, будешь с людьми работать. Инструктором. Ты как? Справишься?

— Постараюсь, — дрогнувшим голосом сказал Сергей. — Отряд для меня многое значит. Конечно, я останусь.

. . .

После курсов Орлов вернулся в отряд инструктором по подрывному делу и спецсредствам в группе боевой и специальной подготовки. Выше его по должности только начальник инженерной службы — капитан. Все остальные — рядовые. Орлова наградили орденом Мужества. Сергей собирается учиться дальше, на офицера.

Казаков, по рекомендации Орлова, пришел в отряд и подписал контракт. Весной 2001 года Антон поехал в свою первую командировку в Чечню, на полгода, пулеметчиком. А по возвращении его назначили начальником отделения. Ни он не разочаровался в службе, ни руководство в нем.

В феврале 2002-го, как всегда перед командировкой, группа выезжала за город, на полевые учения. Весной снова в Чечню. Антон на полгода, Сергей на три месяца.

За городом — база. Так же, как в Чечне, группа размещалась в палатках и проводила учебные выходы. Орлов действовал в роли противника. Тогда, на полевых занятиях, он постоянно вспоминал капитана Грушева, погибшего почти полтора года назад. Он многому научился у него.

Они вместе устраивали «фейерверки» на учениях. Выходили рано утром, устанавливали все заряды, подключали их часа за два до проходы группы. Маскировались — один справа от тропы, другой слева. И ждали в засаде. Случалось, если группа не находила заряд, кто-то из группы «подрывался». Заряды Грушев ставил ост-

роумно. Например, в лужу. Наступившего обдавало грязной водой: «Не зевай!» Такое запомнится, и в боевой ситуации сапер проверит и лужу, и любой холмик.

Это походило на игру «Зарница» в пионерском лагере, только применять все навыки, полученные на учениях, приходилось под пулями, в экстремальных условиях.

Сергей сам испытал эти экстремальные, боевые условия. Пять командировок в горячие точки — в его двадцать три года. Две государственные награды. Два ранения и контузии.

Многие его ровесники существуют на полном иждивении у родителей, развлекаются на дискотеках, кое-как учатся, надеясь, что все придет само собой. Сергей не похож на них.

Летом он собирается жениться. Любимая девушка учится в Москве. Только немного смущает его, что молодую жену он приведет в общежитие, а не в собственный дом.

Сергей живет в общежитии, ездит на войну, помогает родителям, дружит, надеется, любит... Победы, равно как и неудачи, и беды, только закаляют его характер. «Все, что меня не убьет, сделает сильнее».

Плечом к плечу

В огороде солнце особенно сильно пекло. Обжигало спину сквозь разгрузник, бронежилет и куртку.

Несколько минут назад группа спецназа ворвалась в дом в селении Старые Атаги. По информации ФСБ, в доме находился боевик. Но его там не обнаружили. Только женщины кричали и ругались, пытаясь прогнать военных.

Рядовой-контрактник отряда специального назначения «Русь» Владимир Ефременко со снайперской винтовкой прикрывал работу группы с огорода. Дом располагался на возвышенности, и отсюда хорошо просматривались соседние участки. В оптику были видны встревоженные лица соседей в окнах, сухая потрескавшаяся земля на заброшенных грядках. От умиротворяющих картинок мирной жизни и тягучей тишины в огороде клонило в сон.

Но Ефременко заметил, как трое мужчин убегают от дома, не подозревая, что за ними наблюдает снайпер. Был приказ брать бандитов живыми, и Владимир крикнул:

— Стой! Стрелять буду!

Он выстрелил. Под ногами бегущих пылью разлетелась земля. Боевики не оглядывались. Скрылись в разных домах. Ефременко проследил за ними в прицел и по радиосвязи сообщил о их передвижениях командиру. В эти дома тут же направились группы захвата.

Задержали влиятельного полевого командира и двух его помощников.

Сюда же, в Старые Атаги, спецназовцы вернулись через несколько дней для крупномасштабной спецоперации. С ними работали другие подразделения внутренних войск и милиционеры.

Улицу оцепляли солдаты. Ими руководил молодой старлей. Ефременко показалось его лицо знакомым. Он подошел ближе, остановил одного из бойцов.

— Как фамилия вашего командира?

— Богачев.

— Константин? — уточнил Ефременко.

— Да.

Владимир подбежал к старлею:

— Ну, что, Костян, старых друзей не узнаем?

— Володька?!

Они обнялись. Старые друзья, еще со Мценска, где жили и ходили вместе в школу.

— Как ты, что?

— Костя, сейчас нормальный разговор не получится, — Володя оглядывался, его несколько раз уже звали. — Приезжай к нам на базу в Ханкалу. У нас там баня. Попаримся, поговорим.

Дом за домом проходили селение. Еще несколько раз в течение дня Владимир видел друга. Но времени на разговоры не было.

В одном из домов в шкафу нашли военную форму с символикой службы безопасности Республики Ичкерия. В сумках, обнаруженных здесь же, в комнате, лежали камуфляжи, ботинки — полные комплекты нового обмундирования.

— Чье это? — допытывался командир группы у хозяйки.

— Не знаю. Ничего не знаю.

Осмотр дома продолжили. На чердаке в куче хлама отыскивали патроны к пистолету и охотничьему ружью, машинку для взрывателя, несколько детонаторов, огнепроводный шнур и милицейскую форму. Поиск не прекращался. Спецназовцы заметили, что несколько досок на полу отдирали и прибивали не один раз.

Под досками нашли с десятков упаковок шприцев, бинты, обезболивающее. Пачку фотографий с изображением «доблестных воинов ислама».

А хозяйка так ни в чем и не призналась. Даже не пыталась оправдаться, объяснить, откуда у нее в доме такие вещи.

• • •

Сухой жар и аромат распаренного березового листа плавал в парилке. Богачев вытер ладонью смуглое лицо. Шея и лицо бронзовые, высушенные солнцем, а грудь и спина еще не успели загореть.

— Я не знал, что ты в «Руси» служишь. Слышал, что в другом отряде, в «Росиче», кажется? — спросил Костя. — Так рвался в спецназ и все-таки попал.

— Но чего мне это стоило? В «Росиче» я срочную проходил. Но еще до того как попасть в «Росич», меня сначала завезли в бригаду, расположенную в Ростовской области, там же, где и «Росич». Я стал добиваться. Проводят офицеры собрание, бойцы вопросы задают: как перевестись поближе к дому — мать болеет, или женился только человек, мечтает от армии вовсе отко-ситься, а я всегда с одним и тем же вопросом руку тяну: «Как в спецназ перейти?» Они уже и спрашивать меня не стали, мол, знаем твой вопрос. А ты не поверишь, я вышел как-то утром, еще в бригаде, солнце, день такой веселый. Думаю: «Неужели так в бригаде и останусь?» Уж больно не по мне это.

— Да я знаю тебя, — улыбнулся Богачев. — И что же? Добился своего?

— Это, наверное, был самый счастливый день, когда я в Казачьи Лагерья прибыл. Сразу в боевую группу на

два дня направили. На занятиях я еще, конечно, не присутствовал. Смотрел на все огромными глазами. А там было на что посмотреть. Потом учебка. Стал пулеметчиком.

— Так ты, наверное, на начало второй чеченской кампании попал? А я в это время Саратовское военное училище заканчивал...

— Уехал в командировку в сентябре 1999-го, а вернулся 12 апреля 2000-го, как раз перед своим днем рождения.

— Наверное, в самое пекло попал, — это прозвучало не как вопрос.

Расспрашивать, душу травить не хотелось. Будучи военным, Костя прекрасно знал, насколько тяжело рассказывать о войне, пусть даже другу...

С Костей можно было просто посидеть молча. Каждый думал о своем.

Володя опустил голову...

Слякоть и холод того дня он помнил даже слишком хорошо. Это был первый бой для многих в их группе. В засаду попала колонна, шедшая за водой в Алхан-Калу. АРСы с водой сопровождал БТР из «Росича». Двигались мимо Краснопартизанского, когда выбежали местные, начали кричать что-то, махать руками. Бойцы сквозь шум моторов не разобрали слов и продолжали движение.

Первый же выстрел из гранатомета поразил башню единственного в колонне БТР. Пулемет сразу заклинило. Со стороны Краснопартизанского на колонну обрушился шквал огня. АРСы изрешетили из крупнокалиберного пулемета. Работали снайперы.

Те, кто находился в колонне, не знали, с каким зверем они столкнулись, что шансов выжить практически ни у кого нет. Банда Бараева вырвалась из Грозного и проникла в Алхан-Калу ночью какими-то подземными ходами. Около двухсот головорезов. На каждого приходилось по два-три выстрела гранатомета и несчетное количество боеприпасов.

Они расправились с русскими семьями. Во всем селе перебили собак, чтобы не лаяли. А утром устроили засаду на проходившую колонну...

Володя был среди тех, кто приехал на помощь. Оставшиеся в живых заняли круговую оборону и отстреливались. БТР горел — боевики подобрались к нему, залили внутрь солярку и подожгли.

Трое бойцов «Росича» погибли...

Воздух колыхался от пуль, как пчелиный рой, гудящий, светящийся в темноте. Спецназовцы давили огневые точки боевиков до вечера. Потом им дали приказ отходить. Из Грозного подтянулись войска, танки, авиация. И только на третий день ожесточенных боестурмующие вошли в Краснопартизанское.

В домах бродили по щиколотку среди гильз, усыпавших пол. А у водителей той колонны на каждого было только по четыре магазина...

Как хорошо им было сейчас вдвоем с Костей. В тесной баньке, построенной спецназовцами, пропахшей березовыми вениками. Посреди войны, за не слишком толстыми стенами бани, отгородившись ото всего трогательным: «А помнишь?» — которое возвращало в заросший деревьями Мценск, родной, где кажется давным-давно осталось детство.

А с тех пор прошло-то всего лет десять. Тогда Володя жил дома, у бабушки — Клавдии Егоровны и деда — Владимира Владимировича. Рос очень самостоятельным парнем...

— Ну а как ты в «Русь»-то попал? — спросил Богачев.

— Отслужил в «Росиче» срочную. Хотел продолжать служить в спецназе, очень хотел и вот... как видишь... Сергею Ананьева помнишь? Мы же с ним вместе из Мценска. Он срочную в «Руси» проходил. А в 1999-м мы с ним в Моздоке встретились, вот как с тобой сейчас. С другими парнями из отряда я уже тогда познакомился — сейчас вместе служим. Я тебя с ними знакомил — Антон и Николай.

С Николаем Володя работал в паре в свою первую командировку в «Руси», в ноябре 2000 года.

Николай — пулеметчик, Владимир — снайпер. В одной из инженерных разведок на трассе Ханкала — Мескер-Юрт саперы головного дозора обнаружили фугас.

Тут же в сторону колонны боевики из засады открыли беспорядочную пальбу. Бандиты рассчитывали, что удастся застать врасплох спецназовцев после взрыва. Не ожидали, что бойцы проявят бдительность.

Группа в мгновение развернулась, бойцы заняли позиции. Владимир одну за другой вскрывал цели, видел в ПСО огненные вспышки. А Николай из пулемета в щепки разносил укрепления бандитов, сокрушающими очередями заставлял «чехов» перемещаться. Владимир выцеливал их во время таких перемещений и уничтожал. Николай выпустил за бой около двух тысяч патронов. Потом на место засады боевиков пошли штурмовые группы. Они нашли десять убитых «духов»... Бой кончился, и колонна продолжила движение...

— У нас ребята что надо! — сказал Владимир. — С ними хоть куда. И в «Росиче» у меня хорошие друзья были. Олег, Алексей — они на полгода раньше призываясь. Эдик Матус — он снайпером был...

И опять Владимир умолк, будто споткнувшись об эту фамилию.

...Спецназовцы «Росича» преследовали банду Басаева по селениям Чечни. Басаев вырвался так же, как Бараев, из Грозного.

Группу отряда подняли по тревоге, выдвинулись к Алхан-Кале, которую заняла банда. Прошли два квартала и наткнулись на жесткое сопротивление. КаМАЗ спецназовцев «чехи» подорвали из гранатомета, погиб младший сержант Козлов, находившийся в этот момент в машине.

Воронежский и орловский СОБРы работали с «Росичем». С элеватора, к которому пыталась подобраться 4-я группа, на дальнейшее расстояние вели огонь чеченские снайперы. Боевиков было очень много, продвижение затруднялось. Авиация стала обрабатывать Алхан-Калу с другой стороны.

В домах спецназовцы находили брошенные трупы бандитов. «Чехи» оставляли убитых, чтобы местные похоронили их как своих «защитников».

Пришлось отступить на квартал. Теперь Алхан-Калу обрабатывала артиллерия по квадратам, до самого вечера. Ночью село заблокировали. Но бандиты с боем

вырвались из оцепления со стороны, противоположной спецназовцам.

Поставили задачу преследовать банду. Зашли в Валерик. Вторая боевая группа, в которой был Ефременко, продвигалась по селу от дома к дому. Около одного из домов женщины кричали и шумели.

— Нельзя, нельзя заходить!

Объясняли как-то сумбурно. То ли свадьба, то ли похороны, но входить посторонним запрещено. Таков обычай. Но спецназовцы ворвались в дом. Тут же от взрыва гранаты повыветали стекла. Один из троих боевиков, находившихся в доме, взорвал себя гранатой, двое других ушли огородами в сторону кладбища.

Басаев был где-то рядом, но ускользал каждый раз, когда кольцо окружения начинало сжиматься вокруг него слишком плотно.

Валерик осмотрели, дошли до окраины села, где протекала река. Маленькое, почти высохшее и замерзшее русло. По информации, Басаев должен был вернуться в Валерик через эту реку, после осмотра села войсками.

Спецназовцы расположились по берегу. Ночевали прямо на снегу. Поверх подстилок из сухих веток положили свои спальные мешки.

В темноте чеченская разведка вышла прямо на спецназовцев. В маскхалатах на снегу фигуры бандитов были почти неразличимы. Между ними только узкое русло реки и огненные дорожки пуль. Заработал пулемет бэтэра. «Чехи» дали несколько выстрелов из РПГ по БТР. Осколком в плечо ранило рядового. Бой продолжался минут семь, а в темноте, под пулями, казалось, что он длился несколько часов.

И время до рассвета тянулось и тянулось. Держали всех в напряжении темнота и белеющий по ту сторону реки снег.

Утром спецназовцы перешли на ту сторону. На снегу краснели пятна крови. Своих раненых боевики тащили, по-видимому, волоком. Срезали с них рюкзаки — они валялись тут же. А в рюкзаках — пистолеты и береты с изображением волка на эмблеме.

Этих «волков» спецназовцы настигли в Катыр-Юрте. В село входили утром. Из одного дома выбежала пожилая женщина, увидев бойцов, поспешно кинулась обратно. Спецназовцы ворвались следом во двор. Заметили, как в копну сена втягивается ствол автомата. Уничтожили бандита, только ключья высохшей травы полетели от пуль.

Прошли еще дома три, когда головной дозор встретил такое сопротивление, что отходили буквально ползком под прикрытием своих. Пули летели над самой землей.

До вечера прошли всего несколько домов — село было переполнено боевиками. Спецназовцы оттянулись метров на пятьсот.

С наступлением темноты заработала артиллерия. «Град» долбал по квадратам всю ночь. Несколько ракет легло между позициями омовцев и спецназовцев, на поле. Смертоносный снап огня вздыбился над землей. И как только он опал, наступила тишина, такая же оглушающая, как взрыв. Через несколько секунд раздались робкие голоса с другой стороны поля:

— Эй! Все живые?!

А утром снова на штурм села. Боевики дали зайти как можно дальше и начали интенсивный обстрел.

Спецназовцы оборонялись из захваченных ими домов. Головной дозор отряда оказался метрах в пятидесяти от боевиков. Гранаты прилетали от «чехов», и бойцы успевали выкинуть их обратно на позиции бандитов. Чтобы свои гранаты не вернулись, а взорвались там, куда их кидали, спецназовцы выдергивали кольцо и сразу отпускали рычаг.

Ефременко забежал вместе со своей группой в дом. Осмотрелись. Хотели сделать бойницы и поддерживать своих огнем отсюда. Но вдруг по одной из стен бандиты стали лупить из ДШК. Пули пробивали стену и еще некоторое время скакали по полу, как мыши.

Слева от дома тянулась глухая стена, в ней дверной проем, который простреливали снайперы «чехов». Спецназовцы расположились вдоль стены. Сделали бойницы, из них вели огонь. Один из бойцов выбежал, чтобы поднести пулеметчику боеприпасы, но его ра-

нило в ногу. Он упал как раз напротив этого дверного проема. Раненого бойца вытащили, протянув ему ремень автомата.

Следующий рейд с боеприпасами для пулеметчика делал рядовой Кунижев. Снайперская пуля пробила ему плечо около ключицы. Ефременко под пулями выбежал из укрытия и вытащил товарища с линии огня. Рядовой задыхался. Пытался говорить, а из пулевого отверстия лилась кровь. Ефременко достал свой перевязочный пакет, начал перевязывать, чтобы остановить кровотечение. Неподалеку от спецназовцев находились омовцы, среди них оказался доктор, подбежал, помог. Рядовой остался жив.

А Эдуард Матус, друг Володи, шел с головным дозором. Забрался на чердак одного из домов и стрелял от туда из снайперской винтовки.

Потом вдруг Матус выбежал к своим из-за сарая и закричал:

— Я убит!

— Молодец! — бойцы не разобрали его слов, подумали, что он убил бандита.

Но Эдуард упал. Бросились к нему, сняли с него бронник. Пуля прошла чуть выше сердца. Его кололи промедолом, но было поздно...

Спецназовцы, зажатые перекрестным огнем в доме, никак не могли выбраться. Дима Окунев с гранатометом выбежал из укрытия, хотел выстрелить. Пули свистели вокруг него, пролетали мимо ног, рук — ни одна не попала. Но и выстрелить Окунев не смог. Его втащили обратно в дом. Потом, когда начали отходить, Окунев прикрывал своих из пулемета.

Олег стрелял из пулемета со стороны огорода. Его ранило в обе ноги. Многие тогда были ранены. Их вытаскивали под пулями. Один рядовой бредил в шоке и твердил: «Я в него стреляю, а он кричит “Аллах акбар” и на меня». Бандиты шли в бой, обколовшись наркотиками.

Снова вышли из села, и снова заработала артиллерия. Потом третий раз зашли в Катыр-Юрт. Находили трупы и раненых боевиков в домах. Негров, славян, чеченцев. Кого только не было среди наемников банды Басаева! Только сам Басаев опять успел уйти...

В той командировке рядового Ефременко были еще бои в Комсомольском, захваченном бандитами, были погибшие и раненые друзья. А после — медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медаль «За отвагу» и медаль Суворова.

12 апреля 2000 года Владимир уволился в запас с твердым решением служить в спецназе по контракту. Дома побыть удалось недолго. Навестил мать, младшего брата Лешку, деда с бабушкой, а с сентября началась его служба в отряде «Русь» снайпером.

...Володя провожал Костю до ворот спецназовской базы.

— Ты приезжай еще, попаримся.

— Если получится, — улыбнулся Костя.

Уже пятый год для Володи — сплошные дороги, казармы, война, кровь и пот, потери, досада оттого, что ушел от возмездия бандит, или удовлетворение, если спецоперация удалась.

Но есть главное, что снимает усталость, вселяет надежду и силы — это то, что плечом к плечу в отряде друзья, на которых можно положиться во всем. До конца.

Эх, дороги, тыль да фугасы...

Ничто в жизни так не воодушевляет, как то, что в тебя стреляли и промахнулись.

Черчилль

Сапер ошибается один раз... Но подрывается чаще, чем думают многие.

Идти им впереди всех, и все шишки приходится на их головы. Особенно в первую чеченскую войну. Бывало так — едут на БТР, наезжают на мину: «Бах!» Взрывной волной саперов швыряет на землю. Они поднимают себя усилием воли, отряхиваются от пыли и движутся дальше. Это их работа.

В апреле 1995 года Крота и его группу разведки-разминирования из четырех бойцов из саперного баталь-

она отдельной дивизии оперативного назначения прикомандировали к отряду «Витязь».

Крот — этот позывной приклеился ко многим саперам еще с Афгана. Так и старлея саперного батальона звали Крот.

В январе в Грозном штурмовали завод. Высоченный бетонный забор, который если и перелезешь, то словишь пулю. «Духи» только этого и ждут, секут из автоматов очередями по краю так, что только пыль оседает на камуфляжи тех, кто затаился под забором. Рикошеты со всех сторон. Справа и слева к заводу рвались штурмовые группы, и в одной из них Крот.

Крот набирал в свой взвод бойцов покрепче, поздравей, не отказывал и тем, кого перевели в батальон из «Витязя» за дисциплинарные нарушения.

Прижавшись вплотную к бетону, озябшими пальцами устанавливать заряд — это покруче любого экстремального вида спорта. Как с горы несешься. И времени подумать нет. Мысли проскакивают мимо, как свистящие пули.

От первого взрыва в бетоне получилось отверстие для одного человека. Лезть через такую щель, получишь пулю в лоб. Но делать нечего. Крот нырнул в отверстие, перекатился, упал. Следом за ним за забор юркнули командир роты и трое бойцов. Заняли оборону.

Под прикрытием быстрее, быстрее установить заряды, да так, чтоб уж рвануло, как надо. Лихорадочно. Стремительно. А за спиной пули поют:

«Так-так-так», — говорит пулеметчик,

«Так-так-так», — говорит пулемет.

Дым развеялся и открыл проход, в который могла проехать бээмпэшка.

...Крота девять раз представляли к ордену Мужества. Только вот или терялись представления, или находились грамматические ошибки в представлении — то запятой нет, то фамилия с ошибкой указана, а то и подвиг не слишком живописно, суховато описан. Писали ведь не писатели, а боевые командиры.

Нужно было Кроту побольше рисковать жизнью, ходить по грани, как можно дальше переступая за черту опасности, чтобы ранило его...

В июле 1995 года «Витязь» едет на спецоперацию, и Крота с его «недисциплинированными» бойцами берут с собой — прокладывать дорогу в минных раздольных полях.

С «витязями» работалось Кроту спокойно. В других подразделениях, куда его прикомандировывали, стоило начаться какой-нибудь заварушке, как никого вокруг не оказывалось, кто куда. «Кирдык», — как любит повторять Крот. А действуя с отрядом, он знал, что не бросят, прикроют в случае чего.

Придали с саперного подразделения ИМР (инженерную машину разграждения) и вперед, с песней, на высоту Безымянную со стрелой нефтьвышки на вершине. Прокладывать дорогу ГПЗ (головной походной заставе). Задача: подняться, закрепиться и дожидаться основных сил 2-го полка. Как только полк закрепится, можно сниматься и уходить.

Но сначала вверх, к солнцу и под солнцем. Когда бойцы выдохлись идти пешком, Крот схитрил, посадил всех на имээрку, опустил ковш, чтобы вместо саперов поработала машина. Эта колея и земляной вал, открытый имээркой, потом жизнь многим спасли.

«Чехи» где-то поблизости. Они выжидают. Тревожно, тихо. На высоте Крот доложил командиру по рации о прибытии. Бойцов распределил по кругу. ИМР готовила капонир для танка, шедшего следом.

Крот расположился на машине. Курил. Отдыхал. Приглядывал за бойцами, которые осматривали местность на предмет мин. Солнце печет, и все так мирно вокруг, но разрыв снаряда над головой как-то подпортил настроение.

— Что еще за фейерверки? — пробормотал Крот, схватился за рацию, вызывая командира «Витязя». — Кто по нам стреляет?

— Сейчас уточню.

Пока рация задумчиво шипела, «ба-бах!» — второй снаряд прилетел прямо в имээрку, угодил в масляный бак. Крота и оператора как ветром сдуло с машины. Отлетели в сторону, сброшенные взрывной волной, закатились за холмик. И снова:

«Так-так-так», — говорит пулеметчик,

«Так-так-так», — говорит пулемет.

А ИМР горит факелом, а в машине механик. То ли не почувствовал взрыва, то ли... Однако имээрка продолжала рыть дальше.

Крот кричит, чтобы механик выбирался. А головы не поднять и с места не сдвинуться. Бой гремит. Боевики захлопнули кольцо, и начался шквальный огонь по тем, кто успел подняться на высоту.

Крот все кричал, пытаясь привлечь внимание механика, но вдруг в машину снова попал снаряд. У Крота перед глазами стояло лицо механика, рядового — дембеля. Он возил с собой в имээрке парадную форму, фотографии, военный билет, деньги, выданные на дорогу домой. Это была его крайняя операция... последняя. «Ну, все, — подумал Крот. — Погиб боец».

— У меня «двухсотый», механик-водитель, — сдавленным голосом сообщил он по радиии.

Бой разгорался. Крот сгруппировал всех своих бойцов в небольшой канаве, неподалеку от горящей ИМР. Вдруг боец подползает, дергает Крота за рукав:

— Товарищ старший лейтенант. Там же на имээрке у нас тротил. Сейчас ка-ак..

Двадцать пять килограммов тротила, ракеты, средства взрывания... На удивление взорвалось лишь несколько сигнальных ракет и только. Взорвись тротил, машину разметало бы и осколками посекло многих.

Аккуратненько группа Крота отошла подальше. А минут через пятнадцать из имээрки выполз бледный механик. Крот сразу по радиии счастливо:

— «Двухсотый» ожил!

Контузило бойца, и перепугался пацан. Первый раз в такую заварушку попал. Выбрался голый по пояс (в машине-то жарко) и с автоматом. А документы, деньги, все имущество сгорело. Подобрался к своим, смотрит на старлея перепуганными глазами.

— Ничего, ничего, брат, — похлопал его по плечу Крот. — Главное жив-здоров.

Офицеры и солдаты «Витязя» грамотно заняли оборону. Удалось закрепиться на высоте Безымянной. Но в этом бою погиб пулеметчик отряда Съедин. Крот не

видел. Это произошло с другой стороны высоты. Он от бойцов узнал о несчастье. Снайперская пуля попала пулеметчику под «маску».

Боеприпасы заканчивались. Вместо того чтобы их доставить, старший операции отдал приказ отходить. На БТР и под прикрытием пришлось уходить с Безымянной. Она далась так тяжело...

Через несколько дней Крот собирался домой. Уже приехал сменщик из саперного батальона Крота — легендарная личность. За одну из секретных спецопераций он получил прозвище Чечен.

За восхождением Крота на Безымянную впереди «Витязя» Чечен наблюдал в бинокль с другой высоты.

Теперь, когда все благополучно кончилось, друзья отдыхали в своей палатке в Хасавюрте. Дымили сигаретками, лениво переговаривались. Глядели на жаркую улицу через поднятый и закатанный валиком полог — вход в палатку.

— А я смотрю в бинокль — наша имээрка наверх вползает, — вспоминает Чечен. — Ребятам говорю: «О, Андрюха там работает». Через мгновение гляжу — ИМР горит. И вдруг ракеты зеленые одна за другой взлетают в воздух. «Чего это Андрюха там делает? Машина горит, а он фейерверки пускает».

— Очень смешно, — отмахнулся Крот. — Это сигналки на машине лежали, вот они и повзрывались. Хорошо не тротил...

— Товарищ старший лейтенант, — в палатку забежал боец-посыльный. — Вас к телефону.

— Надо съездить на инженерную разведку, — распорядился командир. — Быстро посмотреть дорогу на предмет минно-взрывных заграждений.

Крот досадливо потер затылок и пожал плечами, видимо, мысленно о чем-то рассуждая.

— Жалко, что не с «Витязем». Сегодня у них девять дней ребятам, которые на Лысой полегли.

— Да чего ты-то? Оставайся, — Чечен торопливо одевался. — Тебя, можно сказать, здесь и нет. Тебе домой.

— Ну как так? Так нельзя. Это мои бойцы. Поехали вместе.

Крот и Чечен только разгрузники надели. Жарко. Да и из разговора с командиром Крот понял, что ничего серьезного. Бойцов, правда, одели нормально — и «броники», и «маски».

Забыли запасные элементы питания к миноискателю. Пришлось вернуться. Верь или не верь в приметы, но закрадывается что-то предательское в душу. Интуиция изнутри настойчиво намекает: «Сиди-ка ты лучше в палатке и пускай сигаретный дым в потолок». Но его бойцы... Крот заглушал свой внутренний голос до тех пор, пока они не подъехали снова к Безымянной.

— Паш, это п...ц, — вырвалось у Крота. — Мы сейчас туда заедем, «чехи» кольцо опять захлопнут и начнут нас кирдыкать.

— Да?

— Угу.

— Ну и нормально.

Командир части накинулся на старлея:

— Что вы приехали без брони? Оделись как на прогулку!

— Так мы только дорожки посмотреть и все...

— Какие дорожки?! Сейчас наступление будет. Вы останетесь здесь. Наступать в таком виде нельзя.

Саперы посовещались. Планировалось в этот раз по-умному — штурмовать гору с двух направлений, но группа разминирования всего одна. Крот и Чечен к командиру.

— Разрешите нам наверх. Все-таки больше саперов. Мы с другой стороны пойдем.

И вот они снова поднимаются на высоту. Без имээрки, которая сгорела в прошлый раз. Четыре бойца, Крот и Чечен. Сзади прикрытые из 2-го полка и ГПЗ.

— Паша, смотри, сейчас начнется, — не выдержал Крот.

Поднялись на знакомую площадку. Как и предрекал Крот, ловушка захлопнулась, начался обстрел. Технику подбили. Горело, свистело, гроыхало, рвалось. Нет такого человека, который ничего не боится. Сперва страшно, страшно, потом наступает состояние, когда плюешь на все: «Ну, все к черту! Будь что будет!» И с го-

ловой бросаешься в бой, как в омут. Затягивает, перемалывает тебя — не поймешь, на земле ты или на небе.

Один из бойцов Крота — здоровый парень Паша, бывший спецназовец, которого выставили из отряда за неуставщину, во время боя пристроился около танка и стрелял из автомата. Вдруг танк дал залп. Земля вздрогнула, а Пашу контузило. Он вскочил во весь рост, подбежал к люку танка и давай ногами стучать и орать танкисту:

— Ты, козел, давай вылезай! Я тебе сейчас морду бить буду!

Танкист благоразумно остался внутри.

Снова поступил приказ к отходу с Безымянной, и контуженный Паша, не долго думая, схватил за шкуру полковника, который увлекся переговорами по рации, и кинул в БТР. Следом запихнул радиста вместе с рацией. Нужно было спешить.

Крот наблюдал за всем этим со стороны, но даже не улыбнулся. В любой момент их всех могли убить...

Чтобы добраться до БТР и под прикрытием его брони отходить, пришлось ползти по той самой колее, которую героическая имээрка выкопала несколько дней назад.

Бойцы, молодые ребята, жались к земле и ползли, ползли. Теряли по дороге магазины, гранаты, а Крот и Чечен ползли следом и все подбирали. Когда наконец добрались до БТР, то поднялись с трудом, разгрузники раздулись от боеприпасов.

Гранатометчик с РПГ-7 на плече в горячке боя чего-то не рассчитал. Крикнул:

— Я стреляю?

— Стреляй! — согласился Крот.

Стояли спиной друг к другу в пяти метрах. Произошел выстрел, и Крота подняло в воздух. Он ничего не понял и, пока летел, успел подумать:

«Ешкин кот, может, БТР на mine подорвался? Но я ведь оглядывал дорогу, когда шел».

Крот упал, ударился головой о броню БТР, на мгновение отключился. Открыл глаза — пыль вокруг, и странное ощущение — холодно с правой стороны туловища. Осторожно приподнял голову, посмотрел.

Вроде все на месте, только вся одежда с этой стороны обгорела, от пояса и до ботинка от штанины остались одни полоски. «Как хиппи», — пришло в голову Кроту. Нога обгорела от реактивной струи гранатомета. Боли не было. Была эйфория и легкость в теле.

Подбежал боец с красной повязкой на рукаве — медик с промедолом и зверским лицом, как показалось Кроту.

— Вам вколоть, товарищ? — озабоченно спросил медик.

— Слышь, я уколов боюсь, а ты мне эту ерунду вколоть хочешь, — оторопело покосился на парня старлей.

Крот вскочил и по колее от БТР до другого БТР, метров семьдесят, пролетел за считанные секунды. В шоке. Там уже закрепился 2-й полк. К саперу подбежал доктор, оказал первую помощь. Приехал на вырубку отряд, но все закончилось. Увозили убитых и раненых, танкисты расстреливали технику, которая осталась на высоте, чтобы оружие, обмундирование, боеприпасы не достались бандитам.

Крота погрузили на БТР, боль в обожженной ноге стала нарастать, ныла контуженная разбитая голова. Ему казалось удивительным, что он и его бойцы выжили. Только на бэтээре Крот вспомнил, что в его разгрузнике находились средства взрывания — капсули-детонаторы. От удара капсуль взрывается моментально. В специальной сумке для переноса мин, которая висела на боку, лежал тротил. Крот был сам себе взрывчатка.

Обгорело пятнадцать процентов кожи, ожог второй степени тяжести. Крот не мог сгибать ногу и хромал. В этом же бою на Безымянной ранило бойца-сапера в руку, навывлет. Крота вместе с бойцом собирались отправить в Москву.

Но два дня саперы еще оставались в расположении своей части. Крот наблюдал, как контуженный танком Паша бродил около его палатки с магнитофоном, включенным на полную мощность. Воинственный Паша неделю ничего не слышал.

Военных бортов, как нарочно, не было. Пришлось договариваться с гражданским Як-42. «В Москву, в

Москву...» Домой. Оружие саперы сдали командиру экипажа и устроились в хвосте самолета на маленьких откидных сиденьях.

Крот осматривался. В салоне и военные, и гражданские вперемежку. Но на раненых поглядывали с любопытством. Стюардесса подошла, склонилась, окутав бойцов облачком духов.

— Мальчики, кушать будете?

— Да, будем, — оживился Крот.

— А выпить хотите?

«Мысли, что ли, читает?» — подумал Крот.

— Да, хотим.

Боец жалобно глянул на своего командира.

— И он хочет, — смягчился Крот.

Бутылочка сухого вина слегка вскружила голову. Кроту стюардесса принесла еще немного коньяка. Почувствовала, угадала по их осунувшимся лицам, ввалившимся от усталости и боли глазам, что необходимо им немного расслабиться.

Крот прикрыл глаза, то ли задремал, то ли задумался под шум двигателя...

Когда после школы Андрей поступил в Тюменское высшее военно-инженерное командное училище в 1987 году, через два месяца его отчислили с КМБ за драку...

Вернулся будущий старлей домой, в Подмосковье. Поступил в институт на вечерний. Работал на Красногорском механическом заводе оператором станков с числовым программным управлением. А потом на завод инженером пришла девушка Наташа. Вскружила голову Андрею и через два года стала его женой.

В 1988 году упрямый Крот снова поступил в Тюменское военное училище. Он свою дорогу хоть тротилом, хоть силой воли проложит. С красным дипломом закончил училище и, соблазненный «покупателями», вместо Германии уехал в дивизию имени Дзержинского, где через два года обещали дать квартиру. Сначала в саперной роте послужил, потом в учебной. Учил саперному делу рядовых из разных подразделений внутренних войск. У Крота был взвод «Сапер-подрывник». В нем готовились саперы для спецназа.

В 1992 году отправился в первую командировку в Ингушетию... Потом началась Чечня.

Самолет легко побегал по взлетно-посадочной полосе во Внукове. Дома... Стюардесса дала саперам на прощание по пакету с фруктами.

— Ешьте на здоровье, мальчики. Поправляйтесь.

Забрали свое оружие у командира самолета, закинули бронжилеты на плечи. На них оглядывались. С автобусной остановки Крот позвонил в часть. Машину выслали. Нужно было ждать. Они нашли скамейку под окнами диспетчерской.

Погода хорошая, у Крота коньячок внутри бродит, согревает. Тут вдруг из окна за их спиной высовывается женщина, диспетчер автостанции:

— Ребята, вы чего тут?

— Как в анекдоте... Машину ждем.

— Ко мне заходите, ребятки. У меня сын тоже служит. Давайте хоть вас покормлю. Голодные, небось.

Минут через пятнадцать в диспетчерской был накрыт стол, появились какие-то люди. Водочка. Народ у нас сердечный.

В приехавшую машину саперы сели под хмельком. Правда, боец по разрешению Крота хоть и пил, но аккуратно, понемногу. Вообще-то, не положено, но старлей сделал ему послабление по случаю приезда.

А в части вместе с доктором помянули друга Крота — Алексея Бушуева. Он погиб 19 мая. Вместе с ним Крот закончил одно училище, и вместе они попали в саперный батальон, и на войну. Только вот нет больше Лехи...

Дома Наташа ничего не сказала своему подвыпившему старлею... Уложила спать. Посидела рядышком, поглядела на него спящего беспокойно, тревожно и пошла к маленькой дочке.

. . .

В 1997 году Крот стал «витязем». Берут туда только проверенных людей. А он хлебнул со спецназовцами войны из одной кружки. И хочется ему по сей день настоящей, боевой работы.

22 июня 2001 года уже майору, начальнику инженерной службы отряда Кроту Сергей Иванович Лысюк

вручил краповый берет. Контуженному не один раз, раненому Кроту пройти испытание, сдачу на берет, не позволило здоровье. Но, участвуя в боевых действиях, он заработал краповый берет с лихвой. Так решили заслуженные спецназовцы.

Восемнадцать командировок на счету Крота. Орден Мужества, медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медаль «За ратную доблесть», медаль от ФСБ, очень почетный для любого сапера знак «За разминирование», крест «За службу на Кавказе».

В нынешней войне работа «творческая», как он сам ее называет. Работа, когда думать надо — минирование объектов и местности, установление мин-ловушек и «сюрпризов» для боевиков, разминирование.

В отряде Кроту на день рождения подарили карточку, которую можно крепить на китель. На ней написано его новое доброе прозвище: «Главный сапер отряда майор Взрывалкин Чих-Пых».

Работы даже слишком много. В Чечне на своей базе отряд бывает редко. В крайней командировке из двух месяцев Крот был на базе от силы недели две. Разъезжал по горам и селам, даже домой звонил из временных расположений отряда в горах, со спутникового телефона.

— Наташа, привет! У меня все хорошо, принимаю солнечные ванны в горах. И баня, и печка у нас тут... Ты что молчишь? Не веришь?

Жена слышала в трубке тревожный шум вертолетов, вздыхала:

— Верю.

МИЛИЦЕЙСКИЙ СПЕЦНАЗ: ЖИЗНЬ И СЛУЖБА

Вехи боевого пути

История создания милицейского спецназа по сути немногим отличается от создания спецназа внутренних войск. Эти специальные подразделения формировались в один и тот же временной период, в преддверии Олимпиады и в общей системе МВД.

Уходило время, когда оперативники сами производили задержание опасных преступников. В 1978 году в управлениях внутренних дел Москвы и Московской области стали создаваться так называемые внештатные группы захвата. Милиционеры вступали в группы добровольно. И в основном это были спортсмены — люди тренированные и выносливые, мечтавшие о настоящем милицейском спецназе. Добровольцы сами разрабатывали методики задержания и теоретически, и на практике. Группы съезжались на сборы в Расторгуево, добивались слаженности действий, обменивались опытом.

Количество успешно проведенных задержаний росло. Правда, все это для новоявленных спецназовцев давалось с трудом, поскольку в группе они дежурили чаще всего по ночам, после основной службы. Большинство из

тех первых спецназовцев сами были оперативными работниками.

Удачная работа групп захвата способствовала тому, что руководство МВД пришло к выводу: необходимо создать в милиции отдельное силовое подразделение, специализирующееся только на задержании преступников (наподобие УРСН, которая в то время уже существовала во внутренних войсках).

В 1989 году появились первые отряды милиции особого назначения (ОМОНЫ). В них шли служить крепкие, волевые парни, отслужившие в армии и не где-нибудь, а в ВДВ, морской пехоте, на границе. Поступали в ОМОН и многие профессиональные спортсмены. Командиры отрядов подыскивали для себя новые кадры чаще всего на соревнованиях по борьбе. Тут в дело шло все ораторское умение командиров или замполитов. Правда, многие из спортсменов уже слышали о создании спецназа, да и романтический настрой имел место.

Однако романтика быстро отходила на второй план, когда бойцы милицейского спецназа начинали понимать, что нагрузки на тренировках ничуть не меньше тех, что были во время занятий спортом, а к тому же от этих тренировок в буквальном смысле зависит жизнь — и собственная, и товарища, и мирных граждан.

Кроме того, первые ОМОНЫ столкнулись с проблемой обычного, бытового обустройства. С трудом находили подходящие места, где можно было организовать базу отряда, а уж про ремонт помещений во времена дефицита строительных материалов и говорить не приходилось. Один из заместителей командира на время обустройства фактически по совместительству становился прорабом. Доставал кирпичи, доски, краску.

Почти на все задержания руководство отряда выезжало вместе с бойцами — необходимо было все «потрогать собственными руками», набраться «живого» практического опыта, который со временем перерос в методические наработки. По этим наработкам прошло подготовку уже не одно поколение омовцев.

Довольно скоро возникло понимание, что ОМОН — это только начальная ступень, надо идти дальше. Сержантский состав ОМОНов не всегда соответствовал уровню

проводимых спецопераций. Да и омонцовцев просто-напросто не хватало на все оперативные мероприятия, проводившиеся уголовным розыском и другими подразделениями милиции. В начале 90-х годов существенно возросла криминогенная обстановка в стране. Активизировались бандитские группировки, в том числе и в небольших городах и поселках.

Одновременно с ОМОНами в 1989 году в МВД СССР было создано Управление по борьбе с организованной преступностью, а в регионах возникли РУОПы. Главное управление по борьбе с организованной преступностью (ГУОП) возглавил генерал-полковник милиции Михаил Константинович Егоров, первый заместитель министра внутренних дел. Всего по стране насчитывалось тринадцать РУОПов (региональных управлений по борьбе с организованной преступностью).

Прообразом внутренней структуры РУОПов, с учетом особенностей возлагаемых на них задач и требований времени, стали действовавшие в свое время немецкие команды, в которых одной составляющей была агентура, другой — следователи, а третьей — добровольцы, физическая поддержка.

В каждом РУОПе действовало три отдела. Первый — информационный, второй — оперативный и третий — подразделение, которое должно было реализовывать оперативные разработки. Таким образом, в 1992 году появился СОБР — специальный отдел быстрого реагирования. Вначале это был именно *отдел*, и командир отдела являлся заместителем начальника РУОП. Однако все упорно называли СОБР отрядом, и в конечном итоге он отрядом и стал.

Задумывались СОБРы, так же как и ОМОНЫ, для облегчения работы оперативных сотрудников. Оперативник не должен растрачивать свою энергию на задержания, обыски, конвоирование. Работа оперативника отчасти схожа с творческой профессией. В нее входят сбор информации из разных источников и аккумулирование полученных сведений, создание толкового плана, который сработает на все сто процентов. СОБР как раз и должен реализовывать этот план. Каждый — на своем месте.

Учебный центр, как и планировалось, был создан в СОБРе РУОПа по Московской области. Из тринадцати

региональных управлений, у каждого из которых было более десятка СОБРов, приезжали в центр бойцы для обучения и тестирования.

Некоторые из СОБРов переименовали в ОМСН (отряд милиции специального назначения), что почти дублирует название ОМОН, однако ОМСН так и остались офицерскими отрядами. РУОПы сначала переименовали в РУБОПы, а затем, после реформы региональных управлений по борьбе с организованной преступностью, эти управления стали называться УБОП СКМ (управления по борьбе с организованной преступностью службы криминальной милиции).

Отряды милиции особого назначения и получили дальнейшее развитие после того, как был создан специализированный ОМОН на воздушном и водном транспорте. Сначала в июне 1991 года приказом по Московскому УВД на воздушном и водном транспорте была создана отдельная рота милиции специального назначения. Это решение было вызвано необходимостью усиления безопасности полетов воздушных судов гражданской авиации, охраны речного транспорта и гидротехнических сооружений на фоне общей нестабильности и сложной криминальной обстановки в стране.

Изначально подразделение называлось ротой специального назначения. В ее состав входило всего пять человек, и размещались они в небольшой комнате на улице Марины Расковой. Позже, когда штаты увеличились до ста человек, подразделение перевели в помещение линейного отдела на речном транспорте. После 1995 года отряд перебазировался на свое постоянное место, где находится и по сей день.

У подразделения как бы две даты рождения — 1991 год, когда появилась рота спецназа, и 1993 год, когда по приказу министра внутренних дел Российской Федерации на базе роты был создан отряд милиции особого назначения при Московском УВД на воздушном и водном транспорте.

Территориально отряд расположен на окраине Москвы, рядом с МКАД. Это позволяет в случае экстренного вызова добраться до аэропортов «Внуково», «Домодедово», до Северного речного вокзала за считанные минуты.

Тренировки омоновцы проводят у себя на базе. В нескольких пустующих домах отрабатывают штурм и захват. Свою территорию они иногда предоставляют для боевой подготовки СОБРа, ОМОНа ГУВД и бойцов «Альфы».

В начале 90-х бойцы отряда почти ежедневно участвовали в силовых задержаниях, помогая оперативникам из уголовного розыска и сотрудникам РУБОП захватывать участников бандитских группировок, которые в те годы заполонили столицу.

В 1993—1994 годах в аэропорту «Домодедово» пыталась взять власть в свои руки солнцевская организованная преступная группировка. Бандиты устанавливали в аэропорту свои порядки. Действовали нагло и дерзко. Транспортная милиция с группировкой справиться не могла.

За один день боевики из группировки были способны ограбить несколько автобусов «Икарус», которые перевозили пассажиров от аэропорта до Москвы. Когда «Икарус» выезжал на Каширское шоссе, его подрезал один легковой автомобиль, а сзади блокировал другой. Остановив автобус на обочине, бандиты заходили в салон и грабили пассажиров. Таким же образом они грабили водителей грузовиков.

Бойцы ОМОНа стали контролировать почти каждый автобус на маршруте аэропорт — Москва. Они неоднократно вступали в схватку с вооруженными бандитами и в конце концов навели порядок.

На протяжении десяти лет отрядом руководил полковник милиции Игорь Лазаревич Бирагов. Он стоял у истоков создания отряда, прошел в нем путь от лейтенанта до полковника и в 2001 году перешел на службу в МВД.

После него командиром отряда был полковник милиции Александр Иосифович Бибилов, а в апреле 2002 года ОМОН возглавил новый руководитель — подполковник милиции Алексей Владимирович Кузьмин. Он пришел в ОМОН из СОБРа УБОП по Московской области, где был начальником отделения. Ездил в боевые командировки в Чечню, имеет два ранения, кавалер двух орденов Мужества, награжден медалями «За отвагу», «За воинскую доблесть» I и II степени и «За ратную доблесть». До службы в милиции Кузьмин закончил Благовещенское речное училище и на лоцманском судне проводил караваны судов из Карского моря в Енисей. Поэтому ОМОН на воздушном и

водном транспорте был логическим продолжением двух его любимых профессий — речника и милиционера.

В 2004 году командиром ОМОНа стал Сергей Владимирович Бекетов, служивший в отряде с самого его основания.

В отряде готовят снайперов, верхолазов, взрывотехников, а с 1995 года — и пловцов-водолазов. Бойцы ОМОНа проходят физическую, тактико-специальную, огневую, инженерную, медицинскую подготовку.

В отряде существует группа подводников. В системе МВД, кроме ОМОНа на воздушном и водном транспорте, по штату боевые пловцы есть только во внутренних войсках. Водолазов ОМОНа привлекали для обеспечения безопасности судов во время проведения Всемирных юношеских игр — пловцы проверяли днища речных судов на предмет обнаружения взрывных устройств. С подобной же целью подводники регулярно производят осмотр многочисленных плотин и шлюзов Москвы-реки. Водолазы тренируются на базе внутренних войск.

В 1998 и 2004 годах подводная группа отряда выезжала в командировку на озеро Байкал, где водолазы во время многочисленных погружений подтвердили высокий класс своей подготовки.

Подразделение всегда находится в боевой готовности. В распоряжении моторизованного взвода есть два катера и два скутера — небольшая флотилия, которая успешно борется с многочисленными нарушениями на водных просторах.

Каждое лето омоновцы задерживают и сдают в Государственную инспекцию по маломерным судам (ГИМС) несколько десятков водных мотоциклов, владельцы которых нарушают правила регистрации водно-транспортных средств или просто хулиганят на воде, создавая угрозу жизни купающихся и мешая судоходству. Эта же флотилия помогает борьбе с браконьерами, которые в пугину сотнями выходят на берега рек и озер на преступный промысел.

Чтобы быть принятым на службу в отряд, надо иметь отменное здоровье и соответствующую физическую подготовку, пройти психологические тесты.

Конечно, в ОМОНе, как и во многих подразделениях МВД, существуют проблемы с финансированием и не-

хваткой сотрудников. Еще несколько лет назад в отряды милицейского спецназа был конкурс — восемь человек на место, претенденты стояли в очереди по несколько месяцев, чтобы удостоиться чести быть принятыми в отряд. Теперь, конечно, такого конкурса нет, но в отряд все равно попасть непросто. Однако тех, кто поставил перед собой цель и выбрал настоящую мужскую профессию, никакие трудности не остановят.

Первая чеченская кампания для ОМОНа началась в декабре 1994 года. А первыми населенными пунктами, в которые входили омоновцы, были Самашки и Ассиновская, затем — Гудермес и Червленая. В декабре 1996 года омоновцы уходили из Чечни одними из последних.

На той войне ОМОН охранял особо важные транспортные сооружения (станции, мосты и железнодорожные пути), работал с войсковой разведкой, помогал контрразведчикам обезвреживать террористов.

За время первой командировки отряд потерял одного бойца — Игоря Сергеевича Романова, который пришел работать в ОМОН в мае 1995 года. В августе того же года в составе сводного отряда он был направлен в Чеченскую Республику для выполнения специального задания. 9 сентября 1995 года старшина милиции Романов в составе группы осуществлял охрану и оборону железнодорожного моста через Терек. В 23 часа 20 минут пост, на котором нес службу сотрудник, был обстрелян боевиками из автоматического оружия и подствольных гранатометов. Романов получил смертельное ранение.

Для увековечения памяти погибшего сотрудника руководством ОМОНа было принято решение занести его имя в книгу памяти подразделения. У Игоря Романова осталось двое детей. Бойцы ОМОНа не забывают семью Игоря и оказывают ей помощь.

В ноябре 1995 года сотрудник сводного отряда Сергей Бекетов получил тяжелое осколочное ранение при охране железнодорожного моста через Сунжу. Благодаря усилиям врачей и силе воле Бекетов остался служить в отряде и даже стал командиром подразделения.

С октября 1999 года и по настоящее время на счету отряда более десяти командировок в Чечню. Новыми местами дислокации отряда стали населенные пункты Черв-

ленная-Узловая, Гудермес, Грозный — железнодорожный вокзал, аэропорт Грозного — «Северный». Тридцать пять процентов личного состава ОМОНа награждены орденами и медалями.

10 февраля 2003 года ОМОН был выведен из города Грозного. А СОБР по сей день ездит в командировки в Чеченскую Республику. Война для собровцев началась в 1994 году, когда СОБРы были впервые направлены туда как наиболее подготовленные подразделения МВД. С 14 декабря 1994-го по 11 января 1995 года их личный состав восемь раз находился в районах боевых действий, в том числе по восстановлению конституционного порядка на территории Чечни и пресечению террористических актов в городе Буденновске Ставропольского края, населенного пункта Первомайское Республики Дагестан.

В Буденновске операцией руководили министр внутренних дел Ерин и начальник ГУБОПа Егоров. Министерский и подмосковный СОБРы уже захватили одно крыло больницы, когда руководство потребовало по телефону, чтобы Егоров прекратил штурм. Надо было тогда боевиков прижать, нельзя было давать спуску террористам, иначе они снова повторят свои действия. Что и произошло позже в Кизляре...

Егоров понимал, что штурм надо продолжать. И доложил об этом в довольно резкой форме Черномырдину. По возвращении из Буденновска начальника ГУБОПа сняли с должности. А боевикам тогда дали уйти.

С 29 сентября 1999 года сводные отряды СОБРа вновь находятся в районах боевых действий, принимают участие в антитеррористической операции в Северо-Кавказском регионе. Они были задействованы в различных спецоперациях, участвовали в освобождении от незаконных вооруженных формирований города Грозного, сопровождали колонны и обеспечивали личную безопасность членов Правительства РФ и руководителей МВД.

В период командировок погибло четыре сотрудника СОБРа и РУБОП по Московской области, двадцать шесть были ранены (из них шесть получили тяжелые ранения), минно-взрывные контузии получили восемьдесят три человека.

За проявленные при выполнении служебных, боевых задач профессиональное мастерство и личное мужество

сотрудники СОБРа получили около четырехсот государственных наград.

Звания Героя России удостоены:

Якупов Фарват Абдуллович;

Матвеев Виктор Владимирович (посмертно).

С 1999 года почти сто процентов сотрудников СОБРа побывали в служебных командировках в Северо-Кавказском регионе. Вот что думает по этому поводу генерал-лейтенант милиции А. К. Карташов — первый начальник РУОП МО (в 1989—1998 годах):

«СОБР — это вспомогательный отдел для оперативников. Он не для войны. Тем более офицеры, а в СОБРе одни офицеры, не должны нести патрульно-постовую службу, чем они в большинстве случаев занимались в Чечне. Это нецелесообразно. В таких операциях, как в Чечне, не должно быть шапкозакидательства, как это было в первую антитеррористическую операцию да и в начале второй. Нужны хорошо поставленная пропаганда среди населения, грамотные оперативные действия, долгосрочная программа. Без нее в Чечне и делать нечего. Такого рода войны уже были. И «лесные братья», и «западенцы», бандеровцы. Только в пятидесятых годах нам удалось с ними покончить. А ведь армия в то время была огромная... Все не так просто. Тут нужны время и четкая умная программа. Я тридцать три года отслужил и могу судить об этом. Конечно, война СОБРы подломила, но, я надеюсь, не сломила. Война не их профиль, но они с честью выносят все тяготы службы в экстремальных условиях».

В первую и во вторую чеченские войны для омонцовцев и для собровцев происходило смещение линий работ — милицейской и военной. А ведь все СОБРы, и в частности один из первых в стране — СОБР УБОП по Московской области при ГУБОП МВД РФ, — были созданы для вполне конкретных задач в соответствии с требованием Указа Президента Российской Федерации от 8 октября 1992 года «О мерах по защите прав граждан и усилению борьбы с преступностью».

Подразделение осуществляло и осуществляет решение следующих задач:

захват (ликвидация) вооруженных преступников, преступных групп и сообществ, в том числе террористической направленности;

изъятие незаконно хранящегося оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, наркотиков и пресечение их распространения;

освобождение заложников;

обеспечение безопасности оперативно-розыскных и следственных мероприятий на территории Московской области и Центрального экономического региона России.

Сотрудниками СОБРа осуществляется в год в среднем до тысячи пятисот выездов на специальные мероприятия, проводятся спецоперации. И все это — на высоком профессиональном уровне.

Когда СОБР был только создан, первые бойцы, составившие основу отряда, были набраны из двух взводов областного ОМОНа, и в первое время собровцы располагались на территории московского ОМОНа.

В августе 1994 года СОБРу был отведен земельный участок площадью около восьми гектаров на территории расформированной воинской части в Подмосковье, где все было в полуразрушенном состоянии.

Первый командир отряда полковник милиции Анатолий Геньевич Рябинков сделал все, чтобы привести базу в порядок. Были восстановлены казармы для личного состава, построен питомник служебного собаководства, соответствующий стандартам Международной лиги собаководства, выполнены работы по ремонту отопительной системы, по ограждению территории базы СОБРа бетонным забором, отремонтированы овощехранилище и продовольственный склад.

С 2001 года все хлопоты по бытовому устройству и боевой подготовке отряда легли на плечи нового командира, полковника милиции Эдуарда Львовича Филиппова.

На территории СОБРа находятся действующие жилые здания, объекты служебного и хозяйственного назначения — большая казарма, административный корпус, слесарно-ремонтные мастерские, помещение автослужбы, вещевой и продовольственный склады, овощехранилище, клуб, штаб СОБРа, спортивный зал, столовая, котельная. Общая протяженность всех инженерных коммуника-

ций (водоснабжение, канализация, энергообеспечение) составляет около пятидесяти километров. Все объекты и коммуникации находятся на материально-техническом, хозяйственном и финансовом обеспечении СОБРа.

В подмосковном СОБРе, единственном среди подобных подразделений в России, создан питомник по разведению и дрессировке служебных собак — бельгийских и немецких овчарок. Собаки питомника используются не только при проведении специальных мероприятий в Московской области и Москве, но и отправляются в Северо-Кавказский регион, оказывают огромную помощь сотрудникам СОБРа в районах боевых действий. Они натасканы на задержание, поиск наркотических и взрывчатых веществ, участвуют в выставках и занимают призовые места.

В штабе СОБРа создана медико-санитарная часть, оснащенная мини-операционной, физиотерапевтическим кабинетом с необходимым современным оборудованием. Сотрудники МСЧ ежедневно контролируют состояние здоровья личного состава, заступающего на службу, следят за санитарным состоянием пищеблока и жилых помещений оперативного-боевых отделений. Силами МСЧ налажено обеспечение медикаментами и перевязочными материалами личного состава СОБРа при проведении оперативных мероприятий местного масштаба и командировок в зоны боевых действий. Проводятся мероприятия по реабилитации сотрудников, прибывших из зон боевых действий.

В СОБРе к настоящему времени сформировано ядро высокопрофессиональных специалистов, которые постоянно повышают свою боевую и физическую готовность, активно участвуют в воспитании и обучении молодых сотрудников.

Второе рождение

Командиром СОБРа РУБОП по Московской области был полковник милиции Анатолий Геньевич Рябинков — личность легендарная. Он стоял у истоков создания СОБРов, а с момента подписания Указа о создании специального отдела быстрого реагирования в

январе 1993 года бесценно командовал им до 2001 года, когда его назначили заместителем начальника УБОП СКМ по Московской области.

Он прошел длинный путь, полный трудностей и испытаний, — от постового до командира. Награжден двумя орденами Мужества, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом «За личное мужество» и медалью «За отвагу».

На стороне добра

Ветхий забор вокруг дома. Охапки золотых шаров, мокрых от недавнего дождя, свисают со штакетника. Шелестят капли, их стряхивает с деревьев ветром.

Незаметно вдоль забора крадутся люди в камуфляже и черных масках. Быстро, бесшумно, без лишних слов. Окружили дом. Кто-то затаился под окнами, кто-то у крыльца, пригнувшись за перилами.

В доме желтый свет. Будто теплое растопленное масло за оконными стеклами растеклось.

Один из бойцов влетел в дом, выбив с треском крепкую дверь. Остальные — следом.

— Милиция! Всем на пол! Лежать! Руки за голову!

Бойцы разделились. Одни обследовали комнаты. Стремительно. Не давая опомниться бандитам, снимавшим этот дом под Видным. Остальные — держали под прицелом задержанных преступников, лежавших на полу. В комнату зашли оперативники. Начали обыск. Кроме гранаты «Ф-1», нашли еще и наркотики.

Год уже работало новое подразделение — СОБР. И все чаще их вызывали на захваты опасных вооруженных преступников.

Дежурить приходилось по несколько суток подряд. Бойцов не хватало. Тщательный отбор в СОБР продолжался. Не каждый подходил для милицейского спецназа. Только самые сильные, выносливые, уравновешенные.

Многие преступники — бывшие спортсмены с пистолетами за пазухой — становились опасными противниками. Часами бойцы СОБРа отрабатывали приемы в спортзале, тренировались спускаться по стенам с аль-

пинистским снаряжением, проводили учения с освобождением заложников. Все это им потом пришлось применять на практике.

Решившиеся идти в СОБР знали, что вступают в необъявленную войну с бандитами. Она затягивала парней в свой опасный водоворот. Тут они могли применить и всю свою силу, смелость и ловкость. В жизни есть две противоположности — добро и зло. Никогда и ничто не изменит такое положение. Быть на стороне добра сложнее...

Бандитов по одному выводили из дома и вели к автобусу. Отделение, которое задержало их и в котором служил лейтенант Сергей Владимиров, дежурило уже вторые сутки. Накануне они повязали группу бандитов с пистолетами «ТТ» в Солнечногорском районе. У преступников шла серьезная разборка, готовая перейти в стрельбу. Очень вовремя «собры» нейтрализовали их и положили физиономиями на асфальт.

Через несколько часов командир отделения рапортовал командиру СОБРа полковнику милиции Рябинкову.

— Оработали как положено. Потерь нет.

— Не придется вам отдохнуть, — с сожалением покачал головой Рябинков (он видел, что ребята вымотались). — Из РУОПа звонили. В Балашихинский район ехать надо. Разборка намечается с фейерверком.

Группа уехала, а Рябинков мерил шагами кабинет.

«Что ж так беспокойно на душе? — думал он. — Устали, конечно, парни. Внимание рассеянно. Как бы чего... Людей мало, куда же деваться. Вот и работают на износ».

Командирское предчувствие не обмануло. В тот момент, когда он поглядывал с нетерпением на часы в своем кабинете, старшего оперуполномоченного Владимирова везли в больницу с тяжелым ранением в голову. Мигалка «скорой» и сирена заставляли прохожих оглядываться. Участники начавшейся разборки уже лежали на земле с закрученными за спины руками.

А в больнице умирал молодой милиционер. Жизнь для лейтенанта только начиналась. Он закончил физ-

культурный институт, был кандидатом в мастера спорта по греко-римской борьбе. Подал большие надежды в спорте, но пошел служить в милицию... Умер Сергей в реутовской больнице от смертельного ранения.

Когда Рябинкову сообщили об этом, он отвернулся к окну и долго стоял молча. Потом спросил:

— Как же вы так?

— Бандиты отказывались подчиниться... Сергей как раз из нашей машины выскочил, на подмогу, тут его... в голову. — Говоривший сжал кулаки.

Рябинкову хотелось остаться наедине. Но надо было отдавать распоряжения и не показывать виду...

Морпех или учебники

Группа советских войск в Германии. Анатолия Рябинкова призвали из Перми, где он учился в художественно-промышленном училище.

Анатолий хотел служить в армии, но в морпехе или десанте. С детства занимался классической борьбой, легкой атлетикой, боксом и стрельбой. Судьба распорядилась иначе.

Он закончил учебное подразделение, стал сержантом.

Боевые специальности в войсках ПВО все сложные — приходилось изучать, что такое диоды, триоды... А он думал о рукопашном бое или затяжном прыжке с парашютом, когда паришь высоко и поток воздуха, как мягкие ладони, поддерживает, не дает упасть камнем на землю. А внизу самарские степи, сухие, жаркие. Там где-то дом. Родной. Там мама, две младшие сестры — Люда и Оля. Мама едет, наверное, по степи, по пыльным дорогам к дальнему совхозу. Она — заместитель главного ветврача района. Проводит проверки, прививки — все на ней. Мама хрупкая, маленькая, и работа у нее совсем не женская...

Анатолий с трудом отрывался от своих мечтаний и снова утыкался в учебники. Служба есть служба. И он все выучит, чтобы быть лучшим, чтобы было о чем писать маме. Ей и так, бедной, пришлось нелегко с тремя маленькими детьми на руках. После института двух мо-

лодых ветврачей — ее и мужа — распределили в Читинскую область, Борзинский район. Там у них родился сын. На краю земли, далеко от столиц, на границе с Монголией они много работали и жили счастливо.

В 1959 году родители переехали в Самарскую область. Анатолию исполнилось шесть лет, младшей сестре семь месяцев, когда умер отец. Мама осталась одна и тянула на себе и работу, и детей, глубоко пряча тоску по мужу.

Группа захвата

— Нет, мы не можем вас принять. — Человек в строгом сером костюме, с аккуратной стрижкой, смотрел на молодого статного парня. — Вы лейтенант запаса, это хорошо. Но высшего образования у вас не имеется. Ничего не получится.

За Рябинковым захлопнулись тяжелые двери КГБ. Не вышло. А так хотелось — контрразведчиком. Еще в армии мечтал. Написал письмо родственникам в Подмосковье, договорился, что у них остановится. И вот тебе на!

— Все дурацкие формальности, — бормотал он, сидя в электричке.

В чемоданчике, с которым он приехал из армии, лежали письма от командования. Рябинкова рекомендовали к поступлению в художественное училище.

Но Рябинков уже решил для себя: рисование рисованием. Оно никуда не денется. Останется для души. Но делом своей жизни он избрал другое.

В Пушкинском отделе милиции, куда Рябинков пришел устраиваться на работу, он сразу сказал:

— Я хочу в группу захвата.

— Ты пока постовым ходи. — Заместитель по оперативной работе Станкевич еле сдерживал улыбку. — Потом мы тебя обязательно включим в группу захвата.

Станкевич, человек немолодой, он воевал с «лесными братьями» в Прибалтике, Западной Украине. Он не стал разубеждать и разочаровывать Рябинкова, что о группах захвата в то время еще никто не слышал. Их просто не существовало.

А Рябинков, несмотря на молодость и отсутствие опыта, все больше убеждался, что не должны оперативники заниматься захватом преступников. Нужно создать для этого специальные подразделения. Они будут — он был в этом уверен.

Рябинков проходил постовым чуть больше года и уехал в Каунас. Там находилась средняя школа милиции. Старинный, красивый город. Рябинков и в Каунасе не забывал о двух своих увлечениях — рисовании и спорте. Он делал карандашные наброски каменных зданий. Архитектура города не походила на те городские пейзажи, которые он видел в Москве. Каунас скорее напоминал Германию. Кроме того, Рябинков выступал на соревнованиях по легкой атлетике и самбо, представляя милицейскую школу. Его спортивное мастерство росло.

Когда вернулся в Пушкино, стал работать в уголовном розыске оперуполномоченным. Его целеустремленность заметили, а дельные предложения о совершенствовании работы уголовного розыска, о создании группы захвата одобрили. Рябинкова перевели в областное управление, в отдел анализа и оперативной информации. В 1978 году была создана внештатная группа захвата, в которую вошел Рябинков. В эту группу вступали добровольно. Писали рапорты. Брели только спортсменов: крепких, выносливых. Сами продумывали и изучали азы задержания. Ездили на сборы в Расторгуево. Отрабатывали слаженность действий. Дежурили часто по ночам. Это — помимо оперативной работы, которой занимались наравне с другими сотрудниками. Успехи группы были очевидны. Количество успешных задержаний росло.

Рябинков все больше убеждался, что надо создавать группы захвата и даже отдельное подразделение, специализирующееся только на этом.

— Нет, каждый должен заниматься своим делом. Человек не может уметь все. Оперативники должны головой работать, но они не должны думать, как взять преступника, тем более вооруженного, — это не их забота. Это иная наука. Совсем иная, — доказывал он своим коллегам.

Одни его поддерживали, другие относились скептически: мол, чего добивается? Служил бы спокойно...

Хотя уже знали, что Рябинков человек слова. За справедливость, за друзей и к начальству пойдет, и прямо в глаза скажет, если что не так. Идеалист и максималист. Наверное, только такие неумные натуры и сдвигают дело с мертвой точки.

Командир ОМОНа

Толпа колышется. Люди жгут костры, кричат. Многие разогрели себя не только кострами. Площадь перед Домом Советов закидана мусором. Обломки досок, бумажки. Командир подмосковного ОМОНа Рябинков смотрел на толпу из окна Белого дома.

Из-за костров казалось, что это дворцовая площадь Петрограда, что сейчас не август 1991-го, а октябрь 1917-го. Но в Белом доме не мятежные матросы... Областной ОМОН. Автоматы, камуфлированная форма. Они охраняют Ельцина. Народ тоже пришел к Белому дому защищать демократию и Ельцина. Все настроены воинственно.

Днем Рябинков ездил в главк. Докладывал начальству о происходящем. Когда возвращался в Белый дом, медленно ехал сквозь толпу. Люди неохотно расступались и с подозрением поглядывали сквозь стекла в машину. Наконец они углядели, что в машине военные, да еще и вооруженные автоматами. Кто-то в толпе крикнул:

— Они вооружены! Бандиты!

Рядом подхватили:

— Они хотят убить Ельцина!

Люди с воплями кинулись на машину и начали ее раскачивать. Водитель уазика побледнел. Толпа пыталась выдернуть сидевших в машине офицеров. Дело, наверное, дошло бы до рукоприкладства, причем с обеих сторон, если бы Рябинков вовремя не заметил своего бойца. Омоновец шел сквозь толпу навстречу. Люди ему улыбались, совали свертки с бутербродами.

— Ты что ходишь!— крикнул Рябинков. — Командира твоего сейчас задавят?!

— А ну. — Омоновец повел широким плечом. — Это мой командир!

Толпа отхлынула и раздался новый клич:

— Это герои! Качать их!

Так на руках и понесли в Белый дом.

Командиром ОМОНа Рябинков стал в 1989 году. ОМОНЫ только начали появляться, он перешел туда на должность замполита. Отряд милиции особого назначения — уже что-то. Это было близко к замыслам Рябинкова, его мечтам. На задержания преступников ездило все руководство вместе с бойцами. На базе ОМОНа в Видном дневали и ночевали. Жили там месяцами.

Год назад до этого, тоже в августе, Рябинков получил орден «За личное мужество» за задержание вооруженных бандитов. В 1989 году в Луховицах, в одной из воинских частей было похищено шестьсот пистолетов «ТТ» и сотни патронов к ним. Бандитов задерживали в лесу.

Получили от оперативников информацию, что бандиты поехали убивать своего подельника — молоденького солдата. И солдата спасли, и бандитов повязали, и оружие — девять мешков — вернули.

Эта была первая награда Рябинкова. Он был первым из омоновцев Московской области, который получил орден «За личное мужество».

С командиром ОМОНа Сергеем Селиверстовым они набирали бойцов для отряда. Ездили на соревнования по борьбе. Предлагали ребятам-спортсменам идти работать в милицию. Так в ОМОН пришли и Эдуард Филиппов (будущий командир СОБРа), и многие другие.

Рябинков особенно следил за судьбой понравившихся ему бойцов и помогал им. Так, Виктора Матвеева он назначил своим помощником, когда стал командиром СОБРа. Виктор своей требовательностью к себе и другим, любовью к работе напоминал его самого в молодости. Он видел, что из Виктора может вырасти хороший руководитель, командир. Такой за вверенных ему бойцов головы не пожалеет.

Сам Рябинков, чтобы бойцы жили в нормальных условиях на базе, повсюду доставал материалы для ре-

монта зданий — краску, доски, кирпичи — тогда все это было дефицитом. Дни были заполнены до предела — то опасные задержания, занятия, то хозяйственная деятельность.

— Ты мой прораб, — посмеивался Селиверстов над другом.

Даже вопроса не возникло о том, кто займет место Селиверстова, когда тот перешел в Академию МВД и занялся наукой.

Начальником ОРБ был Александр Константинович Карташов. Рябинков знал его еще по совместной работе в розыске. Умелый специалист и руководитель. Рябинкова связывала с ним, кроме служебных отношений, дружба. С ним он часто делился мыслями о милицейском спецназе.

— ОМОН — это не то. Тут сержантский состав, до некоторых дел они не могут быть допущены, да и когда отряды создавались, им не ставилась задача проводить сложные спецоперации. Их этому и не обучают. А надо создать отряд отдельный. С учебным центром. Принимать офицеров, людей с военным или милицейским образованием. Тогда будет дело.

Карташов понимающе качал головой. Ему эта идея тоже нравилась, он думал о возможности создания такого подразделения. Его удивляло и радовало, что Рябинков так горит этой идеей.

— Ты обдумай все еще раз, — предложил Карташов. — Изложи свои мысли на бумаге — как будет выглядеть подразделение. Будем пробовать...

Вдруг в газете «Труд» на первой полосе вышла большая статья. Там были нападки на ОМОН и на самого Рябинкова. Под статьей подписались две журналистки, как потом выяснилось — их просто не существовало. А существовала заказная статья, которой хотели сломить командира. Не получилось.

СОБР

— Александр Константинович, РУОПы — это шанс создать то подразделение, о котором я говорил.

— Силовая структура? — задумался Карташов. — Может, удастся пробить. Ты принеси мне свои наработки

по этой теме, предложения, какая там штатная схема будет. Обсудим, согласуем и по начальству пойдём.

Дело не одного дня — по начальству ходить. Рябинков и так дома мало бывал, а тут совсем поздно стал приходить. Жена и сердиться на него не могла. Он был озабочен, и в то же время у него так сияли глаза.

— Ты понимаешь, Лен, я всегда этого хотел. Мечты надо осуществлять. Тогда и сам будешь счастлив, и люди вокруг тебя. Знаешь, как ребята загорелись. Карташов разрешил мне отобрать бойцов из ОМОНа, чтобы сформировать подразделение...

Сначала отряд состоял всего из семидесяти человек — бывших омоновцев. Рябинков взял и Эдуарда Филиппова, и Виктора Матвеева, и Фарвата Якупова, многих из тех, с кем служил бок о бок эти четыре года, до января 1993-го, когда указ о создании специального отдела быстрого реагирования, наконец, был подписан и СОБР стал отделом РУОП, а Рябинков его начальником, командиром СОБРа.

Нужно было где-то базироваться. Сперва разместились вместе с ОМОНОм, в Видном. Но отряд разрастался и нуждался в своей территории. Рябинков ездил по Подмоскovie в ее поисках. Времени на это обустройство почти совсем не оставалось. РУОПы сразу активно задействовали новую структуру.

В начале девяностых в Москву хлынули оружие, наркотики, уголовники со всей страны. Братков в кожаных куртках соборцы задерживали в огромном количестве. И криминальную ситуацию общими усилиями все-таки удалось переломить.

...Однажды вечером Рябинков смог высвободить время. Он хотел посмотреть территорию расформированной воинской части под Москвой. Ее предложили для отряда.

Одно- и двухэтажные дома, битые кирпичи, мусор. В казармах поломанные кровати, осыпающаяся штука-турка. Все разгромлено и разграблено.

Но Рябинков уже представлял, как здесь будет, когда удастся привести территорию в порядок. Понадобится много сил, денег, труда, но главное — будет, где тренироваться ребятам. Рябинков обходил помещения.

«Вот тут спортзал, тут клуб. Кажется, клуб здесь и был, — думал командир. — Стрельбище, столовая, баня. Ребята любят попариться».

Переехали в августе. Стали потихоньку обустриваться. Вывозить мусор. Жили на базе почти на казарменном положении.

Октябрь 1993 года.

Когда в государстве неполадки, из всех нор выползают бандиты, убийцы, воры. Весь мусор всплывает на поверхность. Москва притягивала к себе нечисть из всего бывшего Союза. Грабежи, разбои — вызовы для собровцев не прекращались.

Рябинков переживал за бойцов — на базе еще не были созданы нормальные для жизни условия. Отопление не работало. Ночи в ноябре морозные. Отопление запустили только в конце ноября. И все-таки выжили. СОБР действовал...

Испытание

Палатки, лес и серовато-синяя дымка вокруг. Пахнет дымком. Дежурные готовят обед. Здесь нет войны. Это горная база под Нальчиком.

Некоторые собровцы уже успели повоевать в конце 1994-го — начале 1995 года. Двадцать пять бойцов. Все живые и здоровые вернулись. Для Рябинкова это был главный показатель — год работы, учебы, бесконечные тренировки и боевые выезды не прошли даром. Возмужали ребята.

Вторая группа собровцев, человек сорок, базировалась под Ассиновской. Разведки, засады, зачистки. В Чечне СОБР был скорее в роли войскового спецназа, чем милицейского. Не до разграничений на войне.

Рябинков летал к группе в Чечню и каждый раз изводил себя мыслями, что он отвечает за бойцов, но не может уберечь их от пули, от взрыва. Он отвечает за них не только потому, что командир, а потому, что он решил их судьбу, когда принял в отряд. У многих бойцов семьи, у командира тоже, но никто из них уже не мыслил себя без отряда, никому в голову бы не пришло отказать от командировки на войну. Особая атмосфера в отряде, особое братство.

В апреле 1995 года сводный отряд под руководством Рябинкова готовился к горной войне. Под Нальчиком те же горы, а кроме того, такие же бункера, как под Бамутом. Сто человек отдельно проводили обкатку штурма бункера, похожего на тот, где прятался Дудаев.

В сводный отряд входили группа «Вымпел» и несколько групп СОБРов — из главка, воронежский и подмосковный.

Планировали передислоцировать отряд под Бамут, там шли жестокие бои. Но туда отряд не отправили, изменили задачу. Оставили бойцов для быстрого реагирования в случае терактов. Им были приданы большие силы — шесть вертолетов и бронетехника.

Рябинков подчинялся непосредственно командующему группировкой. Из Нальчика собровцы переместились под Грозный. Там стояли в поле между Северным и Грозным. Жили в палатках. Рейды, засады.

Работали иногда все, но чаще группами. Однажды разведка дала сведения о местонахождении дудаевского аэродрома. Там находились готовые к вылетам Миги. Одну группу Рябинков отправил на аэродром, с другой работал в районе Старые Атаги. Мыслями он был на аэродроме, с бойцами.

Рябинков выслал туда четыре вертолета с десантом и два — для прикрытия. Быстро подлетели «вертушки», смяли ветром траву. Одна за другой фигуры в камуфляжах оказались на земле, мелькнули и будто растворились. Выбили охрану, занялись самолетами. Три Мига запылали и взорвались. Только едкий дым вслед за яркими вспышками устремился в небо. Еще несколько самолетов, стоявших на ремонте, постигла та же участь.

Бойцы вернулись на базу целые и невредимые. О слухах, что боевики готовятся лететь на Мигах бомбить Москву, можно было забыть.

Буденновск

Отряд «Альфа» должен был штурмовать основное здание — центральный корпус больницы.

Больничным комплекс большой, корпуса разброса-

ны по территории. Собровцы должны были взять два здания и гаражи и осуществлять прикрытие «Альфы».

Небо светлое, выгоревшее. Солнце палит. Июнь. И вдруг стрельба. Плотный огонь в мирном городе. Свинцовая стена преграждает подходы к больнице, где заложники, захваченные боевиками.

Из сообщений пресс-службы МВД России: *«Группа боевиков численностью до сотни человек под руководством Шамиля Басаева ворвалась в Буденновск. В результате стрельбы на улицах, нападения на райотдел внутренних дел погибло несколько десятков человек. Боевики, захватив заложников, укрылись в городской больнице. К 15.00 город был блокирован частями внутренних войск».*

Дома, с семьей, Рябинкову удалось побыть всего пятнадцать дней. В начале июня 1995 года он вернулся из Чечни и вот — Буденновск. Рябинков жалел, что он со своими «собрами» не задержался в Чечне. Тогда бы они на «вертушках» оперативно вылетели в Буденновск. А так бойцы, вернувшиеся после боевой командировки, разъехались отдыхать.

По тревоге собрались. В Буденновске были через день после захвата заложников боевиками. Первая группа собровцев — около пятидесяти человек. Немного позже подтянулись остальные сорок шесть бойцов...

«Альфа» отходила, нарвавшись на кинжальный огонь из всех окон больницы. А «собры» группами, одна прикрывая другую, продвигались вперед, проводя отвлекающие маневры. На пути оказался небольшой овражек. Первая группа преодолела его, сгибаясь под тяжестью БК и бронежилетов, а вторая попала под шквал огня. Верхушки травы срезало пулями.

Рябинков видел, как Дамир, один из бойцов его отряда, вжался в дно оврага так крепко, словно слился с землей. Пули вспороли на его спине чехол бронежилета. Боец лежал, не шелохнувшись, пластом.

Рябинков ничего не мог сделать. Под этим углом он не мог достать боевиков, стрелявших с фланга. Тогда он взял группу и с другого фланга выбил чеченцев. Дамир тоже поддержал группу огнем.

Подавляя отчаянное сопротивление боевиков, Рябинков со своими бойцами завоевывали метр за метром. Освободили одно крыло здания. Можно и нужно было идти дальше. Боевики запросили переговоры, и поступила команда: «Отбой!»

Сбровцев вывели. Поставили им другую задачу — перехватить террористов по дороге. На вертолетах перебросили в Ханкалу.

После боя все были в напряжении. Молчали.

Рябинков глядел на бойцов, и в этой ситуации его радовало только то, что все живы. Нет раненых. Есть контуженные, но все-таки все живы.

Командир прокручивал в голове все их действия за последние несколько часов.

«Ребята молодцы. Действовали слаженно. Хладнокровно. С ними и в огонь, и в воду не страшно. Часть больницы заняли. Надо было штурмовать. Постарались бы с минимальными потерями. Не дали. Ну, ничего, мы их сейчас на дороге достанем. Быстрый штурм. И все. Ребята устали, но и разозлили их боевики. Это на пользу».

Несколько часов под палящим солнцем в Ханкале ждали приказа. И ничего. Все отменилось. Журналисты влезли в автобусы к террористам. Из-за их полного непонимания обстановки боевики ушли безнаказанными.

Рябинкова раздражали статьи, в которых штурмующих обвиняли в непрофессионализме и во всех смертных грехах. Его мучило, что не добились банды Басаева.

Преступника слушали — он давал пресс-конференцию, объявлял, что он не террорист, а борется за идею и независимость Чечни. И в тот же день, когда бандит выступал перед журналистами, в Буденновске хоронили двадцать одного человека.

Рябинков понимал: дали бандитам возможность уйти — они почувствовали слабинку и придут снова.

Первомайское

И дождь, и слякоть, и мороз, и снег. Земля и воздух то сочатся влагой, то застывают в морозном ознобе. Куда ни кинь взгляд — поле. На ветру безнадежно шелестят камыши.

«Сколько можно людей мурыжить? — Рябинков понимал, что время работает на противника. Боевики укрепляются. — Может, до штурма дело и не дойдет, как в Буденновске? Лишь бы ребят уберечь. Мало им чеченских командировок...»

Бандиты снова прорвались — жечь, убивать, издеваться. Атаковали дагестанский райцентр Кизляр. Новый бандит пришел на смену Басаеву — Радуев. Снова боевики захватили больницу, родильное отделение. Там женщины с грудными детьми на руках и беременные.

Рябинков ненавидел террористов.

«Называют себя воинами, а воюют с женщинами и детьми. Вышли бы с нами один на один, мы бы им показали, что такое настоящие воины».

Командир с тоской оглядывал поле. Его опыт подсказывал, что если штурм начнется, без потерь не обойтись.

И штурм состоялся. Но после того как бойцы неделю, промокшие, обмороженные, просидели на обдуваемом всеми ветрами поле у Первомайского, а потом в арыках с водой.

Мечеть возвышалась над городом. Высокая, тонкая. Чем выше, тем ближе к Аллаху. И с самого верха, откуда обычно муэдзин призывает верующих к совершению намаза, строчили автоматчики. Работали снайперы. Одна из снайперских пуль попала в голову подполковнику СОБРа Валерию Сысоеву. Это еще до штурма.

Глаза у Рябинкова потемнели, он осунулся. Рябинков знал и жену Валерия, и его сына. Как сообщить? Как найти слова утешения?

Генерал-майор милиции Карташов подбадривал Рябинкова и бойцов. Не каждый генерал пойдет под пули. Он шел с ними...

Несколько СОБРов, в том числе краснодарский, отряды «Витязь» и «Ягуар» — внутренние войска. Распределили позиции и двинули вперед под шквальным огнем.

Сеть арыков опутывала Первомайское, и их надо было форсировать. Саперы сбили деревянные настилы по шесть метров длиной. Тяжелые. Их и шестером

поднимали с трудом. Под пулями с ними не побегаешь от арыка к арыку. Да еще и одеты бойцы «по-тяжелому», и бой вести надо.

Алюминиевые штурмовые лестницы тоже не помогли, они прогибались. На штурм шли по воде, по дну арыков.

На подходе к селу собровцы попали под минометный огонь. Рябинков наступал со своими бойцами. Взрыв — осколки полетели во все стороны. Тупой удар, и Рябинков потерял сознание.

Очнулся от ощущения, что его куда-то волокут. Боль нестерпимая. Тошнота.

— Стой, — скомандовал Рябинков.

Его положили на землю. Он с трудом снял с себя «сферу», она откатилась в сторону. Рябинков прижался виском и ухом к подмороженной земле. Сначала одной стороной, потом другой. Холод приглушил боль.

— Все живы? — Рябинков сел. Голова кружилась.

— Живы, командир. — Боец помог подняться.

Наступление приостановилось... Шквальный огонь прижал собровцев к земле.

Рябинков снова был вместе с бойцами.

— Вперед! — Рябинков встал в полный рост под пулями, обернулся: — За мной!

Через несколько метров командир охнул и стал оседать на землю...

Второе рождение

Лена не отходила от телевизора. В новостях передавали сообщения о Первомайском.

— Погиб командир подмосковного СОБРа, — говорил диктор.

Теряя сознание, Лена имя и фамилию слышала как сквозь вату.

— Андрей Крестьянинов.

Андрея она знала. Они дружили семьями. Крестьянинов был командиром СОБРа ГУБОП.

И все. Больше ничего не передавали.

А Рябинкова в это время тащили вдоль арыков по полю. Носилок не было. Вначале несли по дну арыка на

штурмовой лестнице, но она узкая... Замерзшие руки бойцов плохо слушались, не держали. Командир несколько раз скатывался в воду.

— Вы меня утопите, — не выдержал он.

Рябинков был в сознании. Он передал командование своему заместителю — Калашникову. Но осознавал все притупленно...

Отвратительное ощущение беспомощности. Тебя волокут от боевых позиций, ты не в силах повлиять на ситуацию. Пули свистят прямо над головой.

Что его ждет? Насколько серьезно ранение? Что с позвоночником?

В сопровождении собровцев Рябинкова вертолетом переправили в Грозный.

Здание, приспособленное под госпиталь. Стены, чуть отмытые от гари. Воду носят ведрами.

Потом в Москву. Погрузили в самолет. Но оказалось, что это борт представителя президента в Чечне. Заставили бойцов выгрузить раненого. Один из сопровождающих собровцев грозился всех расстрелять. Но и это не подействовало...

А Рябинков, после труднейшей операции, с задетым пулей легким и застуженными на поле под Первомайским почками, был почти все время в бессознательном состоянии. Его поддерживали обезболивающими уколами, и он видел все вокруг в тумане.

Собровцы сбросились и купили командиру билет на обычный гражданский рейс, из Беслана. А до Владикавказа везли его на «вертушке»...

Лене позвонил заместитель Рябинкова.

— Лена, — начал он, делая паузы между каждым словом. — Ну, жизнь такая... Всякое бывает...

Лена, который раз за эти страшные дни, обмерла, чуть не выронила из рук телефонную трубку.

— Командира сегодня привезут. Он ранен.

Она заплакала. Главное — жив...

В Беслане обычный аэродром. Ходят нарядно одетые люди. Рябинков смотрел на все это с непониманием.

«Как объяснить бойцам? Как объяснить самому себе, что одновременно могут существовать два мира. Один — где солнце, яркие платья на девушках, веселые дети, на-

дежды, мечты. И другой мир — где горе, кровь, смерть и грязь. Как совмещать эти миры и при этом остаться человеком?»

И вот — Москва. Полтора месяца в госпитале, потом санаторий.

Врачи предлагали Рябинкову еще одну операцию на позвоночнике. Говорили, что он не сможет нарастить мышечную массу вокруг поврежденных позвонков и они постоянно будут смещаться.

Такое смещение у Рябинкова бывало по несколько раз в день. Зажимались нервные окончания. Казалось, что сердце тисками сжимают. Рябинков убеждал себя — это просто спазм, невралгия.

Он начал делать упражнения, потихоньку, через боль, как многое, что он делал в своей жизни.

Карташов в то время очень поддержал его. Частенько, как бы невзначай, предлагал съездить вместо него в командировку. Карташов хотел, чтобы Рябинков остался на своем посту. Он знал, что для Рябинкова значат эти четыре буквы — СОБР. И что командир значит для отряда.

Однажды в воскресенье все утро Рябинков мучил себя упражнениями, специальной гимнастикой. Приступы стали реже, но после контузии скакало давление и мучительно болела голова.

«Нет. Все. Комиссию к чертовой матери. Сколько можно? Есть СОБР. Я сделал все, что было в моих силах», — уговаривал он себя.

В соседней комнате дочка занималась на пианино. Готовилась к уроку.

«Ей всего семь лет, — подумал Рябинков. — А с каким упорством она играет гаммы. Собьется и снова начинает. Ошибется чуть и опять... И сын. Сейчас на тренировке. По дзюдо успехи делает. Тоже к цели идет. Хочет в спецназ. И, наверное, ему все удастся».

Гимнастику он все же закончил. Оделся.

— Лен, пойду прогуляться! — крикнул в сторону кухни, накинул куртку и вышел.

Лес не густой, уже осенний. От прудов — они неподалеку — тянет сыростью. Ноги сами вели Рябинкова к базе СОБРа. Она рядом. Двадцать минут ходьбы от дома.

Лена, чтобы получить квартиру, ушла из НИИ на стройку инженером-сметчиком. Потом несколько лет провели на колесах. Обменивали квартиру на квартиру, чтобы, наконец, оказаться поблизости от второго дома Рябинкова — отряда. Лена понимала, как важна для Анатолия работа и что это не просто работа. А мечта, от осуществления которой он счастлив сам и счастливы его друзья-единомышленники.

Рябинков шел по территории, по расположению отряда.

«Мало кто предполагал, когда шел в СОБР, что придется воевать. А пришлось. Из первого набора остались только самые преданные отряду. Сила воли и мужество у них особые», — думал Рябинков, оглядывая хозяйство, на ходу планируя сегодняшний и завтрашний день. Настроение улучшалось. Заботы лечили лучше лекарств.

В одну реку дважды

Странно. Что было сном? Та, первая война или почти три года восстановления после ранения. Снова тот же пейзаж, те же запахи и звуки.

Из Кизляра шли ночью — колонной в глубь Чечни. Темень беспросветная, и свет от фар стекает по дороге, льется по желобку. Группами ссаживают людей с машин.

Рябинков сидел в одной из машин в голове колонны. Страшным сном для него было ранение, а здесь теперь он на своем месте и в самой что ни на есть реальности.

Климат в Чечне — сухой, жаркий. После контузии больше всего подходит. А про море можно забыть, там слишком влажно...

Рябинкова назначили командиром сводного отряда СОБРов восточного направления — это полторы тысячи душ.

Он разделил бойцов на отряды по двести пятьдесят человек. Один сменял другой, давая сменщику время на кратковременную передышку. У Рябинкова таких передышек не было. словно нырнул под воду и до конца командировки не выныривал и не дышал.

С 11 октября по 10 декабря. Неделями не спал. Шли бои. Зачищались населенные пункты. В районе Гудермеса, Шали...

Много бойцов, новых, необстрелянных, приходилось учить. А учеба на войне дорого стоит.

Не хватало транспорта, людей не хватало. И все вопросы надо было решать срочно... Война не дает времени на долгие размышления и сомнения...

Чеченские дороги таят в себе смертельные сюрпризы.

Николай Евдокимов, помощник Рябинкова, за рулем. Два с половиной месяца. Даже спал за рулем. Повалится на «баранку» и спит, тяжело, как будто сознание теряет. Рябинков и сам так спал. Прикорнет. Час-два и снова в путь...

Как-то остановились на асфальтированной дороге рядом с машиной главы администрации одного из населенных пунктов Чечни. Чеченец выбрался из машины, подошел к Рябинкову перекинуться парой слов. И вдруг шальная мина. «Шух!» — осколки веером. Машина главы администрации в сито превратилась...

А задачи собровцы выполняли примерно те же, что были в первую войну.

Уничтожали мини-заводы. Для этого собровцам выделяли «вертушки». Взрывали завод и улетали. Взрывали и улетали. И еще систематические зачистки — опасная и морально тяжелая работа...

Командировки в Чечню с бесконечными разъездами и бессонными ночами так и остались в памяти как огромный спутавшийся клубок событий. Рябинков пытался как-то систематизировать эти воспоминания. Ничего не вышло. Дороги, грязь, бесконечное людское горе...

Потери и приобретения

Тяжело начался 2001 год. Сначала погиб капитан милиции Алексей Гуров. Потом майор милиции Виктор Матвеев. Опытные. Толковые парни.

А перед этим, летом, в Чечне погиб майор Олег Казаков.

Казаков поступил в СОБР по рекомендации Матвеева, когда у него закончился контракт в софринской

бригаде. В оперативно-боевое отделение к Матвееву пришел. Погиб в первую же свою командировку с собровцами. Всю первую войну прошел. А тут... Двое сыновей без отца остались. И у Виктора сын. О семьях погибших надо заботиться.

Раненые... В основном осколочные ранения. Рябинков ездил в госпиталь, навещал собровцев. Для них появление командира — праздник. Значит, они нужны. Есть цель — выкарабкаться из болезни, вернуться в строй. Командир же смог...

Рябинков бывал в Чечне часто, сопровождал группы, прибывающие туда на смену. Он бы вообще оттуда не уезжал, но нельзя...

Все у Рябинкова сложилось. Сын — единомышленник. Они вместе занимаются спортом. В 15 лет сын выполнил первый взрослый разряд по дзюдо. Он бредит спецназом. Метр восемьдесят ростом, плечистый. А дочка нежная, домашняя. Теннисом занимается, музыкой и очень любит народное творчество, мечтает этим заниматься и в будущем.

СОБР так и остался для Рябинкова вторым домом. Или первым... Бойцов обуить, накормить, вооружить, научить... Им на войну. Они его сыновья, а сыновья, в отличие от обычных подчиненных, не бывают бывшими. Да и день рождения СОБРа Рябинков вполне может считать и своим, ведь СОБР — его мечта, воплотившаяся в реальность.

Вот только война эта... СОБР для чего создавался? Из головы у Рябинкова не идут лица погибших собровцев. Его война с бандитами не закончится до конца службы, до конца жизни.

Один шаг

Майор милиции Сергей Владимирович Бекетов — командир ОМОНа на воздушном и водном транспорте. Кавалер ордена Мужества. В отряде служит с момента его основания, когда ОМОН был еще отдельной ротой милиции специального назначения.

В 1995 году, в боевой командировке, Бекетов получил тяжелое осколочное ранение, но остался слу-

жить в отряде. Он один из немногих «ветеранов», стоящих у истоков создания ОМОНа на воздушном и водном транспорте.

Остановка перед бездной. На мгновение. Это самое страшное — шагнуть в пустоту. Где-то внизу, за много километров — земля простирается от края до края. Всего один шаг... Но как на него решиться?

Так ведь и в жизни. Всего один шаг отделяет от спасения или от смерти. От обреченности или от полноценной жизни. Всего лишь один шаг. Зависит только от тебя, сделаешь ты его или так и останешься с замиранием сердца созерцать красоту неба и земли.

Но Сергей всегда после секундной заминки делал этот единственный шаг. Рывок вниз, душа барахтается в груди от восторга. Ветер раздувает комбинезон, пробивает, как будто насквозь. Земля, огромная, вращается далеко внизу. Рывок кольца, и уже плавное, успокоенное покачивание на куполе. Раскрылся. Скоро земля. Твердое соприкосновение, особенно жесткое после парения в бестелесном воздухе. Жар разогретой земли ударяет в лицо, шуршит под ногами высушенная солнцем трава — это все другое, обычное. В первые мгновения радостно, а потом снова тянет туда. Подняться и сделать шаг, один единственный шаг...

• • •

Сергей проснулся. Вокруг развалины. С обломков потолка капает. Снова идет дождь. Окна затянуты целлофановой пленкой, и эта пленка мутная, запотевшая. За окном грязь непролазная, сырость и туман — Чечня.

Это была уже не первая командировка отряда. В самом начале войны ОМОН направили для прохождения спецподготовки в Ростов-на-Дону в дивизию «Дон». Потом базировались в Беслане, откуда омовцев направляли на блокпосты в Чечню.

Теперь, в октябре 1995 года, отряд прибыл в Червленную. Именно тут руководство определило место их новой дислокации.

Однако по приезде обнаружилось, что помещение для бойцов никто не выделил. В Червленной стоял питерский ОМОН — они ждали на смену своих.

Первую ночь провели в здании разбитого вокзала под открытым небом. Шел дождь. Одежда вообще не высыхала. Омоновцы затянули окна пленкой, натащили веток, чтобы не спать на голом полу.

Местные посоветовали занять пустой разбомбленный дом. Другого выхода и не было. Кое-как его утеплили. Но согреться никак не могли. Всюду сырость, дождь...

Сергей вспоминал, как еще совсем недавно, до войны, их рота только обустроивалась на новой базе. Были проблемы с водой, не установили еще душевых кабин. Каждое утро вместе с комвзвода Евгением Киреевым бегали по семь километров, одетые потяжелому, в бронежилетах. Потом играли в волейбол, а чаще в футбол, занимались рукопашным боем. После такой усиленной тренировки хотелось ополоснуться. Киреев отважно бросался в реку, доплывал до середины. Посвежевший, чистый, выходил из воды всем на зависть.

Так потихоньку он многих бойцов приучил к «моржеванию». Хотя плавать на большие дистанции никто не рисковал. Быстро окунались у берега и бегом в помещение, в тепло. Сергей тоже привык к этим водным процедурам.

Теперь в командировке Сергей с благодарностью вспоминал те утренние пробежки и купание. Хорошая закалка пошла на пользу.

Спортом Сергей всегда увлекался — выполнил кандидатский минимум по дзюдо, получил первый разряд по рукопашному бою, прыгал с парашютом несколько раз до армии, потом были прыжки, когда служил в ВДВ, и уже после срочной...

К ним в Червленную приехали старые друзья, разведчики из 205-й бригады, среди них Стас Кравцов, молодой, компанейский парень. Прикатили ребята на двух бээмпэшках. Осмотрев их жилище и скептически усмехнувшись, Стас решил:

— Я вам две печки привезу, еду готовить.

Обещание сдержал, и печки очень пригодились. Согрели и накормили. Никто, конечно, не знал, что судьба снова и снова будет сводить их со Стасом. Он как добрый ангел появлялся всегда вовремя, всегда помогал. Раненный осколком в глаз, он оказался в одной палате с бойцом отряда Сергеем Ивановым. Своим энтузиазмом, веселостью он помог Сергею не раскиснуть, взять себя в руки.

А потом, 8 августа 1996 года, Стас погиб...

Погиб в двадцать шесть лет, получив звезду героя посмертно. Погиб, не дотянув две недели до дома, где его ждала жена, где его уже зачислили в Академию имени Фрунзе. Его все ждали и все любили, но он не вернулся.

А пока до его гибели оставалось меньше года, никто не заглядывал в будущее. На войне все жили одним днем. Сидели за столом в старом доме в Червленной, разговаривали, смеялись...

. . .

Через две недели стояния в Червленной за омовцами приехал командир 4-й заставы из Гудермеса, пригнал вагоны.

— Все ребята, есть приказ. Направление — Гудермес!

В ночь вагоны тронулись. Снова их ждала неизвестность. Один только зам по тылу, Митяков Алексей Николаевич, без суеты, без нервозности запасался продовольствием. Вот уж кто был замом по тылу от Бога. Хотя, конечно, вряд ли есть такая должность в небесной канцелярии, но смекалкой и хозяйственной жилкой Бог Митякова точно наградил. Если он был в командировке, голодать никому не приходилось.

В Гудермес Митяков вез двух живых баранов, полученных путем обмена и благодаря своей хозяйственности. Когда ему предложили на складе: «Просо возьми?» — он без промедления согласился, хотя каша всем уже стояла поперек горла. Но воспитанный в советское время Митяков четко знал, что любимыми продуктами надо запастись впрок. Последовал другой вопрос:

— Сколько возьмешь?

— А сколько можно?

Тут уже у собеседника глаза расширились и даже проскользнула в них жалость к бестолковому заму по тылу, который не понимает последствий от постоянного кормления бойцов кашей.

— Зачем тебе?

— Вы скажите, сколько можно, — гнул свое Митяков. — А зачем — это уже мое личное дело. Мешок дадите?

— Допустим.

— А два?

— Бери, — махнули на странного Митякова рукой.

А зам по тылу, доплатив немного денег, выменял за эти два мешка двух отменных баранов.

И в то время как армейцев пичкали «крысиными хвостиками» (так прозвали тушенку, которую можно было разламывать только ножом) и «братской могилой» — кильками в томате, омовцы могли иногда полакомиться дефицитными шпротами и консервированной кукурузой. А на травке рано утром паслись бараны — свежее мясо, горячее первое и второе блюда. Любо-дорого посмотреть.

(Потом, правда, Сергей на дух не переносил ни тушенку, ни баранину, ни кильку в томате.)

Когда мулла с мечети возносил громогласно молитвы Аллаху, Никулин, боец, ответственный за животных, хлопотал возле баранов: «Э-ге-гей хали-гали!» Правда, под присмотром карабинера, а то не ровен час — могли похитить бойца вместе с баранами.

Несколько раз омовцы ездили купаться на серные источники. Раньше в этих местах был лечебный курорт. Теперь война. И пока двадцать бойцов купаются, другие двадцать ребят, встав по периметру, охраняют.

Больше пятнадцати минут купаться в лечебном источнике не рекомендовалось врачом, да и долго оставаться в этом месте было рискованно. Проводник из местных поторапливал. Проводника брали специально — на источнике могли оказаться женщины, не хотелось застать их врасплох. Из-за такого столкновения могли возникнуть неприятности.

Омоновцы старались ладить с местными. В радикальных переменах они обоюдно были не заинтересованы. Спорные вопросы старались решать со старейшинами, которые имеют влияние на остальных. Все разговоры вели с уважением и пониманием.

Но, однако, бдительности омоновцы не теряли. Отправлялись на рынок вооруженной группой. Трое человек делали покупки, остальные прикрывали им спины. Ловили на себе оценивающие взгляды подозрительных парней, шнырявших по рынку.

. . .

Блокпост на мосту через Сунжу, который охраняли омоновцы, часто обстреливали «духи». Они мчались на «Ниве» или на «уазике». Стреляли из АГС. Точка у них пристреляна, и действовали «духи» грамотно, недаром многие из них готовились в наших, советских еще, военных училищах.

У омоновцев не было тяжелого вооружения, кроме пулемета. В случае нападения большой группы хорошо вооруженных боевиков бой мог закончиться за полчаса, и не в пользу милиционеров.

Рядом дислоцировались части внутренних войск и Министерства обороны. В случае обстрела омоновцы должны были созваниваться со своим штабом, который располагался в пятидесяти километрах от Гудермеса. После поступившего звонка руководство выясняло, какие части стоят рядом с заставой, затем выходило на штаб Министерства обороны, а те, в свою очередь, отдавали распоряжения своим подразделениям, чтобы они помогли омоновцам. На все эти переговоры, в лучшем случае, могло уйти сорок—пятьдесят минут. А в бою такой срок — это шаг в бездну.

Смекалка на войне у русского человека возрастает во сто крат, взаимовыручка тоже. Омоновцы навестили соседей, пригласили в гости, угостили. Договорились в случае опасности не отсиживаться до распоряжений руководства, а идти на помощь. До штаба, как до Бога, а боевики рядом...

Блок обстреляли в очередной раз, когда Сергей вместе с другими бойцами нес на нем службу. Огонь вели с горного хребта. Их не достанешь. Они передвигались на узике.

Сергей начал выводить группу из-под обстрела на другую сторону железной дороги, к другому блокпосту. Там, за насыпью, «духи» их не достанут. Сергей шел последним. Он практически скрылся, когда раздался взрыв.

Словно сильным ударом послали в нокаун. Удар в лицо и ногу. Сергей упал. А до спасительного укрытия оставался один шаг. Всего один шаг...

Бойцам не пришлось далеко за ним ползти. Его вытащили и вызвали помощь. Вот тут ребята из внутренних войск и приехали на подмогу со своим врачом, который помогал омовскому доктору Александру Федотову.

Ослепленный болью, с лицом, залитым кровью, Сергей мало что запомнил. В голове пульсировали вспышки. Промедол смягчил боль, Сергей остался в сознании.

Док в отряде всегда оставался в тени, был незаметным, но все, кого он лечил, говорили, что Александр — классный доктор. Сергей убедился в этом сам.

Александр загрузился вместе с ним в вертолет. Сквозь пульсирующую боль Сергей слышал разговор доктора с пилотом:

— Куда летим? В Ханкалу, в Грозный?

— Нет. Там нет нужных специалистов, — решительно запротестовал док. — Туда не летим.

— А куда?

— Во Владикавказ.

— Туда не долетим, — воспротивился пилот.

— Летим туда! — отрезал док.

Шум вертолетных винтов словно усиливал боль, раскручивал ее на своих лопастях, мелькал вспышками. Александр почувствовал состояние Сергея — вколол еще дозу обезболивающего.

— Ничего, держись, — перекрикивал он шум.

Во Владикавказе носилки приняли на свои плечи местные омовцы, свои братишки. Помчались в армейский госпиталь.

А там холодно. Не топят совершенно, хотя уже глубокий октябрь. Сергея била дрожь. Он уже думал не о боли — только об этом пронизывающем холоде. Тем более, его раздели, а когда сообразили одеть, то дали белье на несколько размеров меньше.

Несмотря на свое состояние, Сергей с усмешкой заметил, что кальсоны чуть ниже колен, а рукава рубашки едва достают до локтей.

Положили на холодный стол. И вдруг перед ним возникла хлопотливая докторша. Ему в тот момент было не до ее фамилии, запомнил лишь, что зовут ее Лариса Петровна. Она манипулировала разными инструментами около его глаза, а сама не переставала заговаривать зубы:

— Сейчас все сделаем. — Она постучала по осколку с неприятным звуком. Осколок попал под глаз, застрял в нише между глазным яблоком и костью.

Она говорила много и почти беспрерывно, а Сергей замерзал.

— Девчонки! — не выдержал он. — Давайте быстрее, я замерз как собака.

Наконец осколок зазвенел в лотке.

— Вы уж мне его подарите, — попросил Сергей.

— Все вы так говорите, — заворчала Лариса Петровна. — Собираете свои железки, нашпигованы ими, как я не знаю что. Сейчас заштопаем тебя, ничего не будет видно.

— Штопайте хоть канатом, а то я совсем тут у вас замерзну.

«Легкой» рукой Лариса Петровна действительно зашила рану так, что шрам потом стал практически незаметен. Она зашила и пробитую двумя осколками ногу.

• • •

На следующий день вылет в Москву. Док ни на минуту не отходил от Сергея.

Лететь предстояло из Беслана гражданским бортом. Но билеты на рейс были раскуплены. Омоновцы пошептались с сотрудниками аэропорта и шесть пассажиров на самолет не попали. На земле их задержа-

ли при досмотре под разными благовидными предложениями.

У шести кресел в салоне самолета откинули спинки, поставили носилки с Сергеем. Рядом сел Александр.

Дома предстояла встреча с женой Ириной. Было жалко ее, дочку Оленьку — она совсем еще маленькая, родителей — ни мать, ни отец вообще не знали про чеченские командировки.

Когда Сергей отработал в 1-м полку ППС ГУВД Мосгорисполкома шесть лет и перешел в только что основанную роту милиции особого назначения, он отчего-то сразу скрыл от матери, что теперь работа будет напряженнее и возможны опасные командировки. Наверное, скрыл, памятуя, как она волновалась и переживала, опасаясь, что Сергей попадет в Афганистан. ВДВ в 1983—1985 годах была туда прямая дорога. Но Сергей служил в Пскове.

От Ирины, конечно, не скроешь, как на душе паршиво. Насколько серьезное ранение, сейчас еще было сложно судить, но Сергей понимал, что это может послужить поводом, чтобы его комиссовали. А значит, придется бороться, выздоравливать как можно быстрее, не давать себе расслабиться ни на минуту, как перед очередным одним-единственным шагом — в бездну или на новый жизненный путь.

В институте имени Гельмгольца Сергей не оставался один ни на минуту. Кроме Ирины, которая бывала каждый день, его навестили по очереди все бойцы, которые находились в этот момент в Москве.

Через две недели Сергей выписался, но каждый день приезжал на уколы. Мучительные уколы в глаз и в веко. Он выходил из процедурной и по стенке сползал на кушетку от боли. Минут двадцать сидел не в силах пошевелиться.

А утром вставал, и снова его везли на эти уколы. Так двенадцать дней, чтобы подготовить глаз к операции, чтобы спасти зрение. Сергей решил уже для себя остаться в отряде, тем более командир отряда, Бирагов, поддержал его решение. Надо было бороться.

Александр, обычно незаметный, суетился, договари-

вался. Благодаря ему, Сергея положили в институт микрохирургии глаза к Федорову. Оперировал профессор Глинчук. Неутомимый Александр ухитрился пролезть в операционную, чтобы и там быть рядом со своим бойцом, ничего не упустить. Он видел на экране все детали операции, которая прошла удачно. Сергея выписали уже на следующий день.

Следующий шаг — выйти на работу. Сергей и с этим справился. И теперь командир отряда.

• • •

О ранении Сергея и про чеченские командировки родители узнали только спустя два года. Когда со всей семьей Сергей гостил у родителей в Тамбовской области, зашел разговор о Чечне и маленькая дочка вдруг сказала:

— А папа ездит туда часто.

Сергей начал торопливо оправдываться:

— Мам, я езжу только бойцов менять. До Моздока и обратно.

Мать, кажется, не поверила, но у нее хватило мудрости и такта не расспрашивать. Да, ездит в командировки, да, имеет ранение, но ни себе, ни ему беречь душу подробностями она не стала.

Ирине он тоже вначале не договаривал. Когда ехал в первую командировку, сказал, что едет на две недели в Ростов-на-Дону. А потом Ирина увидела Сергея по телевизору в Чечне. Он позвонил якобы из Ростова, бодрым голосом сообщил:

— Все нормально. Я в Ростове. У нас тут яблоки, арбузы.

— Я видела твои яблоки и арбузы!

Из командировки Ирина встречала его сама...

Вторая командировка возникла неожиданно. Только вернулись из отпуска с семьей, заносили вещи в квартиру, раздался телефонный звонок.

— Завтра с вещами быть в отряде!

Недолгие сборы — меньше разговоров, меньше слез.

— Ир, я уезжаю ненадолго, — и Сергей быстро-быстро ретировался из квартиры.

Все эти уловки были еще в первую чеченскую кампанию. Во вторую Сергей действительно в большинстве

случаев ездил, чтобы только произвести замену. Но однажды пришлось там остаться.

Для оправданий был задействован лучший друг Алексей. Когда Сергей уже находился в Чечне, Алексей принял «огонь» на себя, позвонив Ирине и сообщив, что ситуация изменилась и Сергей вынужден задержаться в командировке на неопределенный срок. Вернувшись, Сергей многое выслушал, жена со слезами сказала:

— Все, ты меня больше не обманешь! Не отпущу. Сергей, конечно, ездит, но ненадолго.

Дочка подросла. Оле уже тринадцать. Растет самостоятельной девочкой. Родителям некогда. Ирина — федеральный судья, папа — омоновец. Они вечером приходят, спросят, готовы ли уроки, а проверять уже и сил нет.

Учится Оля хорошо. Занимается музыкой — игрой на гитаре, иностранными языками в спецшколе. А если не справляется с математической задачей, то в отряде много бойцов, кто-нибудь да поможет. Папа с мамой — гуманитарии, у них с математикой дело обстоит неважно. Сергей звонит в таких случаях в отряд:

— Игорь, помогай, у нас есть задача!

. . .

А самым любимым занятием для командира остаются прыжки с парашютом. Их у Сергея уже тридцать два. Несмотря на то, что врачи после ранения рекомендовали прекратить прыгать.

Но небо манит. Даже когда Сергей на земле, оно постоянно притягивает его взгляд. В Воронежской области, где он гостит иногда у своей тетки и бабушки, есть высокие холмы. Взобравшись на такой холм, подойдя к обрыву, Сергей останавливается завороженный — вокруг такой простор! На много километров ни одной души. Только птицы и небо, а земля далеко внизу.

И снова взлетное поле, самолет, парашютисты с сосредоточенными лицами. Каждый через мгновения останется наедине со своим небом. В свободном полете, в

потоках упругого воздуха, с ощущением полной свободы, беззащитности и силы одновременно. Но сначала надо шагнуть из самолета, сделать тот самый один шаг...

Три ордена Мужества

Полковник милиции Эдуард Львович Филиппов — командир отряда милиции специального назначения УБОП СКМ ГУВД Московской области с 2001 года.

Маленькая комната. Наглухо заколоченные окна. Темно. Немного тянет дымом из буржуйки. Наверное, на улице ветерок, и он задувает дым обратно, в комнату. Слышно шуршание снега о фанеру на окне, словно кто-то скребется снаружи.

Эдуард Филиппов тихо поднялся, чтобы не разбудить соседа. Тот, застегнув повыше молнию на спальнике, сонно дышал.

В комнате становилось холодно. За дверцей буржуйки слабо, как будто засыпая, переливались красноватым светом улги, собираясь вот-вот погаснуть и почернеть.

Долго спать Филиппов не мог. Часа в три ночи проснулся и пошел проверять посты. Надел бушлат и вышел в темноту.

Шелковской район. Когда-то, в мирное время, здесь находился студенческий лагерь. Кажется, это было очень давно, в прошлой жизни, до войны. Теперь тут сплошные развалины, смешанная со снегом грязь и стреляные гильзы. Бесконечные стычки с бандитами. Почти каждую ночь обстрелы.

Шелковской — район равнинный, живет за счет нефти. Мини-заводы. Местные ставят примитивные аппараты — паяльной лампой греют добытую нефть, испарения пропускают через змейку в воду и получают бензин. Живые деньги, за которые им есть смысл воевать.

В 1999-м Шелковской район был зоной ответственности подмосковного СОБРа (теперь ОМСН. — *И.Д.*). За три месяца командировки, с октября по декабрь, собровцы уничтожили огромное количество этих мини-заводов, «самоваров», как они их прозвали...

Эдуард обошел посты и вернулся в комнату-штаб. Один из домов студенческого лагеря, более-менее уцелевший, вернее, одну его комнату приспособили для жилья. Еще поставили две палатки.

Холодно в штабе. С дровами туго. Они сырые и не разгораются, даже если их класть в теплую печь на горячие угли. Зато солярку достать не проблема, и с ее помощью разжигают дрова. Соляра не сразу, но вспыхивает, и сырые доски занимают пламенем, медленно, но разгораются.

Филиппову не спалось после ночного обхода. Не зажигая свечи, он начал в темноте возиться с буржуйкой. В спальном мешке, конечно, тепло, но если есть кроватка, то лучше спать по-человечески, и Эдуард с упорством предпочитал койку.

А ночью колот дрова и топил буржуйку. Грелся и долго-долго смотрел на огонь.

Менялась погода, и сильно болела голова. Сказывалась контузия. Эдуард потер шрам на затылке.

• • •

Три года назад на стылом поле, километра за полтора до Первомайского, собровцам не разрешали жечь костры. Январский ночной мороз, и никакого укрытия. Автобусы с боевиками и заложниками на заблокированной дороге.

Человек триста пятьдесят «собров», два отряда внутренних войск, на всех один маленький автобус, в котором по очереди можно греться.

...Еще несколько часов назад собровцы находились в Москве. Их подняли по тревоге.

Стало известно — в Кизляре заложники. Около пяти утра Кизляр атаковала чеченская банда во главе с Салманом Радуевым. Уничтожили пост ОМОНа, захватили родильное отделение местной больницы и согнали туда около трех тысяч человек, в основном женщин и детей.

Филиппов тогда был еще капитаном, начальником отделения. За два с половиной часа быстрые сборы. Сухпай на три дня и по одному боекомплекту на брата. Брали с собой и штурмовые алюминиевые лестницы, ведь ехали на штурм больницы.

В заснеженном Чкаловском — расчищенные взлетно-посадочные полосы, красно-зеленые огни. Погрузились в самолет. Кто-то спал, кто-то сидел, задумавшись, уставившись в одну точку, кто-то переговаривался с соседом. Эдуард смотрел на знакомые лица ребят, своих подчиненных и товарищей. Сколько было таких выездов и вылетов! И никогда не знаешь, вернется ли группа в том же составе.

Среди боевиков Радуева много наемников, которых специально готовили в Пакистане для терактов и уличных боев. По местному радио Радуев заявил, что в город «пришли волки и не уйдут, пока Россия не выведет федеральные войска из Чечни и всего Северного Кавказа».

Филиппов покачал головой. Чеченские «волки» драться умеют. Собровцы тоже не новички. Но как там все сложится?

Заложники — подлость и хитрость чеченцев. Тут не до геройской войны. Тут и тактика, и политика. Людей не сгубить и заложников вызволить.

Прибыли в Моздок, а уж оттуда, «вертушками», собровцев перекинули в Кизляр. Но, как ни торопились, все-таки опоздали. Около шести утра бандиты с десятками заложников и семью добровольцами из руководства Дагестана на автобусах покинули Кизляр.

Собровцы увидели только две сожженные «вертушки» на аэродроме и разгромленную воинскую часть рядом.

Летом девяносто пятого, в июне, случилось что-то похожее в Буденновске. Около сотни бандитов — чеченских террористов — ворвались в город, захватили больницу. Убитые, раненые, заложники... Эдуард был и в Буденновске.

В СОБРе он служил с 1993 года. Тогда подразделение создали из двух взводов ОМОНа, командиром одного из которых был Филиппов. И в ОМОН он пришел с самого его основания, в восемьдесят девятом. Так что почти ни одна горячая точка или экстренная ситуация девяностых годов мимо него не прошли. Дагестан... там, в горных районах, было неспокойно. Осетия конфликтовала с Ингушетией. И вот теперь Чечня...

Сгоревшие «вертушки» на кизлярском аэродроме представляли мрачное зрелище. Террористы хотели

захватить склад арттехвооружения и на вертолетах уйти в Чечню. Но и на аэродроме, и в войсковой части получили отпор. Со зла и сожгли вертолеты.

Собровцы догнали колонну, двигавшуюся в сторону Бабаюрта, дагестанского села. Из вертолетов высадились в поле, перекрыли дорогу недалеко от Первомайского. Подтянулись спецслужбы, ФСБ. Начались долгие переговоры. А собровцы, готовые к штурму, ждали.

Подмосковный СОБР возглавлял полковник милиции Рябинков. Двумя отделениями командовали Филиппов и Калашников.

Переговоры затягивались. Пришла ночь, морозило. Мерзли, терпеливо ждали очереди погреться в автобусе, подъедали небольшой сухпай, ругались на спецслужбы, затягивающие переговоры. Часть бандитов оттянулась в Первомайское и начала создавать укрепленный район с помощью заложников. Из Чечни на помощь Радуюву прорвались две группы дудаевцев. Появились еще заложники — тридцать восемь милиционеров новосибирского УВД. Боевики заставляли их копать окопы, соединявшие между собой дома.

По приказу дорогу разблокировали, и бандиты вошли в Первомайское. А три подразделения ночевали в открытом поле.

Эдуард оказался в автобусе, дождавшись своей очереди. Ни ног, ни рук от холода уже не чувствовал. Ночью морозило крепко, хотя днем и светило яркое солнце.

Филиппов подышал на ладони, перекинув автомат за спину на ремешке.

— Слишком много спецслужб, и все ведут свою игру, — негромко сказал он. — А время-то идет. Они закрепятся в Первомайском, все будет сложнее.

Георгий Калашников, нахмурившись, кивнул.

— Может, договорятся? — Эдуард выглянул наружу.

На поле словно выросли холмики, из которых шел пар и сигаретный дым. Теплые оранжевые огоньки сигарет перемигивались в темноте. Бойцы пытались согреться, усевшись плотнее. Поглядывали в сторону автобуса: когда же их очередь греться?

Холод медленно, нехотя отступал. Одежда промерзла, и мурашки все еще ползали по плечам и спине. Кло-

нило в сон. Через несколько минут выходить из автобуса. Мороз сразу охватит и покажется еще сильнее после теплого салона автобуса. Эдуард поежился, представив себе это.

О бандитах и заложниках собровцам ничего не сообщали, никакой информации.

А террористы хотели получить гарантии беспрепятственного продвижения по Чечне. Их ведь остановили за десять километров от границы между Дагестаном и Чечней. Бандиты хотели увеличить свой эскорт за счет местной милиции и военнослужащих внутренних войск.

Собровцам приказали ждать, естественно, ничего не объясняя. Или штурмовать, или домой.

...Свой первый орден Мужества Эдуард получил как раз за штурм, за штурм Белого дома. В девяносто первом он участвовал в его обороне. А в девяносто третьем штурмовал в составе СОБРа.

Штурмовали, когда дом уже горел. Запомнился дым, едкий, навязчивый, и противогаз от него не спасал. В начале девяностых свет клином сошелся на этом Белом доме, ставшем черным, в прямом смысле, от пожара, и в переносном, для тех, кто там погиб и потерял друзей.

До Первомайского Филиппов успел получить и свой второй крест за чеченскую командировку в девяносто пятом. Бамут, Самашки, Ассиновская...

Ночь долгая, нескончаемая. Только звезды, как застывшие льдинки на небе, земля смерзается и потрескивает, тихо переговариваются бойцы, но особо не поговоришь, губы замерзли и плохо слушаются.

Эдуард, наконец, снова дождался своей очереди на тепло. Забрался в автобус и сразу уснул от душного жара. Столько людей надышало, в салоне и продохнуть нечем. Проветрить никто не решался. Тепло на вес золота.

...Так же жарко бывало в Серебряных Прудах, летом и весной. Самая южная окраина Подмосковья. Там про-

шло детство Эдуарда. Там жили и живут родители, старшие брат и сестра. Летом все время с друзьями проводили на речке с рыбным названием Осетр.

Учителя относились к Эдуарду хорошо, несмотря на то, что прилежным и послушным он не был. Не мог спокойно усидеть на уроках. Везде хотел успеть, везде быть первым. Играть в хоккей или футбол обязательно лучше всех. Он относился к себе строго, с повышенными требованиями, а как же иначе — для спортсмена это золотое правило. Он мечтал стать олимпийским чемпионом. С семи лет поступил в секцию дзюдо. И с тренером, Валерием Алексеевичем Тизяевым, ему повезло. Наставник отвадил мальчишку от улицы. У Эдуарда были способности и трудолюбие. Тренировался он по два раза в день — сначала со своей группой, а потом и со старшей.

Были и другие увлечения, кроме спорта. Он любил повозиться с техникой — с отцовской машиной и мотоциклом. Одно время даже хотел стать летчиком.

У Эдуарда хорошая память. Устные домашние задания он вовсе не делал. Запоминал, что на уроках объясняли. Письменные выполнять вовсе неохота, но учительница на продленке попалась молодая, строгая. Отобрала у них портфели, заперла мальчишек в классе, а сама с группой пошла гулять.

Сидели они, сидели. На улице солнце, в классе жарко, мухи под потолком кружат, вымытая доска сохнет, и на ней проступают белые меловые разводы. Время на тренировку идти. Распахнули окно и со второго этажа выпрыгнули. Тренировка с четырех до шести, у второй группы с шести до восьми. В общем, домой мальчишки вернулись в девятом часу. Дома уже паника. Учительница в класс вернулась, окно открыто, детей нет. И в больницы звонила, и в морги, и в милицию, родителей тревожила. Серега с Эдуардом получили по первое число за свое безрассудство. Но как же на тренировку опоздать!

Спорт занимал у Эдуарда почти все время. В семнадцать лет он уже стал мастером спорта СССР по дзюдо. Потом были институт физкультуры, срочная служба в ЦСКА, сверхсрочная в «Динамо», шесть лет в сборной,

поездки, соревнования. Стал мастером спорта международного класса по самбо, трехкратным призером Советского Союза по дзюдо.

Но пришло время, когда спортсмены стали не нужны. Многие из них начали применять свои физические данные в сомнительных структурах.

Филиппов упорно занимался спортом и учился. В восемьдесят восьмом он выиграл первенство МВД по самбо. Его заметили Селиверстов, тогдашний командир областного ОМОНа, и Рябинков, бывший тогда заместителем Селиверстова. И Эдуард стал бойцом ОМОНа. Иначе, наверное, не могло и быть. Воспитание и хорошие учителя, наставники — все сыграло свою роль...

Эдуарда разбудили. В автобус уже входили другие собровцы с красными от холода лицами.

Поле стало освещаться бледным, неспешно встающим солнцем. Оно отразилось на стене автобуса, заблестело, заиграло искрами на инее, покрывшем землю и людей.

Боевики продолжали выдвигать свои требования. Обеспечить им безопасный проезд через Хасавюрт. В Хасавюрте большая община аварцев, среди которых могли оказаться родственники заложников. Значит, новый конфликт. И командование федеральных сил втолковывало это бандитам.

Переговоры ни к чему не приводили. Собровцев ждала еще одна морозная ночь в поле. На холоде многие бойцы получили обморожения и простудились.

Про них как будто забыли, увлеклись переговорами...

Очередная долгая зимняя ночь. Дух бойцов вместе с температурой падал. Эдуард старался шутить. Вспоминал анекдоты, хотя у самого на душе было тяжело. Сколько же можно просидеть так, без еды и на январском ветру?

Наконец, подогнали «Икарусы». Собровцев посадили в них. И снова никакой информации. Куда? Все закончилось? Домой, что ли?

Но автобусы поехали в объезд по Дагестану, все к тому же Первомайскому, теперь со стороны села Советское.

В дороге измотанные люди спали. Грелись и спали. Филиппов не мог уснуть, переглядывался с Калашниковым.

Куда их сейчас кинут? Чего ждать? К чему готовиться?

Снова высадились в поле, совсем близко к Первомайскому. Еще два дня сидели здесь. Командование решало, штурмовать или нет.

Дали перспективный план строительства Первомайского. Многие улицы, те, что были изображены на плане, еще и в природе не существовали.

В поддержку собровцы получили две БМП. По правому флангу — СОБР ГУБОП, по центру — подмосковный СОБР РУБОП, по левому флангу — СОБР Москвы. По самому правому краю — внутренние войска, «Витязь» и «Ягуар». По самому левому краю — краснодарский СОБР.

Село. Центральная улица с высокой мечетью.

Провели артподготовку. Четыре орудия, четыре «вертушки» отработали по краю. Потом уже пошли вживую.

Широкий арык, целая сеть водных каналов, которых в плане не было и о которых собровцы ничего не знали. Шли по полю, и вдруг камыши впереди. Арык. Воды в нем глубиной по грудь. Тут в ход пошли три алюминиевые пожарные лестницы, их брали для штурма больницы в Кизляре, а штурмовали арык. Лестницы легкие, они под весом бойцов, да еще в полной амуниции, конечно, прогибались, и по пояс промокли все.

Этот глубокий арык в войну служил противотанковым рвом. Из него вылезать-то проблема, скользко, а по кромке боевики стреляют. Только камыши шелестят и обламываются.

Поставили задачу выдвинуться на исходный рубеж. Собровцы доложили, что прибыли на место. Поступил приказ — ждать. Из арыка не высунешься — плотный огонь. Залегли. Долго лежали, мокрые и голодные.

Начало темнеть. Только светлые сухие камыши еще долго белели надо рвом. Шелестели, и казалось, что кто-то крадется, подползает.

А команды к штурму все не давали.

Эдуард положил автомат на землю, и тот из-за ночного мороза очень быстро вмерз в грязь. Его пришлось

пинком выбивать и взводить ногой. Автомат весь заиндевел.

До Первомайского от края арыка метров сорок. Если высунуться, то секунд через десять снайперы снимут.

Еще до того, как собровцы заняли исходную позицию в арыке, они несколько раз пытались выдвинуться в сторону села и получали команду: «Отставить!» И в одну из таких вылазок боевики сожгли из гранатомета обе БМП, которые собровцам дали в поддержку. К счастью, экипажи машин не пострадали. Но погиб подполковник СОБРа РУБОП Валерий Сысоев, пуля снайпера попала ему в голову.

До приказа к штурму оставалось еще около полутора суток..

Капитану Эдуарду Филиппову было тогда двадцать девять лет. За восемь лет службы он понял, что служба — это его призвание.

Однако ожидание, затишье перед броском, штурмом он ненавидел так же, как и другие. Эдуард видел по лицам бойцов, что они устали, нервы на пределе, собровцы почти «перегорели». С таким-то настроением идти на штурм! Однако выбора не было.

Мокрую одежду сморозило, она хрустела и источала холод. Хотелось встать, походить, побегать, согреться, а приходилось сидеть или лежать на ледяной земле.

Но вот команда: «На штурм!»

У боевиков по центральной улице передвигалась машина «ГАЗ-53» с установленным на ней ДШК — они все вокруг простреливали. Да еще мечеть возвышалась над селом, с нее тоже велась стрельба.

Подмосковный СОБР выдвигался скрытно, по частному сектору. Прорезали лазы в плетнях из виноградной лозы и шли под прикрытием домов.

Начались потери. Смертельное ранение в шею получил подполковник Андрей Крестьянинов. Везде он был первым и погиб одним из первых. Снайперы бандитов работали четко. Командира Рябинкова тоже тяжело ранило в позвоночник.

Больше всего досталось московскому СОБРу. Погибшие, раненые.

После ранения полковника Рябинкова операцию возглавил Калашников, Эдуард был его заместителем.

Во время обстрела бандиты спускались в подвалы домов. Стены саманные, и пули в них вязнут. Боевики пробивали в фундаменте бойницы и стреляли из них. Да еще окопы, ходы сообщений между домами. Сложно было вообще приблизиться к дому.

Из первого, крайнего, дома велся плотный огонь, и подобралась к нему собровцы с трудом. Филиппов бросил внутрь гранату. После взрыва два капитана, Эдуард и Дмитрий, ворвались в дом, расстреляли задымленные комнаты, но в них никого. Только на кухне люк в полу. Открыли, а там двое. Один убитый, другой раненый. Раненый убеждал собровцев, что он заложник. Эдуард с Дмитрием вытащили его из подвала, но он уже умирал. Эдуард попросил доктора сделать раненому обезболивающее. В то, что он заложник, конечно, не поверили. Нашли у него в карманах шприцы и наркотики.

Во время штурма попали под минометный огонь. Одна из мин взорвалась позади Эдуарда. Его бросило метра на четыре вперед. Несколько мгновений он не мог прийти в себя. Оглох. От такого взрыва и удара взрывной волной не сразу поймешь, что произошло и на каком ты вообще свете. В голове гудело от контузии. Но собровцы шли дальше, Филиппов в горячке боя тоже вскочил и побежал.

Огонь, выстрелы, дым, крики, гул в голове. Продолжали двигаться к центру села, откуда дудаевцы вели плотный огонь.

Основной удар пришелся на СОБРы и «Витязь». «Альфа» подтянулась позже и прикрывала отход собровцев. Те выносили своих раненых.

Дмитрия ранило в живот. Его несли на байковом одеяле, которое раздобыли в одном из домов.

Руслан держал край одеяла. Вдруг закричал. Пуля пробила куртку на предплечье. Подбежал доктор. Сразу вколол промедол, рукава куртки и «хэбэ» вспорол ножом и оторвал.

Эдуард тоже посмотрел, что там. Обожженная кожа. Пуля прошла навывлет.

— Руслан, да у тебя ожог! — перекрикивал шум выстрелов и взрывов доктор. — Выйдем, я тебе зеленкой помажу и все.

— Что?! Чего ж ты мне из куртки жилетку сделал?! — заорал Руслан.

Он чуть не кинулся на доктора. Ругался. Собровцы, кто видел, смеялись. Только что имел бледный вид — ну как же, ранили. А теперь куртку жалко.

Во время отхода Филиппов с бойцами снова оказался у крайнего дома, где нашли раненого боевика. Эдуард выбирал позицию для стрельбы. На кухне на столе стояла бутылка шампанского. Из окон и импровизированных бойниц собровцы отстреливались.

Эдуард и Алексей выбежали на задний скотный двор, обнесенный высокой кирпичной стеной. А бандиты в этот момент как раз подогнули с улицы к дому машину с ДШК. Пулемет строчил по кромке забора, и забор постепенно исчезал, рассыпался, как будто пряжу распускали. Собровцы залегли. Земля и замороженный навоз поверх нее.

Эдуард видел, как Алексей отползает на животе.

— Ты как? — Филиппов переместился к нему поближе. Пулеметный огонь не прекращался.

— Как, как? Полное дерьмо! — отряхивая с ладоней комки смерзшегося навоза, усмехнулся Леха. — Чего делать будем? — Он пополз к забору, прислонился к нему спиной.

— Чего-чего? Шампанское открывать!

Эдуард тоже прислонился к забору, и они вместе с Алексеем пили шампанское из горлышка.

Под прикрытием «Альфы», дымовых шашек собровцы отходили, несли на себе раненых. Выбрались из села, из фляжек водки глотнули — успокоиться, согреться.

Генерал-майор Карташов сидел с собровцами в окопах. Он спросил у Филиппова:

— Ну чего, Эдуард?

— Поддали нам, — покрутил головой капитан. — Но ничего, могло быть и хуже, — улыбнулся. — Сейчас соберемся, мы им устроим!

— Молодец, молодец, — похлопал его по плечу Карташов.

Но снова наступать не пришлось. Собровцев вывели в село Советское.

Голова у Эдуарда так и гудела. Он тронул шею, а там кровь, и за воротником тоже липко, но он не придал этому значения, не до того было.

Только когда уже отошли за три километра от Первомайского в Советское, Эдуард снял шлем и увидел, что он пробит сзади. Филиппов нащупал у себя на затылке вонзившийся в кость осколок.

Снова удивленно посмотрел на шлем. Если бы его не было...

Мать рассказывала Эдуарду, что он родился в «рубашке». В тот день, когда мина взорвалась и осколки разлетелись в разные стороны, не иначе как «рубашка» помогла.

Доктор велел потерпеть. Пять минут боли — и осколок лежал у Эдуарда на ладони: маленький, изогнутый кусочек темного металла.

В госпитале потом удивлялись, как инфекцию в полевых условиях не занесли.

Эдуард об этом не задумывался. Надо было позаботиться о раненых, убитых и ехать домой.

А собровцы все еще посмеивались над Русланом. Раздобыли пластырь, приклеили им рукав к куртке и вручили ему:

— Носи, Руслан, новую куртку...

Уже в Москве Эдуард почувствовал себя хуже. Контузия оказалась серьезнее, чем он думал. Было тяжело говорить. Пришлось лечиться в госпиталь, где его держали полтора месяца.

За штурм Первомайского Филиппова наградили медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Когда Эдуард лежал в госпитале, он узнал, что у погибшего Крестьянинова в кабинете стоял дипломат. Его открыли, а там деньги и записка — «На мои похороны». То ли предчувствовал что-то Андрей, то ли всегда так делал, уезжая в командировки. Жена и двое детей остались...

Воспоминания, такие же яркие, как занявшиеся дрова в буржуйке.

Теперь уж точно до рассвета не заснешь. Эдуард прилег на кровать. Георгий спал и даже не проснулся, когда Филиппов колот дрова.

Починенная буржуйка грела лучше прежнего, а пустое место, где раньше спал начальник медсанчасти, напоминало о неудачном соседстве.

Калашникова забавляла эта история, а Филиппов то ли в шутку, то ли всерьез кипятился.

У Эдуарда были отличные австрийские армейские ботинки, которые прослужили ему уже в нескольких командировках. Он ими, конечно, дорожил, близко к буржуйке не ставил, чтобы кожа не испортилась. Обувь на войне — важное дело. А как-то вечером доктор пришел и водрузил свои ботинки поближе к теплу, а ботинки Эдуарда задвинул за буржуйку. Утром надевать Филиппову было нечего, одни подошвы.

— Мало того что он храпит! Этот Пиллюлькин еще сжег мои ботинки! — возмущался Эдуард.

Георгий давился от смеха.

Не прошло и нескольких дней — новый сюрприз от доктора.

Ночью Эдуард, как обычно, проверил посты и взялся топить буржуйку. Свет не зажигал. Бутылка с соляровкой стола на своем месте. Эдуард накидал дров и привычно плеснул из бутылки на тлеющие в печке угли. Прозвучал взрыв, трубу от буржуйки снесло вбок, Эдуарду опалили брови и волосы на голове.

Калашников и доктор повскакивали. Наверное, решили, что нападение.

Вид у обгоревшего Филиппова был демонический. Вместо солярки в бутылке оказался бензин.

— Кто это сделал? — загробным голосом поинтересовался Эдуард.

— Ну, я, — робко признался доктор. — Вижу, ты каждый раз мучаешься, долго разжигаешь.

— Хотел как лучше, получилось как всегда, — смеялся Георгий.

Доктор сам перебрался в другую палатку.

Еще одной «диверсии» Филиппов мог не перенести, а учитывая спортивную подготовку Эдуарда, будущее доктора смотрелось мрачно. Опаленные волосы пришлось сбрить. Теперь мерзла голова.

Скоро уже домой. Накопилась усталость. В Шелковском районе собровцы охраняли комендатуру. Здесь

В засаде.

Своих не бросают.

Полоса препятствий.

На зараженном участке.

Захват.

Фото из Афгана.

Десант.

Из Чечни
не вернулся.
Старшина милиции
Игорь Романов.

«Крылья»
ОМОНа.

Не ждали?

Высотная
подготовка.

После боя.

На милицейских учениях.

Среди трофеев — мини-завод.

Что оставляет война.

Устал.

Фронтная улица.

С чеченским мальчишкой. Свои сыновья ждут дома.

На задании.

Как дома?

Вдали от родного края.

Эх, дороги...

Задумался...

И в землянке не пропадем.

Перед вылетом.

Блокпост.

Белый халат и камуфляж.

К выходу готовы.

На посту.

же по району проходили железная дорога и шоссе из Дагестана, по которым завозились продукты питания. Боевики старательно и настойчиво минировали дороги. Собровцы устраивали ночные засады на минеров. Кроме того, уничтожали мини-заводы. Вначале заводы просто подрывали днем, не выявляя владельца. Но ночью появлялись хозяева и обстреливали собровцев. Тогда стали сперва вычислять владельцев, а ночью выходили и уничтожали. Шевеление в районе начиналось преимущественно ночью. Собровцы ставили «растяжки» против подпольных нефтедобытчиков, а уже утром «растяжек» не находили. Местные взрослые и даже дети умели их снимать.

Эдуард думал о своей учебе. Уже находясь на службе, он закончил экономический вечерний факультет Тимирязевской академии и теперь учился в Академии Управления МВД. Контрольные, учебники, экзамены. Высшая математика, законодательство, английский, тонкости оперативной работы. Тяжело, но учиться хочется. У многих офицеров СОБРа не по одному, по два диплома. Сессия весной.

И, как всегда, воспоминание о весне возвращало его к другой весне, девяносто седьмого года. Ранним утром Филиппов был в Коптеве. На крыше шестнадцатизэтажного дома. С тремя собровцами на альпинистском снаряжении спускались до четырнадцатого этажа. Там, в квартире за бронированной дверью, находились двое серийных убийц. Два киллера, работавшие по заказу. К ним иначе, как через балкон, нельзя было подобраться.

Город внизу еще спал. Предсолнечная золотистая дымка рассеивалась от горизонта. Ночью прошел дождь, и листьев на деревьях словно стало больше. Черная влажная крыша, пустая пивная бутылка у стены вентиляционной вытяжки.

Двумя этажами ниже преступники, наверное, тоже спят.

Эдуард проверял альпинистское снаряжение. Все должно быть выверено. Чуть замешкаешься, и убийцам хватит времени выстрелить на шум, в темные фигуры на фоне светлого окна.

Через несколько минут звонко в тихом дворе разбилось оконное стекло. Осколками Эдуард порезал руки.

Собровцы ворвались в комнату, повалили одного преступника на пол, другого скрутили прямо на кровати. Под подушкой обнаружили заряженный пистолет, а в квартире целый оружейный арсенал.

Филиппов вышел из подъезда. Двор, казавшийся с крыши безлюдным, оживили школьники, дворничиха, сметавшая осколки стекла с тротуара, автомобилист, который сигналил, запертый машиной собровцев.

Многие из этих людей жили в шестнадцатизэтажке, в одном подъезде с убийцами. Эдуард посмотрел вокруг. Они даже не подозревали ничего, лишь удивленно оглядывались на людей в камуфляже и с оружием.

И только в девяносто девятом, спустя два года с того утра, с того рискованного захвата, Эдуард получил медаль «За отвагу»...

В Москве после чеченской командировки ждала такая же обыденная работа. По пять-шесть выездов в день. Освобождение заложников, захват бандитов.

. . .

А в Москве Эдуард не часто возвращается в свою пустую однокомнатную квартиру. Родители живут в Серебряных Прудах, и он редко их видит.

Однажды командировка затянулась на четыре месяца, и в квартире Эдуарда отключили свет, телефон и воду за неуплату. В ДЭЗе он начал объяснять, что, во-первых, его физически не было в Москве, а во-вторых, есть указ о льготах для участников боевых действий.

Ничем не прошибешь этих железобетонных дзэзовских теток. Уж на что Эдуард человек спокойный, но тут пришлось повысвить голос.

На следующий день все подключили. В этой квартире все равно редко удается бывать. Чаще Эдуард ночует в казарме, в СОБРе.

Были жена и дочка, но терпения у них не хватило. Тяжело жене провожать мужа на войну и каждый день,

каждый час изводиться от ожидания. Не нашлось пока для него такой, которая сможет выполнять эту трудную работу — ждать.

Эдуард отдыхал на своей койке в казарме. За окном подмосковные зимние сумерки.

15 января — пять лет со дня гибели подполковника Сысоева. У Валерия были жена и сын. Сын тоже служил в подмосковном СОБРе, как и отец. Окончил школу милиции. Но мама очень переживала. После гибели мужа, провозжать в командировки сына... Собровцы помогли младшему Сысоеву перейти во вневедомственную охрану.

Эдуард за чеченскую командировку девяносто девятого, спецоперации в Шелковском районе получил третий орден Мужества, сравнялся по количеству крестов со своим дедом, донским казаком, у которого было три Георгиевских креста.

Жизнь — сплошные цифры. У Филиппова четыре внеочередных звания. Почти два десятка «горячих» командировок. По выслуге лет ему спокойно можно идти на пенсию, ведь на войне день считают за три. Но бросать любимую службу Эдуард, конечно, не станет. В тридцать семь лет какая пенсия?

Эдуард Львович окончил Академию МВД, и уже несколько лет он командир отряда. Самоотверженно борется с бытовыми неурядицами, нехваткой кадров и другими трудностями, а трудностей всегда хватает.

По чистой воде

Полковник милиции Алексей Владимирович Кузьмин служил в СОБРе РУБОП по Московской области с 1995 по 2002 год, был командиром отделения. В 2002 году Кузьмин возглавил ОМОН на воздушном и водном транспорте. В 2004 году Владимир Алексеевич был назначен начальником Ступинского УВД. Кавалер двух орденов Мужества, награжден медалями «За отвагу», «За ратную доблесть».

Ночь после обстрела показалась особенно тяжелой. В темноте комнаты как будто не хватало воздуха. Из-за контузии теснило в груди.

Это был июнь 2000 года, третья командировка подполковника милиции Алексея Кузьмина.

Несколько часов назад на территорию пункта временной дислокации подмосковного СОБРа напали боевики. Кузьмин стрелял из укрытия, когда рядом с ним разорвалась граната и он на мгновение потерял сознание.

Контуженный, он продолжал стрелять. Каждый выстрел отдавался вспышкой боли в голове.

Атаку боевиков отбили. И за Кузьмина взялся доктор...

Госпитализироваться и уехать Кузьмин мог — лопнувшая перепонка в ухе и контузия позволяли это сделать, но он не захотел.

— Ничего. Я тут полечусь. Потерплю. Не так долго осталось, — сказал он командиру.

Нужно было заснуть. Завтра с утра планировался выезд на задержание группы боевиков. Бандиты устанавливали фугасы и обстреливали пункты дислокации российских войск. Вместе с оперативниками РОВД Октябрьского района собровцы вычислили нескольких членов этой группы.

Чтобы забыться от боли, Кузьмин стал вспоминать Енисей. Вид его свинцово-синих вод всегда успокаивал, и шелест волн на перекатах будто убаюкивал.

Когда на лоцманском судне Алексей заводил караваны судов из Карского моря в Енисей, Курейку и другие реки, всегда испытывал романтическую приподнятость. Живописные берега, медведи, переплывающие реку, толстые глухари, тяжело взлетающие над лесом и каменистыми берегами.

Лоцманская проводка судов — дело хитрое. Бывало, разыграется ветер, взбеленится река, взбунтуется сама природа. Тут нужно не только мастерство, но и характер.

О море Алексей мечтал с первого класса. С родителями он побывал в разных уголках СССР. Отец, военный инженер-строитель, приезжал вместе со своей частью на неосвоенные места и занимался там возведением секретных объектов. Жить приходилось и в бараках, и в вагончиках, и даже в землянке. Военных вокруг себя Алексей видел с рождения. Но когда однажды, по-

ехав с матерью в город, увидел там моряка в форме, как будто заболел. Только и думал о кораблях, море и красивой форме...

Морским капитаном он не стал. Окончил школу в поселке Архара Амурского края и поступил в Благовещенское речное училище.

Четыре года учебы, и Алексей — капитан-механик вспомогательного флота. Теперь он ощущал себя почти хозяином реки: огромной, сильной. Он изучал ее приливы и отливы, причуды, изгибы, перекаты и мели...

В выходные Алексей ходил по лесу и возвращался с дичью. В сумерках зажигал костер на берегу реки, спал под небом в спальнике, прикрыв лицо противомоскитной сеткой. И не мог надышаться, насмотреться. Запахи и звуки — сочные, полные, живые.

Затем снова заступал на вахту, становился к штурвалу. Поднимаясь и спускаясь по Енисею, речники обеспечивали одеждой, питанием, всем необходимым для жизни жителей поселков, расположившихся по глухим берегам притоков Енисея.

Мать и отец Алексея ненадолго вернулись в Каширу под Москвой, где у матери был старый дом, доставшийся ей от отца. Родители снова собирались уезжать на строительство. Мать написала Алексею: «За домом нужен хозяйский догляд. Если ты не можешь приехать, тогда придется продавать».

Кузьмин родился в Кашире, и дедовский дом было жаль. Он думал долго и в один из рейсов, еще не приняв никакого решения, вдруг понял, что мысленно прощается с рекой. Вернулся из рейса и взял расчет...

Зато теперь холодная сильная река возникала в памяти и помогала в трудные моменты. Каким-то странным образом утешала и вселяла спокойную уверенность. Как если бы Алексей опять стоял у штурвала.

. . .

Выдвинулись соборвцы затемно. До поселка, где жили боевики из бандитской группы, надо было добрать-ся как можно быстрее. Захватить преступников врас-

плох и допросить. Оперативники знали, что группа многочисленная, но сейчас направили бойцов СОБРа только за тремя...

Уазик потряхивало на разбитой дороге. Кузьмин старался держать голову ровнее, чтобы ни обо что не стукнуться. Голова кружилась, болело ухо. Но подполковник внимательно прислушивался к разговору оперативников, улыбался их шуткам. Как ни в чем не бывало...

Солнце еще не выглянуло, и улица поселка тонула в густом сумраке. Машины с собровцами и оперативниками остановились.

По плану, собровцы рассредоточились, чтобы отработать одновременно сразу три адреса. Бандиты не должны были успеть оповестить друг друга.

Они не ждали ареста. Обнаглели, зарвались. Спали спокойно у себя в домах. И документы у них отличные, не подкупаешься. Но информация была надежной. Искали в доме, во дворе, в постройках и нашли припрятанное оружие и боеприпасы.

Оперативники забрали боевиков к себе для допроса, а собровцы вернулись в расположение отряда.

Разговор по душам с товарищем снимал усталость. Часто группа, ехавшая в командировку, составлялась из бойцов разных оперативно-боевых отделений. В Подмосковье они редко пересекались. Дежурили в разные смены и в командировке открывали для себя новых друзей.

— Я в СОБР из ОМОНа пришел, — говорил один из бойцов. — А ты, Алексей? Я слышал, что ты капитаном судна был?

— И капитаном тоже. — Кузьмин смущенно потер затылок. — Я с 1987 года в милиции. Сначала постовым, потом оперативником служил. В Кашире начальником территориальной милиции.

— Сельская милиция, что ли? Вроде как Анискин из фильма?

— Почти. У меня в подчинении были трое оперативников, трое участковых и две машины. Все подряд преступления расследовали. И территория довольно большая... Знаешь, уехал с севера из-за дома, мать хотела его продавать, а мне жалко стало. Приехал, и вся судьба пе-

ревернулаь. Школу милиции — сначала среднюю, потом высшую — закончил, но это как и многие, как ты.

— А дети? У тебя ведь сыновья? У меня дочка. А так хочется еще сына. Жену бы только уговорить. Она все твердит, время сейчас тяжелое, одного ребенка хватит.

— Ну а когда время легкое бывает?.. Я с женой познакомился на вечеринке у друзей, когда с Енисея в Кашире вернулся. Миша, мой старший, в восемьдесят седьмом родился... Ладно, давай спать. Только душу разговорами растревожили. Завтра рано вставать.

• • •

Оперативникам из Октябрьского РОВД удалось добиться от задержанных адресов еще нескольких боевиков их группы. Кузьмин ездил на все задержания. Цепочка не прерывалась. Вытягивали одно звено бандитов за другим.

Боевики первые два дня пребывали в растерянности, а затем активизировались и начали действовать. Выследили машину Октябрьского РОВД.

Кузьмин прибыл со своими бойцами на очередной захват и ожидал приезда оперативников. Их уазик отчего-то задерживался. Алексей поглядывал на часы. И вдруг по рации сообщили:

— Подрыв уазика!

Боевиков на адресе взяли, а затем собровцы помчались на место взрыва. Но там спасти уже было некого. Боевики заложили фугас такой мощности, что уазик буквально разорвало. Погибли начальник Октябрьского РОВД и несколько его сотрудников.

Кузьмин прошел по краю черной воронки. Ненависть и горе душили, мешали думать. Он только утром разговаривал с этими оперативниками. Только утром...

За службу Кузьмин многое повидал. Он пришел в СОБР в 1995 году. Одна из групп как раз была в Чечне.

Отбор в отряд был очень жесткий. Беседы, анкеты, штурмовая полоса... Предстояло выстоять в бою с тремя противниками, сменяющимися каждые пять минут. Этот бой многие из претендентов на поступление не выдерживали и приходили снова и снова. Кто поупорнее.

Кузьмин высокий, сильный. Он занимался и рукопашным, и боксом, имел первый разряд по лыжам и зимнему многоборью. Кандидат в мастера спорта по баскетболу. Он выстоял в спарринге и не дал себя сломать.

Через несколько месяцев его вызвал к себе командир СОБРа:

— Принято решение откомандировать тебя в личную охрану к министру внутренних дел.

Кузьмин оказался среди пяти личных телохранителей Куликова. Поездил с ним по стране. Был и в Дагестане, и в Ингушетии. А потом снова вернулся в СОБР.

• • •

Двор ПВД за ночь чуть припорошило снегом, который скоро растает и превратит землю в грязь. Командир группы майор Виктор Матвеев вместе со своим заместителем Кузьминым и несколькими собровцами поехали в мобильный отряд. Все были напряженными и мрачными. Виктор привычно шутил. Алексей поддерживал шутку улыбкой. А глаза усталые...

Три дня назад, 4 февраля 2001 года, «Урал» собровцев подорвался на фугасе. Погиб капитан Алексей Гуров. Подрывов по Грозному много, и в каждый выезд все напряжены и раздражены. Не от смелости и силы зависит их жизнь. На дорогах Грозного своим жизням они почти не хозяева.

Солнце изредка прорывается над городом сквозь тучи и блестит на забрызганных бортах БТР. Собровцы подъехали к мосту через Сунжу. По мосту впереди ехал автобус.

Кузьмин сидел на командирском месте и так же, как водитель, по пояс высовывался из люка. Он первым увидел взрыв — автобус подпрыгнул на месте. В нем вспыхнул пожар. С высотных домов начался обстрел. Водитель подвел БТР ближе к автобусу. Оттуда слышались крики и плач. В автобусе ехали женщины и дети, а боевики приняли автобус за военный.

Часть собровцев открыла огонь, подавляя огневые точки боевиков, другие вытаскивали раненых из автобуса. Вызвали подмогу и врачей...

Кузьмин нес на руках женщину. У нее осколком отсекло руку. Она стонала и просила:

— Не бросай меня, только не бросай.

В водительской кабине все было залито кровью. Водитель умирал, ему оторвало ноги. Врачи так и не успели ему помочь. Остальных, обожженных, посеченных осколками и битым стеклом, спасли и вывезли с места боя. Увидев, что подъехала помощь, боевики быстро отошли.

Лица раненых женщин и детей долго держались в памяти. Кузьмин вспомнил своих сыновей.

Дома перед отъездом в командировку, 5 января, Кузьмин отмечал тринадцатилетие старшего сына Михаила. Младшему, Ивану, уже исполнилось семь.

Алексей назвал старшего в честь своего деда — Михаила Кузьмина. Деда знала вся Кашира, где он жил. Дед всю войну прошел, водил составы по железной дороге, много раз попадал под бомбежки. На праздники после войны надевал орден Ленина, медали и гулял по улице: два метра ростом, могучий, здоровый. Алексей гордился своим дедом.

— Будь таким, как твой прадед, — поднимал за сына тост Кузьмин.

Переглянулся с отцом и добавил:

— Жаль, бабушка твоя не дожила. Посмотрела бы, какой ты вырос. Стараешься, учишься. Так держать и дальше!

После семейного ужина все вышли во двор, играли в снежки. Собака, ротвейлер, на них лаяла, напрыгивала, виляла маленьким хвостом. А кошка из окна дома снисходительно поглядывала на их возню...

«Как там сыновья, как жена? — вздохнул Кузьмин. — Трудно им...»

. . .

17 марта 2001 года. С утра, как это бывало обычно, выехали в мобильный отряд на совещание. Надо было отвезти туда командира к двенадцати часам. Потом соборovsky планировали заехать в госпиталь...

На БТР добрались к площади Минутка. Но уже издали услышали шум и треск выстрелов.

Боевики устроили засаду на армейскую колонну, поднимавшуюся от «Романовского моста». Когда к площади подъехал соборовский БТР, там шел бой.

— Что будем делать, командир? — спросил Кузьмин.

— Давай ребятам поможем, — принял решение Матвеев.

Обстрел по колонне велся с высотных домов. Боевики всегда старались занимать выгодные позиции. Пули чиркали по броне БТР. Наконец, общими усилиями удалось выбить боевиков из домов и подавить огонь. Собровцы еще некоторое время стояли, ждали, пока пройдет колонна.

Матвеева оставили в Октябрьском РОВД на совещании, а сами уехали на базу.

В расположении отряда Кузьмин занялся своими привычными делами: проверял, учил, указывал, приказывал. Какое-то неясное беспокойство его не покидало. Через несколько часов собровцы поехали снова в мобильный, за командиром.

Снова пересекли Минутку, переехали через Сунжу и взяли направо к чеченскому кладбищу. Кузьмин увидел, что в сторону БТР несется огненный шар — выстрел из гранатомета. Шар пронесся мимо, но в ту же секунду под бронетранспортером рванул фугас. Кузьмин потерял сознание.

Он долго не приходил в себя. Его растолкал собровец Александр Сухачев:

— Алексей, Алексей!

Кузьмин открыл глаза. Голова болела, все тело казалось чужим, язык не слушался.

— Все живы? — с трудом спросил у водителя.

— Командир погиб, — отозвался Баkitин.

— Выходить надо, — приказал Кузьмин.

Пули бились о броню. Боевики вели обстрел.

— Выходим!

Кузьмин чувствовал, что у него по лбу течет кровь. Они с Мещаниновым открыли огонь в сторону высоток.

Бойцы выбрались из подорванного БТР и заняли позиции за броней. Кузьмин осмотрел БТР. Разнесло все машинное отделение. БТР ткнулся в обочину и за-

жал «шестерку» с гражданскими, которые в момент взрыва оказались на дороге.

Мещанинов подбежал к машине, прикладом выбил стекла: покореженные дверцы не открывались. Вытащил мужчину, женщин и детей. Они сбились в кучу и стояли на месте.

— Уходите отсюда! — приказал им Мещанинов.

Кузьмин тем временем оценивал обстановку, смотрел, куда они могут уйти. Около БТР оставаться было небезопасно. Обстрел продолжался. Позади — площадь. Только они отойдут от БТР, тут же станут мишенями.

Из-за поворота выехал «Урал». Кузьмин очередью прошел дорогу перед машиной. Остановил. Водитель — чеченец.

— Еремеев, в машину! За подмогой, — приказал Кузьмин.

«Урал» уехал, бой продолжался.

Первым приехал западно-сибирский РУБОП, потом краснодарский СОБР, а потом уже и свои на БМП.

И Кузьмин снова потерял сознание. Он уже не видел, как выбили боевиков, как краснодарский СОБР перевозил раненых.

В себя пришел только в Северном. На вертолете пятерых раненых переправили в Моздок. Оттуда на автобусе до Минеральных Вод. Затем на самолете домой. В госпитале имени Вишневого Кузьмин пролежал почти два месяца.

Собровцы приезжали за ним, возили в Пушкино на похороны майора Матвеева.

В госпитале Кузьмина навещала жена и сыновья. Михаил и Ваня рассказывали о своих успехах в школе и спорте. Оба они занимались самбо и дзюдо. А в последнее время увлеклись еще рукопашным боем.

— Ты знаешь, пап, — говорил Михаил. — Вся Кашира знает, что ты ранен и лежишь в госпитале. Останавливают меня, спрашивают, как ты. Все волнуются.

Рядом с близкими, несмотря на то что находился в госпитале, Алексей чувствовал себя по-настоящему дома. И боль вроде бы утихала. А по ночам все снился огненный шар, подлетающий к БТР, и снился Виктор Матвеев, живой.

• • •

После госпиталя по улице родного городка Кузьмин не мог пройти спокойно. Его без конца останавливали. Почти вся Кашира — одни знакомые. Его высокая, приметная фигура была видна издалека.

— Как ты, Леша?

— Да ничего, спасибо, — смущенно улыбался Алексей.

Домой приходил и говорил жене:

— Какие у нас люди хорошие. У тех, кто постарше, чувство патриотизма еще не исчезло. Жаль, в школе об этом мало говорят.

На день памяти погибших Кузьмин брал в отряд старшего сына.

— Пусть видит, что происходит вокруг, — объяснял он жене. — Пусть знает: есть люди, которые не забыли, что такое честь и воинская доблесть.

В отпуске после госпиталя и отдохнуть толком не удалось — много дел по дому. Перед зимой нужно было утеплить сарай. Свой огород и хозяйство Алексей любит. Пропадает в мастерской все свободное время и сыновей приучает к труду.

• • •

Вышел на службу, и закутила, закрутила повседневная рутина. Отбор и прием в свое отделение новых бойцов. Подготовка к очередной командировке. Выезды на задержания.

Осенью 2001 года Кузьмин с группой в одном из районов области задержал преступников, сбывающих оружие.

Оперативники из РУБОПа разработали операцию. Преступников задержали с поличным. Пришлось, правда, побегать за продавцами по лесу, где пристреливалось и сбывалось оружие. Этим задержанием соборвцы перекрыли один из каналов поступления оружия в Россию через Латвию.

...Весной 2002 года Кузьмин стал командиром ОМОНа на воздушном и водном транспорте.

Эшелон тянулся на юг

Прапорщик милиции Олег Доркин служит в ОМОНе на воздушном и водном транспорте с 1999 года. Волею судьбы он, еще будучи солдатом-срочником, оказался на сотке неподалеку от окруженного боевиками Гудермеса, когда там в здании вокзала держали круговую оборону его будущие сослуживцы из ОМОНа.

Военный эшелон тянулся на юг. В вагонах были восемнадцатилетние солдаты. Кто-то спал, кто-то читал, а кто-то сидел в стороне ото всех и смотрел в окно невидящим взглядом.

Зеленого света на всем пути для эшелона не было. Ехали медленно, чаще по ночам. Но Московскую область проезжали днем.

Медленно двигались мимо станций. Прохожие останавливались. Смотрели на военных. Солдаты выбрасывали из вагонов письма домой, где писали, что едут на войну. А люди подбирали конверты с земли и опускали в почтовые ящики на станции. Некоторые посылали крестное знамение вслед эшелону...

Это был август 1995 года.

Олег Доркин тоже бросил письмо, хотя родители уже знали, что он едет в Чечню. Мама приезжала к нему в Архангельск, в оперативную бригаду, сформированную специально для выезда в Чечню.

В эту бригаду Олега направили из Архангельской области, из охраны исправительно-трудовой колонии, где он начинал служить срочную. Командир роты охраны вызвал Олега и его товарищей к себе:

— Поступил приказ. Завтра выдвигаетесь в Архангельск для подготовки и отправки в Чечню в составе оперативной бригады. Собирайтесь, ребята.

— Приказ есть приказ, — сказал тогда Олег.

Зато ночью уснуть не мог.

«Жил — не тужил деревенский мальчишка, — ворочался он на своей койке. — А теперь война... И пожить толком не успел. Что такое — эта жизнь? И что, если ее не станет?.. Выходит, я боюсь?»

Когда он осознал свой страх, стало легче. Олег слы-

шал, как в тишине от беспокойных мыслей и снов вздыхают и возятся на жестких койках его товарищи. «Не боятся только дураки!»

Переехали в Архангельск, разместились в бывшей сержантской учебке, и с каждым днем чувство страха глохло, съезживалось, становилось отдаленным и незначительным. Отступало перед усталостью от тренировок, полевых выходов, ночных учебных тревог и конкурсов на выживание.

Подготовка поглотила нервное напряжение. Олег втянулся в работу, и служба начинала нравиться ему все больше, несмотря на волнение перед выездом в Чечню.

По результатам КМБ в бригаде Олега сразу назначили снайпером. С тех пор он с винтовкой не расстается. Товарищи даже шутили: «СВД — это снайперская винтовка Доркина».

Четверо суток в раскаленном южным солнцем эшелоне. Нельзя снять китель, а дневальные, дежурившие по одному с обоих концов вагона, парились еще и в бронежилетах. Но для солдат эти четверо суток после напряженных учений оказались хорошим отдыхом.

Страх вернулся, когда в Ростове-на-Дону им выдали патроны. Каждый патрон — чья-то смерть...

Момент, когда эшелон пересек границу и втянулся на территорию Чечни, Олег упустил. Стоявшие вдоль железной дороги омовцы приветствовали их стрельбой в небо. Новоиспеченные бойцы, испуганные, прильнули к пыльным окнам.

И на вокзале в Гудермесе Олег все еще не осознавал, что он уже в Чечне. Олег представлял себе, что едва они пересекут границу, будут выстрелы и взрывы... Но по вокзалу ходили военные, к эшелону тут же подбежали старушки — чеченки и русские, предлагали еду и фрукты.

Полтора месяца солдаты пробыли в самом Гудермесе в составе 33-й бригады. Жили на поле в палатках, по два взвода в каждой. Чтобы защититься от пуль, палатки вкапывали на два метра в землю. А земля в Чечне твердая, тяжелая. Замучились копать. Но своя безопасность дороже, и копали усердно.

Потом 3-ю роту, в которой служил Олег, направили на окраину Гудермеса охранять телевышку. Она возвышалась над одной из сопок. С этой высоты просматривался весь город. Хорошая позиция для минометчика или гранатометчика. Стратегическая высота.

Под сопкой их же рота охраняла еще КПП — дорога шла на Дагестан. Один взвод дежурил на КПП, досматривал машины и беженцев, другой — охранял вышку и роту по периметру. Им придали взвод саперов, которые заминировали все подступы. В их распоряжении были танк и «зушка».

Кажущийся мир раскололся стремительно...

Олег стоял ночью на посту и слушал выстрелы внизу, в городе. Так каждую ночь. Боевики часто обстреливали комендатуру, в которой находился череповецкий ОМОН. Но этой ночью выстрелы не стихали, а усиливались с каждой минутой. Послышались взрывы. И почти сразу по рации сообщили, что в Гудермес вошла банда Радуева. Бойцы заняли позиции в окопах, готовясь к худшему. Ожидали, что боевики двинутся на высоту.

Их командиры — ротный и взводный, два друга, молодые, только после училища. На них свалилась вся эта ситуация. И никаких распоряжений сверху, хотя и так понятно — надо держать высоту. Самый старший по возрасту — начальник штаба, капитан Пономаренко. Ему немногим за тридцать. Он ходил по окопам, подбадривал ребят, шутил... А боеприпасов только на два часа непрерывного боя. Слишком мало.

Уже на рассвете Олег сверху следил за тем, как бои перемещались от улицы к улице, боевики захватывали город. Все дороги они взяли под контроль, движение по ним полностью прекратилось. В окружении оказались железнодорожный вокзал и московский ОМОН на воздушном и водном транспорте, который удерживал этот вокзал вместе с милиционерами из других подразделений.

Было видно, как с нескольких сторон к городу пытаются прорваться колонны спецназовцев. Но их БТР боевики сразу подбивали.

Ожидаемого нападения на высотку не последовало. Но и свои «вертушки» на сопку не прилетали.

Еда и вода закончились...

Выпал снег. Растаявший, он немного утолял жажду... Семь дней они голодали, но никто высоту не покинул. Напади на них боевики, эти голодные ребята сражались бы до последнего патрона.

Они видели, как мимо летали «вертушки». Но вертолеты перевозили «двухсотых» и «трехсотых». На противоположной от сопки окраине города шли бои.

Комендатура прямо под горой, как и вокзал, была в окружении. Боевики стреляли по ней с пятиэтажек. Комендант кричал по рации: «Помогите, чем можете! У нас много “трехсотых”». Рота ответила огнем по пятиэтажкам из танка и зенитной установки. Но долго стрелять не могли, у самих мало боеприпасов. Комендант опять связался по рации: «Спасибо, хорошо попали. Спасибо!»

Через семь дней пришла танковая колонна для штурма Гудермеса. Прилетел на высоту генерал. Привезли еду: тушенку, супы быстрого приготовления, которых многие ребята и дома не пробовали. Плакать хотелось, глядя на все это богатство после семи дней голода. Олег похудел на десять килограммов.

Захват города планировалось проводить через их высоту. Рота уже была уволена в запас. Смена ждала их в Моздоке. Но те ребята — необстрелянные, «зеленые», куда их на штурм Гудермеса?

Первой освобождали комендатуру. Боевики не обстреливали ее только со стороны сопки, поэтому солдаты вместе с 33-й бригадой сделали живой коридор, чтобы вывести оттуда людей.

В пятиэтажках засели «смертники». Их было видно в окнах. По этим домам стреляли из танков. На этих же танках солдат подвезли ближе к комендатуре.

Бойцы легли на открытом поле по двое, на расстоянии метров триста друг от друга. Без белых маскхалатов.

«Духи» лупили по ним. Снег и земля вокруг вздыбились от пуль. Но в Олега не попали. Он стрелял из винтовки по окнам пятиэтажек. Свистели пули.

Этот свист Олег никогда не забудет. Он только мысленно повторял слова, услышанные от полковника Иг-

натьева, зама по тылу их дивизии, который прошел Афган и теперь воевал в Чечне: «Свою пулю ты уже не услышишь, а пуля, которая просвистела, — она просвистела». В трудные моменты Олегу становилось легче, когда он твердил про себя: «Просвистела и просвистела».

Комендатуру освободили, а до железнодорожного вокзала они так и не дошли. Слишком плотный огонь их встретил. Отдали приказ отходить.

Омоновцев с вокзала потом вызволили спецназовцы.

Череповецкий ОМОН из комендатуры ночевал на сопке у 3-й роты. Потом освобожденный московский ОМОН на воздушном и водном транспорте тоже искал место для ночевки на сутки. Спать приходилось чуть ли не друг на друге. Тут же находились раненые, контуженные. То, что этот ОМОН московский, Олег узнал не сразу.

— Ребята, мы ненадолго вас потесним. Только на одну ночь, завтра домой, в Москву. Как говорится, в тесноте, да не в обиде, — сказал один из омоновцев, осунувшийся, худой, заросший щетиной.

— Да все нормально! — обрадовался Олег. — Что, правда из Москвы? А я все ищу земляков. Кто у вас тут поближе к Истринскому району обитает?

Нашел омоновца родом из Красногорска — Колю Храмцова. Всю ночь проговорили. Правда, не о своих родных местах, а о том, как кто пережил эти дни. Олег написал письмо домой, чтобы передать с Николаем. «Жив, здоров».

А утром в палатку заглянул командир:

— Доркин — на зачистку.

Николай растерянно посмотрел на Олега:

— И что теперь с письмом? Может, не передавать?

— Вези! — махнул рукой Олег.

24 декабря 1995 года была окончательная зачистка Гудермеса. Зашли в город очень медленно. Пусто. Ни души. Надписи на домах: «Здесь живут люди», «Нас не трогайте!».

Олег сидел в центре колонны на танке. Выскочил на дорогу мужчина, лег на землю, сдался. Начали появляться люди. Когда начинают выходить из укрытий местные, это первая примета, что боевики ушли. Бойцы

проверяли дома, а Олег с винтовкой осуществлял прикрытие...

Их смена приехала 28 декабря. Обменялись оружием. Олег отдал свою «снайперскую винтовку Доркина». Построились, попрощались, обнялись, сели на машины — и в Гудермес. Переночевали там на базе 33-й бригады, на следующий день в Моздок, там еще сутки в ожидании борта. Наконец вылетели в Архангельск.

После пяти месяцев в Чечне — оказаться дома! 31 декабря. Это был самый счастливый момент. А родители ждали его только весной.

— Ну, куда теперь? — спросил отец, когда семья уже сидела за праздничным новогодним столом. — К нам на фабрику вернешься?

До армии Олег успел поработать на фабрике по изготовлению медицинской мебели столяром-сборщиком. Собирали не только медицинскую мебель, но и стенки для комнат. Работа с деревом Олегу нравилась, он даже задерживался на фабрике до шести, сверх положенного для его возраста времени.

— Нет, пап. Я теперь себя без формы и оружия не мыслю. Хочу в московский ОМОН на воздушном и водном транспорте. У меня адрес одного из ребят сохранился. Они там в Гудермесе молодцом держались. Вокзал «духам» не сдали. С ними буду служить.

Правда, сразу в ОМОН Олег не попал, поступил на службу в ППС московского аэровокзала — одно и то же управление с ОМОНОм — на воздушном и водном транспорте. Через год стал командиром отделения.

На общих мероприятиях и праздниках Олег встречался с омовцами. Капитан Сергей Владимирович Бекетов, замкомандира, все уговаривал Олега перейти к ним, но его не отпускали из ППС.

В 1999 году Олег снова поехал в Чечню в составе сводного отряда от ППС вместе с омовцами. Познакомился ближе с бойцами за три месяца командировки, когда базировались вместе в Червленной.

На «подкидыше» — местной электричке, курсировавшей от Моздока до Гудермеса, — Олег съездил на места боев, к подножию высоты, которую держала их рота. Железнодорожный вокзал до сих пор в дырах от

обстрелов. На стенах подписи омоновцев, тех, кто был в окружении...

Вернувшись в Москву, Олег перешел служить в ОМОН на должность снайпера. Уже в составе ОМОНа в 2000 году он выезжал еще в одну трехмесячную командировку. Как и в 1999 году, они охраняли Червленую-Узловую, кроме того, их привлекали для спецопераций. За командировки Олег награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка».

Кто, если не мы!

Залог высокого профессионализма сотрудников милицеских спецподразделений — их всесторонняя подготовка.

В 1994 году на базе СОБРа был создан Центр оперативно-тактической подготовки (ЦОТП), в котором проходят первоначальную подготовку и переподготовку сотрудники СОБРа УБОП по Московской области, СОБРа УБОП города Москвы.

За время существования ЦОТП профессиональными специалистами-инструкторами и преподавателями проведена большая работа по подготовке квалифицированных кадров. Кроме того, в ЦОТП проходят стажировку преподаватели Московского института МВД РФ, института повышения квалификации МВД РФ в Домодедове.

На базе СОБРа проводились инструкторско-методические сборы с сотрудниками спецподразделений Словакии, методические показательные занятия с членами делегаций полиции Испании, Австрии, Германии, Франции, Украины. Хорошая профессиональная подготовка сотрудников СОБРа отмечена директором Интерпола.

Инструкторы ЦОТП подготовили команды для участия в соревнованиях по «русскому бою», стрельбе, лыжным гонкам, гиревому спорту, кикбоксингу, волейболу, рукопашному бою, футболу, плаванию, парашютному спорту, и все эти команды соборовцев неоднократно занимали призовые места. Команда сотрудников СОБРа принимала участие в неофициальном чемпионате Европы по полицейской стрельбе среди спецподразделений, проходившем в Словакии.

В центре проводятся занятия со слушателями Московского института МВД РФ, по плану оказания шефской помощи — занятия с подростками и призывной молодежью по десантно-штурмовой, огневой подготовке, рукопашному бою, сборы на базе воинской части с практическим выполнением парашютных прыжков.

Здесь же проводились испытания новых образцов вооружения и спецтехники, представленных НИИСТ МВД РФ.

На базе СОБРа УБОП по Московской области дважды проводились всероссийские совещания начальников спецподразделений России, проходили подготовку спецподразделения республик Таджикистан и Армении, отряд специального назначения из города Мурманска.

Но собровцы повышают квалификацию не только в своем учебном центре, многие сотрудники получают по второму и третьему высшему образованию. Учатся, конечно, заочно.

Омоновцы тоже не отстают, учатся в средних и высших учебных заведениях. Свободного времени у сотрудников милицейского спецназа мало, но учеба — дело нужное и полезное. Руководство отрядов не препятствует, а наоборот, всячески приветствует получение дополнительного образования.

И омоновцы, и собровцы, как правило, несут службу сутки через трое. В праздничные дни милиционеры также находятся на боевом посту. Так называемое «усиление», когда собровцы и омоновцы обязаны находиться в расположении отряда в ожидании приказа, происходит не только в праздники, но и после совершения терактов, которые теперь, к сожалению, не редкость, и во время розыска особо опасных преступников, плановых милицейских мероприятий.

Если собровцы попадают в «слепую» смену, они могут служить в одном отряде и не видеть друг друга месяцами (если, например, один собровец работает первые сутки из трех, а второй в третьи сутки). Встречаются они только на праздники или в командировках.

Во время суточного дежурства между выездами на захват преступников спецназовцы не бездельничают — в отряде постоянно проводятся занятия, стрельбы, кроме

того, бойцы и по собственной инициативе проводят время в спортзале, чтобы поддерживать себя в хорошей физической форме. Да и к экзаменам и занятиям в институте те, кто учатся, могут готовиться в свободное время.

...На выездах разное случается.

В один из дней бойцов СОБРа УБОП по Московской области вызвали в Одинцово на задержание особо опасного вооруженного преступника. Он подозревался в убийствах, за ним числились и другие дела.

Оперативники вычислили квартиру, где он должен был находиться. Собровцы прибыли к дому. Две группы, экипированные по-тяжелому, в бронежилетах и «сферах».

Лифт в девятиэтажке не работал. Бегом наверх по лестнице. Разрисованные и исписанные мальчишками стены мелькали перед глазами.

Пот градом, бронежилет оттягивает плечи. На бегу командир группы собровцев просчитал число квартир. Пропустил ребят вперед и на девятый этаж уже пришел не торопясь. Он все понял, а бойцы на площадке девятого этажа метались в поисках 101-й квартиры. Но тут последней была 97-я.

Следом поднялись оперативники, инициаторы операции.

— Ну и чего? Где квартира? — отирая пот со лба, голосом, не предвещавшим ничего хорошего, поинтересовался командир.

— Не может быть!

— Тогда ищите на чердаке — усмехнулся командир.

Собровцы участвовали в крупномасштабной операции по афгано-пакистанской группировке, занимавшейся сбытом наркотиков. Кроме СОБРа был задействован Московский уголовный розыск.

Сбытчиков надо брать по разным адресам и одновременно, чтобы они не успели друг друга предупредить.

Лишь к двенадцати ночи стали известны адреса, по которым надо ехать на задержание. Как в песне: «Ленинградское время: ноль часов, ноль минут». Только полночь в Москве, и значит это одно — в квартиру после 23.00 до-

бропорядочные и недобропорядочные граждане могут никого не пускать.

Но приказ отдали, а дальше действуй, как хочешь, но в квартиру проникни.

По адресу ехали два молодых оперативника из отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и собровцы.

— Ну и как мы будем входить? — спросил собровец. — Перепугаем всех.

— Посмотрим, — неуверенно ответил один из оперативников. — Как-нибудь. Может, откроют?

— Да кто ж нас в половине первого ночи пустит?! Останови. — Собровец тронул за плечо водителя.

Он заметил девушку, стоявшую у метро. Она курила и, увидев выскочивших из машины собровцев в форме с автоматами, даже отпрянула.

— Девушка, можно с вами поговорить? — подступился к ней старший группы. — Да вы не волнуйтесь, все в порядке. Помогите нам, пожалуйста.

Они уговаривали ее, пустив в ход все свое обаяние. Анекдот рассказали, «за жизнь» поговорили. Девушка оказалась не меньшей авантюристкой, чем собровцы.

— А, была не была! — кивнула она. — Поехали!

К двери подозреваемого вел полутораметровый коридорчик, а за углом притаились собровцы. Девушка позвонила в квартиру. В любой момент собровец мог протянуть руку и отдернуть девушку в сторону.

Дверь открыла хозяйка. Девушка сразу отпрянула в сторону, как ее научили, а перед изумленной хозяйкой возник собровец в камуфляже и маске. Он оттеснил ее в квартиру.

Квартира большая, объединенная с соседней. Комнат много. Один собровец метнулся в одну дверь, второй — в другую.

«Афганца», которого искали, собровец выдернул из туалета.

Спецназовцам нередко приходится внедряться в банды в роли покупателя оружия или наркотиков.

Собровец со своим напарником и двумя продавцами ехал в лес пристреливать оружие. По пути рассказывал

анекдот, а в голове крутилось: «Это тебе не театр. Тут в случае провала не помидорами забросают, а пулю всадят. И наши на помощь не успеют. А у нас с собой оружия нет».

Снег и низкое солнце за обнаженными ветками деревьев. Три машины затаились неподалеку на заснеженной проселочной дороге — машины поддержки. Собровец взял у продавца ПМ, с вытянутой руки дважды выстрелил. Классическая стойка, упражнение номер один. Сколько раз он отрабатывал упражнение в тире и здесь встал в эту стойку автоматически.

На морозном воздухе выстрелы звучали особенно нервно и звонко. С деревьев осыпалась снежная пыль.

— Хорошие пистолеты, — кивнул он. — Давайте, что там у вас еще?

Бандиты тихонько переговаривались в стороне и только подавали следующие образцы для проверки.

Очередь дошла до пистолетов-автоматов типа «Узи». Тут же у одного из них заклинило затвор.

— Вот черт. — Собровец подергал затвор, он не поддавался. — Ваха, этот никуда не годится, — отдал он оружие.

— Сейчас, сейчас. Я быстро. Замену.

Ваха, проваливаясь в сугробы, побежал к машине, которую оставил на дороге. У него здесь неподалеку была дача. Другой остался и приглядывал за «покупателями». При нем и двумя словами не перекинешься.

Продавец вернулся быстро. Выскочил из-за деревьев. До него было метров семьдесят. Он бежал, держа автомат наперевес, готовый к стрельбе. Выглядел он чересчур решительным.

«Где я мог проколоться? — лихорадочно соображал собровец. — Куда бежать? За что прятаться? Наши не успеют».

За эти мгновения, за эти семьдесят метров, которые Ваха бежал, собровец успел вспомнить в мельчайших деталях всю операцию от начала до конца.

«Где прокололся? Кроме отработанной стойки при стрельбе, не было никаких зацепок, — назойливо звучала мысль. — Преступники эту позицию обычно не используют, а стреляют с двух рук. Так удобнее, есть упор. Значит, преступник, возможно, или бывший милиционер, или знаком со спецификой обучения».

Мышцы ног напряглись до предела. «Сейчас, сейчас, как только выстрелит, сразу прыгну в сторону. Но надо выждать. Вдруг...»

— Вот, — тяжело дыша, Ваха подошел и протянул оружие. — Я заменил. Отстреляй теперь.

Собровец хладнокровно стрелял, как будто и не было этих нескольких сумасшедших секунд, когда казалось, что конец всему. Здесь не театр, и дрожание от нервного напряжения руки могут стоить жизни.

Напарник показал деньги.

— Поехали ко мне, — сказал Ваха. — Там получите всю партию оружия и обмоем сделку.

Собровцы по оперативной информации знали, что в банде состояло еще около десяти человек. К счастью, они находились на другой даче в соседнем поселке. Эти сведения собровцы получили еще до начала мероприятия в лесу. В информации прошли даже такие подробности, как сауна, шашлыки, водка, которые были на той, второй, даче. Основная часть банды ждала там продавцов с деньгами и заранее начала отмечать.

Собровцы сидели за столом с продавцами и незаметно поглядывали на часы. Водка и полный стол закусок. Ничего в горло не лезло, слишком напряжены были нервы. Но собровцы ели.

Ваха и его приятель налегли на водку. Быстро стали хмелеть, а спецназовцы им все подливали.

Дело шло к финишу. Все выпито и съедено. Сейчас рассчитаются и получают товар. Надо задерживать, а никаких сигналов, что группа захвата на месте. Операцию должен был осуществлять один из областных СОБРов.

Партия оружия нешуточная — шесть единиц только нового стрелкового оружия, несколько сот боеприпасов, более тридцати гранат. Даже новенькая СВД.

Собровец ткнул напарника под столом и незаметно для продавцов кивнул. И спецназовцы одновременно бросились на преступников. Опрокинули стол. Собровец подмял Ваху и закручивал ему руки за спину. Ваха, хоть и выпивший, сопротивлялся отчаянно и ударил его затылком в подбородок.

Оба преступника лежали скрученные на полу, и вдруг раздался какой-то шум. Собровец вышел на крыльцо. Ми-

мо забора пронеслись люди в масках к соседнему дому. В темноте раздались крики:

— Всем лежать, руки за голову!

Вдребезги разлетелось стекло.

— Они дом перепутали, — дошло до собровца. — Эй, ребята, мы здесь! — крикнул он.

В 1993 году, во время октябрьских событий, ОМОН охранял здание ИТАР—ТАСС.

Посменно, днями и ночами, омоновцы несли там службу, уезжая в отряд на несколько часов отдохнуть.

У здания ИТАР—ТАСС свистели пули. Омоновцы охраняли здание по периметру. Днем занимали позиции у окон, а ночью выходили на улицу. Спрятаться там особо негде. А из проезжавших мимо машин несколько раз милиционеров обстреляли. Стреляли и с крыш домов напротив, через улицу. Вот и приходилось слушать омерзительный посвист пуль над головой. Но милиционеры предотвратили минирование или захват здания бесчинствовавшими в те дни бандитами и вооруженными боевиками.

Омоновцы патрулировали Клязьменское водохранилище с командиром моторизованного взвода Юрием Капрановым. С утра было душно. Вот-вот могли начаться ливень и гроза. Вода налилась свинцом, ходила ртутными волнами и раскачивала катер. Только держись. Начался проливной дождь. Ветер гонял волну. С берега несло тучи пыли, листья, мусор. Ничего вокруг не видно. Донесся треск. Похоже, упало несколько деревьев.

Это был жуткий ураган. С бешеной силой он длился всего несколько минут. Потом начал медленно стихать, а дождь не прекращался. В прояснившемся воздухе стало видно, что по берегу повалены деревья, большие сучья плывут по воде. А впереди, неподалеку от моста, на мель сел пассажирский теплоход и плавает перевернутая вверх килем яхта. Видно, эти два судна оказались в эпицентре урагана.

Издали было заметно, что на поверхности воды барахтается человек.

— Быстро туда! — распорядился Капранов.

В воде плавал капитан судна. На нем был спасательный жилет.

Капитан, ошарашенный катастрофой, оглушенный при падении в воду, не сразу сообразил, что пассажиров у него на борту было четверо.

— Девочки! — закричал он. — Там в каюте девочки!

— Час от часу не легче. — Капранов, не раздумывая, бросился в воду.

Мутная, смешанная с илом, который подняла со дна буря, вода обволакивала, затуманивала все вокруг. Ничего не видно.

А главное, в палубных постройках частных яхт была разная архитектура. Где вход? Искать только на ощупь.

То, что лодка еще плавала на поверхности, обнадеживало. Значит, внутри, скорее всего, именно в каюте, сохраняется воздушная подушка. Но почему девочки сами не выбрались? Может, без сознания? Может, уже утонули?! Напуганы и боятся выплыть самостоятельно? В любом случае, надо нырять.

Водохранилище было все еще беспокойно. Ил все более густым потоком поднимался со дна. Юрий нырнул первый раз. В желтой полутьме нащупывал дверь каюты. Ничего. Оттолкнулся, вынырнул, отдышался. И снова вниз.

Опять бесполезный поиск. «Держись! — мысленно говорил он то ли себе, то ли девочкам, которые находились в каюте. — Где же этот чертов вход?! Понастроили!»

В третий и четвертый раз нырял уже через силу. Мыслей никаких. Лишь бы закончилось это все скорее. Воздух в легкие набирался все труднее и заканчивался быстрее. Но Капранов продолжал нырять. И без того видимость плохая, а тут еще темнело в глазах от нехватки кислорода. Наконец рука провалилась в дверной проем.

Откуда и силы взялись! Капранов поднырнул и выскокил пробкой в каюте, стукнувшись обо что-то головой. Он увидел перед собой обезумевшие от страха детские лица. Девочки уже не надеялись на спасение.

Капранов с трудом отдышался. Подобрался к ним:

— Мы сейчас быстро отсюда выберемся. Поднырнем, окажемся на воле, а там нас подберут. Я уже вызвал подмогу. Тут проплыть совсем немного.

— Я не смогу, — твердила одна из них.

— Сможешь. Я ведь буду тебя держать. Ты только сейчас вдохни поглубже, выдохни и еще раз так сделай. Легкие провентилируй. Все будет хорошо. Неужели, ты думаешь, я тебя не вытащу отсюда?

Девочка немного успокоилась. До этого она запаниковала в узком пространстве воздушного мешка. Привычная каюта была перевернута вверх ногами, веселая прогулка обернулась страшной подводной ловушкой, в которой стремительно заканчивался воздух. Что они только не передумали. И рядом никого из взрослых. Забыли о них? И вдруг вынырнул рядом красный от беспрепятственного ныряния человек. Уверенный, спокойный.

Они нырнули вместе. Юрий направлял девочек к двери, подталкивал сзади. Они быстро выбрались.

Юрий с радостью заметил борт омовского катера. Сил доплыть до берега самостоятельно у него уже не оставалось. Он вместе с девочками забрался в катер.

Когда Юрий узнал, что его собираются наградить медалью «За спасение погибавших», то искренне недоумевал:

— Что я особенного сделал? Так бы любой поступил...

Сотрудники ГИМС и их силовая поддержка — омовцы на воздушном и водном транспорте — в спасательных жилетах, на которых стоит грозная аббревиатура — ОМОН, вынырнут неожиданно, будут гнаться за нарушителем до победного конца.

А если не хватит мощности омовских гидроциклов, то можно просто проследить, где, в конце концов, причалит нарушитель (бензин-то у него рано или поздно кончится), и задержать его уже на берегу.

Однажды вот так, по водохранилищу, пришлось гоняться за катером одного известного чиновника. Накануне у него сотрудники ГИМС отобрали права, а на следующий день он опять катался на катере. Остановливаться на взмах флажка омовцев не стал, прибавил ходу. Когда бензин закончился, причалил к берегу, где отдыхали его родственники.

Омовцы припустились за ним по берегу.

— Ребята, вы откуда? — ошарашенно поинтересовался он.

— Мы из ОМОНа!

— А чего вы здесь делаете? Откуда у вас такая техника?

— Работаем. Ваши документы, пожалуйста.

Часто, когда называлась сумма штрафа — тридцать рублей, хозяева катеров и гидроциклов начинали бегать по пляжу и спрашивать:

— Мужики, у кого мелочь есть?

Пытались совать доллары. Но никто: ни ОМОН, ни инспектора — денег не брал. Стояли на своем. Тут уж дело принципа и чести.

— Штраф тридцать рублей. — И дело с концом.

Омоновцы с проверками ездят по яхт-клубам вместе с инспекторами. Выезжают по жалобам отдыхающих, если в местах для купания катаются на гидроциклах. Одно время по этой причине было много несчастных случаев. Но когда на воде появились сотрудники ОМОНа, резко снизилось количество смертельных исходов.

Начальник московского УВД на воздушном и водном транспорте генерал-майор милиции Алексей Близиуков:

«В последние годы терроризм превратился в серьезную общегосударственную проблему. Преступления террористического характера, как правило, отличаются тщательной подготовкой и изощренностью. Как показывают последние события, угроза и совершение терактов на объектах транспорта выходят за пределы Чеченской Республики, а значит, эта проблема требует еще больших усилий от правоохранительных органов.

Антитеррористические мероприятия нашим УВД проводятся систематически, а не после терактов. В частности, сотрудниками УВД и нашими омоновцами в аэропортах столицы осуществляется так называемый встречный досмотр воздушных судов. Особое внимание уделяется рейсам из Северо-Кавказского региона, Закавказья и Средней Азии. В местах наибольшей концентрации пассажиров обеспечено круглосуточное наблюдение с применением систем видеоконтроля.

В зимний период, когда поток пассажиров по сравнению с летом заметно сокращается, мы можем позволить

себе закрыть некоторые входы в здания аэропортов, чтобы обеспечить минимальный пропускной режим и большую безопасность.

ОМОН на воздушном и водном транспорте и был создан для оперативного реагирования на все происшествия, которые могут возникнуть на воздушном и водном транспорте: захват заложников; захват воздушных и водных судов при массовых скоплениях пассажиров, что характерно для зоны нашего оперативного обслуживания — портов и аэропортов. Бывают случаи, когда из-за нелетной погоды происходит задержка рейсов и в аэропортах скапливается до десяти тысяч пассажиров. От безделья нередко случаи хулиганства в нетрезвом виде. В таких ситуациях приходят на помощь наши омовцы. Мобильные экипажи выезжают в любую точку территории обслуживания.

Попасть на службу в отряд — дело непростое. Необходимо обладать хорошей физической и психологической подготовкой. Вновь прибывшие сотрудники проходят множество проверок на психологическую устойчивость в экстремальных ситуациях, сдают достаточно тяжелый экзамен по физической подготовке, в который входят не только кросс и комплекс силовых упражнений, но и спарринг-тесты с несколькими противниками. В отряде есть взрывотехники, снайперы, механики-водители бронетехники, альпинисты, водолазы, гранатометчики и пулеметчики».

• • •

Занятия спортом и соревнования для спецназовцев — это не просто увлечение и здоровый образ жизни. Бойцам правопорядка необходимо постоянно поддерживать себя в хорошей физической форме, чтобы на высоком уровне выполнять свои служебные обязанности.

Спецназ и спорт — понятия, неотделимые друг от друга. Не случайно многие профессиональные спортсмены приходят работать в ОМОНЫ и СОБРы, а сотрудники этих милицейских подразделений становятся мастерами спорта в разных видах единоборств, выигрывают соревнования, проводимые не только между представителями спецслужб, но и на городском, районном и федеральном уровнях.

Спецназовцы не только хорошие спортсмены, но и хорошие болельщики, особенно если приходится болеть за свою команду и за своих товарищей. Самбо, дзюдо, бокс, карате и другие единоборства в чести у спецназовцев. А в 1992 году появился еще один новый вид единоборства — БОЙБО, который завоевал популярность среди бойцов спецназа.

Президентом и основателем Межрегиональной федерации «Бой без оружия» является мастер спорта по самбо и дзюдо, кандидат в мастера спорта по вольной и классической борьбе, обладатель черного пояса по карате Владислав Васильевич Коваленко. Отставной военный, он объединил в новой системе единоборств все свои знания и навыки, полученные во время военной службы и постоянных занятий спортом.

Уже было проведено семь чемпионатов. Федерация имеет свои секции в двенадцати регионах России, а также на Украине и в Казахстане. БОЙБО успешно применяют сотрудники спецподразделений МВД и ФСБ России.

Открытый турнир «Кубок России «Весна 2003»» по БОЙБО, который организовала Российская федерация «Бой без оружия», состоялся на базе московского ОМОНа. Турнир, проводимый в четвертый раз, был посвящен памяти командира сергиево-посадского ОМОНа полковника Дмитрия Маркелова и его бойцов, погибших 2 марта 2000 года в пригороде Грозного. Полковник Маркелов являлся неоднократным победителем всероссийских соревнований по самбо, он всегда обращал особое внимание на физическую подготовку своих бойцов. Дмитрий Маркелов был знаком и с БОЙБО, активно пропагандировал эту систему.

В трех из пяти весовых категориях победу одержали бойцы сергиево-посадского ОМОНа: Николай Теремск, Максим Сапега и Андрей Кузнецов. Самый интересный бой провели тяжеловесы (свыше 100 кг). За звание чемпиона дрались коллеги — бойцы ОМОНа на воздушном и водном транспорте Станислав Раджабов и Сергей Городецкий. Золото в упорной борьбе взял Станислав Раджабов.

В 2004 году команда ОМОНа на воздушном и водном транспорте завоевала практически все призовые места. Особо отличились бойцы отряда А. Нарыков, Д. Беспалов,

С. Бобрышев, Ю. Горохов, В. Карбут, А. Родионов. С. Городецкий в этот раз все-таки занял первое место в своей «тяжелой» категории (свыше 100 кг).

Помимо общей физической подготовки существует и узкоспециальная — для снайперов, водолазов, взрывотехников. Для них и сборы, и соревнования свои.

В 1998 году в Северобайкальске состоялись первые сборы водолазов — специалистов внутренних войск, Министерства внутренних дел и Министерства по чрезвычайным ситуациям. С тех пор такие сборы стали хорошей традицией. Количество их участников растет с каждым годом, они съезжаются со всех уголков России — из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Хабаровска, с острова Сахалин.

Специфика подготовки служб МВД, МЧС и внутренних войск существенно различается, и потому необходимо делиться опытом и учиться самим.

Ежегодный план сборов традиционен. Первая неделя — это усиленные теоретические занятия, плавно переходящие в сдачу зачетов на допуск к водолажным спускам, надводным и подводным взрывным работам. Вторую неделю проводятся практические занятия — спуски под воду и взрывные работы на полигоне.

Спуски проходят в снаряжении различных типов: в вентилируемом, автономном, с открытой системой дыхания либо в снаряжении замкнутого цикла. Такое разнообразие позволяет лучше изучить виды водолазной техники и освоить новые.

К приезду участников сборов на базе готовятся особо. Военнослужащие оборудуют целый инженерный городок со множеством неординарных заданий, начиная с подрыва обычной деревянной сваи и заканчивая бронированными элементами фортификационных сооружений.

Апогей водолазных сборов — это подводные взрывные работы, которые производят в специально углубленном озере. Сложность подобных работ заключается в том, что закладку заряда под водой приходится производить на ощупь из-за мути, поднятой со дна после предыдущих взрывов.

Но кроме интересных и полезных занятий, участников привлекают в водолажных байкальских сборах возмож-

ность личного общения в спокойной обстановке и обмен индивидуальными наработками и опытом. Во время такого общения рождаются настоящая дружба и водолазное братство.

Проводятся совместные учения омовцев с другими спецподразделениями, постоянно отрабатываются приемы и навыки захвата вооруженных преступников в здании, на катере, в автомашине. Бойцы проходят подготовку по предотвращению массовых беспорядков в черте города, в зданиях вокзалов и портов. Чтобы бойцы не утрачивали навыки меткой стрельбы, два раза в неделю проводятся стрельбы из автомата и ПМ.

. . .

Отдыхают собровцы и омовцы так же, как и все. Стараются провести все свободное время с семьей. Если есть путевка, едут на море, в дом отдыха или санаторий.

Дни рождения бойцов — это тоже отдых, для души. Отпраздновать день рождения — дело святое. Эти дни всегда помнят, даже если сотрудник уже уволился или перешел в другое подразделение. И в день рождения отряда собираются все — и те, кто продолжает служить, и ветераны, к которым относятся с большим уважением.

Может, больше других любят спецназовцы охоту и рыбалку, потому что им, привыкшим к оружию, азарту, эти виды отдыха особенно по вкусу.

Что может быть лучше, когда прошли первые затяжные осенние дожди и деревья оголились. В лесу сыро, и с паром преющих коричневатых листьев поднимается запах осени и грибов.

Вот скоро и озеро. Влажная почва продавливается под ногами, ружье за плечами. Совсем тихо, только мягко чмокает земля, а оставшиеся следы потихоньку затягивает рыжей водой. Сейчас покажутся сухие желтые камыши и свинцовая поверхность озера. Тут, в камышах, утки.

Тишина оборвется выстрелами, утиным криком и возгласами охотников. Потом будет костерок на берегу. Медленно поплывет над озером дым от сырых веток. Из серого неба замельтешит мелкий дождь, но от него осенний лес станет только красивее и запахи острее...

Другие спецназовцы — завязанные книгочеи, третьи — коллекционеры, четвертые хорошо, талантливо рисуют. Кто-то пишет стихи или прозу. И неплохо пишет. Среди них — один из героев нашей книги, прапорщик Евгений Герасимович (см. очерк «Военные пути снайпера»).

Евгений Герасимович

Элегии осени

Примета скорого отъезда — белеющие на кроватях матрасы. Их вид вызывает одну-единственную ассоциацию — что-то должно завершиться. И уже раскручивается в душе спираль, как винт вертолета, и слышишь тихий посвист — в дорогу! В дорогу! Ты проходишь по комнате, где провел столько времени и куда, быть может, никогда не вернешься. Все вроде бы знакомо, но что-то режет глаз — непривычное, от чего давно отвык — это, конечно, рюкзаки. Они дождались! Они вылезли из своих укромных гнезд под кроватями, из темных пыльных углов и выстроились рядом, упитанные, как молодые кони. Они тоже шепчут: пора! Пора! И забытая кем-то кружка на столе, выкатившаяся откуда-то пустая бутылка — они все кричат: закончилось! Закончилось! Все эти беззвучные голоса сливаются воедино, и вздымается вихрь, который подхватит и закружит прожитые дни, как листья, разбрасывает их, и откроется путь, на который ступишь без сомнения. В этот самый момент можно ощутить, почти что руками потрогать, как заканчивается этап, этап жизни, приключение... И ты в очередной раз переступишь порог, шагнешь в новое, и можно задержаться на секунду, смакуя, как вино, рождение новой реальности, которой ты не принадлежишь пока, но вот-вот шагнешь в ее объятия. И грустно, и радостно в этот момент одновременно.

4. 09. 2001 г.

Третий год подряд Он не видел осени. Каждый раз говорил себе, что в этом году уж точно никуда не поедет, что времени будет достаточно, чтобы насладиться осенью. Отдохнуть. Может быть, написать книгу. Но все складыва-

лось иначе. Он уезжал в конце лета, сразу после того, как краснела рябина и появлялись желтые листья, самые первые и редкие. А возвращался зимой, когда уже ложился снег.

Каждый раз Он обманывал себя, обещая вернуться вовремя — к середине октября, но обстоятельства были сильнее Его. В глубине души Он и сам не верил, что успеет, и все же продолжал надеяться.

Уже в начале августа, улавливая запах осени, пока еще очень слабый, Он мог отыскать самые первые ее приметы. Ближе к сентябрю осень нагоняла Его и накрывала с головой, и тогда Он мог явственно увидеть все ее этапы.

Видалось Ему небо, ярко-синее, вновь напитавшееся синевой, взамен выгоревшего, летнего. Оно было глубоким и чистым, без единого облачка на рассвете. Таким же ярким оно отражалось в реке, и непонятно было, где заканчивается вода и где начинается небо. А еще в реке отражались высокий берег и лес, золотой, с пятнами алых кленов — это золото Он ценил больше всего. Видал и ночной костер, и утренний иней на траве, и первый тонкий ледок, покрывший лужи, и затвердевшую грязь, и лесные дорожки, сразу ставшие чистыми и просторными. Чудился Ему запах оврагов и прелой листвы, виделась утренняя хмарь предзимья. Все это пролетало перед глазами в один миг, стоило лишь на секунду их закрыть.

...А когда самолет заходил на посадку, Он не смотрел в иллюминатор, потому что в глубине души еще жила шальная и сумасшедшая, абсурдная надежда на то, что Он все-таки успел и у Него будет хотя бы один день осени. Но двигатели смолкли, и откинулась рампа, а в лицо Ему дохнул стылый зимний ветер и бросил пригоршню колючего снега, убивая последнюю надежду на чудо. В этот момент Он окончательно понял, что опоздал...

10. 09. 2001 г.

Он сидел в лесу возле костра. Настала поздняя осень, и уже облетела листва с огромных дубов. Было очень тихо, только дрова в огне потрескивали. Небольшое озеро у Него за спиной отражало ярко-синее осеннее небо. Бли-

зился вечер, но лес был слишком светел, и приближавшимся сумеркам пока не за что было зацепиться.

Человек щурился, глядя на огонь. Он не спешил и был предоставлен самому себе. Он успел уже забыть это чувство и теперь с удивлением пробовал его на вкус.

Он многому удивлялся в этот день. Надолго задержался возле озера, увидев в нем свое отражение. Лесное зеркало отразило худое лицо, еще молодое, но уже с морщинами возле глаз и над переносицей. Впервые за долгое время Он пристально вглядывался в свое лицо, и оно напоминало ему кого-то с детских фотографий. Но был это тот человек или кто-то другой, Он почему-то не хотел вспоминать. Он пытался оценить его, словно встретил чужака и не знал, что от него ждать. «Забавно, — подумал Он, — брать в попутчики свое отражение, которое может выкинуть какой-нибудь фокус».

Многое казалось Ему странным, и даже то, что этот осенний лес был на удивление уютным, а тепло костра словно согревало его. Кроны дубов, соприкасаясь, создавали видимость огромного зала, и этот зал был для человека домом.

Мысль эта была настолько проста, что Он, после всей суеты последних месяцев, боялся спугнуть ее, боялся разорвать тоненькую нить, протянувшуюся между ним и лесом. Да и связь эта была тонка. Но только она давала человеку силы и вдохновение. Сидя среди деревьев и глядя на рыжее пламя, Он чудесным образом растворялся в осеннем лесу и обретал свое место.

28. 10. 2001 г.

Картины майора Корнева

Горы в темноте — черные громады. Афганская провинция Кундуз. Недалеко Пяндж, а вдоль него советские погранзаставы. Всего лишь река разделяет мир и войну.

Младший сержант Вячеслав Корнев проснулся. Его тормозили:

— Подъем! Часовой исчез.

Одеваясь, Корнев услышал, как переговаривались

офицеры. Из их отрывистых фраз он понял, что солдат, скорее всего, не был похищен, а убежал.

Взяли автоматы и начали поиск. Ночь. Шорохи от шагов по иссушенной земле. Камни под ногами от разбитых домов кишлака. Чернее ночи провалы узких окон. Дрожь не от холода — от волнения. Корнев крепче сжимал в руках АКМ, вглядываясь в темноту.

— «Духи»! — закричал кто-то, прошивая ночь автоматной очередью.

На душманов наткнулись случайно. Корнев перемещался в сторону дувана, стрелял туда, где по его предположениям были «духи». Краем глаза видел силуэт своего друга Ивана. Тот двигался все время рядом. От этого на душе становилось спокойнее.

Отступили душманы. Выстрелы слышались все реже. Бойцы вернулись к месту своей дислокации.

У Корнева что-то хлюпало в ботинке.

— Слав, у тебя ноги промокли? — удивился Иван. — На лужу наступил?

Только сейчас Корнев ощутил боль в ступне. С трудом снял окровавленный ботинок. Пуля прошила ногу около большого пальца. Крови натекло много и болело сильно, но, к счастью, кость не задело.

Привели часового. Молодой парнишка нашел тихое местечко, пригрелся и уснул. Даже стрельбы не слышал...

Корнев не мог заснуть до утра. Беспокоила ноющая боль в ноге. В переделки со своим другом Иваном они попадали в Афганистане не раз, но до сегодняшнего дня их даже не царапнуло...

В армию Вячеслав шел служить с охотой. Отказался от отсрочки на год, которую ему давали как студенту Федоскинского училища миниатюрной живописи. Он отучился там два года, а до окончания оставался всего один...

Май 1987 года. Раскаленный состав, тянувшийся в южном направлении. Крупная черная черешня на полустанках, липкая газировка. Корнев часто сидел в стороне от ребят, задумчиво смотрел на пустынные засушливые степи за окном. Его считали нелюдимым, а он

просто любил побыть наедине со своими мыслями и воспоминаниями.

Село Казачье в сибирской глуши на берегу холодной рыбной Ангары. Две младшие сестры и брат. Школа, где директор — немка, строгая, важная. Учитель физкультуры и военрук по совместительству — Иван Павлович Зубинский. Он, бывший спортсмен, волейболист, создал в школе команды девочек и мальчиков по волейболу.

Вячеслав выступал за школьную команду с четвертого класса. Учился легко, на пятерки и четверки. Только баловался без присмотра отца, который служил на подводной лодке. Раз в году отец приезжал в отпуск.

Иногда Вячеслав с матерью ездил на север к отцу. Ему нравилось путешествовать — на поезде, на пароходе. Наказания и наставления отца быстро выветривались из головы.

Слава любил историю. Много читал. Учительница истории возлагала на него большие надежды и помогала готовиться к поступлению на исторический факультет Иркутского университета.

Но еще Слава оформлял стенгазету. Рисовал карандашами и фломастерами. Отцу нравились его рисунки. Он и посоветовал сыну поступать в Федоскинское училище. Когда Вячеславу исполнилось шестнадцать, он переехал в Подмоскowie к сестре отца.

Дед Вячеслава — Павел Иванович Плахов и двоюродный брат — Дмитрий Рогатов в то время уже были известными мастерами в росписи шкатулок и подносов. Дед после Великой Отечественной организовал цех жостовской росписи, и работы Плахова и Рогатова хранятся в музеях Франции и Италии.

Брат научил Вячеслава пользоваться красками, объяснил, какие цвета можно смешивать, какие нельзя, как составлять композицию. Вячеслав поступил на отделение жостовской росписи и жил в Подмоскowie у сестры отца.

И вот армия. Учебка в Ашхабаде. И Афганистан. Десантно-штурмовая бригада...

До августа 1988 года Вячеслав оставался в этой бригаде, пока начальство не «вспомнило», что он и его друг

Иван закончили артиллерийскую учебку. У Корнева специальность — командир отделения артиллерийской разведки и корректировщик. Иван — вычислитель.

Их сразу же командировали в другую часть. Во время вывода войск из Афганистана вдоль дороги из Кабула выставлялось охранение. Охранные точки — установка «Град», пара бээмпэшек с десантниками. Вячеслав и Иван были в расчете реактивной установки.

Белесое высокое небо, густо-серые горы, рябь легких облаков над ними. Пыль от проезжавших по дороге внизу машин и выстрелы, звучавшие не слишком резко. Душманы не давали им покоя. В солнечный день казалось, что с ними ничего не может случиться. Их ждут дома, и это ожидание оберегает.

Однако Корнева контузило. Осколок на излете вонзился в спину. Голову потряхнуло взрывной волной. Осколок тут же выдернули, вылили на спину пузырек зеленки и стянули рану пластырем.

Стояли у трассы несколько дней. Движение по дороге прекратилось, словно об охране забыли. Но снова появились наши на дороге, вызвали их по рации и вместе с другими «Градами» двинули в Ташкурган. Думали — все. Домой. Так ждали этого дня, но в Ташкургане их развернули — и обратно, в провинцию Кундуз.

Представление к медали «За отвагу» Корнева сгорело вместе с документами в машине старшего офицера батареи. Там же были и свидетельства о ранениях, и воинский билет. Ему выдали дубликат билета, а про ранения благополучно забыли.

И, наконец, в феврале 1989-го советские войска вышли из Афганистана. Офицеры разъехались служить по своим частям. А срочники-артиллеристы остались дослуживать в Душанбе, где стояла артиллерийская дивизия.

«Афганцы» ходили в самоволку, отъедались, отсыпались. Для них служба фактически закончилась.

Корнев не выпивал и не гулял с ребятами. Он опять держался немного особняком. Все думал о доме. Чем будет заниматься, когда вернется? Корнев привык все взвешивать, не решать ничего спонтанно. Может, это

и спасло его от той неприкаянности, которой страдали многие ребята-«афганцы», возвращаясь к мирной жизни.

Вячеслав считал символичным то, что перед армией он отдал однокашникам по школе живописи и свой этюдник, и все кисти, и краски. Способности есть, но при этом нет призвания.

Еще в поезде, добираясь с товарищем из Душанбе в Москву, Корнев подумывал о работе в милиции. Он искренне и серьезно хотел бороться с преступностью. Служба и война только закалили его характер.

• • •

Удары кувалдой в железную дверь. Один, другой, третий... Грохот на весь подъезд. И дверь вышибить, и отвлекающий шум создать. Отвлечь внимание преступника от окон. Трое бойцов СОБРа с альпинистским снаряжением спускаются с крыши семнадцатизэтажки на четыре этажа вниз. Тихо, через балкон. А другие лупят кувалдой в дверь.

Лица под масками горят от жары. От звонких ударов закладывает уши. До штурма капитан Корнев пробежал по этажам. Звонил соседям, хотел узнать у них планировку квартиры. Он вернулся к своим ни с чем.

— Вот зараза! Не пускают. В глазок смотрят и делают вид, что дома никого. Придется вслепую идти.

Он держал наготове пистолет, поправлял бронежилет. Вот сейчас дверь рухнет, а за ней, по сведениям оперативников, несколько бандитов. Квартира «общаковская». Там хранятся преступные деньги. О такой квартире редко удастся узнать операм. Обычно о ней знает только узкий круг лиц — преступников. А еще там живет «смотрящий». Деньги охраняет.

Кто-то стоит теперь под дверью с оружием и готовится стрелять в первого забежавшего собровца. Не успеют ребята проникнуть через балкон и его обезвредить — Корнев, который вбежит первым, может поймать пулю в упор.

После одиннадцатого удара дверь вылетела. Бандит, уже обезвреженный, лежал на полу. Он оказался в квар-

тире один. Тот самый «смотрящий», который охранял общаковские деньги.

— Стоял, гад, под дверью, с пистолетом, — сказал Корневу один из бойцов, который забирался в квартиру через балкон. — Нас с балкона он не ждал.

• • •

Горы, ночь. Все как десять лет назад. По старой памяти боевиков «духами» кличут. Крепко Афган во многих засел. Но для капитана милиции Корнева — это совсем другая война. Дома теперь ждут Наташа и сын Кирилл. Два родных любимых человека.

Первая командировка — октябрь—декабрь 1999 года. Ввод войск в Чечню. Старогладовская станица. Хлебозавод и на его территории бывшее общежитие стройотряда. Здание хлебопекарни, одноэтажное, десять на восемь метров. Восемьдесят человек собровцев теснились в этом помещении. Зачистки снова и снова. Оружие, брошенное просто так и запрятанное боевиками в схронах. Обстрелы собровского ПВД. Картинки в памяти — калейдоскоп. И картинки так быстро менялись, что детали уплывали, как будто нечеткое изображение.

На некоторое время домой, к родным. Новый год вместе с женой и сыном. Но лишь до конца февраля удалось побыть со своими. Вторая командировка. И снова Чечня.

Два-три дня собровцы перемещались к Грозному. Выбирали место для нового ПВД. Остановились в Октябрьском районе, в больничном здании. Командировка у Корнева была до 29 апреля.

Корневы жили теперь в своей квартире, которую получил Наташин отец, бывший военный. Если бы он не отдал квартиру молодой семье, дочери, так бы и мыкались.

Были отчаяние Наташи, и слезы, и просьбы отказаться от командировок в Чечню.

— Я не хочу так больше. Ночью совсем спать не могу. Таблетки не успокаивают. Встану и брожу по квартире. Одна. Поглядишь на Кирюшку, а он так на тебя похож. Сил нет смотреть.

— Но я же приехал. Теперь я тебе и по дому помогу. Ты же знаешь, я все умею. Не люблю только две вещи, — улыбнулся Вячеслав, — чай заваривать и одеяло в пододеяльник вставлять.

— Да, ты у меня мастер на все руки. Я больше никуда тебя не отпущу. — Наташа крепко обняла его. — Мы с Кириллом тебя не отпустим...

Эти фразы так и звучали в памяти Корнева, когда он вылетел в свою третью командировку в апреле 2001 года. И эти слова, и гибель трех товарищей за вторую войну — Казакова, Гурова и Матвеева...

Жили собровцы будто под топором. Минная война. Фугасы разного действия — радиоуправляемого, Нажимного — на выбор. Поставить — дело недолгое. Боевики или сидят на безопасном расстоянии, или уходят вовсе. И деньги за каждый подрыв получают.

За 1999 год Корнева наградили орденом Мужества, а за командировку 2000 года представили к медали «За отвагу». В мае, когда был еще в Грозном, он получил звание майора.

Каждым утром, рано, собровцы на операции. Искали мины, схроны оружия в заброшенных домах. С ними ходил кинолог с овчаркой по кличке Тагир.

Рядом школа и пустырь. По пустырю шли двое мужчин. Ссутулившись, они двигались в сторону улицы Нахимова. Корнев окликнул их. Они нехотя остановились.

— Предъявите документы, — потребовал он.

— Нет у нас с собой. Дома забыли. Мы местные.

Собровцы связались с комендатурой Октябрьского района и передали туда этих двух для выяснения личностей.

«Может, они и мирные, а может, только из Чернореченского леса вышли, — думал Корнев, возвращаясь на ПВД. — Их вспугнули, они все побросали, поэтому и без документов. А вообще, у всех боевиков документы лучше наших. Паспорта на новеньких российских бланках. Я, милиционер, до сих пор не сменил паспорт. Бланков в области нет. Хожу с потрепанным, советским».

С жалобами на боевиков приходили отчаявшиеся местные.

— Так надоела война. Все вокруг стреляют, — со слезами говорила пожилая женщина. — Когда это кончится?! Ходят в лесу, я их видела, и днем, и вечером.

Бывало, что местные называли и конкретные адреса. Знали, где живут бандиты. Но, как правило, нагрянув по этому адресу, собровцы никого не находили.

В ответ на откровенность местных, по Грозному прокатилась волна убийств мирных граждан.

Периодически собровцы прочесывали лес. Траншеи, блиндажи между деревьев. Запах свежего леса, тонкий и сладковатый вкус лесного воздуха. А к нему примешивается стойкий запах войны — гари и пороха.

Собровцы вошли в лес после подрыва их соседей — новосибирского СОБРа. Час назад вытаскивали раненых из «Урала» и УАЗа и отправляли в госпиталь, в Ханкалу. Доктор подмосковного СОБРа вернул к жизни раненого бойца, у которого наступила клиническая смерть...

Натягивает поводок Тагир. Подстраховывая друг друга, бойцы идут на расстоянии. Остановились по знаку. Тагир что-то нашел. Корнев спрыгнул в окоп. Окопы в лесу и совсем старые, еще с Великой Отечественной, и поновее — с прошлой чеченской.

— Вот тут, — указал кинолог.

Присыпанная землей плащ-палатка. Под ней ниша. А в нише несколько автоматов, «Мухи», пустые магазины и пули рассыпью.

— Второпях бросили, когда убегали, — заключил Корнев.

Часто собровцы выезжали уничтожить мини-заводы. И вот после одного такого удачного, результативного выезда боевики решили отомстить.

На глазах Корнева подорвалась собровская БМП. Механик-водитель, молодой парнишка, попал в эпицентр взрыва и погиб сразу. Чуть сзади него сидел Александр Хурда, а справа Филипп Павелко. Крышку моторного отсека вырвало и перебило ноги Павелко и Хурде. Остальных бойцов контузило и взрывной волной посбрасывало с брони.

Одни отгаскивали раненых в сторону, в безопасное место, другие прикрывали отход.

Филиппа и Александра отправили в Москву. От тяжелой контузии Филипп долго не приходил в себя. Александру одну ногу пришлось ампутировать.

• • •

Осень к северу от Москвы ранняя. Тополя забрасывают желтыми листьями дорожки, водную гладь Клязьминского водохранилища. Оно неподалеку от дома майора Корнева. Рядом — древний сосновый бор. Корнев любит гулять там с Наташей и сыном.

Утром он встает рано. По привычке спит в сутки всего часов пять. Жалко ему терять время на сон.

Корнев уходит гулять, когда дома все еще спят. Он вернется с прогулки и разбудит домашних. Жене собирать сына в школу.

Наташа не работает. Корнев все время уговаривает ее не работать. Хотя она, помимо медицинского, закончила еще и строительный институт.

— Я сотрудник СОБРа, — убеждает он Наташу. — Дома бываю нечасто, а если и ты работать начнешь, упустим Кирилла. Ты уж посиди дома... Кирилл у нас паренек хороший, понятливый, добрый. Но балуем мы его. А надо бы построже.

— Вот ты бы и построже, — одними глазами улыбается Наташа. — Ты же первый его и балуешь.

— Со мной отец строже был, — кивает Вячеслав. — Я до сих пор к нему на «вы». Ты же знаешь. А Кирилл немного рассеянный, ему надо быть пособраннее. Вот сейчас спортом занялся. Это дисциплинирует. Лишнего свободного времени нет...

Корнев смахнул листья со скамьи, присел. Собака подбежала и начала ласкаться, заигрывать. Задние лапы и хвост ходуном ходят.

— Теодор Рувельгович, отстань, — со смехом толкнул пса в мягкий теплый бок Корнев. — Иди, иди. Гуляй.

Взметая лапами желтые листья, пес умчался за деревья.

Когда Корнев смотрит на красоту природы, иногда мелькает желание взяться за кисть. Но это желание живет секунду-две, не больше.

Военные пути снайпера

Прапорщик милиции Евгений Герасимович — снайпер ОМОНа на воздушном и водном транспорте. Служит в отряде с 1999 года. Прошел высотную подготовку, освоил специальности снайпера и водолаза — боевого пловца. Был с отрядом во всех командировках второй чеченской кампании.

Награжден медалями «За отвагу» и «За отличие в охране общественного порядка».

Сутки на сборы!

Бушлат, рюкзак, спальник.. Что еще в командировку брать? Женя в растерянности остановился у открытого шкафа.

Вчера, когда Женя пришел на дежурство в отряд, его огорошил Димка Казинкин.

— Абрам, хочешь, обрадую? — поинтересовался Дима.

— Ну, — с улыбкой кивнул Женя. По каким-то непонятным признакам его приняли в отряде сначала за еврея. Он уже привык к своему прозвищу — Еврей или Абрам.

— Завтра у нас тринадцатое, и завтра едем в Чечню, — сообщил Дмитрий.

В отряде до четырех часов дня окончательно не было известно о дате и времени отъезда. Бойцы названивали домой. Надо успеть собраться. Но после четырех выяснилось, что вылет состоится все-таки 14 октября. Через сутки. Есть время на сборы. Только что брать — вот вопрос. Никто не подсказал...

Мать пришла домой на обеденный перерыв.

— А, сынок, приехал. А чего это ты сумки собираешь?

— В командировку еду. — Женя с опаской покосился на мать.

Она заплакала:

— Там же все только началось... Там бои...

— Да ладно, мам, чего ты? Мы в спокойном месте стоять будем. Дальше Моздока не пустят. Лучше мне помоги собраться.

Женя набрал все, что только возможно. Прихватил и примус, и саперную лопатку. Единственное, что не взял — это фотоаппарат. Жена попросила оставить, фотографировать маленькую дочку.

Эх, туть-дорожка

Самолет — это вылет по расписанию, это удобные мягкие кресла, стюардессы — симпатичные девчонки, на подлете — море, песчаный пляж в овале иллюминатора...

Борт — это задержка на целый день, вылет из Чкаловского вместо одиннадцати утра в десять вечера (борт проходной из Питера), это рюкзак вместо кресла, это сидение чуть не кверху ногами, в тесноте, на верхней палубе Ил-76, где разместились шестьдесят омовцев. На нижней палубе еще люди из других подразделений. Но Жене даже подремать удалось. Вместо иллюминатора — рампа, открывающаяся с нервным скрипучим пиликаньем, вместо моря и песка — чернота южной ночи в прямоугольнике рампы и полная неизвестность. Приземлились.

Куда идти? Где искать хоть какое-то руководство? Приняли решение — ночевать в поле, под открытым небом. Осенний холод. Вместе с другом, Лешкой, легли спина к спине и укрылись расстегнутым спальником, как одеялом, — предусмотрительный Женя извлек этот спальник из бездонного рюкзака. В течение ночи омовцы по очереди подходили к Жене то за фонариком, то за лопаткой, то еще за чем-нибудь.

— У Еврея все есть! — вынесли вердикт.

Женя с охотой делился своими запасами. Чтобы не замерзнуть, бойцы нацепили на себя все, что можно, а потом смекнули, расстелили на земле брезентовую армейскую палатку, улеглись в ряд и ей же и укрылись.

Утром жаркое солнце подняло всех рано. А разместили бойцов только после обеда в вагоне, который стоял на запасном пути на станции Моздок.

Вагоны один за одним отправлялись в глубь Чечни, по мере того, как продвигались войска. Вагон омовцев стоял в этом спецсоставе последним. Прошла неде-

ля. Женя несколько раз звонил домой, успокаивал родителей и жену.

Наконец было определено место пребывания ОМОНа — станция Червленая-Узловая.

На рассвете, в четыре утра, вагон дернулся, его подцепил маневровый и начал выводить на пути. Женя посмотрел в окно. На улице — осенняя хмурость, слякоть, окно забрызгано мелкими слезами дождя. Женя вздохнул.

«Куда едем? — думал он. — Что нас там ждет?»

Война обозначила свои пределы — оборванные электрические провода, железнодорожные светофоры, чернеющие провалами глазниц, воронки от взрывов. И нет конца и края этому военному пейзажу.

Те ребята, кто воевал в первую чеченскую, говорили, что Червленая покажется вот-вот. На Червленой сначала и остановились, потом уже вагон перетянули на Червленую-Узловую. Начало темнеть. Пятый час вечера.

На станции пути взорваны. Железнодорожные войска их ремонтировали. А омовцы в спешном порядке стали окапываться.

Коля Бравичев по прозвищу Бивис всю дорогу косялся на Женю. Подкалывал. Деревенский парень, но с высшим образованием, Николай любит приbedняться.

— Мы, деревенские, у нас все проще, а вот Еврей у нас интеллигентный.

Женя все больше раздражался, но сдерживался. Не драться же с этим заносчивым Бивисом. Тем более, несмотря на обиду, Женя знал, что Николай отличный пулеметчик и классный механик-водитель БТР.

Вместе с Сергеем Даньшиным, еще одним снайпером отряда, можно сказать, Женькиным наставником, они пошли обустроить снайперскую точку.

Самое высокое место в ближайшем окружении — водокачка. Старая, построенная, наверное, еще в те времена, когда тянули железную дорогу на юг. По винтовой железной лестнице прогрохотали наверх, очутились в бетонном стакане — резервуаре для воды. В этом стакане еще одна металлическая лестница.

— Как бы отсюда не сверзиться? — Женя поглядел вниз, под ноги, на зияющую пустоту.

— Сейчас досок натаскаем, сделаем настил, — успокоил Сергей.

Пока разыскивали по окрестностям подходящие доски, с узла связи снайперов попросили перетаскать какие-то ящики. Вместе с Сергеем взялись. Вдруг за спиной как ухнет! Грохот начался непрерывный, оглушительный. У Женьки все опустилось, и высветилась в мозгу такая же оглушительная мысль: «Ну все, приехал!»

Оказалось, что метрах в трехстах отсюда стоит наша батарея. Это они шарахнули в который раз по осенней «зеленке».

Для начала свой пост оборудовали на скорую руку. Жене и Сергею надо было заступать в четыре утра, сменить другую омововскую снайперскую пару.

Первая ночь на войне. Только чуть Женя задремал, начался такой сильный огонь, что в вагоне подпрыгивали стаканы от грохота. Опять наша артиллерия работала по «зеленке». Женя начал одеваться.

— Куда это ты собрался? — остановил его командир взвода Николай Амелин.

— Стрельба.

— Ложись и спокойно отдыхай. Если понадобится, тебя поднимут.

Николай спокойный, уравновешенный боец. На свою вторую войну приехал. В первую он с другими омововцами десять суток просидел в окруженном «духами» Гудермесе, на железнодорожном вокзале.

Какой там сон?! Кое-как Женя дождался утра.

...В башне водокачки небольшие окошки, расширенные прямым попаданием из миномета. Вокруг чернота, холодный воздух в лицо. У Жени с Сергеем прицелы «ночники», бинокли ночные. Дух захватывает от такого зрелища. Иногда в «зеленке» взрывались растяжки, но сквозь гущу веток практически ничего не было видно.

Боевики ушли за Терек. Станцию не беспокоили. Обстреливали десантников на мосту. Те несли большие потери. Чуть не каждую ночь «духи» их долбали. Раненых вывозили на бэтэрах в Червленую, в госпиталь. Везли через Червленую-Узловую, мимо омововцев.

Когда рассвело, снайперы снова занялись обустройством своего поста. Кашинцев, по прозвищу Макстар,

без усталости бегал по винтовой лестнице вниз и вверх, подтаскивал доски для настила. Ему это труда не составило, он много занимался спортом, бегал на лыжах. А здесь, в командировке, Макстар каждое утро мерил круги по двору ПВД. Бойцы присоединялись к нему, когда снайпер уже пробежал часа два, вместе с ним тренировались минут сорок, а он еще потом бегал часа два. Километров тридцать за тренировку по времени пробежал.

Наблюдательный пункт сделали очень удобным. Хозяйственный Макстар даже шторы на окна повесил. Не только из-за эстетического порыва — ночью в небе часто вспыхивали осветительные ракеты, приходилось резко пригибаться, чтобы не засветило, ненароком не мелькнула тень от головы.

Единственное неудобство — печку на водокачке нельзя установить. Демаскировка. Если на земле на постах и в блиндажах бойцы худо-бедно грелись, то снайперам приходилось тяжело.

10 ноября ударил десятиградусный мороз, выпал снег. Женя вышел на улицу и, замороженный, остановился. Белое пространство, прозрачный воздух и горный хребет — вот он, рядом, хотя до него много-много километров.

Ну и намерзлись снайперы на своей вышке в эти пять дней, пока не сошел снег и не спал мороз!

Бойцы обросли, и многие не сбрасывали бороды. Боец Алексей Бузынин, который всегда носит бороду (он и прозвище получил за нее — Ильич), охорашивал ребят бороды, подрезал и придавал красивую форму. После такой стрижки Женя с удивлением рассматривал в зеркале свое изменившееся лицо — древнерусский князь, да и только!

Но и князьям мыться надо. Омоновцы начали строить баню. Отгородили в старом станционном доме угол, сделали потолок, чтобы тепло не уходило. Поставили печку, обтянули сеткой-рабицей, обложили камнями-голышами. Стены, насколько возможно, проконопатили, обшили подручными материалами. Получилась баня.

Шестьдесят суток командировки истекли.

Домой омовцы возвращались на поезде. Вот тут напряжение, накопившееся между Николаем Бравичевым и Женей, чуть не вылилось в драку. Кинулись друг на друга, как два задиристых петуха. А потом, словно ушат холодной воды, появилась мысль — что им делить? Вместе прошли через все невзгоды и тяготы командировки, а теперь по дороге домой...

Под прицелом

Отдохнули немного дома. Весна 2000 года — грядет новая командировка. Жене позвонил Бравичев:

— Что, Абраша, в командировку едем?

— Едем!

В эту командировку они с Николаем поехали уже друзьями.

— ...Жень, надо соседям помочь. По ним снайпер работает. Сходи посмотри, — попросил заместитель командира.

Женя неторопливо собрал свой снайперский приклад. Бинокль, винтовку, рацию. Ночью двинулся к соседям, екатеринбуржцам.

В Червленной-Узловой уже все места знакомы, все дальности до объектов промерены, карточки огня составлены.

Соседям Женя представился:

— Я из московского отряда. Вы просили помочь...

— Отлично. Пошли, — повел за собой боец.

За спиной Женя услышал шепоток:

— Мужики, это кто?

В ответ с уважительным придыханием:

— Снайпер.

Женя обрадовался, что темно и не видно, как он покраснел.

«Господи, знали бы они, какой я снайпер, — подумал он. — Только-только начал... Но если ребята надеются, то надо что-то делать».

На трехэтажной башне, бывшей железнодорожной диспетчерской, у соседей был пост. Жене показали предполагаемую снайперскую точку:

— Там у него лежка. Наши ребята на зачистке обнаружили. Она пустая была.

Женя устроился у окна, остальные бойцы сидели в глубине помещения за мешками с песком. Сидели в темноте. Женя наблюдал и краем уха прислушивался к байкам, которые травил невидимый незнакомый майор. Он веселил своих бойцов всю ночь. Скрашивал время наблюдения Жени. Увидеть майора ему так и не удалось. Женя ушел на рассвете. Для остротки обработал возможную позицию шестью пулями. Хотя это, в общем, была работа пулеметчика.

«Отсутствие результата тоже результат», — подумал немного расстроенный Женя, возвращаясь в расположение отряда. Через день соседи явились с новостями.

— Пошли мы снова на позицию «духовского» снайпера и обнаружили на месте лежки следы стремительного побега.

— Наверное, снайпер оказался там в момент обстрела, — предположил Женя.

— Скорее всего. Потому что ломанулся он так, что раму телом вынес. А лежку там отличную себе оборудовал. Сзади в доме стена выломана и окопчик в «зеленку» уходит. Вот по нему он и ушел.

На этом история со снайпером закончилась. Екатеринбургцы достаточно скоро уехали в Грозный. Однако ближе к концу командировки судьба снова свела Женю с майором, который развлекал бойцов ночными историями и анекдотами. Он приехал на Червленную-Узловую, зашел к омовцам. Женя узнал его голос.

— Ребята, есть тут у вас снайпер, Евреем зовут?

— Да вот он!

— Это настоящий профессионал. — Майор похлопал его по плечу. — Молодец, Женя. Нас тот снайпер просто измотал. После твоих выстрелов оставил в покое.

Наш паровоз вперед летит

Бронепоезда на железных дорогах Чечни — это, и правда, песня. Омоновский бронепоезд «Кузьма Минин». Один из армейских бронепоездов назывался «Железный капут».

Чем только не укрепляли эти железные корабли. «Зушки» и БМП на платформах, но это на армейских. На омовских из серьезного вооружения один только АГС, а вместо ПКТ в башню от БТР воткнули палку, как будто ствол торчит. Ездили ребята в нем на свой страх и риск. Рельсы-то одни, на обочину не съедешь. Если что — отличная мишень. Поэтому вагоны укрепляли на совесть. Переборки двойные, между ними песок засыпан, бойницы закрывающиеся.

На посты, на мосту через Сунжу, омовцы ездили на бронепоезде. Но Жене пришлось съездить на бронепоезде в Грозный вместе с офицером отряда Николаем Филатовым, по прозвищу Война. Он получил это прозвище за то, что едва появлялся на мосту через Терек, где был омовский пост, по его указаниям начинались стрельбы по мишеням, прострел «зеленки», обстрел секторов — стоял постоянный грохот, начиналась война.

Отряд планировалось перевести в Алды, надо было присмотреть место для ПВД. На «смотрины» поехали с нижегородским ОМОНОм.

— Мужики, вам на все про все полчаса, — предупредили нижегородцы. — В Грозном беспокойно. Если нас засекут, то могут там накрыть.

Впереди бронепоезда шла дрезина со «смертниками», как решил про себя Женя. На ней сидели офицер, лейтенант, несколько солдат в «брониках» и касках.

Пока ехали, Женя успел завести знакомство с нижегородским снайпером, своим тезкой — Женей. Обменивались опытом. Еврей подарил ему переходник для подсветки штатного прицела в сумерках.

Приехали, за полчаса засняли место возможной новой дислокации отряда. И обратно. Но не в Червленную, а в Ханкалу. Туда шел бронепоезд. Женя уже было настроился и обрадовался — в Ханкале был удобный купейный вагон для командировочных — хоть немного отдохнуть, отоспаться. Однако поступило сообщение, что ожидается нападение на Червленную-Узловую.

Ночью бронепоезд «Кузьма Минин» на полной скорости мчался к своим на помощь.

На базе был переполох, но информация о нападении оказалась ложной.

Женя улегся на свою жесткую коечку в плацкартном вагоне, где жили омововцы. Вздохнул и уже не вспомнил о мягком купе. Рядом — свои, и спалось спокойнее.

Только раз в году..

26 ноября 2000 года, за два дня до отъезда домой, Женя встал утром, вышел, потягиваясь, из вагона. Двадцать восемь лет стукнуло, не каждый день такое, а отмечать в командировке...

Вдруг включается магнитофон на полную громкость и звучит «Семь сорок» — еврейская музыка. Вот ведь где-то нарыли, черти! Ездили в Толстой-Юрт и там прикупили специально для Еврея кассету с еврейскими песнями.

Пока отмечали день рождения, «Семь сорок» заводили раз десять. Танцевали под нее, кто как умел.

Торт попросили испечь жену местного русского — Михаила, казака, старого знакомого отряда еще с первой войны. Для выпечки отдали масло и сгущенку, что оставались к концу командировки. Торт из четырех огромных кусков получился размером с целый стол. Пока везли его в распоряжение отряда, на блокпостах машину останавливали, заглядывали в кузов:

— Ничего себе! Вот это великан!

На всех хватило по большому куску. И мало кто может похвастаться, что на дне рождения у него гуляло шестьдесят человек!

...А дома ждали неприятности. Развод. И без того тосковал Женя в командировках по дочке, а теперь приходилось объяснять ей, почему папа приходит ненадолго и не остается дома. А что ей объяснишь, такой крохе? Разве расскажешь ей, что такое война. Не только лишь одна война была причиной расставания, но она к этому подтолкнула.

В отряде Женя находился больше чем другие. Да и график, сутки через двое — можно было не возвращаться домой, ночевать в отряде, у друзей-москвичей, не ехать каждый раз в Серпухов к родителям.

Перед очередной командировкой в 2001 году Женя познакомился с хорошей девушкой. Про себя решил,

если из командировки она его дождется, то он придет и женится.

Мама, провожая его, уже так не плакала, как в первый раз. Отец больше молчал. Он и так немногословный. Матери скажет, а та Жене его слова передаст. Но, когда родители получили благодарственное письмо и грамоту Жени от руководства отряда, отец, подполковник ракетных войск в отставке, сказал с теплом в голосе:

— Мне в его возрасте такие вещи не вручали...

А мать Женя, конечно, утешал:

— Мам, да все нормально. Едем на старое место, ничего не будет. Не переживай! Мы опять с двумя Николаями едем. С Бравичевым и Амелиным. С ними спокойно.

А сам думал, переглядываясь с отцом: «Один Бог знает, что там может случиться».

Не страшна нам бомбежка любая...

Тревога. Шквальный огонь. Женька вскочил. Не поймешь, на каком ты свете. Грохот такой, будто вагон вот-вот расплющит. И вдруг непонятно откуда взявшееся хладнокровие.

Женька схватил «разгрузку», винтовку — все лежало на ходу. Выскочил на подножку вагона. И первая мысль: «До чего красиво!»

Трассы в крошечной темноте. Фонтаны взрывов. ВОГи взрываются.

А дальше как будто слайды меняются и на белом экране — в голове — мелькают кадры. Спрыгнул на землю. Бежит. Карбакается по лестнице на крышу. Уже лежит на своей позиции. Смотрит в «ночник». Осматривает правый фланг. Докладывает командиру:

— Правый фланг чистый. По нам никто не работает.

И облегчение, что справился, в такой момент не засуетился, не испугался, действовал быстро. Не зря учился.

Обстрелы такие на Червленной-Узловой случались. Но в эту командировку отряд в основном находился в разъездах. Исколесил весь Грозненский район.

Командиром поехал офицер из Управления на воздушном и водном транспорте, бывший офицер отряда — Виктор Павлович Нефедов.

Он сам съездил в Грозненскую комендатуру и заявил о готовности и желании омоновцев сотрудничать.

В поисках нефтяных мини-заводов отряд объездил много населенных пунктов. В Радужном шесть хорошо замаскированных заводов уничтожили на одном месте.

Женя вместе с Николаем Амелиным долго их искал. Ничего. Пусто. Вдруг Женя заметил, что в «зеленку» уходит дорога. Колея накатана большими, тяжелыми машинами.

Дослали патроны в патронники, стволы наготове, пошли в глубь леса. Прошли десять метров.

— Смотри-ка! — Женя указал стволом винтовки на манометр, торчащий прямо из земли.

Зашли с другой стороны, а там аккуратные ступеньки в земле.

— Мама дорогая! Сколько их тут!

Шесть мини-заводов, врытых в землю и укрытых дерном. Шланг пластиковый из самого села тянется. Через него газ подводился. На дрова не тратились. Омоновцы конфисковали триста метров этого шланга.

Кроме мини-заводов, находили схроны с оружием. Некоторые даже сами местные сдавали.

Однажды нашли двадцатимиллиметровый неразрывавшийся снаряд. Взрывотехник отряда Евгений Татаренко поставил на него накладной заряд. Поджег огнепроводный шнур. Вместе с командиром взвода Сергеем Колосовым Женя запрыгнул в машину, водитель вдавил педаль газа, а полноватый Татаренко замешкался. Едва успел уцепиться за борт машины, пробежал немного, а потом его втащили в кузов. Только немного отъехали — снаряд в ключья и комья земли разлетелись повсюду. Татаренко с облегчением отер лоб.

Через несколько дней вместе с сибирским ОМОном поехали в Толстой-Юрт. Пошутить Женя любит, причем делает это с невозмутимым лицом, так же как и Николай Амелин. Уже многие в отряде знали, что они по части шуток как родные братья.

Женя возьми и скажи сибирякам, что служил в израильской армии, мол, и прозвище такое с тех времен осталось. И до того разошелся (их сомнение на лицах его только подхлестнуло), что называл, в какой роте и каком взводе воевал он в секторе Газа. Наплел десять «бочек арестантов». Сибиряки рты пооткрывали, а Женя внутренне посмеивается. Сибиряки сошли чуть раньше, а москвичам надо было проехать еще. Женя и не заметил, что, кроме сибиряков, его внимательно слушал их боец — Денис.

— Абраш, ты правда, что ли, в израильской армии служил?

Как говорится: «Остапа несло». Женя разошелся:

— Не веришь? Приедем, зайди в кадры, у меня в личном деле все записано.

После этого Денис с пеной у рта доказывал всем остальным в отряде, что Еврей служил в израильской армии. А если ему не верили, он очень обижался. Друг Дениса, Геннадий Чубарев, подошел к Жене:

— Ну, ты дал! Денис мне начал рассказывать, что ты в израильской армии служил. Я его спрашиваю: «Где, где он служил? В какой, в какой армии? Ты кого, — говорю, — слушаешь! Он тебе сам рассказал?»

Тут еще Сашка Орлов подошел и смеется: «Еврей с Колей Амелиным в один день родились».

Денис так расстроился, обиделся, что Жене даже неловко стало.

— Я знал, что в этом отряде никому нельзя верить, — жаловался Денис. — Единственный человек, кому я верил, — это Абрам. А он меня «развел».

Док с прической ирокеза

В командировку 2001 года Женя поехал еще и доктором. Фельдшер отряда уговорила.

— Жень, доктором поедешь?

— Галина Викторовна, я ведь о медицине имею отдаленное представление. Только в таблетках разбираюсь, и то потому, что в детстве часто болел. Я даже давление мерить не умею.

— А я тебя научу, — настаивала Галина Викторовна.

В общем, с медицинской сумкой за одним плечом, с винтовкой за другим оказался он в командировке. Ездил взрывать мини-заводы, а потом обрабатывал ссадины, болячки бойцам, выдавал лекарства.

Когда один из бойцов выходил из вагона, упал, распол ногу о железку, Женя в срочном порядке зашил ему рану как умел. Правда, когда раненого привезли в госпиталь 46-й бригады, в Червленную, рану ему зашили по новой, но сказали, что для первого раза нормально.

Ночью, сквозь сон, Женя услышал стрельбу. Но так и не проснулся. Через несколько минут его разбудил Коля Амелин:

— Жень, на мосту наших обстреляли. Есть раненые. Поедем. Надо вывозить.

Как всегда, Николай был спокоен. Разбудил только нескольких человек. Тихо собрались. Машину прогрели. Загрузились в «красавчик» — омоновский «Урал» и поехали. Все по-деловому. Дорога до моста всего одна. Если бы заминировали — так бы все там и остались...

«Урал» едет, полная луна за ним по небу бежит, мелькает сквозь ветви тополей вдоль дороги, просвечивает, пронизывает светом туман, который понизу стелется. Женя в любой ситуации замечает красоту. От такой красоты мурашки бежали по спине — от восторга и от жуткого замиранья, от неизвестности.

«Что там на блокпосту? — думал Женя. — Приедем, а у раненого “розочка” вместо ноги. Чего я с ним буду делать?»

На блоке раненому в ногу срочнику внутренних войск уже оказали первую помощь. Его уложили в спальный мешок, на носилки и загрузили в машину. В кузове Женя не разглядел его лица, оно было под капюшоном. Темно, не светить же фонарем.

Обстреляли пост здорово. Этого срочника ранили, а Сергею Колосову осколком пробил ботинок. Ногу, к счастью, не ранило, появился только синяк.

Солдата занесли в вагон. Женя откинул его капюшон:

— Мурат, это ты?

— Ну, — попытался улыбнуться паренек.

Накануне Женя с ним дежурил на блокпосту. Мурат — дагестанец, здоровый, крепкий боец. Он терпел, пока Женя его осматривал. Осколок попал в ногу, но

определить сквозное это или слепое ранение док так и не смог. Кровь сильно не шла. Женя залил рану перекистью водорода, перебинтовал, дал Мурату две таблетки солпадеина.

Врачей вызвали, но раньше утра они приехать не могли. Надо было ждать. А Мурат — бледный. Ему, видно, плохо. Женя сидел рядом с ним всю ночь. Расспрашивал о его жизни, рассказывал о своей. Тормошил его, чтобы он не отключался.

— Знаешь, Мурат, я когда в ППС служил, в группе быстрого реагирования был. Однажды прихожу в отделение. Опера в «брониках» носят, с автоматами, а сами по гражданке одеты. Если опера по гражданке и в бронежилетах, значит, что-то серьезное. Я им: «Мужики, что такое?» Они: «Война. Поехали!» Вроде позвонила в милицию какая-то девчонка, сказала, что ее подружку захватили в заложницы и удерживают в одной квартире. Мы приезжаем — старый сталинский дом, металлическая дверь, на звонки никто не отвечает, только собака лает. Заглядываем в замочную скважину, а там бультерьер злой бегаёт, на звонок лает. За монтировкой сходили, дверь сломали. Забежали на кухню...

— А бультерьер? — спросил Мурат.

— Бультерьер лег! Он понял, если что, его застрелят первым. Умный пес оказался. Зато на кухне вся пьяная компания сидит, керосинит, и девчонка эта с ними. Она сказала, что ее изнасиловали, а потом от показаний отказалась, мол, по обоюдному согласию. Только зря дверь ломали и собаку напугали.

Женя замолчал. Ему сильно хотелось спать. Но, как только он замолчал, закрыл глаза и Мурат.

— Мурат, слышь, ты не спи! Чего тебе еще рассказать? Вот тоже судьба... Я ведь после школы в военное училище собирался поступать. Школу закончил с одной четверкой, остальные пятерки. У меня отец-то военный. Всю жизнь в ракетных войсках прослужил. Дед воевал в Отечественную артиллеристом, прадед — сапером, за форсирование Днепра у него орден Славы. Ему руку прострелило, так она покалеченная и осталась. А у деда осколок в голове сидел, он от него и умер.

Молодым на войну пошел, в семнадцать лет. Фотографии остались. Это отец отца, а прадед — это по маминской линии. Кто-то из предков на броненосце «Потемкин» служил. Военная династия. Вот мой отец и видел меня только военным. Он сам из Брянска, закончил Серпуховское ракетное училище и хотел, чтобы я поступал туда же. Так обрисовал мне армейскую службу, что я считал это решенным вопросом.

— И что же?

— Мать не захотела. Я в МГТУ имени Баумана поступил. Два года отучился, а потом у меня началась «весенняя заморочка», как я это называю. Романтики захотелось. Сначала хотел в армию пойти, но из военкомата меня прогнали, сказали: «Иди учись». Я тогда в милицию пошел. Шесть лет в ППС отслужил и захотел в ОМОН перейти. Я люблю учиться, не люблю на месте сидеть. Чтобы меня перевели, я до замначальника ГУВД Москвы дошел. Добился. Все равно вышло, что вроде как от судьбы не уйдешь, видно на роду написано быть военным или милиционером.

Рано утром приехала санитарная машина с охраной. Погрузили Мурата и увезли в госпиталь. Позже Женя узнал, что Мурата перевели на другое место, на мост он уже не вернулся, а после ранения его наградили медалью.

В Червленной Женю заметил начальник медбата 46-й бригады Александр Ефимович. Сказал омовско-му командиру Виктору Павловичу:

— Чего у тебя человек пропадает? Давай мы его забеременнадолго, подучим медицине.

— Да я не против. Как он настроен?

Женя согласился. Приехал. Сел в уголке в палатке. Народ ходит, медики лечат. Сидит ждет, когда им займутся. Подошла заместитель начальника медчасти.

— Меня Люба зовут. Ты внутривенные умеешь делать?

— Нет.

— Пойдем учиться.

Из соседней палатки, где был организован госпиталь, пришел боец. Люба показала, как она делает укол. Оглянулась на Женю:

— Понял? Теперь попробуй сам.

Привели другого парня. Женя вздохнул и с первого же раза попал в вену.

— Что ж, — покачала головой Люба. — Хорошо. Теперь попробуй на плохих венах, — и закатала свой рукав.

У нее вены тонкие. Женя затянул жгут, похлопал по вене ладонью, пальцами нащупал венку и сразу же попал.

— Молодец какой! Толк из тебя будет.

У Любы Женя даже фамилию не спросил. Люба и Люба, веселая хохлушка, компанейская женщина. Она подсовывала ему разные медицинские книжки.

— Давай, Женечка, вот это почитай и это. Даже законспектируй, пригодится. Всем, кто лежит в госпитале, будешь выдавать лекарства и делать инъекции. Это будут твои обязанности. Если что непонятно, спрашивай. Показала один раз, дальше сам работай. Быстрее научишься.

Пока они разговаривали, в палатку вбежал солдат. Глаза, как два блюдца, указательный палец во рту держит, а по краям губ кровь стекает, как у вампира.

— Что с тобой?! — вскочила Люба.

— Во! — Боец показал, что кончик пальца срезан циркулярной пилой. — Дрова пилил.

Гемостатическую губку, перевязку... Люба сама все сделала, а к Жене боец потом ходил на перевязки.

Утром Женя начал прием. И только когда зашел первый больной и удивленно уставился на доктора, Женя вспомнил, что у него прическа — «ирокез», как у индейца.

— Вы наш новый доктор?

— Вроде того, — сдерживая улыбку, ответил снайпер.

Но прошло два дня, солдаты в столовой его уже узнавали, здоровались, спрашивали:

— На прием приходите?

— Да, конечно.

Через пять дней Женя вернулся к своим. Наука пригодилась достаточно скоро. Боец упал с полки в вагоне и рассек голову. В этот раз Женя зашил так, что, когда бойца привезли в госпиталь показать швы, Люба сказала:

— Наша школа. И перешивать не надо.

Омоновцы помогли медбату с лекарствами, когда уезжали. Поделились.

— У вас снабжение хорошее, московское, — поза-видовал Александр Ефимович, — как в хорошей клинике.

А когда вернулись в Москву и те, кто там не был, начали расспрашивать, как прошла командировка, Женя с серьезным видом заявил:

— На Тереке стояли. Сбили два чеченских спутника и потопили подводную лодку.

— А разве у них подводные лодки есть? — не понял боец.

— Есть, конечно. Потопили же мы ее.

— Да? А я и не знал. Подожди... Подожди, какие подводные лодки?!

Все, кто сдерживал смех, захохотали в голос.

— Ты его больше слушай! Еврей совет — недорого возьмет.

• • •

Осенью, после возвращения из четвертой командировки 2002 года, в которой отряд уже перебазировался в аэропорт «Северный», Женя участвовал в соревнованиях между ОМОНами со всей страны — двадцать пять команд. Триатлон — полоса препятствий, стрельба, рукопашный бой. В личном зачете занял второе место по стрельбе из автомата.

Другой снайпер отряда, Олег Доркин, занял третье место в личном зачете по стрельбе из ПМ.

Женя увлечен своим делом. Когда платили боевые, он почти все их потратил на снайперское снаряжение. Японский бинокль, восьмикратный оптический прицел на винтовку и тому подобное. Снарядился по последнему слову техники. Хочет еще освоить профессию взрывотехника.

В 2001 году Женя женился. У него родился сын — Данила.

Вот только награды — медали «За отвагу» и «За отличие в охране общественного порядка», Женя редко на-

девает. Однажды надел на 9 Мая и смутился, когда ловил на себе удивленные взгляды — такой молодой.

Жалко, что забывают люди, что и в Великую Отечественную молодые ребята были увешаны орденами и что теперь в Чечне наводят порядок именно молодые — они рискуют, они оставляют семьи, не видят детей и родителей по полгода, они, раненые, оказываются в госпитале, они... погибают.

Пусть не стесняются носить свои медали и ордена.

Поезд едет в лето

Полковник милиции Иван Матвеевич Бирник служит в милиции с 1986 года. Начинал рядовым милиционером в патрульно-постовой службе Романовского отдела внутренних дел в Алтайском крае, откуда родом. Работал участковым инспектором в родном Романовском районе, затем следователем.

С 1997 по 2001 год Иван Матвеевич служил в СОБРе РУБОП по Московской области. Был начальником учебного центра.

Нынешняя должность Ивана Матвеевича — старший инспектор по особым поручениям Главного организационно-инспекторского управления МВД РФ. Он курирует Южный федеральный округ России.

За проявленное мужество и смелость в командировках в горячие точки имеет государственные награды — орден Мужества и медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Также награжден медалью «За воинскую доблесть» от Министерства обороны за участие в совместной военной операции СОБРа и военнослужащих Министерства обороны на территории Чечни.

Суета на вокзале. Приезжающие, отъезжающие. Это почти всегда напоминало Ивану Матвеевичу отpravку в командировки на Кавказ. Правда, в Чечню летали. Но ощущение светливой сосредоточенности что на вокзале, что в Чкаловском одинаковое. Люди перебирают в уме, все ли с собой взяли, со всеми ли попрощались...

Сегодня Иван Матвеевич провожал сына Павла в Краснодар. Тот ехал учиться уже на третий курс Краснодарского военного авиационного института. На вокзале у сына взгляд отрешенный, он уже мыслями там, со своими товарищами. В январе предстоит впервые поднять учебно-тренировочный самолет в воздух, и все каникулы дома разговоры были только об этом.

Иван Матвеевич похлопал сына по плечу, посмеиваясь:

— Ну что, Пал Иваныч, истребитель тебе, конечно, не дадут, в кабину тебя кувалдой не забьешь, но мечта все-таки осуществится.

— Твоя наследственность, — смеется высокий, выше отца, сын. — Еще подрасту, и к тебе в милицию придется устраиваться в качестве дяди Степы. Сам почти двухметровый и меня такого родил.

Как и у большинства летчиков, с которыми Ивана Матвеевича сводила служба, у Павла неистребимое чувство юмора. Да и как ему не быть с такой профессией! А ведь многие говорят: «Легкая профессия у летчика, сиди в удобном кресле, держись за штурвал. Это не кирпичи таскать».

Сколько раз во время полета в Чечню друзья-летчики звали Ивана Матвеевича в пилотскую кабину и он наблюдал, как сажали самолеты эти асы, мастера своего дела. Когда за спиной в салоне тяжеленного Ил-76 четыреста—пятьсот человек, взлетно-посадочную полосу из-за сильного дождя или тумана не разглядеть, Иван Матвеевич видел, как слаженно и молниеносно работал экипаж и пот лил градом из-под наушников пилотов. А ведь они действительно кирпичи в этот момент не таскали.

Именно потому, что своими глазами видел, какая она — работа военных летчиков, Иван Матвеевич отговаривал сына, окончившего московский кадетский корпус, идти учиться на пилота. Но уговорить не удалось. Павел и слышать не хотел о чем-нибудь другом. Прошел конкурс — двенадцать человек на место — в училище, выпускающее пилотов, выдержал тяжкий

курс молодого бойца, после которого многие однокашники сбежали, да еще и сказал отцу сердито:

— Пап, я здесь столько земли при откапывании окопов перекидал за КМБ, что теперь из принципа не уйду!

А потом у Ивана Матвеевича и вовсе отпали сомнения. Дома он взялся чинить кресло-кровать, на котором спал сын, разобрал его и увидел нарисованную на внутренней стороне кресла приборную доску самолета. Значит, парень приходил из школы, садился в кресло и летал.

Жена это увидела, покачала головой и без упрёка сказала:

— Сам виноват, таскал Пашку в Чкаловский, там ему дали за штурвалом посидеть, он и заболел небом и самолетами. Ну и пускай летает, мечты должны осуществляться, а то и мечтать расхочется..

На перроне толкотня. На юг едут еще многие отдыхающие — бархатный сезон. А сын, предвкушая будущий полет, с гордостью рассказывает:

— Вот мы первый раз слетаем, и нас зачислят в резерв летчиков, начнут выдавать летный паек. Это тебе не курсантская еда.

Иван Матвеевич с затаенной жалостью посмотрел на Павла. Высокий, худой. Конечно, ему мало той еды, какую дают в курсантской столовой. Когда дома сажались за стол, Иван Матвеевич только брался за ложку, а тарелка Павла уже была пустой.

«Но без лишений, страданий, труда и терпения, наверное, хорошее дело и не делается... А все вокруг говорят: “Проблема отцов и детей. Два взрослых сына, наверное, тяжело с ними”, — подумал Иван Матвеевич. — А что, собственно, тяжело? Человека вырастить и правда трудно. И дело не в том, что его надо одеть, обуть, накормить и дать ему образование. Это обязанность любого нормального отца. А вот вложить в голову сына или дочери правильные взгляды на жизнь, на добро и зло и на многое другое — это совсем не просто. Тут ведь давить нельзя, свои воззрения не привьешь насильно, а если попытаешься, тогда и возникнет эта пресловутая проблема отцов и детей.

Дети видят на примере родителей манеру поведения в различных ситуациях и неосознанно берут ее на заметку. И если вдруг эта манера начинает раздражать, злить родителей, то, как говорится, нечего на зеркало пенять, коли...

И в профессии... Разве можно в таком деле настаивать? Надо ограничиться советом, рекомендацией и отойти в сторону. А если выберет он профессию не по душе, а по отцовскому настоянию — вся жизнь, считай, загублена.

Но если выбрал сам, то и результаты, которых добился с потом и кровью, тяжким трудом, принесут удовольствие ни с чем не сравнимое. Какую бы профессию ни выбрал сын, лишь бы он в ней оставался честным, успешным и счастливым. Тогда и противоречий между отцом и сыном никаких не возникнет. Человек вырос».

Иван Матвеевич обнял сына, поцеловал, уколол усами щеку, легонько подтолкнул в спину на ступеньки вагона.

Павел смотрел через пыльное стекло вагона на отдаляющуюся платформу и на отца, махавшего рукой. Теперь, когда дом становился все дальше с каждым железнодорожным перегонном, об институте как раз не думалось.

В купе сидел пожилой мужчина. Он с любопытством глянул на Ивана Матвеевича, провожавшего Павла. И когда поезд отошел от Москвы, не удержавшись, спросил:

— Позвольте узнать, молодой человек, если не секрет, кто вас провожал?

— Это мой отец! — с гордостью отозвался Павел. — Он полковник милиции. Боевой офицер.

— Я так и подумал, что отец. Вы очень похожи.

...Павел забрался на верхнюю полку и смотрел в окно.

Старший брат Роман не пришел провожать. Он работает оперативником в областном УБОПе. Год назад окончил университет МВД.

«Повеселились на его свадьбе, — с улыбкой вспомнил Павел. — А я торопиться с женитьбой не стану. Бу-

ду в высоком звании капитана, встану на ноги, тогда. Тем более отец не советует с этим спешить... А сестричка пойдет послезавтра, первого сентября, в десятый. Совсем уже взрослая... Как она здорово поет, голос такой завораживающий. Выберу себе девчонку, чтобы так же красиво пела».

Павел лег на спину и глядел в покачивающийся потолок вагона. Отцовская фигура так и стояла перед глазами.

«Какой он — мой отец? Какой? — задумчиво повторял про себя Павел. — Он родной, близкий, сколько всего в жизни пережил и так мало рассказывал о себе. Он видел смерть, близко, рядом, на войне. Четырнадцать командировок — это не шутка. Его контузило... Как он рассказывал? По службе встречал и отвозил отряды СОБРов к месту дислокации.

Утром надо было везти приморский СОБР в Новые Атаги, а ночью приснилось, будто бы он в госпитале, голова забинтована вместе с глазами. Он ничего не видит. Зашел в палату, а его кто-то стал бить по лицу. Он не видит обидчика, не может ответить и вдруг слышит голос: “На тебе креста нет”. Схватился за шею, а цепочки с крестом и правда нет. А ведь он ее никогда не снимал!

Вскочил в два часа ночи, стал ее искать. Все обшарил. Нет ее нигде. На отца стали ругаться сослуживцы, спавшие рядом: “Что ты ищешь, дай поспать, в конце концов!” Так и лег ни с чем.

Утром встал невыспавшийся, сердитый. И вдруг принял решение: машину с вещами бойцов, которая обычно ехала в конце колонны, поставить вперед. Второй после бээмпэшки разведчиков внутренних войск. Над отцом еще тогда посмеялись. Подкалывать стали, дескать, испугался, но отстали быстро, заметив, какое у него настроение.

Отец отдал приказ: ехать быстро и на большой скорости проскочить зеленую зону на выезде из Грозного — совхоз “Новогрозненский”. Там случалось большинство подрывов и обстрелов. И зимой, и летом.

Тот день был 28 декабря 2000 года. Мы дома готовились Новый год встречать, а он ехал по этой страшной до-

роге. Мама все его командировки переживала и эту особенно, как будто чувствовала. Места себе не находила...

За отцовским “Уралом” взорвался фугас. Дверцу кабины, в которой сидел отец, вспороли два здоровых осколками. Стекла из окон посыпались, посекали лица его и водителя, по счастью, несильно. А трягнуло, как рассказывал отец, страшно. Задний мост “Урала” разворотило взрывом, все осколки ушли в вещмешки, а ведь в кузове могли быть бойцы...

В первые мгновения отец ничего не соображал, очнулся одновременно с водителем, а магазин автомата пустой. Стрелял он куда-то... Сам отец, рассказывая, еще посмеивался: “Стрелял неизвестно куда, надеюсь, что в сторону цели”. Голова у него кружилась и болела.

“Урал” подцепили на трос и доволокли до места назначения. Но машина уже не годилась для езды. Она долго стояла в мобильном отряде напоминанием о взрыве, пока ее не списали.

А отцу санинструктор сказал: “Можно лечь в госпиталь, а можно и не ложиться”. Это почти как: “Больной скорее жив, чем мертв”. Через неделю снова пришел к врачу, значит, сильно голова болела. Отца осмотрели и дали совет на все случаи жизни: “Выпей стакан водки”. Последовал он этому совету или нет, отец не распространялся, но контузия есть контузия — это теперь на всю жизнь».

Павел поерзал на полке. «Эдак с воспоминаниями и не заснешь, — вздохнул он. — А ведь кто мог подумать, что отца на войну судьба забросит! Родился, как и я, на Алтае, в селе Романово Романовского района.

Самый младший в семье. “Поскребыш”, как называла его бабушка. Она была немкой. В 37-м году ее отца расстреляли, а прабабушку с детьми выслали на Алтай. Тут бабушка с дедом и встретилась. Дед целину осваивать приехал, женился и шестерых детей родил.

Дед всю жизнь проработал грузчиком. Как отец рассказывал? На спор двухсотлитровую бочку с маслом поднимал практически на одних пальцах, ведь у бочки зацепиться не за что. Взваливал ее к себе на спину и по сходням затаскивал на грузовик. Вот какой силач был! А роста невысокого, коренастый. Отец в бабушкину

породу пошел, у них в роду все высокие и статные. И я тоже.

Правда, в школе отец только в первых классах самый высокий был, потом вдруг самый маленький стал, а к седьмому классу снова вытянулся. Тощий был, длинный. Старшеклассники замечали его «значительную» фигуру и норовили по шее дать. Отец не из драчливых, но и в обиду себя не давал, а силенок на достойный ответ не хватало — вот и решил записаться в секцию по самбо.

В Романовском районе эта секция тогда только появилась, и тренером был Владимир Николаевич Меньяло, мастер спорта по самбо и мастер спорта по дзюдо. Отец до сих пор им восхищается, жаль, что Владимир Николаевич уже умер.

Увидел тренер моего отца и сказал: “Иди-ка ты, парень, в волейбольную секцию. Самой подходящей ты для них комплекции”. Но отец уперся, иначе бы это был не он, с его железобетонным характером и волей. “Хочу бороться, — говорит, — и дело с концом”.

Тренер узнал отцовскую фамилию, и оказалось, что он учился со старшим братом отца вместе в одной школе. Отцовский брат боксом серьезно занимался. “Ладно, знаю я вас, Бирников, с характером все, — решил тренер. — Иди в зал, поглядим, насколько у тебя терпения хватит”.

Целый год Владимир Николаевич не выпускал отца на ковер. Не допускал его до настоящей борьбы. Приходил отец на тренировку и видел на стене написанные мелом от пола до потолка тренерские задания на сегодняшний день. Сколько отжаться, сколько присесть, сколько подтягиваться.

Отцовские сверстники занимались на ковре, получали разряды, а отец в углу со штангой боролся, стиснув зубы. Я его спрашивал, почему он не бросил борьбу. Товарищи по спортзалу его подкалывали, конца и края тренировкам видно не было, а отец таскал гири, штанги. Отец ответил просто: “Я поставил себе цель и ее добивался. Хотя иногда было желание все бросить. Но ты ведь тоже свой институт летный не бросаешь. Тоже идешь к цели”. Здесь отец прав. В этом я его сын от макушки до пяток.

А потом тренер вызвал его на ковер. И отец с ним боролся. Несколько раз полетел на ковер, но после этого занятия для отца стали совсем другими. Скоро он стал призером, а затем и чемпионом Алтайского края в своей весовой категории. А бороться ему приходилось с мужчинами, потому что не каждый пацан в его возрасте весит девяносто килограммов. Тяжко ему приходилось. У мужиков все-таки сила совсем другая, чем у мальчишек, но отец никогда не сдавался.

После школы и армейской службы отец поступил в Алтайский государственный университет на юридический факультет. Женился рано. Ромка в него пошел. Правда, Ромка институт закончил, а отец на втором курсе перевелся на заочное отделение и пошел работать в милицию. Стал патрульно-постовым в 1986 году, в районном отделе. Мама работала воспитателем в детском садике.

Когда учился уже на третьем курсе института, его назначили участковым инспектором в село, находившееся за пятьдесят километров от районного центра.

Машины ему, конечно, не дали. А село большое, пешком его не обойдешь. Отец смеялся, вспоминая. Говорил: “Выхожу один я на дорогу...” Ловил попутки и так перемещался по своему участку, пока не завоевал авторитет у председателя колхоза и тот не выделил отцу старенький “москвич”.

Что в селе за работа? Мелкие кражи, хулиганство, драки, пьянство. Участковому часто приходилось оформлять документы на пьяниц и отправлять их в ЛТП.

Отец вспоминал об одном таком алкаше, даже фамилию его до сих пор помнит — Самарин. Оформил отец на него все документы, а отправлять в ЛТП не торопился. Четверо детей у Самарина, и жена одна бьется из последних сил. Отец уже сделал так, чтобы зарплату мужа только жене на руке выдавали, а Самарин все пьянствует и хулиганит безбожно.

В один из профилактических обходов отец зашел к Самарину домой. И снова начал его увещевать. Угрожал, что документы для ЛТП уже готовы, их только надо отдать на подпись начальству, и загремит Самарин

на лечение надолго. “Клянусь, начальник, пить не буду!” — обещал пьяница.

Немного успокоенный отец пошел дальше по участку и через некоторое время, проходя мимо пилорамы, увидел в ней свет и услышал доносившиеся оттуда веселые голоса. Решил пойти посмотреть, кто там так веселится и по какому поводу.

Зашел Самарин во главе стола. А на столе — это в перестроечное время, когда водку выдавали по талонам, — не привычный для села самогон, а самая что ни на есть настоящая водка. Отец, конечно, завелся:

“Знаете что, мужики, — говорит, — если бы с вами не было вот этого товарища, — и он указал на Самарина, — я бы и слова вам в упрек не сказал. После работы расслабляйтесь, имеете право, лишь бы все тихо и спокойно. Но сорок минут назад я с этим человеком разговаривал и он мне божился, что пить не будет, а сам уже со стаканом тут, в вашей теплой компании”.

Отец схватил со стола бутылку и стал ее выливать прямо на пол. Самарин, мужичонка хулиганистый, кинулся отнимать бутылку.

“Не отдам! — кричит. — Вы ее не покупали. Я на честные, трудовые приобретал!”

Но и отец сдаваться не собирался. Взял аккуратно Самарина за запястье и сжимал его до тех пор, пока Самарин сам бутылку не отпустил и она разбилась о бетонный пол.

“Дал же нам Бог участкового!” — услышал отец брошенные вслед слова.

А через год, уже на четвертом курсе, отец стал следователем Романовского РОВД. Через восемь лет службы его назначили начальником следственного отделения и с этой должности направили учиться в Академию Управления МВД.

До этого отец, как и другие милиционеры, по три-четыре месяца не получал зарплату. Жили огородом и скотину держали. Я хорошо помню то время. Ничего лишнего себе позволить не могли. Мы родителям по хозяйству помогали. А потом и мамину должность сократили, ее детский садик закрыли. Тогда, наверное, отец уже окон-

чательно принял решение не возвращаться на Алтай, пусть даже на должность начальника райотдела, которую ему обещали после окончания академии.

Да, мы жили все эти годы в общежитии, но отец поступил в СОБР РУБОП по Московской области и был очень доволен службой, хотя и война была, и эти проклятые командировки, которые выматывали нервы нам всем и особенно маме.

Отряд и для отца, и для нас стал вторым домом. Со старыми сослуживцами отец поддерживает отношения до сих пор. С дядей Лешей Кузьминым они хорошие друзья. Дядя Леша полковник милиции, был командиром отделения в СОБРе. Много у отца друзей-собровцев. Отряд для отца — это отдельная история».

В купе стало душно. Павел слез с верхней полки и вышел в коридор вагона, где были открыты окна и белые шторы хлопали на теплом ветру. В Москве через два дня — сентябрь, а значит, осень. А поезд ехал в лето, догонял лето, ухватывал его за горячий хвост.

Павел потерял короткий ежик волос, прищурился на прыгающее за холмами солнце.

«Как странно жизнь устроена, — думал он. — Война — это страшно. Смерть и несчастье. Но это и дружба, храбрость, героизм, проверка любви и терпения на прочность. У многих собровцев уходили жены, не выдержав этой проверки...

Отец пришел в отряд в 1997 году. Одна чеченская кампания закончилась, обозначилась вторая. К ней готовились, ждали. Предчувствие войны витало в воздухе.

Как и все остальные будущие собровцы, отец прошел жесткий отбор при поступлении. Спарринг с несколькими партнерами, которые меняются. Свеженькие накидываются на испытуемого. «Вжик, вжик, вжик, кто на новенького? Вжик, вжик, вжик, уноси готовенького!» Но отца не унесли. Он ни разу не упал. Бой выдержал, только слегка нос подпортили, но это, считай, отделался легким испугом.

И после академии не побоялся начать все сначала, ведь сперва он стал в отряде рядовым бойцом. Это потом командир СОБРа Анатолий Геньевич Рябинков предложил ему использовать его юридические знания

и проводить с бойцами юридическую подготовку в учебном центре. И скоро отец стал начальником этого центра.

Бойцам юридическая теория казалась скучным предметом. Им бы потренироваться в стрельбе и ножи в мишень побросать. Но отец терпеливо втолковывал, убеждал, объяснял:

“Да, СОБР — это силовое задержание в большинстве случаев и ничего больше. Но ведь надо не только грамотно войти в проводимую операцию, но и грамотно из нее выйти, чтобы прокурор не счел задержание незаконным”.

Отец сам многому учился от своих коллег по учебному центру да и от самих бойцов. В отряде служат одни офицеры, люди опытные, прошедшие не одну войну. Многие были в Афгане. Отец изучал подрывное дело, стрелял из разных видов оружия, проходил высотную подготовку.

На этой высотной подготовке он сильно пострадал. У собровцев, кажется, были совместные учения со словаками в деревне Новая.

Десантировались с вертолета. Первыми, по правилам, прыгают самые тяжелые. И первым шел отец. А пилот вдруг рванул вверх, побоявшись задеть бетонный забор, который оказался в опасной близости.

Отец выпрыгнул, сгруппировался, насколько это было возможно в таком неудачном прыжке, и приземлился на ноги... на бетонный край взлетной полосы. Упал, перекатился, как положено, залег. Горячая волна стала накатывать от ног, поднимаясь все выше, к голове. Ему хотелось закричать от боли, но отец только тихо матерился.

А следом прыгал Георгий Калашников. Прыгнул он тоже на бетонку и тут же вскочил от яростной боли в ногах. А вставать было никак нельзя — вертолет теперь оказался слишком низко, он мог задеть. Но Калашников уже успел лечь.

Горячая волна, а это был болевой шок, как позже узнал отец, докатилась до головы, и он потерял сознание.

Попал в госпиталь с открытым переломом правой пяточной кости и сильнейшим ушибом левой ноги. На

четыре месяца отца укатали в гипс. Это был май 1999 года, а в сентябре отец, хотя и ходил с палочкой, не смог остаться в Москве, когда его товарищи — отделение учебного центра СОБРа — вылетели на Кавказ, к разгоравшемуся очагу второй войны, который тлел, тлел и, наконец, вспыхнул.

Врачи отца не отпускали, нога у него болела и кровоточила, но он поехал. Там, конечно, уже через неделю нога разболелась так нестерпимо, что пошел в медицинский отряд специального назначения. У них оказалась хорошая аппаратура. Просветили его ногу со всех сторон, и доктор, профессор, ему выдал: «Я тебе так скажу, мой юный друг, тебя неправильно лечили в госпитале. Занимались раздробленными костями и поврежденными тканями, упустив из виду, что у тебя сильно поврежден сустав».

Все лечение — терпеть, терпеть и еще раз терпеть. Он до сих пор терпит. Нога синее и отекает. Но и тогда, и сейчас он ездит в командировки, в самые что ни на есть горячие.

А потом к измотанности от трехмесячных командировок присоединилась боль потерь. Летом 2000 года погиб майор Олег Казаков, оставив сиротами двоих сыновей, в декабре отец сам получил контузию, а в феврале погиб Алексей Гуров, через месяц — Виктор Матвеев, оставив на руках своей пожилой матери восьмилетнего сына.

За десять дней до гибели Виктор приезжал к отцу. Они посидели, поговорили, как это часто бывает, ни о чем. А через десять дней...»

Павел вернулся в купе. Соседи уже спали. Он забрался на свою полку и смотрел в черное окно на мелькающие яркие пятна фонарей, окошки домов и иллюминацию станций.

«Меня всегда волновала отцовская судьба и его выбор профессии. Не зря ведь я хочу стать именно военным летчиком. Будоражили воображение отцовский камуфляж, его награды на кителе, его отношения с друзьями, совершенно иные, чем у гражданских. Да и СОБР — это хоть и милицейский спецназ, но, в общем, полувоенный отряд. И мне в своей жизни хочется испытать то же, что испытал он. Встретить людей, фанатиков свое-

го дела в хорошем смысле, уникамов, как называет их отец.

Он рассказывал, как у него в учебном центре отряда собрались исключительные спецы. Все тридцать два человека. Однажды отца вызвал к себе командир отряда Рябинков и попросил посмотреть новоприбывшего специалиста из НИИ спецтехники и вооружения, который желал служить в отряде, проработать методики стрельбы из короткоствольного оружия и, возможно, впоследствии написать трактат на эту тему.

— “Стучать” мы его не будем. — Рябинков имел в виду обычные при поступлении бои со спарринг-партнерами. — Сам увидишь почему.

Специалист ждал отца у его кабинета. Этот стрелок едва доставал макушкой отцу до груди. “Эдуард Говоров”, — представился он. Отец проверил сначала его теоретические познания. И пока Говоров демонстрировал блестящие знания истории создания оружия и матчасти, отец думал: “Как же он будет стрелять, если у него очки с линзами толщиной в палец?”

“А что вы про этот пистолет можете сказать?” — Отец протянул ему свой пистолет Макарова. Говоров рассказал о пистолете и даже выдал дату выпуска оружия, определив ее по характерной стали, из которой пистолеты выпускали в определенный временной промежуток. Отец много чего узнал о пистолете, о чем сам раньше и не подозревал. “Хорошо, — подытожил он, — теорию вы знаете. Перейдем к практике”. Захватив с собой пистолет Макарова, АПС и короткоствольный “Кедр”, отец повел специалиста на стрельбище.

Говоров натянул резинку от очков на затылок и преобразился. Целился он, странно наклонив голову, видно приноравливаясь к своим очкам. Мгновенно Говоров спокойно выбил на мишени три десятка.

Отец вспомнил, что Говоров на собеседовании рассказывал о своем увлечении полицейской прикладной стрельбой. Все эти годы разрабатывал теорию и жаждет испытать ее на практике. “Ну, продемонстрируйте свое хобби”, — попросил отец.

С пятидесяти метров Говоров побежал, приближаясь к четырем мишеням, и, стреляя на бегу, не забывал эффективно перекатываться по земле. За две секунды он высадил магазин Макарова из восьми патронов. Вот это скорострельность! Первые пробоины в мишени — это попадание в пятерку и шестерку. Вторые в десятку. “Первые выстрелы, чтобы остановить противника, дальше — на поражение”, — пояснил Говоров, снимая резинку с затылка и снова превращаясь в незаметного невысокого человечка.

Очень скоро в отряде к Говорову приклеилась кличка Киллер, именно из-за его внешних данных и профессионального владения оружием.

Володя — специалист по подрывному делу — был также одержим своей работой и изобретениями в этой области. Однажды во время суточного дежурства в отряде он разбудил отца с воплями: “Матвейч! Придумал! — и сунул отцу под нос гранату. — Смотри, я придумал, как поставить ее на неизвлекаемость!” — “Ты что?! Убери! — рассердился отец, а когда сел на койке и окончательно проснулся, все же заинтересовался. — Ну, что ты там придумал?” И вместо того чтобы сладко спать, он выслушивал очередную толковую придумку Володи.

Еще один специалист учебного центра, Михаил Иванович Литвиненко, — мастер рукопашного боя от Бога. Он без конца придумывал новые хитрые приемы...

Руслан Зинюков, Олег Суханов — виртуозы-высотники, да разве о них всех двумя словами расскажешь, о них книгу можно написать, эти люди, как сталь, чем сильнее и жестче испытания, тем они крепче.

А теперь у отца работа вроде бы не боевая. Хотя с какой стороны на это посмотреть? В командировки на “горячий” Кавказ он ездит, как и прежде. В прошлом году сто четырнадцать дней провел в командировках. Свободного времени совсем не остается. И на любимую им рукопашную борьбу. В восемь часов вечера выходит с работы — все спортзалы в это время уже закрыты, да и сил не остается, и нога сломанная побаливает. Хотя отец и по этому поводу шутит, вспоминает слова

своего тренера Меняйло: “Силу можно пропить, дышалку прокурить, но мастерство не ржавеет”.

У меня тоже будет интересная и богатая на события жизнь, ведь я выбрал такую профессию — военный летчик. Военный летчик, — повторил Павел, уже засыпая. — Я полечу! Еще несколько месяцев, и вот оно — небо. Близко. До облака рукой дотронуться, как до моей мечты».

Он спал. Поезд мчался на юг. Догонял лето. А в вагонах гулял ветерок, степной, немного тревожный, навевавший сны о пыльных дорогах, белесых облаках на выгоревшей сини неба и самолете, который подвластен двум еще мальчишеским рукам, крепко держащим штурвал.

Профессия — кинолог

Подполковник милиции Сергей Курохтин служит в СОБРе с 1993 года. По распоряжению командира Рябинкова в 1995 году он начал создавать в отряде питомник собак.

Сергей Курохтин награжден медалями «За отвагу», «За охрану общественного порядка» и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени с мечами за штурм Грозного 31 декабря 1994 года.

Окончил школу милиции и институт заочно, получил высшее юридическое образование.

Подполковник милиции Сергей Курохтин открыл вольер и впустил туда овчарку.

— Ну вот, Нора, мы и дома. Отдыхай.

Собака пробежала, обнюхивая деревянный настил клетки. Знакомые, родные запахи, от морозного воздуха не такие резкие, ударили в нос.

В Чечне, в командировке, она жила в старом торговом ларьке, который собровцы установили на территории ПВД. Там ей сделали мини-вольер. Только для прогулок места было мало, гулять приходилось на маршруте, на работе, отыскивая взрывчатые вещества.

Нора прожила в командировке два срока по три ме-

сяца. Сменился кинолог — в ноябре 2001 года приехал Курохтин. Нора встретила его веселая, чуть не сбила с ног от радости. Сергей воспитывал ее со щенячьего возраста, как почти всех обитателей собровского питомника по разведению и дрессировке собак. Он — ведущий кинолог, заместитель начальника отделения.

Собака акклиматизировалась еще в начале своей первой командировки. Потеряла на время аппетит, немного почихала и стала работать. Нанюхала несколько фугасов перед проездом собровской машины...

Курохтин стоял у вольера, смотрел, как Нора обжигается в домашнем вольере.

«Теперь ей нужно отдыхать, отстаиваться. Есть, спать, гулять, играть. Срок в полгода для собаки больше, чем для человека, — думал Сергей озабоченно. — Норе надо восстановиться. Собака способная, жалко будет с ней расставаться. Не дело с ними там зимой работать! Грязь, мороз, ветер, туман. Через снежное месиво запахи собака не пронюхивает, только застуживается в слякотную погоду...

Но ребята так надеются на собак! С какой радостью возились с Норой, когда я ее выпускал из вольера! Вряд ли стоит лишать их этой надежды и радости. Собаки всегда жертвуют собой ради человека. Уж такая судьба им на роду написана. А бойцы побегают с ней, потреплют за холку и, глядишь, лица просветлели, настроение поднялось. Психологическая разрядка».

С какой бы собакой Курохтин ни работал, он всегда вспоминал Агата, своего первого пса — немецкую овчарку.

• • •

В детстве Сергей приводил домой со двора брошенных собак и потом сам же пристраивал их к хорошим людям. Мать не разрешала оставлять собак. Семья жила в коммунальной квартире, в одной комнате впятером. У Сергея — младший брат и старшая сестра.

Сергей учился в ПТУ, занимался спортом. Рядом с домом парк, и Сергей там часто бегал, подтягивался на турнике. Однажды, забежав на открытую площадку

парка, он увидел, что там милиционеры натаскивают служебных собак. Сергей прильнул к железной сетке забора и не мог оторвать взгляд от огромных овчарок, спокойных и умных и таких злых, со вздыбленной шерстью, когда они бежали за «преступником» и в миг прыжке валили его на землю.

Сергей стал прибегать к площадке каждый день, пока его не заметил один из кинологов.

— Эй, парень, пойді сюда, — указал он на калитку в заборе. — Ты чего здесь высматриваешь?

— Собаки ваши нравятся.

— А хочешь нарушителем побывать? — улыбнулся милиционер. — Попробовать, каковы наши собачки в действии.

— Хочу.

На Сергея надели огромную ватную куртку с длинными рукавами, из которых торчали клоки ваты. Сергей рассмотрел разорванные рукава — как ножом разрезали, но не сробел.

Милиционеры дали собаке только слегка его толкнуть и тут же оттащили. Но ему и этих впечатлений хватило.

«Какая силища! Вот это собака!»

— А ты молодец, не струсил, — хлопнул его по плечу кинолог. — Приходи еще, если хочешь.

Семье Курохтиных дали трехкомнатную квартиру. Сергей, наконец, купил щенка настоящей немецкой овчарки.

Первую ночь Сергей не спал. Щенок, маленький пушистый комочек с толстыми лапами — Агат, сопел и ворочался на новом месте, на своей подстилке рядом с ним.

— Хороший пес, — одобрил кинолог-милиционер, когда Сергей привел Агата на площадку. — Надо его дрессировать. А потом можешь с ним в армию пойти, на границу.

— Разве можно со своей собакой?

— Конечно.

Целый год Сергей усиленно занимался с Агатом. Ему иногда казалось, что пес его понимает без слов, без жестов, словно улавливает мысли хозяина.

Призвали в армию на границу с Финляндией. Поехал Сергей в Карелию с Агатом. Впервые так далеко от дома, от родного Подмосковья. Как выручало то, что рядом друг. И согреет, прислонясь горячим боком, и защитит, и развеселит смешной выходкой, и оближет лицо, когда муторно на душе, когда тоска по дому особенно тяжела.

Там Сергей окончил школу инструкторов служебных собак. Осваивал науку дрессуры и психологию собаки вместе с Агатом.

— Агатик ты мой подопытный, — подсмеивался над псом Сергей. — Ты классический образец хорошей и послушной собаки, поэтому не надо скулить, когда я ухожу. — Сергей закрыл дверцу вольера, стараясь не ловить тоскливый взгляд Агата из-за решетки.

Не выдержал, снова открыл вольер, погладил по голове.

— Агатик, сегодня интересное кино в клубе — «Ко мне, Мухтар!». Вроде как про нас с тобой. Я пойду посмотрю?

Пес отошел в угол, улегся на подстилку и тяжело вздохнул...

Учебных нарушителей они с Агатом задерживали всегда. Настоящих нарушителей, к счастью, не доводилось.

Но однажды Сергей был с Агатом в наряде. На границе собака чует зверя или человека за триста метров — это стерильная зона. Работа Агата индивидуальная. Он самостоятельно мог встать на след и идти без поводка. Преследовать и задержать. Этому его учили, как и других пограничных собак.

Сергей заметил, что Агат заволновался, сработал на человека и убежал. Сергей помчался следом и услышал крики.

На дереве кто-то сидел. Агат напрыгивал на дерево.

— Вы кто? — задал вопрос Сергей.

— Я заместитель коменданта! Недавно к вам назначен! — закричал человек с дерева. — Убери собаку!

Но, как и положено по инструкции, Сергей позволил на заставу.

Заместитель коменданта орал на Сергея, хотя сам был виноват, что не предупредил.

После дежурства Сергей с Агатом пошли на заставу. Но спокойно отдыхать Курохтин уже не мог.

— Попали мы с тобой, Агатик. — Он обнял собаку за шею. — А ты молодец, все правильно сделал.

— Курохтин, к начальнику заставы! — крикнул дежурный.

— Ну вот, начинается, — вздохнул Сергей.

Зашел в кабинет начальника, вытянулся по стойке «смирно».

— Объявляю вам с Агатом благодарность, — вдруг сказал начальник заставы. — Отличная работа. Все сделали четко, по инструкции. Молодцы.

О том, что после армии они с Агатом пойдут служить в милицию, Сергей и не сомневался. Вернулись домой и стали служить во вневедомственной охране. Несколько раз Сергей проходил сборы кинологов в Звенигороде и Нальчике.

Поехал в отпуск в Латвию. С неохотой расставался с Агатом, оставляя его дома на попечении брата.

В купе с Сергеем была девушка. Познакомились. Она ехала в Ригу. Обменялись телефонами. Во время отдыха Сергей то и дело вспоминал свою попутчицу: «Надо позвонить, когда приеду, а вдруг и она меня запомнила?»

Она тоже запомнила. Сразу узнала его голос по телефону. Встретились в Москве и прожили с тех пор вместе восемнадцать лет. У них родились две дочки. Старшей теперь семнадцать, младшей одиннадцать...

Впервые про СОБР Курохтин услышал от друга, Алексея Шишкина, который служил в ОМОНе.

— Сергей, там со временем планируется создать питомник служебных собак. Это как раз для тебя.

Смерть Агата Сергей переживает до сих пор, а тогда, когда потеря друга была свежа в памяти и в душе, Сергей даже думал, что не сможет заниматься собаками, не сможет принять нового щенка, все будет сравнивать с необыкновенным, самым лучшим — Агатом.

Но жизнь шла своим чередом. Курохтин поступил бойцом в СОБР. Обычным бойцом, не кинологом. Со-

баку новую не заводил. Дома условия не позволяли. И он ждал, когда же подмосковный СОБР немного встанет на ноги, появится возможность создать долгожданный питомник.

В качестве бойца СОБРа Курохтин участвовал в событиях 1993 года. А в декабре 1994 года — в штурме Грозного.

Двадцать пять дней собровцам пришлось ночевать в открытом «Урале». Никакого снабжения в Грозном. Голодали. Одну банку тушенки делили на двое-трое суток. Худые, немывтые. И обстреливали их и подрывали. Товарищи из других подразделений гибли у них на глазах...

Группу подмосковного СОБРа ввели на молокозавод. Командир отправился на совещание. Кроме собровцев, на территории завода расположились танкисты и минометная батарея.

Только собровцы зашли на территорию, как начался минометный обстрел. Бросились в укрытие, пытаюсь сориентироваться, понять, откуда ведется огонь. Спрятались за какими-то ящиками. Наша минометная батарея ответила боевикам, погасила огневые точки.

Прибежал командир:

— Вы где прятались?! За этими ящиками? Вы знаете, что в них мины?!

Через неделю немного обустроились, история с минометным обстрелом начала забываться. К собровцам ходили местные — дети и женщины. Оборванные и голодные. Собровцы делились с ними последним.

Курохтин видел голодных детей и часто думал о своих дочках. Как можно так с детьми? Они-то за что страдают? Неважно, чеченцы или русские, — он старался помочь любому. Пришла русская старушка. Курохтин дал ей хлеба и банку тушенки.

— Сынок, я с утра на кладбище ходила, к деду своему на могилку. А там из земли какие-то трубы торчат. К чему это их воткнули? Вчера еще не было.

Курохтин доложил командиру о том, что говорила старушка.

Группа разведки отправилась на кладбище, которое находилось метрах в четырехстах от места дислокации собровцев. Вернулись, стали рассказывать:

— Пришли, а там минометы установлены. Наверное, гады к вечернему обстрелу готовились. В нашу сторону направлены. Ну, мы, конечно, оставили им там подарки, а вечером надо еще засаду устроить. Старушка-то нас выручила.

И тем же вечером вся группа боевиков была уничтожена.

Бойцом Курохтин выезжал в составе группы собровцев в Буденновск, когда банда Шамиля Басаева захватила больницу.

В том же 1995 году командир СОБРа полковник Рябинков дал команду создавать питомник, чего так долго ждал Курохтин. Выделили небольшие средства, и собаки стали помогать собровцам в службе в Подмоскowie, а со второй чеченской кампании — выезжать в командировки с кинологами.

Полковник Рябинков определил задачи для кинологов в СОБРе — натаскивать овчарок на задержание, захват вооруженных преступников, розыск взрывчатых веществ и наркотиков.

На наркотики собак натаскивают в процессе игры с апортировочным предметом — любимой игрушкой. В него понемногу вшивается запах-образец — несколько граммов героина или другого наркотика. Разыскивая игрушку, собака запоминает запах. Привыкания к наркотику у собаки такой способ дрессировки не вызывает, хотя какие-то частички вещества собака вдыхает. Поэтому на таможне из-за интенсивности работы собак быстрее списывают. А в СОБРе выезды, связанные с наркотическими веществами, происходят около одного-двух раз в неделю, так что и время службы собак более длительное.

Курохтин постоянно находился на площадке, сам тренировал собак и давал рекомендации молодым бойцам-кинологам.

Вольеры продолжали достраивать, доделывать. Привозили новых собак — немецких и бельгийских овчарок. Со временем некоторых собак пришлось списывать.

То, что собака теряет остроту обоняния, определяли на тренировках. Курохтин или другой кинолог заме-

чали, что овчарка, которая раньше чуяла закладку метра за три, теперь проходит мимо нее, даже если та открыта или полуоткрыта.

Тогда собаку старались пристроить в хорошие руки. Овчарки обучены по общему курсу, отдрессированы по защитно-патрульной службе. Поднатаскать немного, и собака становится отличным охранником.

А в командировках в Чечне рутинная служба — отработка подвалов, обнаружение «растяжек», проверка дорог — маршрутов движения машин. Собак приучали к громким звукам: выстрелам, взрывам. Но овчарки, как и люди, по-разному привыкали и по-разному адаптировались к войне.

Попадались талантливые собаки. Они легко обучались, легко шли по следу, находили разные предметы по запаху. Попадались собаки, которым давалось все с трудом. Но если перехваливать талантливых собак, то они начинают лениться и ошибаться. А собаки с посредственными способностями берут трудолюбием и стабильно хорошо выполняют свою работу.

Бывало, что собака не хочет заниматься — настроения нет, и нужно найти подход, выждать, придумать игру, сказать ласковые слова. Перед Курохтиным часто вставала непростая задача — правильно выбрать для командировки ту собаку, которая действительно на сегодняшний момент готова и выдержит напряженный график боевой работы.

Хорошо обученных собак стараются беречь. Щенки подрастают, но не хватает специалистов, чтобы их дрессировать...

— Пойду, Нора. — Курохтин погладил собаку через прутья решетки. — Отдыхай. Мне тоже надо передохнуть. И так дома почти не бываю. Домашние на меня сердятся, что я все с собаками, а про них забываю. Я ведь не забываю, но и вот тебе, лохматой, внимание нужно, и покормить, и поиграть...

Жена работает старшей медсестрой в госпитале имени Вишневого. Раньше была операционной сестрой. В госпиталь привозят ребят из Чечни. Насмотрелась она всякого. Особенно после первой кампании, когда раненые солдаты и офицеры пребывали и в тяжелом моральном состоянии. Подавленные. С ними она разговаривала, утешала...

Сергей любит иногда готовить, угостить детей и жену чем-нибудь вкусненьким, сделать им приятное и очень тяжело переживает упреки домашних, что мало бывает дома.

— Ведь служба такая... — смущаясь, оправдывается он.

Во время отпуска он любит читать. Подбирает литературу художественную и научную — о собаках. Про них Курохтин знает практически все, работе с ними он посвятил свою жизнь.

«Вернуть бы собакам хоть частичку того тепла, той радости, защиты и преданности, что они нам дарят», — часто думает он.

Дома ждут

Майор милиции Владимир Соболев служит в СОБРе со времени создания этого отдела, с 1993 года. Он — старший оперуполномоченный по особо важным делам. У него на счету пять командировок в составе СОБРа — Чеченская Республика, Буденновск, Первомайское, Дагестан. Награжден орденом Мужества, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, медалью «За отвагу».

День не заладился с самого утра. Собровцы договорились встретиться с «заказчиками» — оперативниками на шоссе, около оптовой базы. Остановились на обочине. Прождали оперативников минут сорок, на жаре да еще чуть не стали участниками дорожной аварии.

Джип вылетел со встречной полосы, через сплошную линию. Ему понадобилось проехать к воротам оптовой базы. Джип подрезала «девятка». Все это на глазах собровцев, стоявших на обочине. Джип с грохотом

перевернулся и заскользил по асфальту прямо к их «жигуленку». Бойцы едва успели выскочить из машины. Сильного столкновения не произошло, джип только царапнул крыло.

Майор Соболев вызвал милицию и МЧС. Пришлось вытаскивать пассажиров из перевернутой машины, оказывать первую помощь, пока не подлетел вертолет спасателей.

Наконец подъехали оперативники.

— Едем на торговую базу, — сказал капитан. — Там у них охрана с автоматами. Нас в прошлый раз туда не пустили. Автоматами размахивали. Никакого разрешения на оружие у них, конечно, нет. Мы проверили.

Собровцы влетели на базу. Охранники дружно сложили оружие, даже не пытались сопротивляться. Оказалось, что эти автоматы — муляжи отличного качества.

Собровцы подождали, пока оперативники завершат свои дела на базе, и поехали в отряд. Жара донимала весь день.

— Сейчас приедем, поедим, выпьем чего-нибудь холодненького, хоть дыхание переведем, — вслух мечтал Соболев.

Но навстречу их машине с КПП выскочил подполковник Смирнов:

— Наконец-то! Я уж думал, одному на задержание придется ехать. Берите снаряжение и гоните в Одиново. Володя, ты старший. По информации, там особо опасный преступник. Числится во всероссийском розыске. Убийца. Когда его задерживали в прошлый раз, он гранаты в собровцев кидал.

— Александр Аркадьич, можно десять минут? Перекусить. — Соболев прекрасно понимал, что они сейчас побросают вещи в машину и поедут, но не хотелось так сразу расстаться с мыслью об обеде.

Смирнов только руками развел:

— Потом пообедаете. Дело серьезное.

Через сорок минут экипаж СОБРа прибыл на место.

Преступник, по информации оперативников, находился сейчас на девятом этаже высотного дома у своей любовницы.

Около квартиры говорили шепотом. Стояла какая-то женщина.

— Это сослуживица его любовницы. — Оперативник подвел женщину к железной двери: — Звоните.

Та нажала кнопку звонка, испуганно оглядываясь на соборовцев в бронежилетах и с автоматами. За дверью гнетущая тишина. На площадке много людей. Слишком жарко.

— Она там, — зашептал оперативник. — Звоните еще. Но снова никакой реакции за железной дверью.

— Надо взрывать. Другого выхода нет.

Рисковать лишний раз людьми Соболев не собирался. Спускаться на альпинистском снаряжении с крыши, залезать в окно...

— Немного подождем, — решил Соболев. — Ты же сам говорил, что у него и гранаты могут быть. К тому же любовница все-таки существует. Куда она делась? У меня такое ощущение, что он уже знает о нашем присутствии, поэтому за дверью так тихо.

Через пятнадцать минут открылись двери лифта — вышла молодая женщина.

— Татьяна, — зашептал к ней оперативник.

Оказалось, что она каким-то образом ускользнула на улицу и все это время ходила по магазинам.

Усадив Татьяну на подоконник на лестничной площадке, оперативник и Соболев уговаривали ее решить вопрос миром: чтобы она позвонила или открыла дверь своим ключом.

— Я боюсь, — шептала она и плакала.

— Да не волнуйтесь вы так. Все будет хорошо. Мы его возьмем тихо. Ни ему вреда, ни вам.

Наконец согласилась. Позвонила — тишина. Стала открывать ключом, а дверь изнутри заперта на засов.

— Надо взрывать, — упорствовал оперативник шепотом.

— Чего шептать? — недовольно заметил Соболев. — Или ты думаешь, он случайно закрылся на засов?

— И что ты предлагаешь?

Соболев приблизился к квартире.

— Эй, Миша! — крикнул он через дверь. — Я майор СОБРа! Ты догадался, что мы за тобой пришли. Выбор у

тебя небогатый. Ты человек неглупый, в окно прыгать не будешь, а сопротивляться бесполезно. Поэтому тебе лучше отпереть дверь и лечь на пол лицом к двери. Даю две минуты на размышление. Время пошло!

— Ладно, я согласен, — раздался через мгновение мрачный голос из-за двери.

Щелкнул засов. Соболев подождал еще немного и зашел в квартиру. Преступник лежал на полу, как и велели, — лицом вниз и к двери. Следом за собровцами вбежали обрадованные оперативники.

— А чего сразу не сказали? — Преступник в наручниках сидел на стуле и обращался к Соболеву. — С СОБРОм я связываться не хочу. Ваши меня в прошлый раз прессанули здорово. Я бы теперь на все условия согласился.

— Почему же голос не подавал? Дверь не отпирал?

— Вдруг бы вы передумали и ушли? Не кидаться ведь вам в объятия, — усмехнулся он. — Слишком просто.

. . .

Утром после суточного дежурства Соболев ехал домой. Добираться со службы ему часа четыре, два из которых он трясется в душной электричке. Летом — духота, зимой — ледник.

Он старался не вспоминать свои командировки. Но, когда оставался один, воспоминания всплывали в памяти помимо его воли. То одно событие, то другое.

...Палатки группа их отряда поставила под Ассиновской на поле. В январе 1995 года. Слякоть и сырой воздух...

Однажды в палатку зашел спецназовец из «Росича». Соболеву показалось очень знакомым его лицо.

— Ты где служил? Вроде я тебя где-то видел.

— В ОБСН, в дивизии Дзержинского.

— Так и я там же. — Соболев, наконец, вспомнил. — Ты Олег Терешкин, да?

— Верно. А ты — Володя Соболев? Только ты тогда на контракте в дивизии был, а я срочником. Ну надо же, где довелось встретиться!

Собровцы работали пятерками посменно. В тот день пятерка Соболева как раз отдыхала. Почти все

уехали во Владикавказ: помыться, поесть, позвонить домой. Соболев остался.

— Как удачно. Могли бы и не увидеться.

— Мы после совещания в Самашки пойдем, — пояснил Олег. — Как у тебя жизнь сложилась после бригады? Сразу в СОБР?

— Нет. Я ведь и на контракт в бригаде не сразу после срочной остался. Сначала год в милиции, в охране прослужил, потом в спецназ на контракт вернулся. А в СОБР.. Помнишь, в 1991-м у контрактников начались проблемы? Финансировать нас не хотели, распускать вроде собирались. Тогда Селиверстов в отряд пришел, бывший командир подмосковного ОМОНа, сказал, что новая структура создается — СОБР ГУБОП. Телефоны оставил. А я позвонил, попал на Рябинкова, он после Селиверстова ОМОН возглавлял. Он говорит: иди пока что ко мне в ОМОН, а через год мы такой же СОБР создадим в Московской области. Короче, переманил. А у тебя как сложилось после срочной?

— В пожарной части служил, а потом знакомого парня-«афганца» встретил. «Ты же, — говорит, — спецназовец. Иди к нам в «Росич». Так вот и попал.

После совещания Соболева вызвал командир:

— Сейчас от нас набираем группу, в Самашки идти на зачистку. Ты сегодня свободен. Но может, поедешь?

— Поеду.

Колонна, готовая к выходу, растянулась по дороге, вся в облаках выхлопов. Гудели двигатели. Соболев с трудом расслышал крик Олега:

— Володя, давай ко мне на броню!

Их БТР шел в колонне третьим. На первом бронетранспортере ехала пятерка Фарвата Якупова. Колонна начала втягиваться в Самашки. Справа — частный сектор, а дальше слева — целый город.

Соболев — снайпер, но здесь, в Самашках, когда колонну стали обстреливать и шквальный огонь обрушился на бронетранспортеры, для обороны больше подходил автомат.

Командир сразу отдал приказ выходить из населенного пункта, но первый БТР с Якуповым слишком далеко продвинулся. Им досталось больше всего. Они при-

крывали отход всей колонны. Якупова тяжело ранило в голову, Славу Шишкова — в ногу.

Якупова и Шишкова отправили во Владикавказ. Один боец из дивизии, ехавший в колонне, погиб. С ним прощались тем же вечером.

Соболев снова сидел в палатке с Терешкиным.

— У меня младший брат Олег в школе милиции учится, — рассказывал Соболев. — В Воронеже. После школы я хотел в СОБР ему предложить... Помню, в 1992 году, тогда я еще в ОМОНе служил, в Дербент в командировку ездил. Обеспечивали безопасность оперативной группы. Вот это командировка, — улыбнулся он. — Поселили нас в гостинице, море рядом, метров пятьдесят до пляжа, гостеприимные дагестанцы. Поработаем днем, а вечером, если не дежуришь, иди на пляж, загорай, купайся. Во время событий 1993 года с Русланом Слепцовым, он мой друг, охраняли заместителя министра Егорова. А теперь вот это... И все равно, скажу Олежке. Чего ему за пультом каким-нибудь в отделении сидеть? Он ведь спортсмен. Сильный парень. Мы с ним вместе борьбой с детства занимались. Самбо, дзюдо. Нас старший брат в секцию определил.

Терешкин был задумчив и молчалив в тот вечер. Из головы не шел бой и погибший парень...

Соболев не мог даже предположить тогда, что почти через три месяца после их встречи Олег погибнет в бою на Лысой горе. 18 апреля. Его ранило в живот, и по дороге в госпиталь он умер. Прапорщику Терешкину присвоили звание Героя России посмертно.

Сорок пять суток командировки истекли. Дома Владимира ждала Оленька — жена. Только поженились, и сразу такое испытание.

Соболев часто вспоминал ее такой, какой увидел впервые на платформе, ранним утром, в толпе людей, ожидающих электричку. Она стояла будто в стороне от других, красивая, независимая.

— Куда едете? — Володя не удержался, подошел.

— Учиться. — Она на него и не смотрела.

— А я на службу. — Он слышал приближение электрички. — Телефончик мне свой не дадите?

— Не дам, — отрезала она и скрылась в толпе.

Он увидел ее на следующий день. Снова подошел:

— Все равно с одной платформы будем ездить. Вместе веселее. Меня Володя зовут.

— Оля.

Стали встречаться. Скоро он повез ее домой знакомить с родителями.

— У тебя девять братьев и сестер? — с удивлением узнала Оля, разглядывая фотографии на стене комнаты.

— Пять братьев и четыре сестры, — уточнил Володя. — Не смущайся, у нас семья простая. Родители рабочие, всю жизнь на местной ткацкой фабрике работали. Мать войну пережила.

— А отец? Воевал?

— Партизанил, — пошутил Володя. — Ему к концу войны только восемнадцать исполнилось. Он в Германии служил, а потом маршала Гречко возил... Знаешь, Оленька, я тоже хочу большую семью.

Они поженились и ждали своего первого ребенка. Родилась дочка, Мариночка...

Металлический голос произнес название станции и вернул Соболева от воспоминаний к действительности. Солнце заливало электричку. Полпути до дома проехал. Впереди еще час в вагоне...

Он все-таки привел своего брата поступать в СОБР. Олег в 1997 году закончил Высшую школу милиции, женился, привез жену из Воронежа в Подмосковьё. И, когда началась вторая чеченская кампания, вместе с братом в 1999 году вылетел в Дагестан, в Дылым. У Владимира как раз родилась вторая дочка — Леночка.

В 2000 году, летом, Владимир собрался в Чечню на три месяца. Оля не хотела его отпускать, плакала:

— Не уезжай, откажись.

— Ну, что ты. — Он обнял ее за плечи. — Так же нельзя. Как там служить, когда ты здесь плачешь? Ты же молодая, нервы крепкие должны быть, — пытался шутить.

— Да какие теперь нервы! У меня их не осталось. Понимаешь?! Не осталось! Бьюсь тут и с хозяйством, и с детьми. Все одна да одна. А мысли только — как ты там, каждую минуту. И жена Олега твоего с ума сходит, пока он в Чечне. Звонит мне. Нет ли новостей? Плачет.

— Занимайся детьми, отвлекайся от этих мыслей.

— Детям папа нужен! И мне ты нужен, — опять заплакала Оля.

Командировка выдалась напряженной — в Чечне выборы. По ночам приходилось выставлять людей для охраны избирательных участков. Человек десять собровцев в здании школы — большой риск. Для обороны ничего не приспособлено. Если начнется нападение, помощь по ночному Грозному подоспеет нескоро...

В один из дней Слепцова, командира группы, и Соболева, его зама, вызвал к себе комендант:

— По соседству с вашим ПВД русская семья живет. У них мужчину убили. Хоронить некому, там с ним только одна пожилая женщина. Он уже который день лежит. В такую-то жару... Надо помочь. Похороните его по-человечески.

— Придется помочь. Только сегодня же — завтра заместитель начальника управления приезжает, — решил Слепцов.

Вместе с Русланом поехал Соболев. Зашли в дом. Старушка заплакала:

— Голубчики, слава Богу, пришли. А то ведь не знаю, куда с ним.

Соболев поглядел на труп. Даже не смог понять, молодой это или пожилой мужчина. Сын или муж?

Завернули его в одеяло, повезли на кладбище. Ехать достаточно далеко. Пять вечера, вот-вот темнеть начнет. Это уже не похороны, а боевая задача в опасном Грозном.

Спешили. Опустили тело в могилу.

— Мать, прощайся с ним, и ехать надо. Темнеет, — тихо обратился к ней Соболев.

— Чего уж. — Она вытерла глаза. — Закапывайте. Сейчас всех так хоронят. Ничего. Будем жить.

Сбили крест, поставили его и поехали.

На следующий день Соболев ездил встречать заместителя начальника управления в Махачкалу. Пока ждал приземления самолета, позвонил жене:

— Оленька, как дела? Как дети?

— Ты знаешь, что наша дочь в школу пошла?

— Так ей всего шесть лет! — опешил Владимир.

— Решили с шести отдать. Купили книжки, рюкзак, в школу ходит.

— Вот это да! Ребенок в школу пошел, а папы нет, — расстроено протянул он.

Следом за заместителем приехал сам начальник управления. Вечером в тот же день на верхнем этаже ПВД устроили торжественное построение всего личного состава. Вручали награды и очередные звания. Соболеву вручили медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени. Потом все спустились в столовую и был праздничный ужин.

А ночью замкомандира СОБРа, приехавший с начальником управления, устроил боевую тревогу. Он остался доволен действиями собровцев...

Электричка дернулась, подъезжая к платформе. Соболев торопливо вскочил — чуть не проехал! Мелькнули за мутным стеклом три ярких пятна летних платьев — жена и дочери.

— А мы решили выйти тебя встретить, — улыбнулась Оля. — Погуляем заодно.

Дочки повисли у отца на шее.

Сейчас домой. Отоспаться. С Мариной и Леночкой сходить погулять в лес около дома. Может, книжку удастся почитать, фантастику. И спортом позаниматься. А через день снова на службу...

Встречи и проходы

Прапорщик милиции Виталий Морозов работает в ОМОНе на воздушном и водном транспорте с 1995 года. Перешел в отряд из ШПС, где прослужил три года.

Четыре раза ездил в командировки в Чечню. Награжден медалью «За отвагу».

Три года была передышка между войнами. Воспоминания о первой чеченской кампании уже начали тускнеть. Не забылись, а просто отошли на задний план. Их заменили будничные дежурства в отряде, патрулирование аэропортов, усиления в связи с криминальной

обстановкой в городе или очередным праздником. Это у обычных граждан праздник как праздник, а у омовцев — напряженная работа.

И несмотря на такой плотный график работы, Виталий как-то в разговоре с друзьями сказал:

— Чего-нибудь новенького хочется...

Конечно, он не имел в виду новую войну. А она не заставила себя ждать. В октябре 1999 года отряд вылетел в Чечню.

• • •

Взлетное поле. Рев самолетных двигателей. Звезды на черном небе от края до края, холод — зуб на зуб не попадает. Приземлились несколько часов назад. Ночевали рядом с самолетами. Быстрей бы рассвет...

С первыми лучами солнца проснулись робкое октябрьское тепло и надежда, что омовцев разместят где-нибудь и следующую ночь не придется провести под открытым небом. Хватит такой романтики!

Виталий ходил с другими бойцами за водой. Заглянули к вертолетчикам, которые играли в нарды около своей машины. Разговорились.

— Как там, мужики? — спрашивали омовцы.

— «Духов» очень много. Из вооружения у них чего только нет! За три года передышки они подготовились капитально.

Эта новость еще больше растревожила.

Отряд, как и другие ОМОНЫ со всей страны, разместили в железнодорожных вагонах в Моздоке. Неделю ждали отправки в Чечню. Но ОМОН на воздушном и водном транспорте вместе с железнодорожным ОМОНОм отправились последними. И встали на переднем крае наступления федеральных сил, в Червленной-Узловой.

По совету десантников, сразу начали усиленно оккупываться. «Духи» совсем недалеко. По Терскому хребту почти все время работали зенитки и авиация.

Поселок пустовал. Местные стали возвращаться домой, только когда Червленная-Узловая была полностью занята российскими войсками.

С прошлой войны, как ее помнил Виталий, ничего не изменилось. Все стало еще более разрушенным и запущенным. Со столбов снимали даже электрические провода. Мечеть, которая строилась в поселке, как была в развалинах три года назад, так и осталась. Не до строительства было — готовились к новой войне.

Местные рассказывали омовцам, что обороной Червленной-Узловой руководил сам Хаттаб. Показывал, где копать окопы и ставить мины. Его боевики — арабы, негры, славяне, бандиты всех национальностей, — бесчинствовали в поселке, мародерствовали, пока местные отсиживались в подвалах домов. Хаттаба из Червленной-Узловой выдавили десантники. Тяжело им это далось. Много ребят погибло.

Омовцы взяли железнодорожную станцию под свою охрану. Местные относились к ним хорошо. Но все равно сохраняли дистанцию.

...Для Морозова первая война началась в декабре 1995 года, через два месяца после его перевода из ППС в отряд.

Виталию было тогда двадцать четыре года и, наверное, как и многими, им двигало еще мальчишеское любопытство. Он уже наслушался рассказов омовцев о командировках и хотел увидеть все своими глазами.

Базировались вначале не в Гудермесе, а в Червленной. Там встретили Новый год. А «духи» в половине третьего ночи «поздравили» их двухчасовым минометным обстрелом.

В три часа Морозов вместе с Дмитрием Казинкиным, пулеметчиком, заступил на пост. Мины с шорохом пролетали над головой, шмякались где-то в стороне с оглушительным взрывом. Это был первый в жизни Виталия обстрел. Казалось, этот змеиный шелест, шипение никогда не закончится. Однако все стихло. С нашей стороны потерь не было.

Через несколько дней по приказу омовцы перебазировались в Гудермес. Меняли своих ребят, которые

просидели десять дней, окруженные боевиками в здании вокзала.

Сначала приехали в то же здание, где были окружены милиционеры несколько недель назад. Пробитые ракетами и испещренные пулями стены дымились. Во многих местах внутри здания и вокруг лежало столько гильз, что они шуршали под ногами, как осенние листья. Потом выгребли их лопатами. Они напоминали, что бои здесь были страшные. Досталось ребятам...

Но война войной, а надо жить и налаживать быт. Бойцы, Павел Горбунов и Виталий Голубикин, строили баню. Вокруг грязь, слякоть, и баня необходима. Другие ребята ремонтировали здание, оборудовали столовую. Запаслись водой.

Стояли вместе со сводными отрядами ППС из Самары, Нижнего Новгорода и Кузбасса. «Духи» обстреливали их расположение почти каждый вечер из подствольников и автоматов.

В один из сильных минометных обстрелов ночью осколками посеколо двух милиционеров из Самары и Кузбасса. В ответ ударили по «зеленке» и утром от местных узнали, что уничтожили двух боевиков. Раненых забрал БТР из комендатуры.

Сорок пять суток командировки истекли. В феврале омовцы вернулись домой. Но уже в июне Морозов снова поехал в командировку.

На этот раз отряд стоял в Червленной-Узловой. Летом 1996 года проходили перегруппировка и вывод войск из Чечни. В Червленной-Узловой предстояло пробыть теперь шестьдесят суток.

На бронепоезде омовцы сопровождали воинские эшелоны из Ханкалы в Моздок. Бронепоезд — впереди тепловоз, сзади на платформах связь, зенитки, бээмпэшки, мешки с песком.

Солнце палило, раскаляло железные платформы. Проезжали опасные районы — Аргун и Джалка. Там боевики часто обстреливали эшелоны.

Бойцы сидели на платформах впереди и сзади. Во время движения их обдувал ветерок и было не так жарко. В одной из таких поездок пришлось возвращаться ночью. Пошел дождь, все промокли и замерзли.

Охраняли мост через Терек — длинный, почти полкилометра длиной. Стояли вместе с федеральными войсками. Шестеро омовцев с одной стороны моста и шестеро — с другой. А чуть позади постов — солдаты-срочники с зенитками.

Эти посты боевики обстреливали часто из минометов, издалека, как правило, с Терского хребта. В одно из таких нападений с поста в станционной диспетчерской в Червленной-Узловой засекли огневую точку «духов», передали координаты минометчикам. И солдаты метко положили мины, грамотно сработали.

Морозов в этот момент находился на мосту и о дальнейшем развитии событий узнал чуть позже, со слов бойцов.

Оказалось, что ответным минометным огнем федералы задели боевиков. И связист заставы перехватил сообщение боевиков о том, что у них есть раненые. Машину, которую «духи» послали своим на помощь, тоже накрыли из миномета — получили боевики сдачу по полной программе.

Через некоторое время по поселку среди местных пополз слух и дошел до омовцев. Дескать, там, на хребте, минометчики хлопнули друга и соратника Басаева, и тот поклялся, что ни один омовец живым отсюда не уедет.

От такой информации радости, конечно, никто не испытал, но когда прошла неделя, а угроза не была приведена в исполнение, острословы начали шутить: «Басаев на Коране поклялся, но, видать, Коран у него свистнули. Значит, и клятва недействительна».

А вообще, «духи» устраивали так называемую «проверку на вшивость» в начале командировки и в самом ее конце. Недели две-три почти непрерывно обстреливали. Проверяли боеготовность. Но, убедившись, что люди приехали подготовленные, умолкали.

Тем более что, обустроившись, омовцы расставляли по периметру растяжки и подойти близко боевикам было сложно. Однажды на рассвете раздался взрыв в лесу, и через некоторое время со стороны поселка привезли раненого. Ему оторвало ступню. После оказания помощи раненого отправили в комендатуру. Ясно

было, что он в «зеленке» лазил не просто так, не за грибами ходил.

В августе Терек разлился и затопил эту злосчастную «зеленку». Настали более-менее спокойные дни. Арык поблизости тоже затопило водой, и образовался небольшой пруд, в котором все с удовольствием купались в перерывах между дежурствами. Там же несколько раз пытались глушить рыбу. Улова хватало на уху.

По нормальной, полноценной еде стосковались. Макароны и каша надоели. Иногда покупали или обменивали на крупу баранов. На шпроты в масле Виталий уже спокойно смотреть не мог. Ими объелся еще в первую командировку.

Друзья из внутренних войск, с которыми стояли на посту, приехали в очередной раз в гости и привезли полный БТР арбузов.

С внутренними войсками ходили на зачистку Червленной-Узловой. На рассвете подняли омовцев по тревоге и бросили на зачистку. Удалось задержать троих. Один из боевиков был без руки.

Милиционеров и военных вместе с задержанными окружила плотная толпа местных женщин, чтобы отбить боевиков. Они накинулись на военных с таким неистовством, что солдаты вынуждены были стрелять в воздух.

Эти женщины приходили потом к командиру сводного отряда милиционеров с угрозами. Они обещали уйти из поселка и оставить своих мужчин разбираться с омовцами. Но командир никак не отреагировал на их слова, и местные сами не стали ничего предпринимать.

В конце лета группу омовцев сменили. А для Морозова на этом первая война закончилась.

Дома его встретили родители. Накрыли стол. Люди небогатые: отец — слесарь по ремонту электровозов на железной дороге, мать работает в комнате матери и ребенка на Ленинградском вокзале — они расстарались, достали все самое вкусное. Только недоумевали, почему Виталий упорно не ест шпроты в масле.

Однако недолго удалось спокойно пожить родителям, не тревожась за сына. Опять предстояли проводы и потом счастливые долгожданные встречи на вокзале под бравурные звуки оркестра.

Начался 1999 год...

* * *

Как и в первую войну, после командировки 1999 года Морозов отдохнул совсем недолго. В декабре вернулся домой, а в мае 2000 года снова уехал.

Лето 2000 года выдалось для омоновцев очень напряженным.

В Грозном был пост в пятиэтажном доме рядом с вокзалом. Охраняли Грозненский вокзал. Менялись каждые пять дней, приезжали группами по десять-двадцать человек.

Сначала отряд целиком хотели перебазировать в Грозный, но подходящего, неразбитого, здания не нашлось. Тогда и было принято решение выезжать на пост из Червленной-Узловой на бронепоезде. На пятом этаже дома рядом с вокзалом, видимо, совсем недавно еще находились военные. Лежали мешки с песком, и все было более-менее оборудовано.

Омоновцы, кроме вокзала в Грозном, охраняли мост через Терек, вокзал в Червленной-Узловой и выезжали в Гудермес на суточные дежурства на вокзале вместе с чеченскими спецназовцами.

На рассвете в Гудермесе они выходили проверять автомобильный мост — не поставлены ли боевиками за ночь фугасы.

В Червленной-Узловой омоновцев часто обстреливали из минометов. Мины падали метрах в тридцати от поста. От осколков милиционеров спасали только мешки с песком и окопы. Вместе с омоновцами стояли военные.

Морозов еще с 1996 года ездил в командировки с РПГ. Это оружие ему нравится. Из него выстрел — действительно весомый аргумент для боевиков. Ни с автоматом, ни с подствольником не сравнишь.

После этой командировки Морозов больше в Чечню

не ездил. А в 2003 году ОМОН на воздушном и водном транспорте вывели из Чечни.

О том, что хочется чего-нибудь новенького, он уже не говорит. Двух войн хватит для любого с лихвой...

Исцеление души

В коллективе, где работа связана с риском для жизни, с постоянным нервным напряжением, нужен психолог. Проблемы совместимости людей, их личные трудности, да и просто искренний разговор — все это в ведении психолога. Профессия психолога — смежная с профессией доктора. Только доктор лечит тело, а психолог занимается врачеванием души.

Работая в сплоченном тандеме, психолог отряда Петров и доктор Ульянова создают здоровый моральный и физический дух в ОМОНе.

Старший лейтенант милиции Сергей Петров — психолог ОМОНа на воздушном и водном транспорте. В отряде с 1998 года. Неоднократно выезжал вместе с отрядом в командировки в Чеченскую Республику. Награжден медалью «За ратную доблесть».

Рассказывает старший лейтенант милиции доктор Галина Викторовна Ульянова:

«До Сергея Петрова в отряде психологом была женщина, Ирина Муравьева. Психологи-мужчины — это в нынешнее время дефицит. И Сергей у нас нарасхват. Он не только с нашим отрядом ездил в командировки, но и от Управления на воздушном и водном транспорте.

Сергей безотказный человек. Надо в командировку — он поедет, даже если у самого дома какие-то сложности. Никогда не станет жаловаться. Как говорится, сапожник без сапог — свои проблемы отложит на потом и с головой окунется в чужие. Лишь бы помочь, разрешить, казалось бы, неразрешимый вопрос.

К нему идут с самыми разными проблемами — от квартирных вопросов до семейных конфликтов. А кто-то про-

сто хочет выговориться и пройти курс психологической релаксации.

Тут уж Сергею приходится совмещать профессию психолога со множеством других. Если потребуется, он становится социальным работником, дипломатом, педагогом и даже немного священником (купил ребятам крестики, освященные в храме) — Сергей готов на все, чтобы добиться цели и помочь нашим бойцам.

Он разыскивает благотворительные фонды, чтобы оказывать поддержку раненым сотрудникам, семье нашего бойца Игоря Романова, погибшего в Чечне еще в первую войну.

После длительных командировок во многих семьях омовцев начинались разлады. Бывали случаи, когда ко мне приходили ребята, огорченные, расстроенные, и категорически заявляли: «Все, развожусь!» Я спрашивала у них разрешения посвятить в их проблемы Сергея. Они не были против, потому что хорошо относятся к Сергею и доверяют ему.

В таких случаях наш психолог выезжает домой к бойцу. Ведет беседу, так сказать, с обеими противоборствующими сторонами и с детьми. О таких своих выездах «скорой психологической помощи» Сергей никому не рассказывает. Узнаешь о том, что все уладилось и развод отменяется, от самого бойца. У нас есть много семей, которые не развалились именно благодаря психологу.

К детям бойцов Сергей тоже выезжает. А дети всегда тонко чувствуют, добрый человек перед ними или нет. К Сергею они тянутся и общаются с ним с удовольствием.

Сергей постоянно совершенствуется, не останавливается, не довольствуется достигнутым. Сейчас он учится в институте повышения квалификации МВД в Домодедове на семинаре психологии руководителя.

Новых идей и планов у него всегда масса, причем это не пустые фантазии, а то, к чему он стремится и чего добивается, даже когда в это не верят другие.

Наконец Сергей оборудовал свой кабинет психологической разгрузки.

Помещений не хватало, и в кабинет психолога подсадили еще сотрудников. Как можно вести доверительную

беседу, если в кабинете еще несколько человек, невольных слушателей? Но в 2002 году командир дал добро на то, чтобы у психолога был отдельный кабинет.

Конечно, в идеале Сергей мечтает оборудовать кабинет так же, как сделаны кабинеты психологической релаксации в институте повышения квалификации. Мы учились там вместе с Сергеем на кафедре боевой и физической подготовки, где работает теперь наш бывший командир Игорь Лазаревич Бирагов. Сергей показывал мне эти кабинеты. Там и кресло с массажем, и искусственный фонтанчик, и музыкальный центр, и даже небольшая оранжерея. В такой обстановке даже самый замкнутый человек раскрепостится. Это все в помощь психологу и самим бойцам.

Ведь бодрящимся и никогда не унывающим парням, вернувшимся на “зимние квартиры” из очередной горячей точки, необходимо поправить пошатнувшееся от бессонных ночей, нерегулярного питания и изнурительных рейдов здоровье, подлечить расшалившиеся не в меру нервы.

Сергей начал работу по дежурным частям. Это отдельное подразделение в отряде, как бы государство в государстве. И дежурные должны особенно подходить друг к другу — по характеру и по энергетике.

Он разработал целую программу по дежурной части. Один из его выводов — дежурные и помощники дежурных в обязательном порядке должны ехать в санаторий с семьей. Именно так они смогут полноценно отдохнуть, и, таким образом, повысится их сосредоточенность и внимание во время дежурства.

В командировках Сергей обеспечил бойцов библиотекой и видеокассетами с хорошими отечественными фильмами. Однообразие командировочной жизни, отдых — пост — отдых — пост, действует угнетающе на любую психику.

Книги и фильмы — это отличная разгрузка. Честно сказать, я не ожидала, что ребята станут читать классику, но книги Толстого, Шолохова и других писателей прочли все. Библиотека там, в Чечне, собралась большая — с каждой группой Сергей отправлял коробки с книгами.

Помню, когда мы вместе приехали в командировку, стояла ужасная жара. В Москве тогда было около тридцати градусов, а в Чечне, как в раскаленной печи. Надо бы-

ло разгружать “Урал” с вещами. Сергей жару переносит не очень хорошо. Я начала его уговаривать: “Сергей, ты отдохни, ребята сами разгрузят”. Он просто обиделся: “Что же это?! — говорит. — Я буду отдыхать, а бойцы работать?” И наравне со всеми таскал ящики и сумки. Никаких жалоб. Только потом долго стоял под холодным душем, в себя прийти не мог...

И на посты Сергей ходил как рядовой боец. Во время командировок он тоже времени даром не терял. В командировке люди раскрываются больше — так на них действует экстремальная ситуация.

Сергей подбирал пары бойцов, которые наиболее совместимы, и рекомендовал им дежурить вместе. Он столько набрал живого, практического материала, что уже на диссертацию хватит. Но самое главное, он реально помогает людям.

Сергей тесно взаимодействует с нашей подшефной школой в Москве. С директором, которая тоже психолог по образованию, они разработали программы по занятиям с детьми. Подшефная школа уже много лет подряд летом разбивает лагерь у нас в отряде на берегу реки. Ребята сами несут службу в своем лагере, с удовольствием общаются с бойцами и Сергеем. Частенько и во время зимних каникул ребята приезжают к нам, живут в спортивном зале, занимаются спортом, военной подготовкой под руководством наших инструкторов».

В октябре 1988 года в подшефной школе омонцев № 1115 Юго-Западного административного округа Москвы был создан военно-патриотический клуб «Прорыв».

Основателем и руководителем клуба стал учитель истории и ОБЖ Павел Павлов. Московский ОМОН на воздушном и водном транспорте помогает клубу всем, чем может, летом организует лагерь. С ребятами занимаются инструкторы ОМОНа, учат обращению с оружием, стрельбе и другим военным премудростям. Многие из выпускников «Прорыва» учатся в Академии МВД и других военных вузах, работают в правоохранительных структурах, есть среди них сотрудники МЧС, ФПС, ФСБ, прокуратуры, таможни.

«Прорыв» стал первым победителем Всероссийских соревнований «Каскад-2001», прошедших под патронажем министра внутренних дел.

Вахта памяти. Именно так называется то святое дело, тот тяжкий труд, который возложили на себя учитель истории, его ученики и омовцы.

Что такое человеческая память? Нечто нематериальное, если это не мемуары, дневники и письма.

Большинство погибших в Великую Отечественную войну солдат и офицеров не вели дневников, многие не успели написать домой писем. Спустя шестьдесят лет после окончания той войны немного осталось и родственников бойцов, сложивших голову за Родину. Некому вспомнить павших?..

2.11.1941 г. Утро: немецкая артиллерия обстреляла тылы 258-го стрелкового полка (подполковника Суханова). Ответный огонь гаубичного дивизиона майора Б. С. Покрышкина по Михайловскому. Бомбежки «юнкеров» и «мессеров». (Из формуляра боевых действий 78-й стрелковой дивизии в районе Рузы...)

Маленькие подмосковные села, незатейливые названия — Барынино, Петряиха, Анино, Покровское, Онуфриево, Раново, Иглово, Ванюхино... Окрестности этих деревенок были усыпаны телами погибших советских солдат. За каждое Барынино и Ванюхино, о которых отродясь ничего не слышали украинец, белорус, казах, дагестанец. Они сражались до последнего, бились за каждый дом и палисадник...

5.11.1941 г. Дорога Руза — Новопетровское перерезана. 1-й батальон под командованием И. Н. Романова отбросил в штыковом бою противника на западную окраину Михайловского. К вечеру бой в Михайловском принял очаговый характер. Растут потери...

Кого-то пуля настигла в окопчике, кого-то достал осколок в овраге, кого-то засыпало в блиндаже. То отступали, то атаквали — времени на передышку и похороны погибших боевых товарищей не оставалось. Погибали десятками, сотнями. Иногда некому было хоронить. Осыпалась земля от новых взрывов, скрывая тела. А потом время сделало свое дело: затянуло землей и травой осыпавшиеся траншеи и блиндажи с погребенными, казалось, теперь уже навсегда безымянными героями.

6.11.1941 г. Оборвалась связь со 2-м батальоном капитана П. В. Борисова. По ложине к Озерне уходят взвод конной разведки и противотанковая батарея. Атака немцев отбита... Ночь: 60-й разведывательный батальон — разведка легких танков-амфибий в районе сел Покровское, Петряиха и Барынино...

Спустя десятки лет в этих перелесках и на полях каждую весну встает лагерь военно-патриотический клуб «Прорыв». Мальчишки и девчонки, школьники с седьмого по одиннадцатый класс. Они одеты в камуфлированную форму со знаками различия — от курсанта до сержанта, командира взвода, одиннадцатиклассника Алексея Кузнецова.

Ребята встают рано утром и с металлоискателем и лопатами углубляются в лес. Майский лес, сырой и влажный, в тени кое-где еще лежит снег. Места поиска определяют по архивным данным, которые в течение года добывает руководитель клуба учитель истории Павел Павлов.

17.11.1941 г. 9.30: Залп по Михайловскому, атака от Озерны 7-й роты 258-го стрелкового полка. К исходу дня овладели северной окраиной Михайловского.

Стоя по колено в воде в траншеях и осыпавшихся блиндажах, ребята проводят раскопки. И если кто-то находит забелевшую в земле косточку, место оцепляют и буквально каждую горсть земли бережно просеивают. Целый день может уйти на то, чтобы поднять на поверхность останки одного погибшего воина. Особенно тщательно ищут жетон, по которому можно определить имя бойца. Но такие находки крайне редки.

Больше всех с жетонами везет Виталию Семину, бывшему ученику школы № 1115, члену клуба «Прорыв», которого за удачливость ласково прозвали Сема Лопата. Он обнаружил останки почти трех тысяч погибших солдат, около ста из которых — с жетонами. Еще школьником Семин был награжден медалью «850 лет Москвы» и знаком «За отличный поиск». Окончив школу, Виталий служил в десантном полку, потом поступил на работу в ОМОН на воздушном и водном транспорте. Но и сейчас все свободное время проводит вместе с ребятами из «Прорыва» в подмосковных лесах.

18.11.1941 г. Во второй половине дня обстановка осложнилась. Отходит сосед справа. 40-й стрелковый полк

несет потери в Михайловском, 131-й стрелковый полк ведет тяжелый бой за Барынино и Ванюхино. Немецкие танки сосредоточились на флангах...

В очередную свою Вахту памяти ребята нашли останки пятидесяти трех погибших бойцов. Двенадцать из них, видимо, были артиллеристами. Рядом с ними откопали оружие и зарядный ящик, который клуб собирается передать в музей на Поклонной горе. Останки двух бойцов обнаружили прямо около лагеря.

19.11.1941 г. У совхоза «Бороденки» погибла 1-я батарея 159-го артиллерийского полка. К вечеру с трудом прорыв ликвидирован. В Бороденках могила артиллеристов...

В мае ребята делают временное захоронение, а 22 июня устраиваются настоящие похороны. Неопознанных солдат, без жетонов, хоронят в братских могилах и на территориях церквей. Тех, кого удалось опознать, хоронят отдельно. Так похоронили красноармейца В. П. Ковшова и еще около сотни погибших бойцов.

Трудно находить родственников погибших солдат. Кого-то уже нет в живых, кто-то теперь живет в другом государстве, а иногда поиску препятствуют нерадивые чиновники. Неоднократно клуб посылал запросы в Хабаровскую область, но ответа так и не получил. А может, родственники погибшего солдата из Хабаровской области живы и до сих пор думают, что их отец, дед или прадед сдался в плен. На это же надеялась женщина из Подмосковья, дочь солдата, которого нашли под Можайском. У нее и матери отобрали дом и корову, когда узнали, что солдат пропал без вести. Как плакала женщина, когда приехала хоронить своего отца, который погиб, сражаясь за Москву! Как благодарила она ребят за их работу, за их уважение к памяти павших!

20.11.1941 г. Утром противник обошел левый фланг на 9—12 километров. Бои в окружении. Танки атакуют Сафонику. Атака отбита. Получен приказ отойти на новый рубеж. Части отводятся к Онуфриево, занимают оборону. Во время отхода на восток в районе Петрово немцы отрезали 2-й стрелковый батальон 131-го стрелкового полка и батарею. Встречный бой, вышли из окружения...

На похоронах всегда служит панихиду отец Владимир из храма Святых Бориса и Глеба. Этому храму в Зюзине

клуб помогает в проведении реставрационных работ, благоустройстве территории. Вместе с сотрудниками ОМОНа ребята охраняют общественный порядок во время церковных праздников.

Каждый год в конце июля — начале августа ребята во второй раз в году на несколько дней выезжают в Подмоскowie. Копать не удается — слишком высокая трава. Но ребята проводят разведку для будущего майского выезда, беседуют с местными жителями.

Мало остается очевидцев тех страшных и героических событий. Время не остановишь, не замедлишь его стремительный бег. Но сквозь его толщу прорываются к нам сухие строчки архивных документов: «У Бороденок погибла 1-я батарея 159-го артиллерийского полка...» А за ними — судьбы чьих-то мужей, отцов, дедов...

Ребята из военно-патриотического клуба «Прорыв» приходится правнуками советским воинам, павшим в сражениях за Москву. Вот уже пятнадцать лет вместе со своими старшими товарищами, бойцами ОМОНа, они продолжают нести свою Вахту памяти. Ведь война не кончится, пока не будет захоронен последний ее солдат.

Алые лепестки шиповника

Новый год. Дети уже спали.

За окном заснеженное Пушкино освещали взрывающиеся петарды. Красные, зеленые, желтые. Они напоминали сигнальные ракеты. Сколько раз Олег видел их там, в Чечне. Теперь вот в мирном городе.

Ракеты летят в черное небо и медленно, оставляя дымный след, падают в снег. Это не сигнал к наступлению, просто люди радуются, пьют шампанское, поют песни и ждут счастья в новом году.

Олег и Светлана на своей кухне тоже поднимали тост за счастье.

В доме напротив почти везде или горел свет, или в сумраке чужих комнат мигали разноцветные огоньки елок, отражаясь блеском в мишуре и стеклянных зайчиках, шариках и шишках.

— Нам с тобой не привыкать к такой работе. Да? На гражданку я еще не хочу. Послужу, — говорил Олег.

— А может, все-таки уедем в Новосибирск? Домой. Эту квартиру продадим. Там трехкомнатную купить можно, — предложила Света.

— Ну и что там? Работу, конечно, можно найти, но... Тут мы почти десять лет прожили. Привыкли. Уезжать жалко: друзья и работа у меня и у тебя.

— И кем ты в СОБРе будешь?

— Офицером, — улыбнулся Олег.

...Познакомились Света и Олег в Новосибирске. Она — студентка медицинского института, он — курсант военного училища. За подругой Светы ухаживал сокурсник Олега. У него в гостях они и познакомились.

Заснеженный Новосибирск, сугробы на набережной Оби, ранние вечера, тусклые оранжевые фонари, вокруг которых кружатся снежинки, тонкие густо-черные на белом фоне стволы и ветви деревьев.

Долгие прогулки. Тихие разговоры. Одинокие прохождение.

Как-то так вышло, что большинство удач и счастливых дней пришлось в жизни Олега на осень. В ноябре восьмьдесят девятого года Света и Олег поженились. В октябре девяносто второго родился первенец, Гриша, через два года, в ноябре, появился Виталик. Еще через два года октябрь ознаменовался для Олега Казакова наградой — орденом Мужества.

После окончания училища и распределения Олега в софринскую бригаду Казаковы уехали из Новосибирска в поселок Софрино под Москвой. Светлана доучивалась уже в столице.

Ее подруга и товарищ Олега тоже поженились и тоже оказались в софринском офицерском общежитии. Дружили семьями. У друга контракт закончился, и он оставил службу. Олег на гражданку не ушел...

Новый год наступил.

Ждали. Все ждали, когда закончится девяносто девятый с его взорванными домами и погибшими под их обломками детьми и женщинами, с убитыми в очередной чеченской войне.

Перемены... В какую сторону все переменится? Чем больше надеешься на хорошее, тем острее сомнения в душе. Столько горя! С каждым годом катастрофы всё страшнее, гибнут люди. Молодые.

. . .

Ну, вот и приехали!

Который раз командировка.

Позади остались долгое оформление документов и стажировка при поступлении в СОБР. Олега угнетало, что он почти без дела. Человек живой, подвижный, безотказный, не мог он так. Поэтому и рвался в командировку.

Приехал как раз на смену Виктору Матвееву. Именно благодаря ему Олег и оказался в СОБРе, у Виктора в подчинении. Дружили они с ним давно. Познакомились, когда Олег еще служил в софринской бригаде. Тогда командиром бригады был генерал-майор Сергей Павлович Савельев. Он лично рекомендовал Казакова Виктору, когда были совместные учения с СОБРОм. Поработали вместе, присмотрелись друг к другу.

У Олега закончился контракт, и после недолгих раздумий у него возникло решение идти служить в СОБР. Посоветовавшись с Виктором, он так и поступил. Подразделение нуждалось в хороших специалистах. У Олега — краповый берет, большой опыт работы в разведке (в софринской бригаде был командиром разведроты), частые служебные командировки в горячие точки.

В училище и на службе Олег еще застал офицеров старой закалки. Читал книги, которые раньше справедливо ценились. О патриотизме, героях, Великой Отечественной войне. Смотрел фильмы о добрых и смелых людях. И успел понять для себя самое важное и нужное. А ведь моральные принципы для офицера не менее важны, чем боевой опыт.

В Москве Олег сдружился с новыми сослуживцами. Его доброжелательность и общительность притягивали. Никакой фальши и панибратства. Он такой же офицер и хлебнул войны не меньше, чем другие.

Конец апреля. В Пушкино еще только недавно стал снег, а в Грозном деревья уже были зелеными. Истерзанные, расстрелянные деревья, во многих из которых засели осколки и пули. Но деревья цвели каждую весну.

Одни благословляли их цветение, другие — проклинали. А деревья цвели. Жизнь продолжалась. И пусть раны глубокие, пусть больно, но они цвели. Входили семена в изъезженной бэтэрами земле, политой кровью многих людей. Так создана природа. Жить, преодолевая горе и боль, какими бы сильными они ни были. Жить, чтобы бросить живые семена в измученную войной почву, мечтая, что молодые вырастут и не увидят войны. Не увидят взрывов. Не услышат свиста пуль, криков отчаяния и ужаса. Не почувствуют жара от осколков...

Эта командировка Олега пришлась на весну—лето. Жара, пыль, духота. Камуфляжи хоть палкой выбивай, и то вьезшуюся в них пыль не выколотишь.

Зимой в Чечне грязь непролазная и холодно, а весной, осенью и летом жарко. Погоду ругают всегда, а в командировках вдали от дома особенно — или по колону в вязкой грязи, или в глазах темно от пыли и жары. К тому же деревья покрываются листьями, и боевики растворяются в «зеленке».

Виктор сориентировал Олега в обстановке в Грозном и добавил с улыбкой:

— По соседству с нами твоя родная софринская бригада. Личные связи, личное доверие — это большой плюс во взаимодействии. Ну, не мне тебя учить. — Виктор посмотрел на друга озабоченно.

За Олега он чувствовал личную ответственность. Не только как его командир, а в большей степени как друг, который хорошо знает его семью — жену и сыновей, ждущих Олега в Пушкино.

А Светлана начинала ждать Олега, как только он выходил за порог дома. У всех офицерских жен такая нелегкая обязанность — ждать дни и месяцы. Все часы и дни сливаются в годы. Годы разлук с любимым человеком.

Старший сын в школе, младший в садике. Светлана на работе. А мысли об Олеге. Тревога и ожидание писем и вестей.

Виктор вернулся в Москву и время от времени звонил Светлане, когда были новости или что-то надо было передать Олегу из вещей.

Сыновья вроде тоже привыкли, что папа часто уезжает. Но все равно спрашивали, когда же он приедет. С ним ведь так интересно и весело.

Перед отъездом в командировку, несмотря на подготовку и суету, он старался побольше бывать дома. Ведь разлука предстояла долгой.

...Большой букет из веточек вербы. В тепле кухни почки треснули, и из их коричневого жесткого панциря высунулись желто-серые пушистые шарики.

Забравшись коленями на стул, Виталик, младший сын, нюхал веточки вербы. Кончик носа у мальчика покрылся желтой пылью.

Олег схватил сына под мышки, закружил по кухне, прижавшись щекой к Виталькиной нежно-розовой щечке. Кожа у ребенка мягкая, бархатистая, как пушистая верба.

Гриша, старший, обнял отца за пояс и кружился вместе с ним, задрал голову и глядя в смеющееся лицо Олега.

Вербу Олег нарезал десантным ножом за городом. Там, где база СОБРа.

Везде снег. И за городом, и в городе, а у них на кухне весна в синей вазе. Желто-серая весна, пахнувшая чуть горьковато и терпко.

— Гришунь, Виталь, пошли в шашки играть.

Квартира однокомнатная. Олег получил эту квартиру благодаря командиру софринской бригады. Генерал-майор Савельев заботился о своих офицерах. Их интересы для него были важнее всего. Редкое, дорогое качество для командира и генерала.

. . .

Свободного времени у Олега и дома было мало, а на войне и подавно. Недосыпал. И хотя был вынослив, очень уставал, как и другие.

Олега по приезде в Чечню с его опытом командировок, опытом разведчика включили в состав рабочей группы штаба отряда. Он участвовал в разработке спецопераций.

Из наградного листа:

«Капитан милиции Казаков участвовал в планировании и проведении более тридцати пяти специальных операций и оперативно-розыскных мероприятий на территории г. Грозный в зоне ответственности отряда.

19 мая 2000 г. во главе штурмовой группы Казаков участвовал в разблокировании КПП № 33 при попытке захвата его группой местных жителей. Грамотными и решительными действиями обеспечил выход и развертывание личного состава на позиции. После этого, несмотря на опасность, проявил высокое присутствие духа, вступил в переговоры, четко, грамотно и убедительно разъяснил правильную правовую позицию местным жителям, которые требовали освобождения без проверки ранее задержанных граждан по подозрению в совершении преступлений. Благодаря проявленной им высокой стойкости и выдержке, высокому профессиональному мастерству, не произошло боевого столкновения, в результате никто не пострадал и вопрос был решен в установленном законом порядке.

При непосредственном участии капитана милиции Казакова О. Г. на территории Октябрьского и Заводского районов г. Грозный было проведено свыше двадцати спецопераций и оперативно-розыскных мероприятий, в результате которых было уничтожено шесть подпольных мини-заводов по производству нефтепродуктов, задержано свыше десяти граждан за незаконное хранение огнестрельного оружия, выявлены и задержаны более десяти участников незаконных вооруженных формирований, уничтожено два склада боеприпасов и оружия боевиков, ликвидировано более пяти снайперских позиций. Выявлены три автомашины, находящиеся в угоне, изъято шестнадцать единиц нарезного огнестрельного оружия и три тысячи боеприпасов, в пятнадцати случаях обнаруживали и унич-

тожжали разнообразные взрывоопасные предметы. Разминировано семнадцать зданий и объектов, в том числе две школы, больница и три детских сада».

А день 4 июля выдался спокойным.

Вечером к собровцам заглянули знакомые из московского ОМОНа. Кого-то из них Олег знал, но в основном это были визуальные знакомства.

Полное людей и сигаретного дыма темноватое помещение. Качающийся на неустойчивых ножках крашенный кухонный стол (еще предыдущая группа его где-то раздобыла). Стол застелен «Ставропольским вестником». Водка по кружкам с отбитой по краям эмалью. Консервные банки. Вдоль стен железные двухъярусные койки.

Рядом с Олегом на койке сидел рыжеватый, веснучатый омовец. Он пригнулся, чтобы не упираться головой в верхнюю койку. Поглядывал на Казакова и улыбался. Он, кажется, был настроен поговорить.

От усталости и измотанности Олега тоже тянуло на разговор. Прошедшие два месяца командировки давали себя знать. Напряжение, невыносимое напряжение. Его хотелось разрядить разговором о родных людях, о бытовых мелочах.

Игорь, так звали омовца, был моложе Олега и больше слушал, чем говорил.

— Так ты майор или капитан? — не понял Игорь.

— В апреле приказ пришел на майора, а сюда еще капитаном поехал. Двенадцатого апреля как раз день рождения был. Звание вроде как к рождению, — улыбнулся Олег.

— И сколько стукнуло?

— Тридцать один. Четвертый десяток пошел. Не так уж много, а целая жизнь. Столько всего было. Столько успел. И жена есть, и свой дом, и двое сыновей. Все сделал. Теперь только осталось жизнью наслаждаться.

— А дерево? — лукаво посмотрел Игорь на Олега.

— Что дерево?

— Дерево посадил? Ну, говорят же: построить дом, родить сына...

— А, ну да. И деревья сажал, в училище. Елочки.

— Ты какое заканчивал?

— Новосибирское.

— Так ты из Новосибирска? — чему-то удивился Игорь.

— Нет. Из Тогучина. Это Новосибирская область.

— Да знаю я, знаю. Мы с тобой земляки. Я из Бердска. У вас река Иня, а у нас Бердь. Знаешь?

— Конечно. Вот тебе и раз! Куда нас занесло. А у меня в Тогучине мать и сестренка, Лариса. На пять лет меня младше, — заулыбался Олег.

— У меня тоже в Бердске вся родня. И батя, и мать. А ты давно оттуда?

— Да уж десять лет, как училище закончил. В софринской бригаде служил. Я в девяностом закончил. Мать все боялась, пока я учился, что в Афганистан пошлют. — Олег снова улыбнулся, вспомнив мать.

Улыбка у него скромная и добрая. Редко такую искреннюю чистую улыбку увидишь.

— Афганистан! — усмехнулся Игорь. — Сколько еще всего было. Карабах, Абхазия, Приднестровье, Чечня.

— Да, — кивнул Олег.

Их негромкие голоса периодически перекрывали смех и возгласы сидевших за столом бойцов.

— Кто-то говорил, что к герою тебя представляли.

Олег с недоумением поглядел на Игоря. Выходит, не так уж они и не знакомы. Слухи, особенно в замкнутых коллективах, — сильная вещь.

— Орден Мужества я получил, — пожал плечами Олег. — В девяносто шестом.

— А где ты в девяносто шестом был?

— В девяносто пятом, — поправил Олег. — Около Бамута, — он замолчал.

Олег не любил рассказывать про свои бои. И вспоминать было тяжело, и вроде как бахвальство.

• • •

Из наградного листа:

«С 7 по 8 апреля Казаков участвовал в штурме Самашек. 14—18 апреля 1995 года при проведении специальной операции в районе н. п. Бамут Чеченской Республики Казаков попал со своим подразделением в окружение и, ведя неравный бой с превосходящими силами против-

ника, израсходовав почти весь боекомплект, неся потери, вызвал огонь минометной батареи на себя. Мобилизовав личный состав, капитан милиции Казаков прорвался через боевые порядки боевиков, вынес с собой убитых и раненых. Огнем минометной батареи банда боевиков была практически уничтожена».

...Тогда, в девяносто пятом, тоже была весна и тоже была война.

Олег со своим подразделением попал в окружение в районе Бамута.

Все войны нелепы сами по себе, и та — не исключение. То, как ее освещали в прессе, позор для журналистов. Правдивые статьи были редкостью.

А военные делали невозможное. Не хватало боеприпасов, продовольствия...

Листопад. Весенний листопад из зеленых молодых листьев, сбитых пулями и осколками.

Боекомплект израсходовали. Сергей, прапорщик, за лямки бронезиления отгаскивал в укрытие раненого бойца. Тот матерился от боли и беспомощности и пытался помочь, упираясь руками в землю. Ноги волочились, перебитые осколками и окровавленные.

«Сфера» с головы Сергея слетела и покатила по земле. Удар пули она приняла на себя, но Олег видел, что затылок у прапорщика разбит и по шее стекает кровь. Сергей только пригнулся ниже, но продолжал тянуть раненого в сторону полуразрушенной кирпичной кладки стены старого дома.

Там уже были еще трое раненых и убитые. Один — прапорщик Дмитриев, он и двух месяцев не успел прослужить в бригаде. Кто второй, Олег не видел, видел только его ботинки. Подошвы с налипшими на них грязью и соломинками. Ботинки были неподвижны. По этим ботинкам Казаков и догадался, что боец мертв.

Прапорщик добрался до стены и глянул на Олега. Взгляд отчаянный и решительный. Что бы ни было, драться до конца. Придет помощь или не придет, удастся вырваться из кольца или нет. Патронов мало. Главное, чтобы граната при себе осталась. Если что. Только не плен.

Наша минометная батарея стрелять не могла. Боевики слишком близко подобрались к окруженным бойцам.

Казачков решал, что делать в этой, безвыходной, казалось бы, ситуации. И решил.

Он вызвал огонь на себя.

Под огнем с остатками боеприпасов, с ранеными и убитыми на плечах им удалось прорваться через окружение.

Наши артиллеристы накрыли бандитов и уничтожили.

Он спас всех, и убитых братишек не бросили...

• • •

Из наградного листа:

«26 мая 2000 г. во главе группы захвата капитан милиции Казаков О. Г. задержал одного из руководителей незаконного вооруженного формирования в зоне ответственности отряда. Действовал смело и бесстрашно, несмотря на провокации со стороны неустановленных граждан, позволив тем самым провести спецоперацию четко и без осложнений.

При активном участии Казакова были усовершенствованы и созданы новые позиции в месте дислокации отряда. Подразделение СОБРа вступало в боевые столкновения с незаконными вооруженными формированиями 25 раз, пункт временной дислокации подразделения и закрепленный за СОБРОм КПП-33 подвергались обстрелу 23 раза. В результате боевых столкновений уничтожено до 20 боевиков».

У Олега еще свежо было в памяти то, что произошло месяц назад.

Ночью с двадцать восьмого на двадцать девятое мая боевики напали на отряд собровцев.

В темноте такие вылазки им удавались. Неожиданность и темнота — хорошие козыри. Но и собровцы это знали. Врасплох их сложно было застать.

И завертелось.

Дорога и раздолбанные стены зданий осветились как на центральном проспекте Москвы. Красные трассы пуль, огненные шары из гранатометов и вспышки

взрывов. Три часа длился бой, бесконечный и одновременно короткий, стремительный.

Олег передвигался с места на место, стреляя короткими очередями. Менял позиции, а там, где только что стоял, земля пылью разлеталась от пуль. Чуть замешкаешься, и сам превратишься в пыль.

Он заметил боевика, который изготавился вести огонь из «Шмеля». Надо было менять позицию, Олег уже засветился, стреляя из этой точки. Но еще секунда, и «Шмель» выстрелит, выстрелит по нашим. Олег, не меняя позиции, уничтожил его.

На этот раз пронесло. Пули зацокали по стене, за которой успел скрыться Олег. От кирпичной кладки откалывались целые куски и сыпалась рыжая пыль. В свете взрывов она словно светилась.

А за два дня до этого ночного нападения Олег с группой собровцев зачищал населенный пункт Алды.

Он сам обнаружил заминированный боевиками дзот и дал команду отойти на безопасное расстояние. Олег обезвредил четыре восьмидесятидвухмиллиметровые мины, из которых состояло взрывное устройство. Выдержки и умения хватило.

К опасности сложно привыкнуть, но со временем появляется опыт, притупляется страх. Терять чувство опасности нельзя, но именно это случается с опытными военными. Чаще погибают или совсем необстрелянные, «зеленые», солдатики, или бойцы с большим опытом.

• • •

Олег сидел, прислонившись к стене и подложив под спину одеяло. Он выглядел задумчивым, молча крутил в руках пустую зеленую кружку.

— Что-то «духи» сегодня тихие. Наверное, западню нам хотят устроить, — сказал Игорь.

— С них станется, — откликнулся Олег.

Из-за постоянных нападений боевиков собровцы и в своем расположении должны были быть все время настороже.

— Чего-то меня сегодня на воспоминания тянет, — тряхнул головой Олег.

— Это потому что затишье. У меня тоже в голове всякие мысли кружатся. А расслабляться вообще-то не стоит. — Игорь потянулся так, что в плечах у него захрустело.

— Игорь, а ты женат?

— Не, не успел еще. А ты не рано?

— Да нет. Света у меня — таких поискать надо. Упустил бы ее тогда в Новосибирске, не простил бы себе.

Он показал Игорю фотографию Светы и детей.

— Симпатичная, — посерьезнел Игорь. — Вид интеллигентный.

— Она доктор. — Олег аккуратно убрал карточку в карман. — А я вот все жалею, что Грише, это мой старший, велосипед не купил. Обещал, а чего-то замотался и не купил. Сейчас, летом, только и кататься. Гришка у меня первый класс уже закончил. Мы с женой на первое сентября его в школу провожали. Он в костюмчике такой серьезный был... Но ничего, приеду, на день рождения подарю.

— Ты когда домой?

— Примерно через месяц. Что-то я по своим в этот раз особенно соскучился. Такая тоска. Знаешь, я больше половины жизни прожил в общежитии, служебной квартире и вот в таких, — Олег обвел рукой комнату, — полевых условиях. Хотел стать военным. Знал, что тяжело придется, и все равно в училище пошел. Контракт полгода назад закончился. Мог, конечно, уйти, но сейчас здесь. Для меня немыслимо, чтобы ребята были тут, а я дома.

• • •

5 июля 2000 года.

Жаркий летний день, как и многие дни кавказского лета. Пыль, сухие потрескавшиеся губы, рука то и дело тянется к фляжке с водой. Хочется пить. Хочется прохлады. Хочется домой.

Олег отправился в соседний, третий батальон софринской бригады, где он сам служил еще полгода назад. Надо было согласовать действия для проведения спецоперации. После организации взаимодействия соборвцы возвращались в свой ПВД.

Двигались на БТР и БМП-2. Хотелось вернуться до комендантского часа.

Казаков был на броне бээмпэшки. Сам вызвался быть наблюдателем.

Разрушенные здания промышленной зоны — опасное место. В этих развалинах могли прятаться боевики.

Дымный воздух — за городом что-то горело. К дыму примешивались выхлопы бронетехники, сквозь этот смог пробивался едва ощутимый аромат уцелевших кустов шиповника на обочине. Листва пыльная, а цветки яркие, бордовые, с лохмато-желтыми сердцевинками.

Сейчас бы в заснеженный лес, где кедры в небо кронами. Пыль, но не душная, знойная пыль дорог, а снежная, морозная, от которой только дышится легче...

Олег всматривался в развалины. От них уже падали серые тени, напоминавшие тени боевиков. Как будто смотрят из темноты, держат бойцов на мушке.

Вечер близится, а душно. Жар в воздухе нагревает броню и металл автомата. Олег провел ладонью по лбу и коротким волосам, в которых поблескивали капельки пота...

А через секунду Олег открыл огонь по боевикам. Он заметил их первым. Если бы чуть замешкался, бандиты начали бы стрелять. Если бы Олег замешкался...

Из наградного листа:

«Увидев боевиков с гранатометами и стрелковым оружием, Казаков О. Г. во имя спасения жизней своих товарищей пренебрег смертельной опасностью для своей жизни, принял самое целесообразное решение в данной ситуации, первым вступил в бой, дав возможность личному составу группы развернуться в боевой порядок и отразить нападение. Своими героическими действиями, опередив боевиков на секунды, сорвал внезапное нападение, весь огонь из их гранатометов и автоматов вызвал на себя».

Во время боя Олег был смертельно ранен в голову.

Из наградного листа:

«Своей смертью он спас жизни своих товарищей и две единицы бронетехники от уничтожения. Благодаря мужеству и героизму, проявленными майором ми-

лиции Казаковым О. Г., бронегруппа маневрировала и подавила огонь боевиков».

Тот бой был коротким. Ранены еще два человека. Но потери бандитов оказались гораздо большими.

На дороге, в пыли, в следах от тяжелого БТР остались сбитые пулями алые лепестки цветков шиповника...

Из наградного листа:

«За самоотверженность, личное мужество и героизм, проявленные при исполнении служебного долга, в условиях, сопряженных с риском для жизни, и за значительный вклад в работу по борьбе с преступностью, обеспечению государственного суверенитета и территориальной целостности России в условиях контртеррористической операции в Чеченской Республике майор милиции Казаков Олег Геннадьевич, старший оперуполномоченный СОБРа РУБОП по Московской области при ГУБОПе МВД России, представляется к званию Героя России (посмертно)».

Звание Героя России Казаков так и не получил. Его жене Светлане Казаковой вручили орден Мужества, которым удостоили Олега посмертно.

• • •

Олега Казакова хоронили в родном Тогуцине. Из этого городка он уехал когда-то давно, в девяностом, и сюда вернулся в двухтысячном, чтобы остаться здесь навсегда в родной земле.

В тот день, когда Олег погиб, Виктор разговаривал со Светланой по телефону. Передавал привет. Из Чечни пришли хорошие новости. Все нормально. А через несколько часов пришла другая новость...

Виктор сам поехал к Свете сообщить о гибели Олега. А Светлана все никак не хотела в это верить...

Как в это поверить? Как тяжело осознавать, когда уходят родные, молодые, уходят лучшие.

На месте гибели Олега в Грозном друзья установили черный деревянный крест, на золотистой табличке надпись: «Майор милиции Казаков О. Г. Вечная память».

Вечная память. Она в сердцах его боевых друзей и близких, которые окружили семью Олега заботой и

вниманием. Она в похожести на отца сыновей Гриши и Виталика.

На день рождения Виктор привез Грише подарок от собровцев — велосипед.

— Это от папы, — решил Гриша, обрадовавшись. — Он обещал.

Света отвернулась к окну...

Они с Олегом стояли у этого окна, встречая Новый год, его последний год.

А в однокомнатной квартире Казаковых висит фотография Олега и такое ощущение, что он просто куда-то вышел и вот-вот вернется...

Когда вернусь...

*Ах, утону я в Западной Двине
Или погибну как-нибудь иначе.
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.
Они меня на кладбище снесут,
Простят долги и старые обиды.
Я отменяю воинский салют!
Не надо мне гражданской панихиды!
Я никогда не ездил на слоне,
Имел в любви большие неудачи.
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут...*

Г. Шпаликов

17 ноября 2001 года Президентом Российской Федерации был подписан Указ № 1331 о присвоении звания Героя России майору милиции Матвееву Виктору Владимировичу (посмертно).

Можно верить или не верить в приметы, но командировка не заладилась с самого начала. В январе 2001 года группа СОБРа РУБОП ехала на смену своим товарищам в Грозный. Майор милиции Виктор Матвеев был командиром отряда.

В Подмоскowie выпало так много снега, что его просто не успевали убирать. На одной из таких заснеженных дорог, по пути в Чкаловский, сломался автобус собровцев. Добравшись-таки до аэродрома, долго ждали борт. И уже в самой Чечне, когда наконец долетели, возникли проблемы с транспортом. Но в Грозный все-таки прибыли.

А в Грозном в это время не прекращались взрывы. Они, кажется, там никогда не кончатся... Боевики устанавливали фугасы и на дорогах, и на тропах, не щадя ни чужих, ни своих. Да и кто для бандитов свои...

4 февраля погиб капитан СОБРа Алексей Гуров. Он поехал на «Урале» забирать бойцов с блокпоста. Находился в кабине машины. До поста не доехали метров четыреста, когда взорвался фугас и подорванную машину стали обстреливать.

На выручку Гурову поспешил Виктор Матвеев во главе оперативной группы. Боевиков удалось частично уничтожить, частично рассеять, а вот Алексея...

Гибель товарища в самом начале командировки подействовала на всех удручающе. Но Матвеев держался. Он командир. Подбадривал подчиненных, а свои переживания держал в себе. Внешне такой же, как всегда, Виктор стал лишь больше курить... Да чаще обычного доставал фотографию сына. Подолгу смотрел на маленького Матвея Матвеева, будто боялся забыть родные черты... Слушал его голос, записанный на кассету.

«В этом году Матвей закончит первый класс, — думал Виктор. — Можно будет устроить праздник. Как тогда, как в сентябре...»

Тот день — 1 сентября 2000 года — был для Виктора праздничным вдвойне. Во-первых, его день рождения, и, во-вторых, сын Матвей шел в первый класс.

Накануне вечером, когда Матвей уже спал, Виктор сидел на кухне. Зажав в зубах дымящуюся сигарету, мастерил что-то из старых консервных банок. Потом надувал воздушные шарик и сам над собой посмеивался. Видели бы его сейчас друзья! Подумали бы, что майор в детство впал.

А утром от дома до школы он вез Матвея на машине,

украшенной пестрыми шариками и привязанными к заднему бамперу консервными банками. Стекла в машине опустил, музыку включил на полную громкость. Шедшие в школу ребята и их родители с любопытством оглядывались на чудную машину.

Виктор, всегда такой улыбчивый, в тот день смеялся и балагурил больше обычного. Ему очень хотелось, чтобы Матвею понравилось в школе, чтобы этот день запомнился на всю жизнь...

. . .

17 марта Матвеев с утра привычно глянул на календарь. До конца командировки оставалось около месяца.

«Продержаться бы, — с надеждой думал Виктор, — чтобы без потерь. Всех домой привезти».

Несколько дней назад соборвцы снова попали под пули бандитов. Везли на бээмпэшке документацию в мобильный отряд. Подъехали к мосту через Сунжу. Впереди притормозил заляпанный грязью автобус с местными жителями, в основном женщинами и детьми.

Сразу два радиоуправляемых фугаса взорвались рядом с автобусом. Может, что-то не рассчитали боевики, и взрыв был на самом деле нацелен на военных. После взрыва из высотных домов открылась стрельба и по взорванному автобусу, и по БМП соборвцев.

Из наградного листа:

«Майор милиции Матвеев В. В., правильно оценив обстановку, приказал механику-водителю БМП-2 выдвинуться к горящему автобусу и расположить БМП-2 со стороны ведения огня нападавших, тем самым приняв обстрел на себя и закрыв броней раненых женщин и детей. Не растерявшись в сложной ситуации, реально и быстро оценил обстановку, распределил сотрудников для ведения ответного огня по противнику. Личный состав открыл ответный огонь, подавляя огневые точки противника. После этого Матвеев В. В. приказал двум сотрудникам эвакуировать раненых из горящего автобуса в безопасное место, оказать им первую медицинскую помощь и вы-

звать подкрепление. Действуя смело и решительно, Матвеев В. В. под огнем противника, рискуя собственной жизнью, вынес из автобуса тяжелораненую пожилую женщину, находящуюся в шоковом состоянии. Благодаря грамотным и самоотверженным действиям майора милиции Матвеева В. В., были сохранены жизни мирных жителей г. Грозный и предотвращены потери среди личного состава».

17 марта нужно было отвезти смену бойцов на блокпост, потом ехать в мобильный отряд, в госпиталь и на запланированную спецоперацию.

По дороге в мобильный БТР Матвеева выехал на площадь и попал в перестрелку между боевиками и армейской колонной, поднимавшейся от «Романовского моста» (так называют в Грозном мост на площади Минутка, где в октябре 95-го был ранен генерал Романов). Матвеев принял решение поддержать своих огнем. Когда боевиков удалось подавить и колонна проехала, БТР продолжил путь.

После совещания Матвеев вышел на улицу. Через боковой люк он залез в темный отсек бронетранспортера.

— Ну-ка, освободи мое место, — тронул за плечо бойца.

Сел туда, где всегда сидел. Зажал коленями автомат. Гул мотора не давал говорить. Каждый думал о своем.

О чем думал Матвеев в те минуты? Может, о прошедшем совещании? Или о доме и Матвее? Сын сейчас сидит в школе за партой и слушает учительницу, а может, шалит и вертится...

Гулкий взрыв. Земля под колесами раскололась. Чтобы сильнее сдетонировало, бандиты установили фугас в канализационном колодце.

Огромный железный бронетранспортер согнуло пополам. Задняя его часть почти под прямым углом поднялась к небу. Раздались крики, стоны раненых. От взрыва в БТР начался пожар. Эвакуационные люки заклинило, с трудом открыли один.

Боевики стреляли, стараясь попасть в люк. Майор Матвеев находился рядом с этим люком. Тяжелораненый, он отстреливался, пока бойцы открывали другой люк и покидали горящий бронетранспортер. Конту-

женные, обожженные, раненые бойцы вытаскивали своих товарищей, тех, кто потерял сознание и не мог уже выбраться самостоятельно.

Из наградного листа:

«Благодаря мужественным действиям командира, майора милиции Матвеева Виктора Владимировича, получившего тяжелейшие ранения, не совместимые с жизнью, группа сумела покинуть горящий БТР-80 и затем вступила в бой».

Под прикрытием покоруженного бронетранспортера собровцы отстреливались.

Матвеева с трудом вытащили через люк. Помощь уже не требовалась...

Да, Виктор Матвеев сам выбрал службу в милиции. И не случайно. Что такое война, каково это, когда в тебя стреляют, он испытал солдатом. Закончив учебку ВДВ, попал в Афганистан.

Чужая страна. Раскаленные пески, зыбкое марево в воздухе. Белые дома, белые одежды местных. Кабул. Загады, перестрелки. Растерзанные трупы, стремительно разлагавшиеся под белым солнцем.

У Виктора в подчинении находились его же ровесники. Матвеев — командир отделения. Завоевать уважение ровесников — задача нелегкая, словами эту проблему не решить. Только личным примером...

И солдаты, и офицеры уважали Виктора за честность и храбрость. Рискаю жизнью, сам контуженный, он вытащил из горящего бронетранспортера раненого товарища.

Мать, Галина Ивановна, не получала долгое время от Виктора никаких писем и не знала, где он. Потом получила письмо. В конверте была только фотография сына. Само письмо изъял первый отдел. У знакомой Галины Ивановны сын отслужил. Увидев конверт и фотографию, женщина сказала, что Виктор в Афганистане.

Столько переживаний, и бесконечное ожидание. Не знала тогда Галина Ивановна, что так ждать и обмирать от каждого звонка ей придется всегда. Что сын предпочтет профессию милиционера другим профессиям.

Из Афганистана в родное подмосковное Пушкино Виктор вернулся загорелый, похудевший, с медалью на груди.

Война не отпускала долго. Гудела в контуженной голове, мелькала обрывками в снах.

Виктор много думал о том, как жить, что делать. Поступил на работу. Но все чаще вспоминался Афганистан. Воспоминания эти он держал в себе, рассказывать о войне не любил.

Спустя два года Матвеев окончательно понял, что его призвание — служба. И стал инспектором во 2-м дивизионе полка ДПС ГУВД Московской области.

В 1989 году, когда появился первый ОМОН, Виктор Матвеев написал рапорт и перешел в отряд. Виктор — кандидат в мастера спорта по дзюдо. Молодой, веселый, сильный, он тогда даже не подозревал, что в будущем — две чеченские войны, тяжелые потери друзей.

Виктор не знал, не представлял, что впереди тяжелые бои под Бамутом, в Ассиновской...

И конечно же не допускал мысли, что с ним что-то случится, что вторую медаль «За отвагу» он так и не дождется. Награду передадут его матери.

В январе 1993 года из двух взводов областного ОМОНа создали СОБР. Эти два взвода стали костяком подразделения. Из ОМОНа пришли Анатолий Рябинов, Эдуард Филиппов, Фарват Якупов (Герой России), Виктор Матвеев. Надежные, дружные, доверяющие друг другу абсолютно.

А вот личная жизнь Виктора не задалась. То ли женщины его не понимали, то ли он их. Сына он воспитывал сам. Об этом из сослуживцев знали только близкие друзья. Для всех остальных Виктор оставался веселым и беззаботным. Каждый день на работу приходил с новым анекдотом в запасе. Никому не показывал, что у него на душе, никого не озадачивал своими неприятностями или плохим настроением. Хотя проблем — море. Пожилые родители, сын...

Виктор Матвеев любил жизнь и людей, хотя не всегда умел выразить словами свои чувства. Он заменял слова маленькими, приятными для окружающих делами. Виктор покупал много разных безделушек, резино-

вых фигурок животных или гномов и дарил их всем, кто ему нравился. При этом Виктор загадочно шептал, что резинового зверька он достал по большому благу и что это самый настоящий эксклюзив. От его комментариев становилось веселее и теплее на душе.

Боевой опыт Матвеев набирал в постоянных командировках.

Одна из самых тяжелых — весной 1995-го. Горячая солнечная и страшная весна. По оперативным данным, за ту весну погибло пятьсот семнадцать человек, а число раненых перевалило за две тысячи. Одни и те же названия, мелькавшие в сводках, — Бамут, Шали, Гудермес, Ассиновская...

Сто отличных бойцов, среди которых были Эдуард и Виктор. К тому времени Виктор уже имел краповый берет. Их готовили к штурму бункера Дудаева под Бамутом. В Нальчике в боевой готовности они ждали приказа на штурм. Но приказа не последовало... В сентябре 1999 года Виктор стал командиром отделения. В следующем году Матвееву досрочно присвоили звание майора.

И — опять Грозный. Туда вводились дополнительные силы. Из подмосковного СОБРа вылетел отряд из шестидесяти человек.

Виктор в ту командировку поехал начальником штаба. Десять дней в Ленинском районе. Там, в бывшем школьном комплексе, обустроили ПВД. Потом СОБРу назначили зону ответственности в Октябрьском районе, где бойцы стали обустраивать под пункт временной дислокации здание бывшей больницы.

Тяжелые бои шли в районе площади Минутка и проспекта Ленина. Операции выматывали предельно. В этой командировке Матвеев сдружился с подполковником Александром Смирновым. Жили в одной комнате и много общались. Разговаривали о воспитании сыновей. У Александра сын и у Виктора. Только у Александра сын почти вдвое старше. Виктор говорил:

— Матвей у меня толковый. Разными вопросами засыпает. Голову сломаешь, пока придумаешь, как лучше ответить.

Однажды в одном из разговоров Виктор неожиданно сказал:

— Мне в сентябре тридцать семь. Возраст какой-то непонятный. Будто черта, рубеж. Вот переживу тридцать семь, дальше все будет нормально.

— Да чего ты? — удивился Александр. — Мне тоже тридцать семь. Я ничего такого не думаю.

Матвеев только плечами пожал.

. . .

Мы познакомились с майором Матвеевым в ноябре 2000 года, когда я писала очерк о его друге, майоре СОБРа Олеге Казакове, погибшем летом этого же года.

Виктор терзал себя и искал свою вину в гибели друга.

Мы проговорили два часа. Я вслушивалась в каждое слово. По тому, как хорошо, по-доброму и с какой болью он говорил об Олеге, я поняла, что Виктор человек необычный. Решила просить его согласия написать о нем. Что-то зацепило меня во взвешенных фразах Виктора, в глубине его переживаний из-за потери друга.

В двадцатых числах ноября Виктор собирался в Грозный. Забот очень много. Однако он постоянно звонил мне, дополнял рассказ о Казакове новыми деталями.

Но тут случилось несчастье. У Виктора умер отец. Умер за несколько дней до отъезда сына в Чечню.

Кладбище под Пушкином. Новая Деревня. Церковь. За ней асфальтовая дорога вдаль. Слева от дороги поле, справа лес, и в лесу само кладбище, оградки и кресты между деревьями.

В ноябре деревья оголились, только сосны вдоль дороги зеленели. Километра два от церкви. Уходящая в лес от дороги тропинка в осенних лужах. Достаточно большой участок за железной оградой. Венки, цветы...

. . .

Виктор даже в этой трагической ситуации нашел возможность встретиться. Я приехала на подмосковную базу СОБРа, и Виктор читал только что написанный очерк об Олеге Казакове. После суточной смены,

уставший, он терпеливо вчитывался в текст. Когда дочитал очерк до конца, я увидела слезы в его глазах...

Виктор всю жизнь стремился к тому, чтобы быть сильным и никогда не показывать свою слабость. Он и был сильным. Сильным и добрым. Он не разучился сострадать.

Смущаясь, поблагодарил меня за добрые слова о погибшем друге.

— Обо мне писать неинтересно, — ответил Виктор на мою просьбу написать о нем очерк.

Но от встречи не отказался. Пообещал:

— Когда вернусь из командировки, поговорим...

• • •

Виктор был уже два месяца в Чечне, когда заместитель командира СОБРа РУБОП предложил для следующего очерка кандидатуру майора Матвеева.

— Достоянная кандидатура. Вот вернется...

Ни у кого и мысли не возникало, что Матвеев может не вернуться. Да, там война и там убивают, но Виктор... с его опытом... Не зря говорят, что смерть выбирает лучших. Слишком горькая истина...

Он любил жизнь, души не чаял в своем Матвейке. Только думал и говорил о нем. Хотел создать хорошую семью, чтобы у Матвея была мать.

Многих, кто знал Виктора, не покидает ощущение, что он просто еще не вернулся из командировки. Скоро приедет. Всем подарит по милой безделушке, поиграет с Матвеем, придумает какую-нибудь штуку, чтобы всех удивить.

Галина Ивановна, мама Виктора, часто сидит у окна, смотрит во двор. И все ей кажется, что подкатит к подъезду сын на машине, выйдет, помашет ей рукой...

Майор Матвеев похоронен рядом с отцом в широкой оградке, где теперь тесно от цветов. В тени тихо шелестящих деревьев. Около солнечного поля с ромашками и клевером, где так сладко пахнут сосны на опушке...

Научиться дышать...

Старшина милиции ветеран-«афганец» Игорь Романов пришел в ОМОН на воздушном и водном транспорте в июне 1995 года. А 9 сентября в Чечне при охране железнодорожного моста через Терек он получил смертельное ранение — ночью боевики обстреляли пост омоновцев из автоматического оружия и подствольных гранатометов...

Лишь спустя восемь лет после гибели Игоря наградили посмертно орденом Мужества. 10 ноября 2003 года, в День российской милиции, орден был передан семье погибшего бойца.

Во время прохождения службы в армии Романов воевал в Афганистане. Был награжден медалями «70 лет Вооруженным Силам СССР», «От благодарного афганского народа» и «За отличие в воинской службе» II степени.

День для Оксаны начинался обычно. Она с первой электричкой ехала в финансовый техникум. Вряд ли можно было предположить, что в такой заурядный июньский день, когда солнце светит за пыльными стеклами электрички, когда с тобой рядом пассажиры с хмурыми, невыспавшимися лицами, — именно в такой день может решиться судьба.

С грохотом открылась дверь тамбура, и в вагон вошли трое молодых людей. Оксана подняла голову от конспектов и тут же снова в них уткнулась. Парни ей не понравились, такие могли начать приставать. Тем более они стали шумно обсуждать что-то, поглядывая на Оксану, и даже показывали в ее сторону пальцем.

Когда поезд подъехал к конечной — станции Звенигород, Оксана торопливо вышла и направилась к автобусной остановке. Вдруг кто-то подбежал сзади, схватил за локоть и развернул к себе.

— Пойдем в субботу на Москву-реку? — это был один из тех шумных парней в электричке.

Оксана растерялась. С ней так никто никогда не знакомился — на улице, да еще с такой настойчивостью.

Она с перепугу ответила согласием, чтобы только отвязаться.

На следующий день надо было снова ехать на занятия в техникум той же самой электричкой. Вдруг вечерашний парень опять зашел в тамбур, теперь без своих приятелей. Оксане стало не по себе. Она оглянулась на других пассажиров. Если что, хоть бы кто-нибудь помог...

Парень напрямиком направился к ней.

— Извини, что так получилось. Меня Игорь зовут. — Он простодушно улыбнулся. — Ты мне просто очень понравилась. Давай все-таки сходим в субботу на Москву-реку.

Почему Оксана согласилась? Что ее заставило даже прогулять занятия в техникуме, чтобы встретиться с ним снова? Наверное, ожидание волшебства, чуда, чего-то необычного.

На станции Звенигород Игорь ждал Оксану с кульком крупной-крупной клубники и литровой банкой яблочного сока. О желании пойти на Москву-реку как-то само собой забылось. Они сели на ближайшую скамейку и говорили, говорили...

С каждым его словом, с каждым его жестом Оксана все яснее понимала, что влюбилась.

Только по дороге домой она вспомнила о том, что уже помолвлена. Оксана осенью должна была выйти замуж за офицера, который недавно закончил училище и был распределен за границу. Как ему сказать? Как отреагируют родители? Ведь Игорь простой рабочий, деревенский парень...

21 октября 1989 года состоялась свадьба... с Игорем, несмотря на возражения родителей.

В 1990 году родился сын, Сергей, через год дочка, Катя. За месяц до рождения сына Игорь уволился с завода и пошел работать в милицию, во вневедомственную охрану. Взяли его туда без проблем, учитывая, что он служил в армии и был в Афганистане.

О том, что Игорь воевал, Оксана узнала случайно. Пришла знакомиться с его родителями к нему домой и увидела документы на столе. Стала расспрашивать...

Игорь почти ничего не рассказывал об Афганистане, не хотел тревожить. Говорил только, что служил в

Лашкаргахе, а когда возвращался домой, в поезде у него украли дембельский альбом, форму, удостоверения на награды. На память осталось только несколько черно-белых фотографий.

Оксана работала в налоговой инспекции. Игорь ушел из вневедомственной охраны и устроился в частное охранное предприятие. Оба зарабатывали хорошо. Дети росли.

Игорь с каждым днем открывался Оксане с новых сторон. До армии он успел закончить только техникум, другого образования у него не было. Но он очень много читал. Собрал дома большую библиотеку. Какая-то внутренняя интеллигентность, чувство собственного достоинства. Он даже одевался с особым лоском, шиком. Некоторые костюмы заказывал в ателье. Шутил:

— Я высокий, у меня нестандартная фигура.

После рождения Кати Оксана поправилась на несколько килограммов. Игорь с завидным упорством поднимал ее каждое утро на пробежку. Показывал приемы самообороны (очень волновался, если ей приходилось вечером возвращаться одной). Когда Оксана уставала от бега и останавливалась, держась за бок, Игорь терпеливо напоминал:

— Я же говорил, надо правильно дышать. Я хочу, чтобы ты научилась дышать, тогда все будет нормально.

...С необыкновенной теплотой он поддерживал соседку по дому, Наташу, у которой был маленький ребенок, которая осталась одна, без работы и без средств к существованию. Игорь с Оксаной помогали ей и продуктами, и деньгами.

Но больше всего Оксану удивило решение Игоря пойти работать в ОМОН. В конце апреля он огорошил Оксану этой новостью:

— Я ухожу из охранного агентства и устраиваюсь в ОМОН.

— Почему? Зачем такие перемены? Вроде все хорошо, — недоумевала Оксана.

— Ты знаешь, я чувствую, это мое. Мне надо там работать, — убежденно сказал Игорь.

Оксана задала чисто житейский вопрос:

— А сколько ты будешь зарабатывать?

— Пятьсот.

В охранном агентстве Игорь получал зарплату в долларах.

— Долларов? — уточнила Оксана.

— Рублей.

— Игорь! Как же мы будем жить на эти деньги?

— Деньги — это ерунда! Главное, чтобы работа приносила удовольствие. Мне там будет хорошо. На работу мне выходить в июне. А до этого мы съездим с тобой на юг. Отдохнем.

В середине мая Оксана с Игорем на две недели уехали на юг во Фрунзенское. Детей оставили с бабушкой. Потом Оксана пожалела, что не взяла их тогда с собой...

• • •

13 августа 1995 года Игорь уезжал в Чечню.

— Игорь, ну вдруг с тобой что-то случится? — растерянно повторяла Оксана.

— Ничего со мной не случится, я же служил в Афганистане. По сравнению с Афганистаном — это ерунда. Я вернусь обязательно.

Он был так уверен, что уверенность передавалась и Оксане. Но хватало ее ненадолго. Хоть и не верила она в предчувствия, однако на душе было тревожно. Перед самым его отъездом Оксана сказала:

— Я все-таки тебя не отпущу. Поеду в отряд, скажу, что у тебя двое маленьких детей, и тебя не отправят.

— Ладно, — как-то сразу согласился Игорь. — Мне надо к маме съездить. Давно у нее не был.

Оксана заметила, что он собрал большую сумку.

— Зачем это? — насторожилась она.

— Да тут я кое-какие старые вещи собрал. Мама хотела соседям отдать.

Игорь очень хорошо относился к матери. Трогательно, трепетно-нежно. Когда Игорь познакомился с Оксаной, он всегда в разговоре упоминал какую-то Наташку. Оксана думала, что это его сестра. Так и сказала своим родителям, что у Игоря есть сестра — Наташа. Но когда Игорь повез знакомить Оксану со своими роди-

телями и когда его мать вышла во двор навстречу, он обнял ее, закружил:

— Это моя Наташка.

Он сам покупал ей вещи — красивые кофты, новые сапоги. Его заботило все, что касалось матери. Поэтому Оксана не удивилась, что Игорь едет к Наталье Федоровне, да еще с такой сумкой.

Игорь позвонил Оксане за пятнадцать минут до отхода поезда. Она уже не успевала приехать.

— Сейчас отходит поезд. Так будет лучше, — сказал он.

— Игорь, так же не делается! Я тебя даже не поцеловала на прощание.

— Не волнуйся. Все будет в порядке. Я приеду на место и еще раз позвоню. Вообще, постараюсь звонить как можно чаще.

Он сдержал свое слово. Звонил каждую неделю. Успокаивал, говорил, что купаются, отдыхают в перерывах между дежурствами. Все спокойно, нормально.

В очередной раз Игорь позвонил в сентябре. А через четыре дня после его звонка Оксана не могла заснуть ночью. Места себе не находила. Выходила на балкон, курила, но беспокойство так и не прошло.

А на следующий день раздался звонок в дверь. Оксана посмотрела в глазок. Увидела несколько бородатых мужчин.

— Кто там? — спросила она, обмирая от предчувствия, но не веря, отгоняя от себя подозрение.

— Это из отряда.

— Удостоверение покажите. — Оксана не хотела их пускать, не хотела впускать эту новость в свой дом.

— Вы детей уведите куда-нибудь, — попросили омовцы, когда она их все-таки впустила.

Она уже все поняла, отвела детей в маленькую комнату и все равно еще не верила.

— Оксана, вашего мужа Романова Игоря Сергеевича...

Дальше она уже не слышала. Погиб?! Оксана улыбалась и повторяла:

— Такого не может быть, такого не может быть...

— Давайте мы вам укольчик сделаем. — Омовцы приехали со своим доктором.

— Не надо укола! — Тут уж она расплакалась.

— Вам нельзя одной оставаться! Вам есть куда поехать?

— Да, у меня мама недалеко живет, — сказала Оксана.

— Мы сейчас поедem во Внуково забирать тело.

— Возьмите меня с собой. — Она не верила, что это он.

Оксану отвезли к матери, но, оставив у нее детей, Оксана вернулась домой. Она хотела побыть одна. Не могла ни с кем говорить, никого видеть. Лежала в комнате, задернув шторы, и молчала.

Пришел Володя, с которым Игорь вместе служил в Афганистане, и после разговора с ним в душу Оксаны закрались сомнения, проснулась слабенькая надежда. Вдруг ошибка? Вдруг это не Игорь погиб? Володя рассказал, что в Афганистане так часто бывало — говорили, что человек погиб, а оказывалось, что это не он. Может, так произошло и с Игорем? Надежда вспыхивала и угасала, потом снова возрождалась. Так было до дня похорон. Оксана знала, что у Игоря было смертельное ранение в голову, она боялась, что ей не покажут его.

Она увидела Игоря. Он лежал с открытыми глазами, и капельки влаги покрыли его лицо.

— Посмотрите, он же вспотел! Ему там жарко! — воскликнула Оксана.

Она и понимала и не понимала... Оксана несколько раз теряла сознание.

Ни с кем не посоветовавшись, Оксана решила ничего не скрывать от детей, хотя Сереже было пять лет, а Кате — четыре года. Сергею показали отца...

Оксана осознала все только тогда, когда на кладбище раздался залп салюта. Все. Игоря похоронили, его больше нет...

Сережа после похорон вдруг совсем перестал говорить. Он полгода молчал, потом начал говорить, но при этом сильно заикался. Три года учился говорить заново. Он совсем не плакал, как и Оксана, держал все в себе.

Катюша наоборот. Она обнимала фотографию, где папа был снят вместе с ней и братом, и плакала. Когда Оксана пыталась ее утешить, она кричала:

— Не мешайте, выйдите все, видите, я по папе грущу!

А потом вдруг по вечерам Катя стала ходить по квартире, как будто держа отца за руку, говорила ему что-то непонятное. Оксана испугалась, когда увидела это.

Врачи ругали ее за то, что она сразу сказала детям правду. Они объяснили, что у детей это реакция на перенесенное горе.

А сама Оксана погрузилась в себя. Оставалась все больше одна. Довела себя до нервного истощения. Попала в больницу, когда уже не могла самостоятельно передвигаться, похудела до двадцати пяти килограммов. Ушла с работы в налоговой инспекции, отчасти и потому, что там знали о ее горе и сочувствовали. Ей было больно каждый раз от напоминаний, от этой жалости.

Мать Игоря не смогла пережить потерю любимого сына. Из-за нее Оксана решила хоронить Игоря в Веденском районе, поближе к матери, а не в Одинцове, где жила сама. Через полгода после похорон у Натальи Федоровны нашли рак в последней стадии. Лечиться она не стала. Но раньше, еще не зная о том, что у нее рак, сказала Оксане:

— Вот Игорю справлю год и его день рождения двадцать восьмого сентября и умру.

Так и вышло. Старший брат Игоря — Александр позвонил Оксане в начале октября, сказал, что Наталья Федоровна в больнице и хочет попрощаться с внуками и Оксаной. Собрались быстро. Но буквально в дверях Оксану остановил телефонный звонок. Снова Александр:

— Оксана, можешь не спешить. Она умерла.

Очень тяжело пришлось Оксане. Нужно было заново учиться жить, думать, работать, дышать одной, без Игоря. Когда они были вместе, глядя на него, Оксана думала, как давно они живут вместе. Но после этой трагедии она поняла, как мало они прожили вместе — всего шесть лет. Но за эти шесть лет столько всего было...

И то добро, что Игорь делал своим друзьям, соседям, вернулось к Оксане после его гибели. Приходят друзья Игоря, часто заглядывает в гости соседка Наташа. Она теперь заведующая филиалом Сбербанка, помнит, как

помогал ей Игорь в трудные для нее времена. Всегда приходит с гостинцами для детей и Оксаны.

В отряде Игоря помнят, хотя он прослужил в ОМОНе меньше полугода. Психолог отряда Сергей Петров приезжает к Оксане, чтобы поговорить с ней, с детьми. Решить семейные, психологические конфликты.

Сережа очень хорошо учится. Пишет сочинения, которые удивляют учительницу русского и литературы. Она сказала Оксане на родительском собрании:

— У вас необычный ребенок. Он маленький взрослый.

В октябре 2002 года Сереже, одному из трех школьников Одинцовского района, дали стипендию от губернатора Московской области Б. В. Громова. Вручали ее в торжественной обстановке в областной думе. Волновалась и Оксана, и Сережа. А Катя надулась:

— Почему мне не дали?

— Вот будешь учиться, как Сережа, тогда и тебе дадут.

Катя импульсивная, энергичная. Боевая девочка.

Оксана работает в больнице бухгалтером. Сын и дочка бережно относятся к маме, берегут ее, стараются не огорчать. То, что дети знали обо всем с самого начала, сплотило их и дало сил выстоять в беде.

Помогают родители Оксаны и ее младший брат. Отец, Олег Владимирович, бывший военный, мама, Антонина Игнатьевна, фельдшер-лаборант биохимической лаборатории в медсанчасти, брат Павел — юрист. Он крестный отец Кати, много занимается с детьми, возит их на спектакли и в кино.

Память об Игоре и дети — это поддержка. Слова Игоря о занятиях спортом, о правильном дыхании запали в память Оксаны и вдруг приобрели новый смысл. Приходится учиться дышать заново — без него...

Р. С. Сын Игоря Сергей сейчас учится в кадетском юридическом корпусе. Он с гордостью носит кадетскую форму. А отцовский орден Мужества и для Сережи, и для Кати станет, наверное, путеводной звездой в жизни. Будет напоминать о том, что в любой ситуации надо быть достойными гражданами, трудолюбивыми, ответственными. Такими, как их отец.

«Крылья» ОМОНа

Генерал-майор милиции Евгений Константинович Власов с 1992 по 2000 год возглавлял Московское управление внутренних дел на воздушном и водном транспорте.

— Самое ценное и самое главное в ОМОНе на воздушном и водном транспорте, — рассказывает генерал-майор Власов, — это его специфика. Ведь отряд создавался для обеспечения мероприятий, связанных с авиационной безопасностью.

В свое время мы активно использовали бойцов отряда в аэропортах «Домодедово», «Шереметьево» и других. В период массовых сезонных перелетов на праздники, в конце летнего каникулярно-отпускного сезона аэровокзальные комплексы представляли собой зрелище, которое трудно уже сегодня представить. Количество людей, которые прилетали и улетали, намного превышало все допустимые нормы.

Обеспечение общественного порядка и безопасности в аэропортах при таком большом скоплении людей силами местной линейной милиции и авиационных служб по существу было невозможно. А бойцы «воздушного ОМОНа» работали в этих условиях спокойно. Для этого они проходили специальную и физическую, и психологическую подготовку.

Омоновцы помогали соответствующим службам обеспечивать безопасность мероприятий, связанных с летними перелетами высокопоставленных лиц государства и иностранных представителей.

Можно сказать, что подготовка бойцов ОМОНа позволяла эффективно использовать отряд на любых ключевых участках обеспечения безопасности пассажиров и на земле, и в аэропорту, и в воздухе. А очень скоро мы убедились, что специфическая подготовка бойцов нужна и на воде.

Безопасность плотин, шлюзов и других гидросооружений, патрулирование акватории на скоростных катерах и скутерах в условиях напряженного судоходства на Москве-реке и канале имени Москвы требуют особой подготовки и специальных навыков. Нужно не только

знать как, но и уметь пришвартоваться, отшлюзоваться. Нужно помнить, какая скорость и маневренность у различного типа судов, схемы их палубных и трюмных помещений и многое другое.

Участие в предупреждении возможных диверсионных и террористических актов на водных столичных магистралях и гидросооружениях стало одним из приоритетных направлений в деятельности отряда.

Уже к середине 90-х годов специальная группа бойцов отряда в легководолазном снаряжении участвовала в осмотрах подводной части судов и причалов перед важными литературными мероприятиями. Наши ребята не раз привлекались к сопровождению караванов судов по каналу имени Москвы и даже по Волге. Вместе с сотрудниками линейного отдела внутренних дел на речном транспорте, судоходной и административной инспекциями Московского речного пароходства они патрулировали акваторию, выявляли браконьеров и злостных нарушителей правил судоходства. Все приходилось осваивать и всему учиться. Специфика требовала четкой специализации бойцов.

Сегодня, по прошествии времени, уже можно сказать, что всем нам повезло. С самого начала командиром отряда милиции особого назначения при управлении был назначен старший лейтенант Игорь Лазаревич Бирагов. Его кандидатура была поддержана многими.

Бирагов, несмотря на молодость, обладал завидными командирскими качествами, авторитетом, умением собрать вокруг себя команду, коллектив единомышленников. Глубоко порядочный человек, честный и прямой, он неплохо знал военное дело и не стеснялся привлекать специалистов со стороны. И самое главное, постоянно учился сам и не жалел времени на тренировки и обучение бойцов отряда.

Помню, когда я пришел к руководству управлением, сколько проблем пришлось решать по хозяйственно-бытовому обустройству отряда. Вот когда мы искренне жалели об экстерриториальности транспортной милиции. Ведь по закону она не только подчиняется, но и финансируется местными органами власти.

Относительно небольшой отряд, численностью сначала в тридцать человек, нужно было где-то разместить.

Еще в начале 1992 года они ютились в небольшом подвальнойчике рядом с центральным зданием Московского УВДТ, арендованном у местных властей. Потом отряд увеличился до пятидесяти человек. Остро и срочно необходимо было найти другое помещение.

Это был самый сложный период в истории отряда. Кризисный. Но командир и бойцы, а сегодня это уже ветераны ОМОНа, выдержали все. И жуткую тесноту, когда отряд «присоседили» в здание линейного водного отдела. И тяжбу с санитарной инспекцией, не желающей даже слышать о возможности приготовления пищи и мытья посуды для дежурной смены на привозной воде. И болезненные неурядицы с финансированием, которые в ту пору были хроническими для многих бюджетных милицмейских подразделений.

Тяжело было. Но сегодня уже понимаешь, что именно тогда, в начале 90-х, и проходили становление, закалка коллектива. Именно совместное преодоление трудностей сплотило и закалило бойцов. Именно из этого поколения в последующем были выдвинуты командиры взводов и рот, заместители командира московского воздушного ОМОНа.

Бойцы на своей базе все делали сами — и спортивный зал, и водопровод, и спортивные площадки, и полосу препятствий. Это период, в который у ребят были мозоли на руках не только от автомата на службе и тренировок, но и от лома с лопатой в «свободное время».

Примерно в то же время мы получили и приобрели для отряда образцы новейшего вооружения и спецсредств, первую серьезную технику: несколько автобусов и даже бронетранспортер. К 850-летию столицы нам были подарены несколько скоростных катеров и гидроциклов, что позволяло привлечь ребят к интереснейшей работе на воде.

Тогда никто даже не подозревал, что появление в отряде новой специализации — группы боевых пловцов — вызовет такое количество проблем. Противодействие со стороны некоторых милицмейских чиновников было весьма серьезным. Они принципиально не хотели лишних хлопот, лишней ответственности. Причем все сводилось к формальным вопросам: где прописано, чем ОМОН должен или может заниматься? Кто будет отвечать за здоровье и

жизнь бойца при выполнении задач под водой? И это в то время, когда востребованность водной специализации бойцов ОМОНа уже стала очевидной реальностью.

Однако «заразительный вирус» водолазного дела уже прочно обосновался в отряде. Среди бойцов нашлись настоящие энтузиасты подводного плавания. Некоторое время группа боевых пловцов существовала фактически нелегально. Нашли плавбазу, снаряжение. Часть купили, часть подарили спонсоры.

Пока чиновники пугали опасностями водолазных работ, ребята под руководством специалистов, профессионалов упорно тренировались, кстати сказать, соблюдая технику безопасности, подстраховывая друг друга. И в конце концов группа боевых пловцов стала не только неофициальной гордостью отряда, но и его штатной составляющей.

По прошествии времени нашлись возможности для более сложных и подводных, и надводных, и воздушных тренировок. Несколько бойцов постоянно, помимо несения основной службы, занимались парашютным спортом, учились десантироваться с вертолета. Мы в управлении знали, что в отряде всегда найдутся пять-шесть человек специалистов, которые в нужный момент смогут выполнить любую, даже сверхсложную, задачу.

Специализация по видам боевого применения всегда существовала в отряде — и снайперы, и гранатометчики, и минеры. Но эти же бойцы могли деблокировать самолет, освободить заложников и на речном судне, и в автобусе, разоружить террористов в здании гидроэлектростанции или жилом помещении. То есть боец ОМОНа — это подготовленный специалист широкого профиля.

Отряд постоянно был задействован в группе резерва министра внутренних дел. На все мероприятия, связанные с усилением, на спецоперации ребята выезжали по команде от руководителей Главного управления внутренних дел на транспорте. Работали в тесном контакте с подразделениями милиции ГУВД города Москвы и области. На всех мероприятиях того беспокойного времени: различного рода акциях, манифестациях, митингах, которые чаще всего носили политический характер, — бойцы московского воздушного ОМОНа четко и грамотно справлялись с порученной задачей.

Основной костяк сводного отряда от управления, который неоднократно выезжал в Чечню, как правило, был составлен из бойцов ОМОНа. Все задачи, связанные с войной, приходилось осваивать с колес — и материальную, и боевую часть. Нашли возможности, договорились с армейцами и на их территории организовали отличную базу для подготовки выезжающих в боевые командировки бойцов. Сборы проходили по всем правилам, с казарменным размещением, с прохождением курса выживания. Армейские офицеры проводили занятия с бойцами в учебных классах, на реальной технике, организовывали боевые стрельбы на полигоне.

Особый обычай, историческая традиция управления — это организация встреч и проводов сводного отряда.

Наших ребят мы отправляли вместе с милиционерами из железнодорожного ОМОНа, одним эшелонам. На вокзалах, Курском или Казанском, несмотря на время суток, на погоду, собирали людей, приглашали оркестр из местных железнодорожников. Слезы на глазах у родных были вызваны не только радостью встречи или печалью проводов, но и той трогательно-торжественной обстановкой, которую мы создавали.

Знаменательным и для отряда, и для Московского УВД на воздушном и водном транспорте был 1998 год. 22 мая происходило торжественное вручение знамени МВД управлению. Первая знаменная группа полностью состояла из бойцов ОМОНа, чем они очень гордились. Торжества на причале Северного речного вокзала удались на славу. Все прошло безукоризненно: и построение, и клятва, и прохождение подразделений торжественным маршем. Показательные выступления для гостей праздника, для сотрудников управления, их родных и близких организовали бойцы отряда. Были и вертолет с десантом бойцов на воду, и БТР, и скутеры, и мотодельтапланы, и боевые пловцы, освобождение заложников на теплоходе и в автобусе.

Был даже красочный фейерверк по завершении праздника. Все прошло на высшем уровне и надолго запомнилось.

В 1999 году для ОМОНа началась вторая волна командировок в Чечню. С теми же сложностями и проблемами.

Когда меня спрашивают, что сегодня главное для спец-

подразделений на транспорте, я мысленно представляю свой отряд, ОМОН своего родного управления.

Главное — не должно быть безделья. Людям необходимо ежедневно видеть цель своей работы, четкую и ясную. Не будет этой цели — не будет боевого и здорового коллектива. Постановка этой самой цели — задача и министерства, и руководства управления, и командира отряда, взвода, отделения. Людям должна быть интересна служба, и чаще всего этот интерес определяется именно спецификой решаемых задач.

Специализация, которую отряду Московского УВД на воздушном и водном транспорте определили изначально, нужно не только беречь, но и всячески развивать, не допускать неоправданной подмены специфических задач транспортного ОМОНа теми, которые решают территориальные УВД. Наш ОМОН — транспортная милиция. И обязан уметь делать все: и то, что умеют обычные сотрудники транспортной милиции, и то, что кроме омоновцев, не делает никто, поскольку именно мы знаем секреты транспорта, знаем специфику перевозок. Конечно, это трудно — удерживать приоритет в такой сложной области, как охрана общественного порядка и безопасность на транспорте. Но здесь многое зависит уже от роли руководителей управления. Нужно искать контакты, договариваться с авиакомпаниями, администрациями речных и воздушных портов, чтобы как можно чаще давать возможность бойцам тренироваться на реальных объектах в условиях, приближенных к боевым.

Именно воздушная и водная специфика отряда — это его и прошлое, и будущее, это залог его успеха.

Две войны лейтенанта Мурашова

Лейтенант милиции Алексей Мурашов — командир взвода ОМОНа на воздушном и водном транспорте. В 1994 году он пришел в отряд. До этого четыре года проработал в спецмилиции Воскресенского района.

Воевал в Афганистане, ездил в командировки в Чечню. Награжден медалями «За отвагу», «За ратную доблесть», «От благодарного афганского народа».

— Елки-палки! Это называется — кино посмотрел! — Боец рассматривал в осколке зеркала фингал под глазом. — Набрали кабанов в этот волго-вятский ОМОН! Не разминешься с ними!

Очередной обстрел позиций сводного отряда милиции в Гудермесе только закончился.

Боец пошел к соседям кино посмотреть. Волго-вятские омовцы, прибывшие на смену к своим братишкам из отряда, захватили с собой видеоманитофон. Не успели закончиться первые кадры фильма, как начался обстрел, и все в спешке бросились на посты. Боец с кем-то столкнулся в узком проеме двери. Теперь страдал.

— А ты, наверное, уже в календаре сегодняшней день успел зачеркнуть, — усмехнулся Мурашов.

Омовцы заметили, что как только зачеркнет этот боец число в календаре — так обстрел. Вроде как примета. Бойцу в тягость командировка, он домой рвется. Вот и торопит время. Особенно суеверные (а кто на войне не суеверный?) стали гонять его от календаря.

Очередной обстрел позиций сводного отряда милиции в Гудермесе только закончился. Командир группы московского ОМОНа Юрий Зинченко, возглавлявший сводный отряд омовцев из разных городов, собрал совещание:

— Люди измотаны. От бесконечных обстрелов нервы у всех на пределе... Нужно устроить засаду. Несколько раз «духи» стреляли со стороны старого здания милиции, магазина. Сидеть нужно ночью. Уходить в темноте и возвращаться до рассвета. Риск, конечно... Но сидеть сложа руки и ждать, когда прилетит очередная граната... Двое раненых уже есть. Короче, нужны добровольцы.

. . .

Добровольцами вызвались Мурашов, Лукин и еще несколько ребят из его взвода. Днем омовцы в оптику высматривали себе удобные места для засад, ночью выдвигались.

Нужно сидеть в темноте в развалинах, оставшихся от зданий после бомбежек, не разговаривать, не курить. Ждать. И неизвестно, сколько их, «духов», с каким они вооружением. Может, они рассекретят засаду? Вокруг местные, в основном дети и женщины, но у многих из них мужья и отцы — боевики.

Продрогший Алексей вспоминал свою срочную службу в Афганистане. Невольные ассоциации теснились в голове.

Афганские ночи — чеченские ночи. И тогда, и сейчас перед тобой — враг.

...Нахичевань, 1987 год. Сержантская школа погранвойск Закавказья. Оттуда сержанта Мурашова направили в Душанбе в десантно-штурмовую маневренную группу погранвойск КГБ СССР.

Попал Алексей как раз «на подскок» — отсюда уходили борта «за речку». Их день и ночь грузили боеприпасами, продовольствием и медикаментами.

«Из-за речки» прилетел старлей из их десантно-штурмовой группы:

— Ну что, мужики, кто хочет себя проверить? Возьму.

Еще зеленые, необстрелянные, а романтика фонтаном бьет.

— А какие там перспективы? — спросил кто-то из новоиспеченных сержантов.

— Ну, медаль или орден, — усмехнулся старлей. — А может, пуля...

Пространство вокруг старлея резко расчистилось, ряды романтиков поредели. Остались пятеро, среди которых был и Алексей.

База десантно-штурмовой группы находилась на территории Союза. С нее совершались боевые вылеты на территорию Афганистана. Когда добровольцы прибыли, бывшие конюшни, в которых были устроены казармы ДШГ, пустовали. Только трое бойцов оставались на базе в наряде.

Несколько дней на опустевшей базе после муштры в сержантской учебке показались раем. Но так продолжалось недолго. Пока не прилетели ребята с боевых. Заросшие, грязные, измученные, злые...

— Кто такие? Ах, сержанты! Да какие вы сержанты... Там были? Нет?! Тогда вы — «молодые»!

Со всеми вытекающими отсюда выводами. Здесь свои правила обитания и выживания. Кто прошел эту школу, наверное, не забудет ее никогда.

Чтобы носить общевойсковую эмблему в виде парашюта, нужно было иметь за плечами не меньше трех боевых вылетов. Чтобы носить тельняшку — не меньше пяти. А так ходи в панамке: ты — «молодой».

Но с вылетом и первым боевым крещением задержки не произошло.

«Деды» дня два передохнули, помылись-побрились — и вперед. Алексей с ними. Он — командир отделения связи, техник взвода и заместитель командира взвода. Совмещал эти три должности. С рацией за плечами тенью ходил за командиром — майором Тищуком.

Майор, тертый калач, говорил нутряным басом, гонял всех, кто попадал под его горячую руку, но ребят берег, как сыновей. Чуть что серьезное, начинается бой, он с Алексея рацию снимает:

— Давай в окоп, сынок!

Такой же крепкий, свой мужик, был и начальник штаба Скрипников. Они с Тищуком никогда не отсиживались за спинами ребят. Их КП оказывался всегда на основном направлении.

. . .

Вот-вот рассвет в Гудермесе. Туман плутает по дороге. Надо идти к своим. Незаметно. Чтобы вечером снова вернуться, сесть в засаду.

Но какое-то внутреннее чувство подсказывало Алексею, что засада ничего не даст. Было ощущение постоянной слежки за каждым шагом омовцев.

К вечеру из минометов свои обрабатывали «зеленку». А когда закончился обстрел, вдруг появился Александр Орлов, с ног до головы облепленный грязью.

— Орел, где ты лазил-то? — спросил его Мурашов.

— Да вот, старый дурак, вылез с «ночник» посмотреть из-за бруствера, кто стреляет, а передо мной мина: «хлоп!» Грязь во все стороны!

— Хорошо хоть голова цела! Куда тебя понесло?!

Посмеялись. Так на войне: повезло — смешно. Не повезло — плакали бы...

Очередная ночь засады. Темнота, хоть глаз выколи. Слышны иногда выстрелы где-то далеко. Холод пробирает до костей. Но никто не жаловался. Терпели, чтобы предотвратить смерть своих друзей.

Алексею не привыкать. В Афганистане приходилось не только сидеть в засадах, но и выкапывать окопы и ходы сообщения в песке.

Десантно-штурмовую группу сбрасывали с вертолета на места вероятного прохождения душманов. Местность — либо пустынные, песчаные степи, либо песчаные сопки. Начинали копать. Сначала окоп, потом ходы сообщения между окопами, затем укрытие на ночь.

Днем дышать нечем, песок летит в глаза, песок во рту скрипит на зубах, песок сыплется за шиворот. А ночью зуб на зуб от холода не попадает. И снова песок — шуршит, перекачивается крошечными песчинками. Утром опять копать.

Выроешь воронку — метров пять в диаметре, сядешь на ее дно и хоть плачь — сделать ровные стены в песке немислимо. Тогда начинаешь укреплять стены разными подручными материалами.

Вот, наконец, все готово, а войны все нет — душманы не появляются. Сообщают новые координаты их вероятного появления. Сборы. Уничтожение следов своего пребывания, то есть надо закапывать окопы, с таким трудом открытые.

«Вертушка» перебрасывала бойцов на новое место. И все по новой. Рытье окопов. Кровь под ногтями, пропотевшая форма, которую по возвращении из такого боевого вылета можно выбрасывать вместе с берцами. Все сносилось до основания в этих проклятых песках.

Через несколько дней ожидания и мучений переброска повторяется. При этом надо таскать с собой все — начиная с боеприпасов и кончая дровами. Ребята худые, но жилистые. Алексей дошел до того, что весил около пятидесяти девяти килограммов. Но таскал на себе не меньше других.

В один из таких вылетов место засады они поменяли семь раз. Семь раз они выкапывали окопы в песках и семь раз закапывали. А им давали дезинформацию. В тот выезд они так душманов и не встретили.

Вернулись на базу заросшие, грязные, обезумевшие от зноя и каторжной работы. Теперь Алексей понимал «дедов», которые накинудись на новеньких, чистеньких, необстрелянных. Появлялись такая злость и досада на весь свет, в тех условиях трудно было оставаться человеком. Ребята и крепче Алексея, казавшиеся непробиваемыми, железобетонными, ломались. Вернувшись в Союз, когда закончилась их служба, они спивались от бытовых неурядиц. В пьяном бреде воевали с душманами. Они остались там, на войне.

Но Алексей не сломался... Родители его очень поддерживали, не дали сорваться, помогли адаптироваться к нормальной жизни. Особенно много сделала для этого его мама.

• • •

Перед рассветом покинули засаду. Боевики и в этот раз не появились. Но все еще оставалась надежда, что удастся их засечь и уничтожить.

Омоновцы присутствия духа не теряли. К ним по пути в Грозный заехали журналисты НТВ. Телевизионщики искали колоритный типаж.

На пост часов в десять утра вышел Володя Александренко — в бронежилете, с оружием, все как положено. Журналисты ринулись к нему:

— Расскажите, как здесь? Как служба? Как тут обстановка? Опасно?

— Конечно! Вы что, не видите, как здесь опасно?! Ночью подмораживает, дорожки льдом покрываются. А их песком никто не посыпает! Погибнешь тут, на фиг!..

Все хохочут, а Володя с важным видом идет на свой пост. Таких ребят обстрелами особо не запугаешь.

Для засад омовцы каждый раз меняли позиции. В очередную ночь Алексей на пару с пулеметчиком укрывался в развалинах. Чем дольше они сидели, тем очевиднее становилось, что результата это не принесет.

Но все-таки Зинченко принял правильное решение. Бойцы, во-первых, пытались предотвратить нападение, а не сидели в ожидании очередного обстрела. А во-вторых, если боевики и засекли засады, то уже остерегутся и не станут наглотать как раньше. Психологически верный ход. И действительно, обстрелы практически прекратились.

Хороший командир в группе — это главное. Атмосфера в коллективе тогда правильная. Необходимы спокойствие и уверенность в своих товарищах и в командире.

В Афганистане Алексей и другие бойцы верили в майора Тищука. Знали наверняка, что он не подведет. Когда началась на базе ДШГ повальная дизентерия, молодой лейтенант-медик, только из училища, скормил больным все лекарства, которые были. Медикаменты закончились, а жестокая эпидемия продолжалась. Прилетел одинокий вертолет, сбросил на дальнюю сопку сухари, непригодные к употреблению, и никаких лекарств. Да еще и за грузом больным пришлось брести по песку.

Пища-то у группы была. Не хватало сигарет, воды и медикаментов. Рассвирепевший Тищук кинулся к радиосту, к Алексею:

— Связь! Связь мне с Союзом! Немедленно!

Алексей слышал его крики. Майор говорил открытым текстом:

— Если через четыре часа не будет медикаментов, мы приедем и головы вам поотшибаем! — все это с богатой россыпью душевных русских выражений.

Прислали все необходимое, и очень быстро.

А потом у одного бойца из каптерки украли его «дембель» — личные вещи, награды. Так совпало, что объявили тревогу, когда он обнаружил пропажу. Срочный вылет, а он, мрачный, остановился перед ребятами:

— Я не хочу сейчас искать. Некогда. Кто взял, вы подбросьте как-нибудь. И на этом дело закроем.

Собирались в боевой вылет. Но никто ничего не подбросил. А в бою парень погиб. Из РПГ душманы попали ему в голову.

Пропажа «дембея» оказалась как будто предвестником его гибели. Вора искали недолго. Искали все. Через две недели нашли...

Хорошо еще, что его спрятал майор в штабе, потом и вовсе отослал подальше от ДШГ. Спас бойцов от преступления и трибунала.

. . .

После Афганистана Алексей и не думал о службе в милиции. Устроился на работу по специальности, которую получил в ПТУ еще до армии, — монтажником радиоаппаратуры и приборов.

Поработал на заводе, в кооперативе, они только стали создаваться, а потом ему предложили место в охране в Воскресенском районе, где Алексей жил. Он и не догадывался, что это милиция.

Пошел на встречу с женщиной из отдела кадров, а она с двумя милиционерами стоит.

— Леш, познакомься, это Юра, это Слава, — сказала она.

Алексей в растерянности пожал милиционерам руки. Потом они сели в служебный автобус, а там — одни милиционеры.

— Что же это я — в милицию попал?

Ничего против милиции Алексей не имел. А потому с предложением поступить на службу согласился.

Восемь месяцев шли проверки. Он уже и думать забыл о милиции. Устроился в очередной кооператив, когда вдруг пришла депеша. «Проверку прошел... Выходить на работу такого-то числа».

Три месяца проходил стажером. Потом его отправили в Обнинск, в школу милиции.

Лукин, с которым Алексей учился в Обнинске и с которым спустя несколько лет сидел в засаде на боевиков в Гудермесе, предложил ему перейти в ОМОН, где он к тому времени уже работал.

И в сентябре 1994 года старший сержант милиции Алексей Мурашов стал омонивцем.

В первую чеченскую дважды выезжал в «горячий» регион, а во вторую... Когда после очередной трехмесячной командировки он вернулся домой, маленькая дочка Полина к нему не подошла. Несколько дней выкала к папе, которого так долго не видела. Теперь у Алексея уже две дочки — Полина и Даша.

Войны на его долю хватило сполна. Афганская, чеченская... Он, кстати, единственный в отряде «афганец».

В Афганистане его несколько раз представляли к медалям «За отвагу», «За отличие в охране государственной границы», но представления, как это часто случается, терялись. Осталась только «афганка» — так сами «афганцы» называют медаль «От благодарного афганского народа».

Что он вынес с этих войн, кроме боевого опыта? Горечь потерь, правду жизни, правду смерти. Награды. Новых друзей. Друзья — настоящая поддержка в жизни. От заслуженных наград не закружилась голова. А всем невздам не удалось и не удастся его сломать.

Белый халат и камуфляж

Старший лейтенант милиции Галина Викторовна Ульянова — фельдшер медицинской части в ОМОНе на воздушном и водном транспорте. В отряде служит с 1996 года.

Годы забот, трудностей, дружбы, любви и преданности.

Восемь командировок в Чечню.

Тревожное и смятенное чувство. Заложники в Москве! Что творится! Как быть?

Весь личный состав ОМОНа на службе — вторые, третьи сутки...

Галина Викторовна с ними, как всегда, в любых ситуациях. В своем кабинете в медицинской части.

Стоит у окна, курит задумавшись. Но обязательно кто-нибудь из ребят заглянет в кабинет:

— Галина Викторовна, пойдёмте с нами чай пить. У нас пряники есть... Что вы загрузили?

Бойцы не дадут ей печалиться. Кто-то придет лекарство попросить, кто-то чаю выпить, кто-то душу излить. К ней ведь идут не только как к доктору, но и как к психологу, к женщине, к сестре, к другу, которому можно «поплакаться в жилетку».

В день отъезда в командировку кабинет Галины Викторовны переполняется женами, детьми, провожающими. Пьют чай, делятся своими проблемами. Она ведь знает всех жен и детей своих бойцов, своих ребят.

Когда проводы заканчиваются, часто начинает звонить телефон. Именно через нее, через Галину Викторовну, жены, родители пытаются узнать: «А как там мой? Не слышали?»

Теперь вот «Норд-Ост». Пока омонцев туда не дергают. Там спецназ ВВ и ФСБ... Но если что, ОМОН в боевой готовности... Остается только ждать.

Галина Викторовна использовала это вынужденное ожидание, чтобы прибраться в кабинете. Новые современные методы лечения, новое медицинское оборудование — предмет ее постоянного внимания. Недавно она приобрела аппарат цветоимпульсной терапии для снятия эмоционального напряжения. Бойцам это просто необходимо. Кроме снятия стрессов, он еще лечит ряд заболеваний.

Галина Викторовна вместе с психологом отряда Сергеем Петровым училась в институте повышения квалификации МВД.

В институте было редкостью увидеть доктора и психолога, пришедших учиться вместе из одного спецподразделения. Такой дружный тандем! Да еще и реферат они подготовили удачный. Выступили, зачитали реферат, и, особенно после завершающих слов Сергея, специалисты, их коллеги в зале, были удивлены. Посыпались вопросы:

— Это что же выходит? У вас нет трудностей в командировках?

— Трудности, как и у всех, — ответила Галина Викторовна. — Только больше бытового характера. А когда

хорошая команда, отличный коллектив, психологических трудностей и не должно быть.

Самая большая трудность для Галины Викторовны — выбрать из группы, которая отправляется в командировку, наиболее подготовленного по медицинской части бойца. Она же не может одновременно быть и в Москве в отряде, и в Чечне.

Хотя, если она приезжает в командировки в Северный, где стоит теперь ОМОН, — как радуются бойцы!

Страшно ей в командировках? Да, неприятно было, когда в начале первой чеченской кампании ОМОН стоял еще на Червленной-Узловой и вокруг стреляли, громоздочно работала артиллерия. Не страшно, когда рядом свои ребята. Они в обиду не дадут.

Всю дорогу от Москвы до Червленной каждый шаг своего любимого доктора бойцы оберегали, каждый каприз были готовы выполнить. Только Галина Викторовна старалась вести себя так, чтобы ничем не быть в тягость, а самой им помочь. Поддержать. Даже если не нужна никому медицинская помощь. Поговорить, сказать ласковое слово, передать привет от домашних.

Помимо обученных Галиной Викторовной медицинским азам бойцов, в командировках омовцам помогает 46-я бригада, в которой есть госпиталь.

Обучению Галина Викторовна придает большое значение. Да и бойцы втянулись, занимаются с удовольствием. Приятно дома блеснуть своими знаниями в медицинской области. Вот только поначалу было трудновато заинтересовать ребят.

Чтобы морально-психологически подготовить бойцов к войне, Галина Викторовна решила устроить им несколько занятий в морге. Там преподаватель, судебный медик, читал им лекции с наглядными примерами. Рассказывал об анатомии, о причинах смерти того или иного человека.

Целью этих занятий было не столько изучение анатомии, сколько желание привить бойцам правильное отношение к смерти, к виду мертвого тела.

Галине Викторовне приходилось сталкиваться, особенно на войне, с двумя крайностями. Либо наплевательское отношение, либо отвращение и панический страх.

Казалось, что занятия протекают нормально. Галина Викторовна даже не стала их контролировать. Бойцы уезжали в морг, через некоторое время возвращались. Но их настрой вызвал у нее подозрение. Оно росло с каждым разом. Уж больно довольные они возвращались с этих занятий. После морга нельзя быть такими счастливыми.

В один из дней Галина Викторовна поехала вместе с ними. В автобусе бойцы обсуждали завтрак, кто что съел, шутили. Доктор с интересом слушала их и думала: «Чем же все это кончится?»

Подъехали к моргу, прошли в зал, где на столе лежал труп. Сотрудникам подразделений спецназа позволялось курить, брызгаться одеколоном, что не позволялось студентам-медикам. Однако, несмотря даже на такие поблажки, за несколько секунд только половина бравых бойцов осталась в зале.

Галина Викторовна вышла на улицу и обнаружила зеленоватых бойцов в палисаднике, а их завтрак оказался на снегу.

— Вы вообще поняли, куда пришли?! Вам что здесь, развлечение?! Захотел — пошел, не захотел — не пошел! — возмутилась Галина Викторовна. — Безобразие! Для вашей же пользы.

— Мы все поняли, — понуро закивали бойцы. — Галина Викторовна, мы все поняли. Исправимся.

И правда, после этого все исправно посещали занятия, даже стали отличниками, и спустя несколько лет сами с охотой идут на занятия, которые проводит в отряде Галина Викторовна.

Однажды бойцы стали свидетелями, насколько важны их занятия и насколько профессионально работает доктор. На их глазах Галина Викторовна спасла бойца Алексея Миронова.

Как раз в тот день были проводы в очередную командировку. Все, конечно, нервничали. Суетились. Оставалось несколько часов до отъезда в Чкаловский. В кабинете доктора бойцы расписывались за обезболивающие, которые выдавала Галина Викторовна.

Вдруг вбегает кто-то из бойцов:

— Там Лешке Миронову плохо! Он, кажется, не дышит!

Галина Викторовна сорвалась со своего места. Прибежала в класс службы, где на полу лежал Алексей. Он не дышал, и сердце не билось.

— Быстро, несите чемоданы! Будем реанимировать! — скомандовала Галина Викторовна.

Хорошо еще, что рядом оказался бывший спецназовец, опытный боец Андрей Баранов. Он помог доктору. Правда, от усердия и большой силы, он немного повредил Алексею челюсть. Зато запустили сердце и до приезда «скорой» поддерживали стабильное состояние.

Сам Алексей потом посмеивался:

— Вот, не могли в чувство привести нормально, челюсть попортили.

В госпиталь, куда из обычной больницы его перевезла Галина Викторовна, она приезжала к Алексею каждый день.

...В 2002 году Галина Викторовна впервые провела вакцинацию от гриппа. Бойцы если и заболели, то не в тяжелой форме и недолго отсутствовали на работе.

В свой медицинский кабинет доктор приобрела ингалятор, чтобы бойцам без отрыва от службы можно было делать ингаляции. Вместе с психологом они пытаются переломить ситуацию с реабилитационным периодом после командировок. Очень мало путевок получают бойцы.

Сорок пять суток — оптимальный срок для командировки. Полгода — очень тяжело. Не видеть семью так долго — большой стресс. Отличной разгрузкой был бы, конечно, полноценный отдых вместе с семьей.

. . .

На исходе были четвертые сутки после захвата «Норд-Оста». Напряжение росло. Все устали. Но заложников надо было вызволять, и для этого могли понадобиться дополнительные силы. ОМОН. Никто в такой ситуации не посмел бы покинуть службу.

Галина Викторовна в который раз наводила порядок в своем кабинете. Места себе не находила. Отчего-то

именно сейчас вспомнилось, как она встречала раненого бойца Сергея Иванова.

Он был не из их отряда, а из группы быстрого реагирования аэропорта «Внуково». В командировке Сергей находился в составе сводного отряда милиции, вместе с ОМОНОм. Когда оправился после ранения, то перевелся служить в ОМОН, приобрел здесь много друзей и служит до сих пор.

А тогда Галина Викторовна вместе с командиром моторизованного взвода Юрием Капрановым весь вечер прождала борт с ранеными в Чкаловском. Борт наконец приземлился, только Сергея на нем не оказалось.

С самыми тяжкими предчувствиями они с Юрием вернулись в отряд, и Галина Викторовна начала обзванивать все госпитали юга России. Где потерялся их боец? Как его здоровье?

Несколько раз с отчаянием бросала трубку. Но наконец нашла его в Пятигорске. Со спокойной совестью отправилась домой. Только приехала — звонок.

— Галина Викторовна, самолет в пятнадцать часов приземлится во Внукове. Сергей летит гражданским рейсом. Надо ехать.

Снова долгая дорога. Пока добрались, дождались самолета, начало темнеть. Прооперированный в Пятигорске, после трудного перелета Сергей был в тяжелом состоянии. Переживал за родных, за жену, за дочку, за родителей. Они в тот момент еще не знали о его ранении. Но пока ехали в госпиталь, в машине Галина Викторовна его успокаивала:

— Ничего. Завтра они тебя сами увидят. Для них главное, что ты живой. Это их сразу успокоит. В госпитале тебя подлечат, и все образуется.

Она и сама уже не вспомнит теперь тех слов, ласковых и в то же время строгих (чтобы не раскисал), рождавшихся в сумерках салона у носилок, на которых лежал Сергей. Слов жалости, нежности, поддержки. Они оба не решились бы снова произнести эти слова вслух. Эти слова остались у них в душе, переросли в особое человеческое доверие и дружбу.

Потом Галина Викторовна почти каждый день ездила к нему в госпиталь. Бойцы с выездов заезжали. У Сер-

гея почти не было времени на раздумья, воспоминания, неприятные мысли. От такой поддержки он и на поправку пошел быстрее.

• • •

На рассвете спецназовцы штурмом взяли здание на Дубровке. Освободили заложников, уничтожили боевиков. Измученные пятидневным ожиданием омоновцы разъезжались по домам.

На следующий день снова на службу. Как обычно. И не только о здоровье бойцов приходится заботиться. В период навигации достаточно часто приходится выезжать на катере на происшествия. Откачивать утопленников.

Однажды к Галине Викторовне прибежали в кабинет бойцы. Дед с бабушкой катались на лодке. Бабушка упала в воду. Начала тонуть. Ее вытащили на берег, но требовалась срочная медицинская помощь.

Дед стоял рядом, пока Галина Викторовна оживляла бабушку, и обещал утопиться, если его жену не спасут. Галина Викторовна бабульку, конечно, откачала. Только оказалось, что и дед, и бабка — подвыпившие.

С пьяными больше всего неприятностей на воде. Чаще всего именно они совершают наезды на купальщиков то на катере, то на водном мотоцикле. Сами тонут. Других подвергают опасности. Из-за них жизнями рискуют спасатели и бойцы ОМОНа.

Работа для врача всегда находится. Служба в милиции подразумевает, что ты полностью загружен и находишься на своем посту не восемь-девять часов, а гораздо больше.

Возвращаясь домой после пяти суток вынужденного дежурства из-за «Норд-Оста», Галина Викторовна вспоминала недавний разговор в дежурке. Снова говорили о Чечне.

О войне особые воспоминания. Когда Галина Викторовна только пришла служить в ОМОН, как раз закончилась первая кампания и еще не началась вторая. У нескольких бойцов родились дочки, и все считали,

что это хорошая примета — будет мир. Действительно, получилась небольшая передышка.

Но даже в этот короткий промежуток только и было разговоров, что о войне. Она не отпускала ребят. Галина Викторовна тогда сказала:

— Вам, наверное, нужна еще одна война, чтобы у вас сменились впечатления. Как будто говорить больше не о чем.

«Как в воду глядела, — думала она. — Лучше бы не было ни войны, ни этих тяжелых воспоминаний. Пришли бы ко мне ребята. Один бы рассказывал, что его ребенок первое слово сказал, другой — какие он жене цветы подарил, третий — какая красивая весна. Вот такие впечатления лучше бы были у моих ребят».

С ним и в разведку...

Старший прапорщик милиции Николай Амелин служит в ОМОНе на воздушном и водном транспорте с ноября 1994 года. На его счету пять командировок. Амелин награжден орденом Мужества, медалями «За отвагу» и «За отличие в охране общественного порядка».

Ночь не торопилась уходить. Темнота перед рассветом словно еще сильнее стусилась. Это был момент тишины, когда тихий разговор на посту смолк, новый не начался и клонило в сон. Скоро смена.

Пост окружен мешками с песком, позади него железнодорожный вагон — прикрывает спину. Вместе с Амелиным на посту стоял Валерий Бабурин.

Сводный отряд милиции находился в Гудермесе с 1 ноября, уже больше месяца. А несколько дней назад к железнодорожному вокзалу подъехала белая «Волга». Из машины вышел невысокий человек в сером пальто.

— Это Масхадов, — сказал кто-то из бойцов.

Командир сводного отряда Александр Иванович Шалов переговорил с ним, а когда Масхадов уехал, командир с недоумением сказал:

— Я так и не понял, что он, собственно, хотел! Говорил, что нас никто не тронет, нам нечего волноваться. Дескать, им тоже война надоела.

— Свежо предание, да верится с трудом, — откликнулся начальник штаба ОМОНа майор Песцов...

14 декабря в 5 часов 40 минут начался обстрел в районе комендатуры Гудермеса. И почти одновременно шквальный огонь обрушился на железнодорожный вокзал.

Амелин и Бабурин головы поднять не могли. По ним стреляли из автоматов, пулеметов, в ход пошли и «Мухи».

Тьма крошечная, вокруг вспышки, огненные трассы, два ВОГа прилетели с двух сторон, упали справа и слева, всего в метре от поста.

Казалось, что на этом бой для омовцев закончится — накроет страшным взрывом!

ВОГ рванул почти вплотную к посту. В мешки с песком — в их смерзшиеся на ночном морозе, плотные, обтянутые мешковиной бока градом вонзились осколки, но ни один не попал в бойцов.

Нельзя было понять, откуда стреляют, огненные дорожки словно возникали из воздуха. Но наконец Амелин разглядел, как несколько фигур в белых маскахалатах перебегают через железнодорожные пути.

— Валерка, смотри!

Не сговариваясь, они стали стрелять в ту сторону с двух стволов. Амелин из РПК, а Бабурин из автомата. Оглушенные взрывами, ошалевшие от неожиданного нападения, они не сразу заметили, как один боевик упал, другие стали отползать в укрытие.

Озлобленные неожиданным отпором «духи» саданули по посту из «Мухи». Выстрел попал в вагон, оглушительно разорвался. Бойцов контузило, они пригнулись к земле, до боли запищало и заныло в ушах.

Почти сразу Песцов вызвал по рации:

— Прекратите стрельбу! «Духи» вас гранатами забросают. Сейчас снайперы начнут работать. Сидите тихо, мы вас вытащим.

Однако огонь не прекращался. Бесперывный свинцовый поток. Похоже, боевики капитально подготовились к нападению. За несколько дней до этого был День независимости, наверное, к празднику такой «салют» они и приурочили.

Все никак не наступал рассвет, словно вспугнули его стрельбой. Минуты то тянулись, плелись, то вдруг, когда начинался еще более сильный обстрел и некогда было взглянуть на часы, незаметно пролетало полчаса.

Работали снайперы с крыши, «духи» отвечали им выстрелами из гранатометов.

Только в начале двенадцатого Амелина и Бабурина выгнали с поста. Они просидели там почти шесть часов под непрекращающимся огнем. Оглушенные, ошалевшие, пустые — у них не осталось ни одного патрона...

Амелину сунули полный стакан водки. Он проглотил и не почувствовал, что выпил, хотя никогда столько не пил. Даже не захмелел, только попросил:

— Мужики, дайте закурить.

— Ты же не куришь...

Он затыкнулся, со вздохом выпустил дым:

— Теперь курю.

Огонь, на какие-то минуты поутихший, возобновился с новой силой.

Шалов отозвал бойцов и с других постов. Начали занимать круговую оборону в здании хладокомбината. В большом зале, который прозвали «Греческим», уже давно сколотили нары и притащили туда матрасы — обстрелы ВОГами были и до этого, поэтому в «Греческом зале» укрывались и раньше.

Стены у здания толстые, кирпичные. Может, выдержат? Так думал каждый. А их в здании было сто десять человек — собровцы, омовцы, спецназовцы, сотрудники ППС. Буряты, русские, кабардино-балкарцы, мордовцы. Все они ждали, что обстрел вот-вот закончится, но летели пули и взрывались гранаты почти беспрерывно.

— Берегите патроны! — распорядился Шалов. — Стрелять прицельно, только когда видите цель.

Незадолго до нападения Песцов ездил в Грозный и привез два КамАЗа боеприпасов — патроны калибра

5,45 и 7,62, гранатометы «Муха». Он сделал такой запас, скорее, с расчетом, что скоро приедет смена и надо оставить им боеприпасы. Но патроныгодились самим.

По радиии узнали, что с моста через Сунжу, где тоже стояли милиционеры из сводного отряда, бойцы пытались прорваться к своим на выручку. Но погиб Михаил Волков, старший инспектор из отдела досмотра линейного отдела аэропорта «Домодедово». В командировке ему только исполнилось тридцать семь лет..

Утром бойцов с поста на мосту через Сунжу должны были менять, но теперь уже стало понятно, что сводный отряд оказался в окружении, так же как и комендатура.

Численность противника была неизвестна, но, судя по плотности огня, банда на милиционеров напала крупная.

Из ОМОНа на воздушном и водном транспорте в окружении оказались четверо — майор Песцов и бойцы Евгений Бутков, Александр Носиков и Николай Амелин. Из Москвы — всего двадцать четыре милиционера.

. . .

Как только огонь ненадолго стихал, бойцы пробирались к вагонам, в которых жили, забирали оттуда свои вещи и боеприпасы.

Успели вынести все вовремя, потому что несколько гранат боевиков вспороли обшивку вагонов, а трассирующие пули довершили дело — вагоны вспыхнули.

Дым поднимался к небу. Кроме вагонов, горели здание вокзала и багажное отделение. Милиционеры сами подожгли их трассерами — «духи» вели из этих зданий огонь.

На сопке стояли внутренние войска. Шалов связывался с ними по радиии. Но они помочь ничем не могли. Там находились в основном девятнадцатилетние ребята — срочники. У них были один танк (горючего в нем немного, чтобы только несколько раз радицию завести) и несколько снарядов.

Приближался вечер. Электричество милиционерам «духи» выключили, перекрыли воду. Они рассчитыва-

ли, что милиционеры сдадутся. Но сдаваться никто не собирался.

Командиры грамотно организовали оборону. Устроили дежурства — по четыре часа каждая смена. Бойцы ломами долбили бойницы в стенах на третьем этаже в «Греческом зале». В плен попадать никто не хотел.

Все сосредоточенно занимались своим делом. У каждого в «разгрузке» лежала одна граната, про запас...

«Духи» ударили по зданию ракетами. Амелин стоял с РПК у своей бойницы. Неожиданно начался такой сильный обстрел, что он никак не мог высунуться. И вдруг шарахнуло в стену наверху так, что от неожиданности у Амелина подкосились ноги. Его оглушило, а в бойницу плотным облаком влетела красная кирпичная пыль. Это прилетела ракета. От ее удара сильно контузило снайперов на крыше.

Следующая ракета попала в колонну здания, и осколками сильно посеколо бойцов.

Первых раненых оттащили в отдельную комнату, и ими занялся док. К счастью, один московский милиционер, офицер, оказался бывшим медиком. У него были лекарства и перевязочный материал. Он занимался ранеными.

Еще одна бойница была у Амелина за огромным радиатором, который раньше, до войны, охлаждал, наверное, продукты на комбинате. Следующая ракета попала в угол здания, как раз там, где находился этот радиатор. Он покачнулся, чуть не упал на Амелина. Кирпичи вонзились в радиатор, посыпались на пол, Амелина опять обсыпало красной пылью. А одного бойца все-таки задело, видимо, осколками кирпича. Посеколо лицо и руку.

Стемнело. Раненые просили воды. Уже в первые сутки воды не хватало. Давали раненым, а остальным бойцам доставалось по маленькому глотку.

Ночью бойцы делали вылазки в поисках воды. Достали с кухни баки с водой, которая была запасена еще до боя.

Первую ночь почти никто не спал. Атаки боевиков продолжались. Почти каждые пятнадцать минут с раз-

ных сторон обороняемого здания милиционеры кидали гранаты. В темноте к ним незаметно могли подползти «духи».

• • •

Трое суток слились в один бесконечный грохот, шум, выстрелы, короткий сон, жажду и усталость.

Картонный ящик, заполненный дешевыми папиросами «Дымок» из «гуманитарки», к которым в обычное время никто не прикасался — курили, что получше, — опустошался на глазах.

Не куривший до этого Амелин выкуривал в день по несколько пачек. Столько же и ночью.

Он спал и ел в бронежилете, сросся с ним и со своим РПК.

Страх не было, был только почти что звериный азарт — выследить и уничтожить очередную цель. Отбиваться до последнего. Это уже почти что автоматически.

«Духи» не один раз присылали послов для переговоров. То и дело возникал кто-нибудь с белым флагом. Шалов выходил навстречу. В такие минуты была блаженная тишина, которой все ждали и о которой так мечтали измученные люди.

Им предлагали сдать, вернее, им гарантировали коридор, чтобы уйти к своим на сопку. Обещали, что никто их не тронет.

В очередной раз, вернувшись с переговоров, Шалов поднял Амелина и Артура Кузнецова, тоже московского бойца из речной милиции.

— Идите на лестницу, — устало распорядился Шалов. — Я им снова отказал. Если что, сразу открывайте огонь, они могут сейчас напасть.

Артур заметил огневую точку боевиков:

— Я сейчас выскочу, гранату метну и назад!

— Не надо, — попытался остановить его Амелин. — Они нас сразу накроют.

С лестницы был выход на выступ в стене, наподобие балкона. Вот на него хотел выбежать Артур.

До нападения, когда Амелин с Кузнецовым несли службу на мосту через Сунжу, Артур здорово научился стрелять из подствольника.

Сейчас он выскочил на балкончик, гранату метнул, даже не разглядел, попал или нет. «Духи» сразу обрушились шквальным огнем. Их ВОГ попал точно в бетонную балку над окном.

Амелин стоял с пулеметом слева от окна. Красно-желтое пламя ворвалось в окно. Кузнецов чуть-чуть не успел заскочить в помещение. В ногу ему вонзились осколки. Амелин отвел его к доктору.

Вечером Николай прилег отдохнуть. За стеной продолжалась стрельба. С крыши и из бойниц милиционеры отвечали огнем.

Продовольствия хватало. Расчетливый командир старался всегда иметь запасы продуктов и патронов.

Вот только никакие консервы в горло не лезли, хотелось лишь пить. Жажда преследовала все время. Уже третий день Амелин совсем ничего не пил.

Николай вдруг заметил, что бронежилет прорван в нескольких местах. Из-под ткани, которой были обшиты пластины, он вытащил какие-то мягкие проволоки. Где-то зацепился? Да вроде нигде не ползал. Николай извлек из бронежилета еще несколько осколков и понял, что это после взрыва, когда ранило Кузнецова.

О том, что их всех ждет, он старался не думать. Надо было жить каждой минутой, каждой секундой — выбора не существовало. Только копились усталость и безразличие.

Но никто из ребят не срывался. Все держали свои переживания в себе. Сражались, готовили себя внутренне ко всему, что-то новое появилось у всех в глазах. Усталость, решимость и печаль.

Николаю летом 1995 года исполнилось двадцать семь лет. Дома его ждали дочка и беременная жена. Николай предчувствовал, что будет сын. Он хотел мальчика. А как сын будет расти, если отец не вернется?

Николай гнал от себя эти мысли. Торопился на пост, набивал очередной магазин и подходил к амбразуре.

Днем почти все стояли на постах. Заканчивались патроны у одного, к амбразуре подходил другой. Без лишних слов. Перекурил, набил магазин и снова вперед.

Именно на третьи сутки стало окончательно ясно, что окружение — это не на один день. По автомобиль-

ному мосту по направлению к вокзалу шли бойцы в маскхалатах. Сначала милиционеры подумали, что это свои идут на помощь, но это были «духи»...

Помогала артиллерия и вертолеты. А войти в город и прорвать окружение было слишком сложно. Боевики взяли город в плотное кольцо.

Но все-таки две «коробочки» — бээмпэшки с собровцами — попытались прорваться на помощь, выручить ребят. Милиционеры следили за их отчаянным рывком. Обе БМП «духи» сожгли. Контуженных собровцев боевики пристрелили. Погибло двадцать человек.

Пока еще работала рация, милиционеры связывались с войсками, стоящими на сопках. Пацаны там голодали. Растапливали снег, чтобы напиться, а еды вовсе не осталось. «Вертушки» летали мимо них, перевозили «двухсотых» и «трехсотых», обстреливали позиции боевиков, но на сопки не залетали.

Ночью милиционеры пробрались к «таблетке» — машине «скорой помощи», которая стояла во дворе. Из бака скачали бензин, чтобы подзарядить рацию. Но бензина хватило ненадолго.

Полная радиоизоляция, девятнадцать раненых, пять из них «тяжелые», нет воды и электричества, пять ящиков с патронами калибра 5,45 и три ящика калибра 7,62 для пулемета и у каждого бойца свой боекомплект. Седьмые, восьмые, девятые сутки окружения на исходе...

Парламентарии боевиков все приходили, уговаривали. Но командир продолжал отказываться. Он не верил ни одному слову боевиков и знал про каждого своего бойца — все будут биться до конца, никто не сдастся.

«Духи» пристрелялись, и нападения становились все жестче. Но наконец войска с боями стали прорываться к комендатуре. Они освободили ее, однако дальше, к вокзалу, не пошли, хотя там их очень ждали.

На десятые сутки город опустел. Лежали трупы убитых боевиков, пахло гарью, чернел присыпанный пеплом снег около сгоревших зданий, скелеты домов возвышались, как в разбомбленном Сталинграде.

Вдруг с крыши, с наблюдательного пункта, осажденные увидели милицейский уазик. Кто в нем? С какой целью едут?

Из машины вышел офицер в камуфляже. Свой!

— Ну, как вы тут? Живы? Мы на сопке стоим. Сегодня вас отсюда будем выводить.

Шалов на этом узике поехал на сопку переговорить с генералом, который дал распоряжение о выводе сводного отряда.

Осажденные милиционеры вместе с артиллерией уничтожили около ста боевиков. Разведчики, которые первыми вошли в город, находили брошенные трупы боевиков. Среди них оказалось несколько арабов. По данным разведки, Гудермес в течение десяти суток удерживала банда Радуева, численностью в шестьсот боевиков. Триста из них окружили комендатуру, и триста — вокзал. Триста против ста милиционеров!

Радости освобождения не было. Было чудовищное безразличие и подавленность от безмерной усталости, истощения физических и моральных сил.

Милиционеры покидали опустошенный, словно смерч по нему пронесся, город.

Домой возвращались на поезде, в плацкартных вагонах. И было только одно желание — отдохнуть и спать. Даже удовлетворения от завершения этого долгого бесконечного боя не было, только усталость.

Жена, Елена, не знала об окружении. Она практически не смотрела телевизор.

Николай рассказал ей, не слишком вдаваясь в подробности. Но потом всех москвичей, которые были в Гудермесе в те декабрьские дни, собрали в банкетном зале вспомнить и помянуть погибших — Волкова, собровцев, которые рвались на помощь, и всех, кто погиб там.

Шалов выступал и о каждом говорил, для каждого нашел теплые, точные слова. Но все бойцы знали, что было бы, если бы не оказалось с ними грамотных командиров — Шалова, Песцова, командира ОМОНа из Нальчика — Али Манзоровича, который прошел Афганистан, майора Олега, фамилию которого Николай не запомнил, так же как и не запомнил фамилию своего тезки, командира мордовского СОБРа...

Имена и фамилии стираются из памяти, но лица и глаза никогда не забудутся, где бы ни встретил этих бойцов.

За эту тяжелую командировку Амелин получил орден Мужества. А через шесть месяцев у Николая родился сын — Артур.

• • •

На этом командировки для Амелина не закончились. Во вторую войну их было еще три.

В командировке, когда командиром сводного отряда ездил подполковник Виктор Павлович Нефедов, омовцы исколесили весь Грозненский район в поисках нефтяных мини-заводов. Уничтожили их несчетное количество, около шестидесяти-семидесяти штук. Небо чернело от этих взорванных «самоваров».

Многие бойцы отряда стремятся попасть в командировку вместе с Николаем Амелиным. Он не намного старше их, но иногда десять дней могут перевернуть все и прибавить лишних десять лет жизни и опыта. Те, кто хоть раз побывал в бою, отлично знают это.

Калейдоскоп командировок

Лейтенант милиции Николай Бравичев в ОМОН на водном и воздушном транспорте пришел в 1998 году.

Бравичев — пулеметчик и водитель-механик БТР.

За командировки в Чеченскую Республику награжден медалями «За отвагу» и «За отличие в охране общественного порядка».

События, даты, названия населенных пунктов начали уже путаться, стираться из памяти. Столько их было — встреч, деталей, мелочей. Из них складывались командировки...

Главное, что Николай приобрел за четыре командировки, кроме опыта, — это друзья. Бойцы отряда, проверенные и надежные, на которых можно во всем положиться. Они не подведут.

В командировке 2000 года, когда командиром сводного отряда поехал подполковник Виктор Павлович Нефедов, омоновцы много ездили по Чечне.

Вместе с комендатурой Толстой-Юрта выезжали в населенные пункты Грозненского района. Проверяли паспортный режим, досматривали дома в поисках схронов, искали и уничтожали мини-заводы, конфисковывали бензовозы. В обязанности ОМОНа входила и проверка железнодорожного полотна на участке Червленная-Узловая. Искали мины, ведь по железной дороге ездили мирные поезда — «подкидыши», ходившие по маршруту Моздок — Гудермес.

В одном населенном пункте за выезд уничтожили двадцать «самоваров» — небо стало черным от дыма горевших мини-заводов.

Удача сопровождала омоновцев по всем дорогам Чечни. Без нее, на одном лишь умении, на войне делать нечего. Недаром сам Наполеон сказал об одном из своих маршалов, который плохо воевал: «Да он к тому же и несчастлив».

Случалось ездить ночью. Несколько раз омоновцы отставали от колонны. Но какое-то чутье, седьмое чувство, и, несомненно, везение, их выручали. Ни одного подрыва.

Вместе с Нефедовым и бойцами — Кошкиным, Кошелевым и Печкиным — Николай ездил в Грозный выбирать место для будущего ПВД. ОМОН собирались передислоцировать в Грозный.

На милицейском бронепоезде «Кузьма Минин» прибыли в Ханкалу. Проезжали Аргун — один из самых опасных районов, где «зеленка» близко подступает к железной дороге. Здесь армейские и милицейский бронепоезда обстреливали особенно часто.

Прибыли на вокзал. Там стоял сводный отряд милиции из Минеральных Вод, и отсюда милиционеры собирались выйти в Грозный на поиски подходящего места для ПВД. Милиционеры из Минвод предложили Николаю оставить пулемет у них:

— Что ты с такой дурой будешь таскаться?

Николай согласился, но очень скоро пожалел... Ощущение не из приятных — без оружия, как без рук.

Разбитый город создавал ощущение, что ты находишься под постоянным прицелом. До этого в Грозный Николай ни разу не приезжал. Тут до последнего времени шли ожесточенные бои.

ОМОН в дни боев за Грозный стоял на Червленной-Узловой. В какой-то момент войска пошли вперед, и милиционеры остались на охране моста и вокзала в одиночестве. Выручали внутренние войска — каждую ночь на Червленную-Узловую приходил их бронепоезд и прикрывал со стороны села вагоны, в которых жили омовцы.

...А Грозный произвел на Николая мрачное впечатление. Ни одной живой души, только жуткие провалы окон и пробоины от бомбежек. Казалось, из каждой щели вот-вот вылетит пуля.

Нефедов заметил состояние Николая и отдал ему свой автомат. Это прибавило уверенности.

Сначала омовцы заглянули на рынок, но быстро оттуда ушли. Торопились. Нашлось подходящее здание — бывший кондитерский цех. Стали его осматривать. Закинули несколько раз внутрь «кошки», на случай минирования.

Николай, как пулеметчик, изучал возможные будущие огневые позиции, отыскал удобное помещение для боеприпасов.

Вдруг прямо через дорогу, в частном секторе, началась стрельба. Не в сторону омовцев. По-видимому, стрелявшие не знали об их присутствии в кондитерском цехе.

Омовцы воспользовались этим и быстро ушли из этого района — у них группа малочисленная, даже пулемета не было. Если можно избежать столкновения, то лучше это сделать, нежели нести бессмысленные потери.

А когда проходили железнодорожный мост, то навстречу вдруг проехала темно-малиновая «семерка», набитая серьезными бородатыми ребятами с автоматами. Из открытых окон машины вырывалась музыка, что-то вроде «техно», но на чеченский мотив.

Омовцы взяли на изготовление оружие. Но чеченцы миролюбиво сказали:

— Здорово, мужики! — и поехали дальше.

Взволнованные милиционеры сводного отряда встретили их вопросами. Оказалось, что омоновцам два раза удалось избежать серьезных столкновений.

Едва они ушли с рынка, как там началась перестрелка, и то же самое случилось, когда они вовремя ушли из кондитерского цеха — там поблизости разгорелся бой.

Удача? Да, но и опыт, и чутье командира — Нефедова.

От грустных развалин Грозного возвращались на Червленую-Узловую как домой. Там уже быт был более-менее налажен, там ждали друзья.

С местными в Червленной-Узловой удалось наладить нормальные соседские отношения. Даже была договоренность, что в случае вхождения в село боевиков местные своевременно дадут знать об этом милиционерам.

Однажды к омоновцам подошла чеченка и рассказала, что в доме, который стоит на отшибе, на окраине села, живет одинокая пожилая женщина. Каждый раз, когда приходит поезд-«подкидыш» и привозит хлеб, старушка покупает слишком много хлеба для одинокого человека.

Милиционеры выставили ночью «секрет». В темноте мимо них к дому скользнули шесть теней. Но приказа на уничтожение от командования не последовало, и этих шестерых пропустили в обратном направлении...

Много раз омоновцы ставили «растяжки» перед Терекком и на тропах, где не ходят местные. Но у «духов» было необыкновенное чутье на ловушки. Ночью они подходили к ним вплотную и, потоптавшись, уходили. Утром омоновцы находили следы от «натовских» ботинок.

А после «профилактического» обстрела «зеленки» неподалеку от поста омоновцев на мосту через Терек выскочил из леса человек.

— Не стреляйте! — кричит.

— Кто такой? — Омоновцы наставили на него стволы.

— Я гражданин Украины.

Проверили документы. Действительно, с Западной Украины. Вот только акцент у мужика чеченский, такой говорок приобретается, когда долго общаешься с чеченцами. Николаю приходилось встречать людей, которые долго прожили в Чечне и стали говорить с таким акцентом.

— Что здесь делаешь? — спросил Николай.

— Я собираю рецепты народной кухни.

— А мы думали, что ты по ягоды пошел, — усмехнулся Николай.

Украинца сдали в комендатуру.

Подозрительных людей бродило по округе достаточно. В одно из дежурств омоновцы задержали «шестерку». В ней оказались вооруженные до зубов люди в камуфляжах. Импортные «разгрузки», автоматы с подствольниками, в их арсенале нашелся даже НРС — стреляющий нож разведчика.

Когда Николай стал проверять их документы, он увидел, что и по документам они разведчики. Только у одного из них в удостоверении было написано «старший *разведчик*», а у другого «старший *разведчик*».

Приехал их старший, с ним еще люди.

— Давайте успокоимся, — призвал он омоновцев.

Этих «*разведчиков*» — двадцать вооруженных людей против нескольких омоновцев. Проверить их никак нельзя было. Пытались запросить данные у комендатуры, но те посоветовали не связываться.

Чтобы не потерять своих людей в неравной схватке, командир приказал: пропустить.

В партизанской войне, которая идет в Чечне, надо действовать осторожно и осмотрительно. Ни к чему лезть на рожон и геройствовать на пустом месте. Хороший командир всегда знает, что посмертные награды никого не осчастливят. Будут только слезы и горе матерей и жен.

Как-то омоновцы возвращались из комендатуры Толстой-Юрта. На мосту через Терек дорогу им перекрыл МАЗ. Он ехал перед ними, заглох, а из днища вытекло масло.

— Это надолго! — с досадой сказал Николай.

Вдруг подошли местные. Они ехали следом. Подо-

шли именно к омовцам, хотя не они одни стояли в пробке.

— Ребята, давайте мы вас через другой мост проведем. Там ваш КамАЗ пройдет. Деревянный мост здесь рядом. Поехали с нами!

Создавалось ощущение, что их заманивают. Стоять на солнце неизвестно сколько, ждать... Но омовцы ответили:

— Нет. Мы лучше подождем, пока МАЗ оттащат, а потом спокойно поедем. Мы не торопимся.

Разочарованные чеченцы отошли, а потом и вовсе уехали. Сорвалось?

Вообще, омовцы ездили с грамотными милиционерами и военными из комендатуры Толстой-Юрта. Всегда разными путями. В Грозный заезжали каждый раз новой дорогой. Плутали по полям, пустошам, хребтам и вдруг выныривали у окраины Грозного.

Николай запомнил, как в одну из таких поездок колонна оказалась перед домом, на стене которого красовался рисунок — пальмы, мечеть, арабские узоры и надпись: «Ушедшим в джихад». И красиво, и жутковато...

Сколько раз колонна избегала подрывов, но как-то на пути в Пригородное...

Справа — мусульманское кладбище, слева — горный хребет. Солнце высоко. От колес БТР во все стороны летит грязь. Колонна растянулась. В ней, кроме милиционеров, были внутренние войска и «Альфа».

Вдруг впереди, в голове колонны, раздались взрыв и выстрелы. Все в колонне спешили, оказались слева, под прикрытием колонны.

Омовцы находились в самом конце. Они не знали, что происходит впереди. Наконец колонна тронулась.

Николай увидел воронку на дороге от взрыва фугаса, а справа на проезжавших исподлобья смотрели чеченцы, которые на кладбище хоронили своего. Во время подрыва они даже не шелохнулись и не ушли от могилы. А в подорвавшемся БТР погибли ребята...

Пока возвращались на Червленную-Узловую, Нико-

лай вдруг вспомнил, как он впервые приехал в Чечню. Как смотрел во все глаза в окно вагона поезда, в котором омовцы продвигались на Червленную.

Сколько раз он видел кадры первой войны по телевизору, сколько читал об этом в газетах. Хотелось испытать себя. Но вот так, самому, посмотреть на эту воюющую землю удалось впервые. Мрачные развалины, воронки...

А потом он увидел «груз 200».

На «коварном мосту», как прозвали мост через Терек, «духи» из миномета накрыли палатку, в которой было двое десантников. Оба погибли...

Их завернутые тела издалека и видел Николай. За ними прилетела «вертушка». Эти свертки, в контурах которых угадывались еще недавно живые тела ребят, он запомнил навсегда...

Скоро он увидел ребят, которые вышли из Карамахи. Страшная усталость была на их лицах...

Когда началась зачистка Терского хребта, «духи» подбили БМП. Она горела. Омовцы видели это в бинокль. Милиционеры стояли вместе с железнодорожным ОМОном. Уйти с моста они не могли. Так и смотрели издалека, как сгорела машина. Потом узнали, что там погиб весь экипаж...

И была еще одна потеря... За несколько дней до своего отъезда домой к омовцам на заставу приехал командир взвода внутренних войск — Дима. Вместе с ним и его бойцами милиционеры охранял мост через Терек.

— Мне домой скоро, — сказал Дима, — приехал попрощаться.

Он погиб ночью, когда боевики снова обстреляли мост.

И вроде омовцы вместе с внутренними войсками не подпускали «духов» близко. С одной стороны от поста был лес, с другой — поле. А дальше — горный гребет. Но боевики пристрелялись, передвигались по хребту на машине и вели огонь из гранатомета или миномета. Достать их там не представлялось возможным. В один из таких обстрелов Дима и погиб...

В Старые Атаги заезжали дважды. Вместе с другими ОМОНами и «Альфой» из Новосибирска.

В первый день милиционеры не заходили, зачищали окраину Старых Атагов. Это был отвлекающий маневр, чтобы в центре спокойно работала «Альфа». На следующий день зашли в сам населенный пункт для проверки паспортного режима и досмотра домов.

Николай был в группе прикрытия, когда питерский ОМОН обнаружил госпиталь в подвале одного дома.

Чего там только не было! От запасов плазмы и перевязочных материалов до хирургических инструментов для операций на сердце. Там же, в этом импровизированном госпитале, омовцы нашли двести комплектов новой камуфлированной формы.

Но вдруг колонну милиционеров блокировали вооруженные люди. Вышли старейшины и начали оживленно разговаривать с комендантом.

Они утверждали, что эти инструменты и медикаменты из грозненской больницы передали в Старые Атаги на хранение. Никаких документов, подтверждающих это, у старейшин не оказалось. Самым весомым аргументом были их вооруженные люди. Хотя по всем правилам в селении должно было быть только несколько человек-ополченцев, имеющих право носить оружие.

Милиционеры все-таки изъяли некоторые инструменты. Отвезли в комендатуру, в Толстой-Юрт, оформили их как вещественные доказательства.

Однажды вместе с Сергеем Колосовым, командиром взвода, Николай полетел на вертолете встречать «гуманитарку». Летчику надо было залететь в Ножай-Юртовский район.

ОМОН на воздушном и водном транспорте к тому времени уже передислоцировался в Грозный, в аэропорт «Северный». В 2000 году ОМОН так и остался в Червленной-Узловой. Еще были планы перебазироваться в Алды, пригород Грозного, но это решение ру-

ководство тоже отменило. И только в 2001 году милиционеры оказались в Грозном.

Именно из Грозного вылетели Колосов и Бравичев. Они залетели в горный район Чечни. Внизу густые леса. И ощущение, словно летишь над зловещей бездной. Вертолет с земли — хорошая мишень. Но все обошлось и в этот раз...

• • •

Трижды Николай встречал свой день рождения в Чечне. Окрещенный на войне позывным «Бивис» (за любовь к мультикам с одноименным героем), он отметил там свои двадцать три, двадцать четыре и двадцать пять лет.

Это самые необычные и самые памятные дни рождения. Со множеством гостей и подарков, таких, каких не получал Николай за всю свою жизнь. Они не были шикарными или дорогими, но они могли спасти жизнь на войне — гранаты и патроны.

А в одну из командировок Николай уехал, когда жена была на шестом месяце беременности. Он вернулся как раз к рождению своего второго сына — Жени. Мише, старшему, уже исполнилось тогда два с половиной года.

Путались в памяти даты, события — так их было много. Копилась усталость от переживаний за родных, которые ждали его дома. Но это его жизнь, его работа и судьба. Надежных друзей у Николая много. Лишь бы сопутствовала всегда удача.

Хорошая примета

Старший лейтенант милиции Анатолий Лукин в ОМОНе на воздушном и водном транспорте с 1993 года. Дважды ездил в командировки в первую чеченскую войну и дважды — во вторую. Награжден медалью «За отвагу».

Через всю Ингушетию на «Урале», без сопровождения, на блокпост под Самашки. А до самого Грозного

всего пятьдесят километров, и еще только начало войны — конец 1994 года.

...О том, что придется ехать в командировку, Лукин узнал, когда приехал в отряд на суточное дежурство.

Речь и не заходила о Чечне. Там шли бои, работали войска — авиация, десантники, пехота. Что на войне делать милиции? Предполагалось, что омоновцы будут следить за порядком в прилегающих районах.

Прилетели в Ростов-на-Дону. А уже оттуда выехали на поезде в Беслан. Владикавказ стал основной базой омоновцев на сорок пять суток командировки. Именно с этой базы каждую вторую неделю выезжали на блокпост под Самашки на смену другим омоновцам из Ярославля. Так и менялись — неделю москвичи, неделю ярославцы или еще какой-нибудь ОМОН.

На блокпосту ОМОН усиливали десантники с приданной бронетехникой — двумя бээмпэшками и БТР.

Под боком — Самашки, удерживаемые боевиками. Мимо поста идут колонны на Грозный — вот тебе и нет войны!

Оказались на воюющей территории. Самая первая боевая командировка ОМОНа. А сколько их еще будет впереди! Тогда об этом, конечно, никто не знал...

Командиром группы омоновцев был майор Клепиков — заместитель командира отряда.

. . .

Ночной туман, когда не видно собственной руки, густел с каждым часом. Холод пробирал до костей. А еще днем светило солнце...

«Наши сейчас у печки греются, — поежился Лукин. — Но придется померзнуть — “духи” совсем обнаглели».

Утром в сторону Грозного ехал БТР. Он подорвался прямо на глазах омоновцев. Боевики, прокравшись ночью, в тумане, заминировали этот участок дороги.

К счастью, никто не сидел на броне. Бойцов внутри БТР контузило, а одному из них сломало лодыжку. Его автомат согнуло от сильного удара.

После этого подрыва было принято решение устраивать ночные засады. Не давать «духам» подкрасться в тумане и минировать дорогу.

Небольшое деревянное сооружение — маленькая будочка два с половиной на семь метров, в которой жили омовцы, — находилось в семистах метрах от дороги. На сопке, прилепившись одной стеной к горе, с двух других прикрытая БТР и БМП будочка располагалась удачно. Рядом высились армейские палатки.

Но на самой дороге для постовых никакого укрытия, кроме окопчика на обочине, не было. За спиной — сопки, а впереди — поле. Через поле — Самашки, а еще дальше — лесополоса и разбитое железнодорожное полотно. Между омовским постом и Самашками возвышался брошенный химический завод.

Когда милиционеры стояли на посту, то были открыты всем ветрам и снайперам.

Несколько ночей выходы в «секрет» ничего не давали. Расстился по округе ватный туман. Мороз, и никакого просвета в серо-белой мгле. Туман обманчивый, он начинает усыплять, будто находишься в мирном, уютном пространстве, а на самом деле в любой момент прямо перед тобой может оказаться «дух», весьма реальный и вооруженный...

В одну из ночей семеро омовцев снова сели в засаду...

С утра они, как обычно, ходили на химический завод, осматривали его. Там за ночь появились новые окопы, выведенные в сторону омовского поста.

Прежде чем выдвигаться на завод, милиционеры изучали местность в бинокль, а затем перебежками по знакомой тропе выходили туда. Была опасность, что боевики за ночь займут это здание и уже оттуда начнут атаку на пост. «Духи» даже не пытались минировать завод, у них на него явно были свои планы...

А ночь выдалась ясная, кажется, единственная за все время. Кроме Лукина в засаде было еще семеро бойцов. Они притаились у дороги, в окопе.

В бинокль ночного видения омовцы увидели крадущихся по полю людей. Боевики шли со стороны Самашек. Их было человек пятнадцать.

По радиации милиционеры сообщили об этом своим и стали выжидать. Лукин держал наготове пулемет.

Боевики до дороги не дошли. Что-то их насторожило, и они неожиданно открыли огонь. Омовцы ответили и сразу запросили подмогу.

— Дайте целеуказания трассерами, — попросили десантники по радиации.

И, увидев направление, они поддержали омовцев огнем из ПКТ.

«Духи» ушли. Утащили раненых, а может, и убитых. У омовцев потерь не было. Они вернулись на базу, в свою будочку, где теснились двадцать человек. Перекусили привычными надоевшими консервами и легли спать.

Утром снова надо было обследовать завод и запастись дровами...

Если не стояли на посту, то от работы по хозяйству никто не освобождался.

За неделю дежурства под Самашками бойцы изматывались и худели. Возвращались в Беслан с удовольствием. Там хоть и постреливали в городе по ночам, но все-таки не было войны. Передохнув неделю, милиционеры снова отправлялись под эти злополучные Самашки.

Сорок пять суток командировки прошли, а Самашки зачистили от боевиков только после отъезда омовцев домой. Все это время боевики донимали блокпост обстрелами и ночными вылазками в тумане.

. . .

Второй раз Новый год Анатолий встречал в Чечне.

«Как встретишь Новый год, так его и проведешь». Эта примета в Чечне несколько видоизменилась: «Где встретишь Новый год, там его и проведешь».

1996 год омовцы встречали в Чечне. В Гудермесе.

После недавнего окружения Гудермеса здание, в ко-

тором держал оборону сводный отряд, еще целый месяц дымило, напоминая о десятидневной блокаде. Когда находились в нем, дышать было нечем.

К вокзалу подогнали новые вагоны, вместо сожженных во время боев. Обложили их бетонными плитами, поставили пожарную бочку рядом. К сожалению, опыт на войне приобретаетя трудно и оплачивается кровью и потерями.

Подходы к месту дислокации отряда как следует заминировали. За несколько ночей случилось четыре подрыва боевиков на «растяжках».

Утром милиционеры выходили на место восстановить «растяжку». Как правило, никаких следов не находили. Иногда замечали кровь на земле.

Животное подорваться не могло. «Растяжку» устанавливали на уровне груди или пояса взрослого человека. Да и раненое животное вряд ли могло самостоятельно уйти. А «духи» своих всегда утаскивали, заматывая следы.

В одну из ночей многим не спалось. Кто-то читал, кто-то играл в карты, чтобы хоть как-то скоротать бессонную ночь в тесном вагоне.

Сначала раздались характерный свист и шипение. ВОГ из подствольника угодил точным попаданием на крышу вагона. Взрывом на мгновение всех оглушило. Вагон покачался из стороны в сторону, как от ураганного ветра, и замер.

Омоновцы схватили оружие и бронежилеты и разбежались по своим постам.

Осколками от ВОГа посекло двух омоновцев, которые были на посту, — милиционеров из Самары и Кузбасса. Одному угодило в колено, а другому — в локоть.

Обстрел продолжался еще с полчаса. Милиционеры плотным ответным огнем погасили точки «духов».

Утром от местных омоновцы узнали, что у группы боевиков, которая напала ночью, двое убитых и несколько раненых.

Неоднократно омовцы при поддержке армейской бригады зачищали Гудермес. Но никого подозрительного задержать не удалось.

Чтобы избежать внезапных нападений и блокирования боевиками базы, они делали выносные посты-засады на ночь. Выдвигались на окраину Гудермеса, прятались каждый раз в разных, присмотренных заранее тайниках.

Ходили в засаду по трое. И жутковато было сидеть на отшибе, достаточно далеко от своих, вглядываясь в темноту. Помогал вести наблюдение сильный прожектор, светящий с базы. Он светил омовцам в спину и слепил возможных противников.

Нападения боевиков удавалось избежать. Если «духи» и устраивали обстрелы, то только издалека, поэтому потерь среди милиционеров не было.

• • •

И третий год войны Лукин встретил в Чечне. Это была уже вторая кампания, и опять — Червленая-Узловая. И задачи были такие же — охранять мост через Терек и место дислокации.

В Червленую-Узловую приехал сводный отряд милиции, а из ОМОНа на воздушном и водном транспорте — пятнадцать человек.

В эту командировку Лукин поехал уже заместителем командира взвода.

Так же ставили «растяжки» в лесу, так же боевики на них подрывались, а утром омовцы, как и в Гудермесе, не находили никаких следов.

Родные терпимо относились к командировкам, хотя уже шел пятый год войны. Между двумя кампаниями был только небольшой перерыв.

Лукин, как и другие омовцы, добросовестно выполнял свою работу, нес службу, ездил в командировки. Поехал и в 2001 году в Грозный, где ОМОН базировался в аэропорту «Северный».

Командировки по три месяца выматывали и бойцов, и их близких. Сорок пять суток, как в первую войну, — это был оптимальный срок.

Конечно, накапливалась усталость, но радовало, что возвращались без потерь и четко выполняли поставленные перед отрядом задачи.

Наконец наступил Новый год, который Анатолию удалось нормально встретить дома с женой, дочерью и маленьким сыном. Хорошо бы все-таки исполнилась примета: «Как встретишь Новый год, так его и проведешь». Без войны.

Используемые аббревиатуры и условные обозначения

- АГС — автоматический гранатомет станковый
АК — автомат Калашникова
АКМ — автомат Калашникова модернизированный
АКС — автомат Калашникова складной
АКСУ — автомат Калашникова складной укороченный
АПС — автоматический пистолет Стечкина
БМП — боевая машина пехоты
БТР — бронетранспортер
ВОГ — выстрел осколочной гранаты
ГИМС — Государственная инспекция по маломерным судам
ГПЗ — головная походная застава
ГСН — группа специального назначения
ГУБОП — Главное управление по борьбе с организованной преступностью
ГУКВВ — Главное управление командующего внутренними войсками
«Двухсотые», «груз-200» — погибшие
ДШГ — десантно-штурмовая группа
ДШК — пулемет Дегтярева—Шпагина крупнокалиберный
ЗУ («зушка») — зенитная установка
ИМР — инженерная машина разграждения
КМБ — курс молодого бойца
КПВТ — крупнокалиберный пулемет (танковый)
ОЗМ — осколочно-заградительная мина («озэмка»)
ОМОН — отряд милиции особого назначения
ОМСН — отряд милиции специального назначения
ОРБ — оперативно-розыскное бюро
ОСН — отряд специального назначения
ПВД — пункт временной дислокации
ПКТ — пулемет Калашникова (танковый)
ППД — пункт постоянной дислокации
ПТУР — противотанковая управляемая ракета
РПГ — ручной противотанковый гранатомет
РПК — ручной пулемет Калашникова
РПО («Шмель») — реактивный пехотный огнемет
РУБОП (РУОП) — Региональное управление по борьбе с организованной преступностью
СВД («эсвэдэшка») — снайперская винтовка Драгунова
СКМ — служба криминальной милиции
СОБР — специальный отдел (отряд) быстрого реагирования
СОМ — сводный отряд милиции
«Трехсотые», «груз-300» — раненые
УБСН — учебный батальон специального назначения
УРСН — учебная рота специального назначения
«Эфка» — граната Ф-1

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Колесников. Попробуй спецназ на вкус...... 6

ЧАСТЬ I

БУДНИ СПЕЦНАЗА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ИСТОРИЯ СПЕЦНАЗА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК.....	13
Первая.....	28
На каждого волка — свой волкодав.....	34
Второе дыхание.....	42
КАК СТАТЬ СПЕЦНАЗОВЦЕМ.....	53
Не фанатизм, а состояние души.....	61
Место назначения — спецназ.....	74
Спецназовский экстрим.....	87
СПЕЦНАЗОВЦАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ.....	110
Тайные тропы.....	115
Просто ты умела ждать.....	128
Не спешите нас хоронить.....	134
СВЯТЫНЯ ЦВЕТА КРОВИ.....	144
Положение о квалификационных испытаниях.....	155
Символика и награды.....	160
Мы непобедимы в своем единстве.....	166
Печальный груз памяти.....	174
Неоконченный дневник.....	185
ИХ ДОМ И КРЕПОСТЬ.....	194
Из дневника спецназовца.....	200
Мед с привкусом войны.....	208
Плечом к плечу.....	215
Эх, дороги, пыль да фугасы.....	224

ЧАСТЬ II

МИЛИЦЕЙСКИЙ СПЕЦНАЗ: ЖИЗНЬ И СЛУЖБА

ВЕХИ БОЕВОГО ПУТИ.....	235
Второе рождение.....	245
Один шаг.....	265
Три ордена Мужества.....	276
По чистой воде.....	291
Эшелон тянулся на юг.....	301
КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ!.....	307
Картины майора Корнева.....	323
Военные пути снайпера.....	332
Поезд едет в лето.....	349
Профессия — кинолог.....	363
Дома ждут.....	371
Встречи и проводы.....	379

ИСЦЕЛЕНИЕ ДУШИ	386
Алые лепестки шиповника	393
Когда вернусь.....	407
Научиться дышать.....	416
«КРЫЛЬЯ» ОМОНА	424
Две войны лейтенанта Мурашова	429
Белый халат и камуфляж	437
С ним и в разведку.....	444
Калейдоскоп командировок	453
Хорошая примета	461
Используемые аббревиатуры и условные обозначения	468

Дегтярева И. В.

Повседневная жизнь российского спецназа. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 470[10] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02827-9

Пока они есть, будет жить Россия. Они не любят произносить громких слов, но следуют жизненному принципу: «Если не мы, то кто!» Кто тогда защитит Родину? Повседневная жизнь для них — это война, война против террористов и озверевших преступников. Мир — только в период редких передышек. Автор книги, Ирина Дегтярева, знает спецназ не понаслышке, постоянно печатается в спецназовском журнале «Братишка» и других популярных изданиях. Ее книга рассчитана на широкий круг читателей.

**УДК 355.1(470+571)
ББК 68.49(2Рос)****Дегтярева Ирина Владимировна****ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА****Главный редактор А. В. Петров****Редактор А. П. Житнухин****Художественный редактор Е. В. Кошелева****Технические редакторы В. В. Пылкова, Н. А. Тихонова****Корректоры Т. И. Маляренко, Л. М. Марченко, Г. В. Плятова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 04.05.2005. Подписано в печать 01.07.2005. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл.-печ. л. 25,2+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 53915.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сущевская ул., 21.

ISBN 5-235-02827-9

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОВОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> © book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЬКО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

П Бриоле

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН
В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В Антипина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
1930–1950 ГГ

Н Старосельская

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО КИТАЯ

Е Лаврентьева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

ISBN 5-235-02827-9

9 785235 028272 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ